

ООО Издательский дом «ХОРС»

**ОБЩЕСТВО:
философия, история, культура**

Научный журнал

www.dom-hors.ru

№ 6 (86)

2021

Publishing House HORS LLC

**SOCIETY:
Philosophy, History, Culture**

Scientific Journal

www.dom-hors.ru

No. 6 (86)

2021

ОБЩЕСТВО: ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА

2021, № 6 (86)
Основан в 2011 г.

Научный журнал «Общество: философия, история, культура» включен в Перечень рецензируемых научных изданий от 01.12.2015 г., в соответствии с распоряжением Минобрнауки России от 28.12.2018 г. № 90-р входит в Перечень рецензируемых изданий по следующим научным специальностям: по философским (09.00.01, 09.00.03, 09.00.04, 09.00.05, 09.00.07, 09.00.08, 09.00.11, 09.00.13, 09.00.14), историческим наукам (07.00.02, 07.00.03, 07.00.09, 07.00.10, 07.00.15), культурологии (24.00.01 (филос.), 24.00.01 (культ.), 24.00.03 (культ.)).

Журнал «Общество: философия, история, культура» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 15.03.2011 г. Номер свидетельства ПИ № ФС77-44190.

Журнал «Общество: философия, история, культура» зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования. Лицензионный договор с ООО «НЭБ» № 62-03/2011R от 23.03.2011 г. на включение информации об опубликованных статьях в систему Российского индекса научного цитирования.

Журнал входит в следующие международные базы данных: UlrichsWeb, EBSCO, Crossref.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Шалин Виктор Викторович, доктор философских наук, кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и культурологии Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина, член-корреспондент Российской академии гуманитарных наук,

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

– по философским наукам:

Ашхамахова Асиет Аскеровна, доктор философских наук, доцент, преподаватель подготовительного отделения для иностранных граждан Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина,
Бараш Любовь Александровна, кандидат философских наук, преподаватель Сочинского института (филиала) Российского университета дружбы народов,

Бетильмерзаева Марет Мусламовна, доктор философских наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой философии, политологии и социологии Чеченского государственного педагогического университета, профессор кафедры философии Чеченского государственного университета,

Гараева Галина Фаизовна, доктор философских наук, профессор, заместитель директора по научной работе Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия,

Голенкова Зинаида Тихоновна, заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, почетный доктор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук,

Горохов Павел Александрович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Оренбургского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,

Гурьянов Алексей Сергеевич, доктор философских наук, доцент, доцент кафедры философии и медиакоммуникаций Казанского государственного энергетического университета,

Думинская Марина Викторовна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социально-экономического образования и философии Сургутского государственного педагогического университета,

Иванов Андрей Анатольевич, доктор философских наук, кандидат культурологии, профессор кафедры философии и истории Сибирского университета потребительской кооперации,

Кириллов Герман Михайлович, доктор философских наук, доцент, доцент кафедры «Философия и социальные коммуникации» Пензенского государственного университета,

Котлярова Виктория Валентиновна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) Донского государственного технического университета в г. Шахты Ростовской области,

Макулин Артем Владимирович, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных наук Северного государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации,

Малкина Светлана Михайловна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теоретической и социальной философии Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского,

Манжуева Оксана Михайловна, доктор философских наук, доцент, преподаватель специальных дисциплин Бурятского республиканского многопрофильного техникума инновационных технологий,

Морозов Илья Леонидович, доктор политических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры государственного управления и менеджмента Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,

Мусийчук Мария Владимировна, доктор философских наук, кандидат педагогических наук, доцент по кафедре общей психологии, профессор кафедры психологии Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова,

Огородников Александр Юрьевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
Попов Виталий Владимирович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и философии права Таганрогского института им. А.П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
Пронькина Анна Владимировна, доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, профессор кафедры философии и истории Академии ФСИН России,
Рязанова Светлана Владимировна, доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН,
Сергодеева Елена Александровна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Северо-Кавказского федерального университета,
Соловьева Людмила Николаевна, кандидат философских наук, доцент, преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин филиала Военной академии Ракетных войск стратегического назначения им. Петра Великого в г. Серпухове,
Хоружая Светлана Владимировна, доктор философских наук, кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры истории и политологии, начальник учебно-методического управления Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина,
Черникова Валентина Евгеньевна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Северо-Кавказского федерального университета,
Шахматова Елена Васильевна, доктор философских наук, кандидат искусствоведения, доцент, начальник научного отдела Российского института театрального искусства – ГИТИС,

– по историческим наукам:

Амосова Алиса Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета,
Анисимов Александр Леонидович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации,
Гришаева Лидия Евгеньевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России XX–XXI вв. Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Воронежского государственного университета,
Коршунова Надежда Владимировна, доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета,
Кцова Султана Гильмидиновна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиала Федерального научного центра Владикавказский научный центр Российской академии наук, профессор кафедры всеобщей истории Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова,
Мастеница Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой музеологии и культурного наследия Санкт-Петербургского государственного института культуры,
Молзинский Владимир Владимирович, доктор исторических наук, кандидат искусствоведения, декан факультета музыкального искусства эстрады Санкт-Петербургского государственного института культуры,
Насонов Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры музейного дела Кемеровского государственного института культуры,
Петрунина Жанна Валерьевна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «История и культурология» Комсомольского-на-Амуре государственного университета,
Романов Валерий Васильевич, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета,
Салчинкина Ангелина Ростиславовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина,
Сивцева Саассылана Иннокентьевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, обществознания и политологии Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова,
Синдеев Алексей Александрович, доктор исторических наук, профессор Российской академии наук, главный научный сотрудник Института Европы Российской академии наук,
Скипина Ирина Васильевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры документоведения и документационного обеспечения управления Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета,
Сулейманова Рима Нугамановна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, профессор, заведующий отделом новейшей истории Башкортостана Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской Академии наук,
Сушкова Юлия Николаевна, доктор исторических наук, доцент, декан юридического факультета Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева,
Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации,
Федирко Оксана Петровна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук,

Фоменко Владимир Александрович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора древней истории и археологии Института гуманитарных исследований – филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук,
Шаповалов Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России Кубанского государственного университета,
Шарифов Рахмонали Ятимович, доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета Таджикского национального университета,
Юсупова Татьяна Ивановна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук,

– по культурологии:

Абдулаева Медина Шамильевна, доктор культурологии, кандидат исторических наук, доцент по кафедре теории и истории музыки, директор Института культуры и искусства Дагестанского государственного педагогического университета,
Амосова Алиса Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета,
Бетильмерзаева Марет Мусламовна, доктор философских наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой философии, политологии и социологии Чеченского государственного педагогического университета, профессор кафедры философии Чеченского государственного университета,
Горобец Светлана Владимировна, доктор культурологии, кандидат педагогических наук, профессор кафедры фортепиано Санкт-Петербургского государственного института культуры,
Каткова Кристина Федоровна, кандидат культурологии, доцент кафедры музеологии и культурного наследия Санкт-Петербургского государственного института культуры, старший научный сотрудник Музейно-выставочного центра, г. Санкт-Петербург,
Мастеница Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой музеологии и культурного наследия Санкт-Петербургского государственного института культуры,
Пронькина Анна Владимировна, доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, профессор кафедры философии и истории Академии ФСИН России,
Сапанжа Ольга Сергеевна, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры искусствоведения и педагогики искусства, и. о. директора Института художественного образования Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена,
Терещенко Елена Юрьевна, доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой искусств и дизайна Мурманского арктического государственного университета,
Тищенко Наталья Викторовна, доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой философии Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю.А.,
Хоружая Светлана Владимировна, доктор философских наук, кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры истории и политологии, начальник учебно-методического управления Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина,

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Абрамян Ваграм Геворгович, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, профессор кафедры управления, бизнеса и туризма Российско-Армянского (Славянского) университета, профессор кафедры управления и бизнеса Ереванского государственного университета (Республика Армения),
Буквич Райко, доктор экономических наук, руководитель отделения региональной географии Географического института «Йован Цвийич» Сербской академии наук и искусств (Республика Сербия),
Гамбарян Артур Сиреканович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права и конституционного права Российско-Армянского (Славянского) университета, заслуженный юрист Республики Армения,
Гао Тяньмин, кандидат экономических наук, доцент, директор Центра исследования России, директор Центра синей экономики Арктики Института экономики и управления Харбинского инженерного университета (КНР),
Донай Лукаш, доктор политических наук, профессор Познаньского государственного университета им. Адама Мицкевича, факультет политических наук и журналистики, кафедра международных отношений (Республика Польша),
Ерохин Василий Леонидович, кандидат экономических наук, доцент Института экономики и менеджмента Харбинского инженерного университета (КНР),
Каниевска-Себа Александра, D.Phil. in Management and Quality Studies, доцент Познаньского государственного университета им. Адама Мицкевича (Республика Польша),
Карапетян Владимир Севанович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой дошкольной педагогики и методик Армянского государственного педагогического университета имени Хачатура Абовяна, действительный член Международной академии психологических наук (Россия), (Республика Армения),
Кюскиева-Арабска Екатерина Димитрова, кандидат социологических наук, PhD in Administration and Management, доцент, вице-декан факультета экономики и менеджмента, руководитель отдела национальных и международных проектов и секретарь научного совета Высшего училища агробизнеса и регионального развития, президент Академии инноваций и устойчивости, Пловдив (Республика Болгария),

Няголова Марияна Димитрова, кандидат психологических наук, доцент истории психологии, преподаватель кафедры психологии Велико-Тырновского университета им. святых Кирилла и Мефодия (Республика Болгария),
Пиризода Джалил Сафар, доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики сельского хозяйства Академии сельскохозяйственных наук Республики Таджикистан (Республика Таджикистан),
Погосян Геворк Арамович, академик Национальной академии наук Республики Армения, доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, научный руководитель Института философии, социологии и права Национальной академии наук Республики Армения (Республика Армения),
Сандоян Эдвард Мартинович, доктор экономических наук РФ и РА, профессор, директор Института экономики и бизнеса Российско-Армянского (Славянского) университета (Республика Армения),
Тодев Илия Тосков, доктор исторических наук, профессор Института исторических исследований Болгарской академии наук (Республика Болгария),
Ханов Талгат Ахматиевич, доктор юридических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института экономических и правовых исследований Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза (Республика Казахстан),
Хопёрская Лариса Львовна, доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор, профессор кафедры международных отношений Киргизско-Российского Славянского университета (Киргизская Республика),
Христова Гая Михайлова, доктор педагогических наук, профессор, ректор Бургасского свободного университета (Республика Болгария),
Цвиркун Виктор Иванович, доктор исторических наук, доктор педагогических наук, профессор, Doctor Honoris Causa, чрезвычайный и полномочный посол Республики Молдова в государстве Катар (Республика Молдова),
Шебеко Валентина Николаевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры методик дошкольного образования Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка (Республика Беларусь).

РЕДАКЦИЯ:

ДИРЕКТОР ООО ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ХОРС»:

Харсеева Виктория Леонидовна, кандидат социологических наук

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА:

Дюжева Мария Павловна

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Угулава Кристина Геннадьевна

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ РЕДАКЦИИ:

Гаспарян Кристина Андреевна

РЕДАКТОРЫ:

Арсентьева Ирина Ильинична
Невзорова Наталья Викторовна
Сергейчик Людмила Ивановна
Ситникова Ольга Валериевна
Тюлюкова Мария Олеговна
Шушанян Наринэ Суреновна

ПЕРЕВОДЧИКИ:

Аракелян Нина Сергеевна
Арсентьева Ирина Ильинична
Невзорова Наталья Викторовна
Сергейчик Людмила Ивановна
Ханмамедова Виктория Рамизовна

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ООО Издательский дом «ХОРС»

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ:

350015, г. Краснодар, ул. Янковского, д. 156
тел. +7 988 234-44-80
Электронный адрес: mail@dom-hors.ru

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

350015, г. Краснодар, ул. Янковского, д. 156
тел. +7 988 234-44-80
Электронный адрес: mail@dom-hors.ru

SOCIETY: PHILOSOPHY, HISTORY, CULTURE

**2021, No. 6 (86)
Founded in 2011**

Society: Philosophy, History, Culture is included in the List of Peer-Reviewed Scientific Publications as of December 01, 2015. According to the Decree of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation No. 90-p as of December 28, 2018, the scientific journal is peer-reviewed in the following science-related fields: philosophical, cultural, historical sciences.

The journal "Society: Philosophy, History, Culture" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on March 15, 2011. It has Registration Certificate ПИ № ФС 77-44190.

The journal "Society: Philosophy, History, Culture" is registered in Russian Science Citation Index. It has Licensed Agreement with NEB LLC No. 62-03/2011R of March 23, 2011 on the Inclusion of the Information about Published Articles in the System of the Russian Science Citation Index.

The journal is included in the following international databases: UlrichsWeb, EBSCO, Crossref.

CHIEF EDITOR:

Shalin Viktorovich, D.Phil., PhD in Education Science, Professor, Head of the Social and Cultural Sciences Department, Kuban State Agrarian University, Corresponding Member of the Russian Academy of Humanities,

EDITORIAL BOARD:

– philosophical sciences:

- Ashkhamakhova Asiet Askerovna, D.Phil., Associate Professor, Lecturer of Preparatory Department for Foreign Citizens, Kuban State Agrarian University,
Barash Lyubov Aleksandrovna, PhD, Lecturer, Sochi branch of Peoples' Friendship University of Russia,
Betilmerzaeva Maret Muslamovna, D.Phil., Associate Professor, Interim Head of the Department of Philosophy, Political and Social Sciences, Chechen State Pedagogical University, Professor, Philosophy Department, Chechen State University,
Garaeva Galina Faizovna, D.Phil., Professor, Deputy Director for Science, North Caucasus branch of Russian State University of Justice,
Golenkova Zinaida Tikhonovna, Honored Scientist of the Russian Federation, D.Phil., Professor, Honored Dr., Head of the Centre for the Studies of Social Structure and Stratification, The Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Gorokhov Pavel Aleksandrovich, D.Phil., Professor, Department of Humanities, Social and Economic Sciences, Orenburg branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Guryanov Alexey Sergeevich, D.Phil. in Philosophy, Associate Professor, Philosophy and Media Communications Department, Kazan State Energy University,
Duminskaya Marina Viktorovna, D.Phil., Professor, Department of Social and Economic Education and Philosophy, Surgut State Teacher's Training University,
Ivanov Andrey Anatolyevich, D.Phil., PhD in Cultural Studies, Professor, Philosophy and History Department, Siberian University of Consumer Cooperation,
Kirillov German Mikhaylovich, D.Phil., Associate Professor, Philosophy and Social Communication Department, Penza State University,
Kotlyarova Viktoriya Valentinovna, D.Phil., Professor, Department of Social Sciences and Humanities, Institute of Service and Business, branch of Don State Technical University in Shakhty, Rostov Region,
Makulin Artyom Vladimirovich, D.Phil., Associate Professor, Head of the Humanities Department, Northern State Medical University,
Malkina Svetlana Mikhaylovna, D.Phil., Professor, Theoretical and Social Philosophy Department, Saratov State University,
Manzhueva Oksana Mikhaylovna, D.Phil., Associate Professor, Special Subjects Teacher, Innovation Technologies Multidisciplinary College of the Republic of Buryatia,
Musiychuk Maria Vladimirovna, D.Phil., PhD in Education Science, Associate Professor, General Psychology Department, Professor, Psychology Department, Institute for the Humanities, Magnitogorsk State Technical University,
Morozov Ilya Leonidovich, D.Phil. in Political Science, PhD, Associate Professor, Professor, Public Administration and Management Department, Volgograd Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration (RANEPA),
Ogorodnikov Aleksandr Yurievich, D.Phil., Professor, Philosophy and Sociology Department, Kutafin Moscow State Law University,
Popov Vitaliy Vladimirovich, D.Phil., Professor, Theory and Philosophy of Law Department, Chekhov Institute of Taganrog (branch) of Rostov State University of Economics,
Pronkina Anna Vladimirovna, D.Phil., PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Professor, Cultural Studies Department, Ryazan State University, Professor, Department of Philosophy and History, Academy of the Federal Penal Correction Service of Russia,
Ryazanova Svetlana Vladimirovna, D.Phil., Associate Professor, Leading Research Fellow, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,

Sergodeeva Elena Aleksandrovna, D.Phil., Professor, Philosophy Department, North Caucasus Federal University,
Solovyeva Lyudmila Nikolayevna, PhD in Philosophy, Associate Professor, Lecturer of the Department of Social
Sciences and Humanities of the Branch of the Peter the Great Military Academy of the Russian Strategic
Missile Forces in the city of Serpukhov,

Khoruzhaya Svetlana Vladimirovna, D.Phil., PhD in Social Science, Professor, History and Political Science De-
partment, Head of the Educational Department, Kuban State Agrarian University,

Chernikova Valentina Evgenyevna, D.Phil., Professor, Philosophy Department, North Caucasus Federal University,
Shakhmatova Elena Vasilyevna, D.Phil., PhD in Art History, Associate Professor, Head of the Research Depart-
ment, Russian Institute of Theater Arts,

– historical sciences:

Amosova Alisa Anatolevna, PhD in History, Associate Professor, Department of Museology, Institute of History, St.
Petersburg State University,

Anisimov Aleksandr Leonidovich, D.Phil. in History, Professor, Department of Humanities, Social and Economic
Sciences, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,

Grishaeva Lidia Evgenyevna, D.Phil. in History, Professor, Department for Russian History of the XX–XXI Centu-
ries, Lomonosov Moscow State University,

Kirchanov Maksim Valeryevich, D.Phil. in History, Associate Professor, Regional Studies and Foreign Countries’
Economy Department, Voronezh State University,

Korshunova Nadezhda Vladimirovna, D.Phil. in History, Associate Professor, Dean of the School of History, South-
ern Ural State University of Humanities and Education Science,

Ktsoeva Sultana Gilmidinovna, D.Phil. in History, Senior Research Fellow, Ethnology Department, North Ossetian
Institute for Humanities and Social Studies – branch of Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy
of Sciences, Professor, World History Department, North Ossetian State University,

Mastenitsa Elena Nikolaevna, PhD in History, Associate Professor, Head of the Museology and Cultural Heritage
Department, Saint Petersburg State Institute of Culture,

Mozlinsky Vladimir Vladimirovich, D.Phil. in History, PhD in Art History, Dean of the Department of Music Variety Arts,
St. Petersburg State University of Culture,

Nasonov Aleksandr Aleksandrovich, PhD in History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of
Museum Studies, Kemerovo State Institute of Culture,

Petrulina Zhanna Valeryanovna, D.Phil. in History, Professor, Head of the Department “History and Cultural Stud-
ies”, Komsomolsk-on-Amur State University,

Romanov Valeriy Vasilyevich, D.Phil. in History, PhD in Law, Professor, Theory and History of State and Law De-
partment, Ulyanovsk State University,

Salchinkina Angelina Rostislavovna, PhD in History, Associate Professor, Department of History and Political Sci-
ence, Kuban State Agrarian University,

Sivtseva Saassylana Innokentyevna, D.Phil. in History, Professor, History, Social Studies and Political Science
Department, North-Eastern Federal University,

Sindeev Aleksey Aleksandrovich, D.Phil. in History, Professor, Russian Academy of Sciences, Chief Research Fel-
low, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences,

Skipina Irina Vasilyevna, D.Phil. in History, Professor, Document Science and Records Management Department,
School of Social Science and Humanities, Tyumen State University,

Suleymanova Rima Nugamanovna, D.Phil. in History, Chief Research Fellow, Professor, Head of the Department
of Contemporary History of Bashkortostan, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Re-
search Center of the Russian Academy of Sciences,

Sushkova Yulia Nikolaevna, D.Phil. in History, Associate Professor, Dean of the Law Department, Ogarev Mordovia
State University,

Uporov Ivan Vladimirovich, D.Phil. in History, PhD in Law, Professor, Constitutional and Administrative Law Depart-
ment, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,

Fedirko Oksana Petrovna, D.Phil. in History, Associate Professor, Leading Research Fellow, Institute of History,
Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern branch of the Russian Academy
of Sciences,

Fomenko Vladimir Aleksandrovich, PhD in History, Associate Professor, Senior Research Fellow, Ancient History
and Archeology Sector, Institute for the Humanities Research, Kabardino-Balkarian Scientific Center of the
Russian Academy of Sciences,

Shapovalov Sergey Nikolayevich, PhD in History, Associate Professor, History of Russia Department, Kuban State
University,

Sharifov Rakhmonali Yatimovich, D.Phil. in History, Associate Professor, Head of the School of History, Tajik Na-
tional University,

Yusupova Tatiana Ivanovna, D.Phil. in History, Leading Research Fellow, St. Petersburg branch of Institute of the
History of Natural Science and Technology, Russian Academy of Sciences,

– cultural sciences:

Abdulaeva Medina Shamilyevna, D.Phil. in Cultural Studies, PhD in History, Associate Professor, Music Theory
and History Department, Head of the Institution of Culture and Arts, Dagestan State Pedagogical University,

Amosova Alisa Anatolevna, PhD in History, Associate Professor, Department of Museology, Institute of History,
St. Petersburg State University,

Betilmerzaeva Maret Muslamovna, D.Phil., Associate Professor, Interim Head of the Department of Philosophy, Political and Social Sciences, Chechen State Pedagogical University, Professor, Philosophy Department, Chechen State University,
Gorobets Svetlana Vladimirovna, D.Phil. in Cultural Studies, PhD in Education Science, Associate Professor, Piano Department, Saint Petersburg State Institute of Culture,
Katkova Kristina Fedorovna, PhD in Cultural Science, Senior Lecturer, Museology and Cultural Heritage Department, St. Petersburg State Institute of Culture, Senior Research Fellow, Museum and Exhibition Center, St. Petersburg,
Mastenitsa Elena Nikolaevna, PhD in History, Associate Professor, Head of the Museology and Cultural Heritage Department, Saint Petersburg State Institute of Culture,
Pronkina Anna Vladimirovna, D.Phil., PhD in Cultural Studies, Professor, Cultural Studies Department, Ryazan State University,
Sapanzha Olga Sergeyevna, D.Phil. in Cultural Studies, Professor, Department of Art Studies and Pedagogics of Art, Acting Director of the Institute of Art Education, Herzen State Pedagogical University of Russia,
Tereshchenko Elena Yuryevna, D.Phil. in Cultural Studies, Associate Professor, Head of the Arts and Design Department, Murmansk Arctic State University,
Tishchenko Natalia Viktorovna, D.Phil. in Cultural Studies, Professor, Head of the Philosophy Department, Saratov State Technical University,
Khoruzhaya Svetlana Vladimirovna, D.Phil., PhD in Social Science, Professor, History and Political Science Department, Head of the Educational Department, Kuban State Agrarian University,

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD:

Abrahamyan Vagram Gevorgovich, D.Phil. in Economics, PhD in Engineering, Professor, Management, Business and Tourism Department, Russian-Armenian (Slavonic) University, Professor, Management and Business Department, Yerevan State University (Republic of Armenia),
Bukvich Rayko, D.Phil. in Economics, Head of the Regional Geography Department, Geographical Institute "Jovan Cvijić", Serbian Academy of Sciences and Arts (the Republic of Serbia),
Gambaryan Artur Sirekanovich, LL.D, Professor, Head of the Theory of Law and Constitutional Law Department, Russian-Armenian (Slavonic) University, Honored Lawyer of the Republic of Armenia (Republic of Armenia),
Gao Tianming, PhD in Economics, Associate Professor, Director of the Center of Russian Research, Director of the Center of Blue Economy, Arctic, Institute of Economics and Management, Harbin University of Engineering (PRC),
Donaj Lukasz, D.Phil. in Political Science, Dr hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan, Faculty of Political Science and Journalism, International Relations Department (the Republic of Poland),
Erokhin Vasily Leonidovich, PhD in Economics, Associate Professor, School of Economics and Management, Harbin Engineering University (PRC),
Kaniewska-Seba Aleksandra, D.Phil. in Management and Quality Studies, Associate Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (the Republic of Poland),
Karapetyan Vladimir Sevanovich, D.Phil. in Psychology, Professor, Head of the Pre-school Psychology and Techniques Department, Armenian State Pedagogical University, Member of the International Academy of Psychological Sciences (Russia), (the Republic of Armenia),
Kyuskieva-Arabska Ekaterina Dimitrova, PhD in Sociology, PhD in Administration and Management, Associate Professor, Vice-Dean, Faculty of Economics and Management, Head of the National and International Projects Department, Secretary of the Academic Board, University of Agribusiness and Rural Development, President, Innovations and Sustainability Academy, Plovdiv (the Republic of Bulgaria),
Nyagolova Mariyana Dimitrova, PhD in Psychology, Associate Professor of History of Psychology, Lecturer, Psychology Department, St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Tarnovo (Republic of Bulgaria),
Pirizoda Jalil Safar, D.Phil. in Economics, Professor, Director, Institute of Agricultural Economics, Academy of Agricultural Sciences of the Republic of Tajikistan (the Republic of Tajikistan),
Pogosyan Gevorg Aramovich, Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, D.Phil. in Social Science, PhD, Professor, Academic Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (the Republic of Armenia),
Sandoyan Edward Martini, D.Phil. in Economics in the Russian Federation and the Republic of Armenia, Professor, Director of the Institute of Economics and Business, Russian-Armenian (Slavonic) University (Republic of Armenia),
Todev Ilija Toskov, D.Phil. in History, Professor, Institute for Historical Studies of the Bulgarian Academy of Sciences (the Republic of Bulgaria),
Khanov Talgat Akhmatzиеvich, LL.D, Professor, Director, Research Institute of Economic and Legal Studies, Karaganda Economic University of Kazpotreboysuz (the Republic of Kazakhstan),
Khopyorskaya Larisa Lvovna, D.Phil. in Political Science, PhD, Professor, International Relations Department, Kyrgyz Russian Slavic University (The Kyrgyz Republic),
Hristozova Galya Mikhaylovna, Dr hab., Professor, Rector, Burgas Free University (the Republic of Bulgaria),
Tsvirkun Viktor Ivanovich, D.Phil. in History, D.Phil. in Education Science, Professor, Doctor Honoris Causa, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Moldova in the State of Qatar (Republic of Moldova),
Shebeko Valentina Nikolaevna, D.Phil. in Education Science, Associate Professor, Pre-School Education Techniques Department, Belarusian State Pedagogical University (the Republic of Belarus).

EDITORIAL STAFF:

DIRECTOR OF PUBLISHING HOUSE HORS LLC:

Kharseeva Viktoria Leonidovna, PhD in Social Science

DEPUTY DIRECTOR:

Dyuzheva Maria Pavlovna

MANAGING EDITOR:

Ugulava Kristina Gennadievna

EXECUTIVE EDITOR:

Gasparyan Kristina Andreevna

EDITORS:

Arsentyeva Irina Il'yichna
Nevzorova Natalya Viktorovna
Sergeichik Lyudmila Ivanovna
Sitnikova Olga Valeryevna
Tyulyukova Maria Olegovna
Shushanyan Narine Surenovna

TRANSLATORS:

Arakelyan Nina Sergeevna
Arsentyeva Irina Il'yichna
Sergeichik Lyudmila Ivanovna
Nevzorova Natalya Viktorovna
Khanmamedova Victoria Ramizovna

FOUNDER:

Publishing House HORS LLC

PUBLISHER'S ADDRESS:

350015, Krasnodar, 156 Yankovskogo st.
tel. +7 988 234-44-80
Electronic address: mail@dom-hors.ru

EDITORIAL BOARD'S ADDRESS:

350015, Krasnodar, 156 Yankovskogo st.
tel. +7 988 234-44-80
Electronic address: mail@dom-hors.ru

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENT

Редакционный совет	3	Editorial Board
ФИЛОСОФИЯ	13	PHILOSOPHY
Кузнецова Е.И.		Elena I. Kuznetsova
Медиатизация: эффекты медиареальности	13	Mediatization: the effects of media reality
Малахова Е.В.		Elena V. Malakhova
Понятие системы и основные парадигмальные основания системного подхода	17	The concept of the system and main paradigmatic foundations of the system approach
Смирнов С.В.		Sergey V. Smirnov
Сущностные аспекты и природосберегающий потенциал социально-экологических и философских концепций	24	Essential aspects and environmental potential of socio-ecological and philosophical concepts
Григоренко Е.В.		Ekaterina V. Grigorenko
Истина в грамматике в реалистской традиции как универсальный способ восприятия и понимания мира в аналитической философии языка	29	Truth in grammar in the realist tradition as a universal way of perception and understanding the world in the analytical philosophy of language
Механикова Е.А.		Elena A. Mekhanikova
Идея различия как смыслообразующий концепт современной философии	33	The idea of difference as a meaning-forming concept of modern philosophy
Анандаева Ц.Ц.		Tsyndyma Ts. Anandaeva
Труд и благотворительность в системе ценностей бурят	36	The Buryats' value system of labor and charity
Давлатмуродов Ш.Ш.		Sharaf Sh. Davlatmurodov
Армия как предмет социальной философии	43	The army as a subject of social philosophy
Михайловский М.О.		Mikhail O. Mikhailovsky
Феномен игрового сознания и эстетического опыта. Исследование истины произведения искусства в рамках герменевтики Г.-Г. Гадамера	48	Phenomenon of play consciousness and aesthetic experience. Exploring the truth of the artwork through H.-G. Gadamer's hermeneutics
Дробышева А.В.		Anastasia V. Drobysheva
Изменение нравственного сознания поколений в процессе социокультурной трансформации постсоветской России	55	Change of the moral consciousness of generations in the process of socio-cultural transformation of post-Soviet Russia
ИСТОРИЯ	61	HISTORY
Скипина И.В.		Irina V. Skipina
Под именем «С. В.»: исчезновение фамилии в авторских статьях С.В. Бахрушина в «Сибирской советской энциклопедии»	61	By the name of "S. V.": disappearance of the author's surname in the articles by S.V. Bakhrushin in "Siberian Soviet Encyclopedia"
Игнатьева О.В.		Oksana V. Ignatieva
Личность коллекционера как предмет исторического исследования: на примере С.Г. Строганова и А.Е. Теплоухова	67	The collector's personality as a subject of historical research: the case of S.G. Stroganov and A.E. Teploukhov
Новожилов А.А., Федченко М.Н.		Anatoliy A. Novozhilov, Michael N. Fedchenko
Кадровый состав промысловых артелей Курганской области (1946–1960 гг.)	71	Personnel of producers' artels of the Kurgan region (1946–1960)
Султангузина Г.Ю.		Gulfiya Yu. Sultanguzhina
Политехническое обучение школьников Башкирии в 1950–1960-е гг.	78	Polytechnical education of Bashkir school-goer in the 1950s and 1960s
Михеев Д.В.		Dmitry V. Mikheev
Маленькие радости и великие невзгоды псковской дороги в описании участников английского посольства 1664 г.	83	Slight joys and great hardships of the Pskov road in the description of the participants of the English embassy in 1664

Молчанова Е.Г., Молчанова Д.В. Роль немецких предпринимателей в развитии производительных сил и рыночной инфраструктуры Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX вв.	90	Elena G. Molchanova, Darya V. Molchanova The role of German entrepreneurs in the development of productive forces and market infrastructure of the Russian Far East in the second half of the XIX – early XX centuries
Гиниатуллина Л.М. Дома-интернаты для инвалидов войны Башкирской АССР (1942–1951 гг.)	94	Luisa M. Giniatullina Boarding houses for war Invalids of the Bashkir ASSR (1942–1951)
Карпов А.А. Досуг западногерманской молодежи в 1950-е гг.	103	Alexander A. Karpov The leisure time of West German youth in the 1950s.
Манвелян Л.Ю. Коммеморативные детские практики геноцида армянского населения в Турции в период Первой мировой войны	108	Liana Yu. Manvelyan Commemorative children's practices of the Armenian Genocide in the Turkey during the First World War
Бандуркина И.А. Чешский евроскептицизм до и после вступления страны в ЕС	113	Irina A. Bandurkina Czech Euroscepticism before and after EU accession
Жаровцев С.М. Городское ремесло в пореформенной России (вторая половина XIX в.): историографический обзор	118	Sergey M. Zharovtsev Urban handicrafts in post-reform Russia (second half of the XIX century): a historiographical overview
КУЛЬТУРА	124	CULTURE
Горбунова И.Б., Мезенцева С.В. Музыкально-исполнительская терминология в ракурсе диалога культур (на примере обучения иностранных студентов из Китая в российском вузе)	124	Irina B. Gorbunova, Svetlana V. Mezentseva Musical and performing terminology in the perspective of the dialogue of cultures (on the example of teaching foreign students from China at Russian universities)
Бетильмерзаева М.М., Чемурзиева Е.М. Генезис права и морали в философско-культурологическом контексте	129	Maret M. Betilmerzaeva, Elizaveta M. Chemurzieva The genesis of law and morality in a philosophical and cultural context
Белякова Т.Е., Кондюкова А.С. Методы организации современного столичного кафе как социально значимого пространства	134	Tatiana Ye. Belyakova, Anastasia S. Kondyukova Methods of organizing a modern metropolitan cafe as a socially significant "third place"
Варавина Г.Н. Почитание коня и праздничные традиции северных якутов (саха): по полевым материалам этнографа А.А. Саввина, собранных в 1939 г. в Верхоянском улусе Якутии	140	Galina N. Varavina Horse veneration and festive traditions of the Northern Yakuts (Sakhalar): Based on the fieldwork of ethnographer A.A. Savvin, collected in 1939 in the Verkhoyanskiy ulus of Yakutia
Пянкевич А.В. Находки поисковых отрядов как часть культурного наследия	144	Alexander V. Pyankevich Great Patriotic War archeology artifacts as part of cultural heritage
Курепина Е.О. Корейская волна в культурной политике Республики Корея (1963–2013 гг.)	154	Elena O. Kurepina The Korean Wave in the cultural policy of the Republic of Korea (1963–2013)
Этические и правовые основы редакционной политики	160	Ethical and Legal Framework of Editorial Policy
Порядок и условия публикации	165	Procedures and Conditions for Publication
Порядок рецензирования	168	Peer Review Procedure
График выхода журналов	169	Release Schedule of Magazines

Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 13–16.
Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 13–16.

Философия

Научная статья
УДК 101.1:316
<https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.1>

Медиатизация: эффекты медиареальности

Елена Игоревна Кузнецова

Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова,
Нижегород, Россия, tvelena@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5231-7881>

Аннотация. Медиатизация – одно из ключевых понятий социогуманитарного дискурса цифровой эпохи и вместе с тем – одно из наиболее дискутируемых. В статье анализируется проблематика медиатизации в современном социально-философском и социологическом дискурсе, рассматриваются различные методологические подходы к анализу проблемы. Предлагается осмысление эффектов медиатизации на основании анализа символического социокультурного феномена – медиареальности. Выявлен диалектический характер исторического развития медиатизации, проявившийся в медиареальности, созданной традиционными электронными массмедиа; проанализированы комплексные эффекты медиатизации в процессах воздействия медиареальности на социально-политические процессы и жизненный мир человека. Оригинальность работы состоит в обосновании медиатизации как развивающегося культурно-исторического феномена, эффекты которого проявляются на разных стадиях развития техногенной цивилизации.

Ключевые слова: медиатизация, новые медиа, электронная медиареальность, цифровая медиареальность, техногенные символические коммуникации, жизненный мир, коллективный субъект, институциональность

Для цитирования: Кузнецова Е.И. Медиатизация: эффекты медиареальности // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 13–16. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.1>

Original article

Mediatization: the effects of media reality

Elena I. Kuznetsova

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, tvelena@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5231-7881>

Abstract. Mediatization is one of the key concepts of the socio-humanistic discourse of the digital age and at the same time one of the most debated. The problems of mediatization in the modern socio-philosophical and sociological discourse are analyzed, various methodological approaches are considered. The author suggests understanding the effects of mediatization based on the analysis of a symbolic socio-cultural phenomenon – media reality. The dialectical character of the historical development of mediatization is revealed, which is manifested in the media reality created by traditional electronic mass media; the complex effects of mediatization in the processes of media reality impact on socio-political processes and the human life are analyzed. The mediatization is explained as a developing cultural and historical phenomenon, the effects of which are manifested at different stages of the development of civilization. The methods of analysis of technogenic symbolic environments, as well as the phenomenological analysis of the world of “mediatized” everyday life are used as research tools.

Keywords: mediatization, new media, electronic media reality, digital media reality, technogenic symbolic communications, lifeworld, collective subject, institutionality

For citation: Kuznetsova E.I. Mediatization: the effects of media reality // Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 13–16 (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.1>

Введение. Проблема медиатизации получает свою актуализацию в социогуманитарном исследовательском дискурсе в контексте концепций информационного общества, рассматривается как феномен информационного общества и предметно включается в общие границы исследования процессов компьютеризации и информатизации общества, в том числе дискуссий по этим направлениям. Изучение медиатизации в начале третьего тысячелетия актуализируется в связи с взрывным развитием новых цифровых медиа. Вместе с тем представляется, что рассматриваемая проблема лежит не только в контексте трансформации медиасистемы, но и в русле философской рефлексии о соотношении цивилизации и культуры, в направлении исследования особенностей жизнедеятельности различных обществ, исторических эпох. Теоретическим основанием размышлений, предлагаемых в данной статье, выступают подходы, осуществляемые в

рамках медиафилософии, рассматривающие историю цивилизаций как историю развития медиа. В качестве исследовательского инструментария приняты методы анализа техногенных символических сред, а также феноменологический анализ мира «медиатизированной» повседневности.

Проблематика медиатизации в современном научном дискурсе. В социогуманитарных исследованиях понятие «медиатизация» относится к весьма востребованным, оно до сих пор выступает предметом дискуссий, что отражает современная отечественная и зарубежная научная литература [1]. Вместе с тем в исследовательском дискурсе представлено обобщенное понимание медиатизации как процесса и результата формирующего влияния массмедиа на общественные отношения, социальные практики и институты посредством медиатехнологий, в ходе которого «конструируется» особая медиасоциальная реальность. Сложились различные методологические подходы к анализу проблемы. Следуя институциональному анализу, медиатизация представляет собой адаптацию различных систем и областей (социальных, политических, религиозных и т. д.) к логике СМИ [2]. В рамках методологии социального конструктивизма медиатизация понимается как процесс, в котором эволюция информационно-коммуникационных технологий приводит к преобразованиям в коммуникативном конструировании культуры и общества [3]. В то же время представители обеих традиций разделяют общий взгляд: медиатизация отражает взаимосвязь между изменением средств массовой информации и коммуникации, с одной стороны, и изменением культуры и общества – с другой. Большую исследовательскую рефлексия получила концепция «медиатизированных миров», где роль медиа признается «формирующей силой», что дает возможность рассматривать процесс медиатизации как изменение трансмедиальных коммуникативных конфигураций, с помощью которых и конструируются миры [4]. Анализ концепции медиатизированных миров осуществляется в ряде работ [5]. Вместе с тем выдвинутое Ф. Кротцем утверждение, что медиатизация представляет собой социальный метапроцесс в ряду таких, как глобализация, индивидуализация и коммерциализация [6], вызвало возражение об отсутствии подтверждающих свидетельств социально-исторических изменений на протяжении веков [7].

В ряду исследовательских сегментов одним из аспектов выделяется проблема социокультурных последствий медиатизации и ее влияния на внутренние аспекты деятельности медиасистемы: особенности функционирования телевидения в новых условиях и фиксация снижения его социализирующего потенциала [8], появление в медиапространстве специфических синтезированных форм досуга, вытеснение досуговых практик, ранее осуществлявшихся в реальном времени и пространстве [9]; новые формы воздействия на журналистскую практику в условиях цифровизации самой медиасистемы как на макроуровне – институционального характера в целом, так и на мезоуровне – конкретной медиаорганизации [10].

Медиатизация как исторический феномен. В дискурсе о медиатизации достаточно часто встречается утверждение, что этот феномен является в основном предметом изучения нового поколения теорий коммуникации, в фокусе которых находятся цифровые медиа. Нельзя не согласиться с тем, что беспрецедентное ускорение, которое придали инновационные медиатехнологии всему ходу социального развития, породило новые коммуникативные теории. Вместе с тем нет оснований забывать о существовании развиваемых медиафилософией традиций, рассматривающих историю цивилизаций как историю развития медиа, которые определили и понимание медиатизации как исторического процесса технологического развития общества [11]. Если посмотреть с этой точки зрения на медиатизацию как на процесс включенности символических систем во все структуры общественных отношений и влияния на них, то можно говорить о медиатизации социальных процессов задолго до наступления цифровой эпохи.

В поисках ответа на вопрос об эволюции эффектов медиатизации в исторической ретроспективе рассмотрим ресурсы влияния на общество телекоммуникационных медиа, которые сегодня называют традиционными, или «старыми». Их общим конститутивным признаком является техногенность, порожденность техническими средствами. Комплексное взаимодействие технических проводников и символических форм, возникшее в эпоху электронных коммуникаций (радиовещания и телевидения), привело к возникновению особой символической реальности – медиареальности. Если прежние символические коммуникации формировали социальный опыт в конкретно-чувственных формах ритуальной и обрядовой событийности, то медиареальность создала многослойную опосредованную модель событийности и иллюзорного опыта «не-присутствия». Это «кодифицированный мир», сотканный из символов, мир, в самих намерениях которого заключена непрозрачность [12, S. 77]. Приоритеты этого мира от архетипов книжной культуры переходили к устному слову и визуальным образам. Быстрые эффекты медиатизации продемонстрировала уже радиореальность, убрав границы между домашней повседневностью и миром высокого музыкального

искусства, открыв двери рекламному потоку «мыльных» радиосериалов. Коммуникативный потенциал радиореальности немедленно оценил политический рынок, получивший максимальную инклюзивность новых сегментов аудитории в актуальную информационную повестку.

Телевизионная медиареальность привнесла в социальные коммуникации новую онтологическую интригу: экран представил в зримых формах реальность мира, изображение казалось «растворяющимся» в самой действительности, в ее «непредвзятом течении». Телевизионное «настоящее время» виделось подлинным, в отличие от кинематографического «иллюзорного», и совсем не усматривался интерпретирующий субъект в его функциональности и интенциональности. Вместе с тем медиареальность предлагала бесконечную игру в знаки; философская коллизия, которую породил феномен телевизионной медиареальности, лежала в плоскости проблемы репрезентации иконического текста, метода его прочтения.

Начиная с середины XX в. эффекты медиатизации стали предметом анализа в социально-философских и социологических подходах к медиакommunikации: в концепциях мимесиса, технологического медийного фундаментализма, структурного функционализма, социального конструктивизма, системной теории, в то же время предлагая полипарадигмальный взгляд на процессы и формы опосредования. Когда исследовательский маятник оказался в постмодернистской точке, он представил наиболее парадоксальный образ медиареальности как симулятивной модели. Суть медиатизирующего эффекта была образно выражена в изложении Ж. Бодрийара: «Тревелинг знаков, масс-медиа, моды и моделей, беспроглядно-блестящей атмосферы симулякров» [13, с. 153]. В еще более радикальной позиции Ж. Делеза медиареальность предстала как нерепрезентативная модель симулякра, и если копии – это вполне обоснованные претенденты, обеспеченные подобием, то симулякры уподобляются ложным претендентам, не обеспеченным подобием [14, с. 228–229]. В то время как парадигма отражения игнорировала проблему многослойной, ускользающей медиации в техногенной символической реальности, постмодернизм уходил от социальной и политической прагматики в семиотические и эстетические коллизии.

Медиареальность заменила «живой» мир медиатизированной копией; увеличение интенсивности «удаленных» коммуникаций, расширивших коммуникативное пространство, поглотило собой «близкую» повседневность человека. В виртуализации форм присутствия «отсутствующих» проявились характерные признаки медиатизации повседневности. Суггестивные эффекты экранных образов, производимые «ускользающими» символическими посредниками, привели к своеобразной колонизации жизненного мира, формировали новый тип медийной рациональности, опосредованного познания, дробили мир мозаикой «других» образцов культурной идентичности и тем самым порождали иллюзию обретения «телевизионным» человеком большего социального опыта. Однако такого рода медийный опыт «ускользал» от человека так же, как и энергичные его изображения, погружая аудиторию в мир иллюзорной медиареальности. Новые медиа XXI в. пришли на подготовленную электронной медиареальностью почву техногенных символических коммуникаций и достаточно легко покорили аудиторию апробированными схемами и моделями коммуникации, представив ее цифровой модификацию.

Институциональные эффекты медиатизации. Рост медиатехнологий во второй половине XX в. не мог не сместить акценты теоретического изучения массовой коммуникации с онтологической проблемы «реальность vs иллюзия» в плоскость вопрошания о субъекте массмедийной деятельности и его целях. Медиареальность XX в. породила множество теорий массовой коммуникации, в большинстве которых доминировала категория влияния. Информационная повестка и ее разновидности были фокусом для концепций «установления повестки дня», анализирующих смысловые аспекты медиареальности и потенциал ее влияния на общественные процессы. Эти теории, появившиеся во второй половине XX в. и составившие особый корпус исследовательских текстов зарубежной коммуникативистики, к рубежу столетий усиленные понятиями фрейминга и прайминга, заняли ведущее место в доказательстве медиатизационных эффектов медиареальности в политической коммуникации. Понятие «медиаполитика», доказывающее эффекты воздействия массмедиа на политическую сферу, которая начинает существовать по законам медиалогии, рождается именно в русле осмысления феномена медиареальности, созданной традиционными средствами массовой коммуникации. Выявляются институциональные механизмы управления информационным влиянием в медиапространстве как в артикулированных позициях государственной власти, политической конкуренции партийных и бизнес-элит, так и в практиках формирования информационной повестки медиасистемой, выступающей в роли «gatekeeper» (привратника). Символическое пространство медиаполитики, создаваемое целерациональной деятельностью институциональных коллективных субъектов, становится многомерным, выступает доказательством втягивания всех сфер общества в орбиту медиапространства. Разнообразие форм и моделей развития медиапространства зависит от институциональных и

культурных особенностей разных стран; их всеобъемлющий характер свидетельствует о ведущей роли медиаполитики в современном историческом контексте: «политика – это преимущественно медиаполитика» [15, с. 221].

Закключение. Анализ медиареальности как техногенного социокультурного феномена, создававшегося технологиями традиционных электронных массмедиа, показал, что ее функционирование как символической системы во многом определяло картину мира человека, формировало установки и ценности. На протяжении XX в. эффекты медиатизации проявились как на институциональном уровне, так и в контексте повседневности: с одной стороны, в форме управления и социального контроля в политической сфере, с другой – в создании рутинных практик медиапотребления, колонизировав жизненный мир человека.

Процессы нарастания эффектов медиатизации в современном мире, связанные с развитием цифровых медиа, свидетельствуют о диалектическом характере развития техногенной цивилизации и ставят задачу продолжения осмысления природы техники и оценки ее воздействий на общество, ее места в человеческой культуре, современном усложняющемся мире. Вся история человеческого существования, рассмотренная как история его медиакультуры, может представить нам разные этапы процесса медиатизации, что позволяет согласиться с определением характера медиатизации как социального метапроцесса.

Список источников:

1. Ushanova I.A. Mediatization of Communication: from Concept to Theory // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2015 Vol. 8. Iss. 11. Pp. 2703–2712. 10.17516/1997-1370-2015-8-11-2703-2712; Kaun A., Fast K. Mediatization of culture and everyday life. Karlstad University Studies, 2014. 103 p.; Гуреева А.Н. Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2016. № 6. С. 192–208.
2. Mazzoleni G., Schulz W. "Mediatization" of Politics: A Challenge for Democracy? // Political Communication. 1999. Vol. 16. Pp. 247–261. 10.1080/105846099198613; Schulz W. Reconstructing Mediatization as an Analytical Concept // European Journal of Communication. 2004. Vol. 19, Pp. 87–101. 10.1177/0267323104040696; Hjarvard S. The Mediatization of Culture and Society. L., 2013. 192 p.
3. Hepp A. The Communicative Figurations of Mediatized Worlds: Mediatization Research in Times of the 'Mediation of Everything' // European Journal of Communication. 2013. Vol. 28. Pp. 615–629. 10.1177/0267323113501148.
4. Krotz F., Hepp A. A Concretization of Mediatization: How Mediatization Works and Why 'Mediatized Worlds' are a Helpful Concept for Empirical Mediatization Research // Empedocles European Journal for the Philosophy of Communication. 2011. Vol. 3(2), Pp. 137–152. 10.1386/ejpc.3.2.137_1.
5. Ushanova I. A. Op. cit.; Kaun A., Fast K. Op. cit.; Ним Е.Г. Исследуя медиатизацию общества: концепт медиатизированных миров // Социологический журнал. 2017. Т. 23, № 3. С. 8–25. 10.19181/socjour.2017.23.3.5361.
6. Krotz F. Media, Mediatization and Mediatized Worlds: A Discussion of the Basic Concepts // Mediatized Worlds. Culture and Society in a Media Age. Basingtoke, 2014. P. 72–87. 10.1057/9781137300355_5.
7. Lunt P. Livingstone S. Is "Mediatization" the New Paradigm for Our Field? A Commentary on Deacon and Stanyer (2014, 2015) and Hepp, Hjarvard and Lundby (2015) // Media Culture & Society. 2016. Vol. 38. Pp. 462–470. 10.1177/0163443716631288.
8. Полуэхтова И.А. Социокультурные эффекты медиатизации телевидения // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 4. С. 71–82. 10.17805/zpu.2018.4.7.
9. Основные тенденции медиатизации современного социокультурного пространства / С.Э. Лебедева [и др.] // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2018. № 4. С. 69–76.
10. Peruško Z., Čuvalo A., Vozab D. Mediatization of Journalism: Influence of the Media System and Media Organization on Journalistic Practices in European Digital Mediascapes // Journalism. 2020. Vol. 21(11). Pp. 1630–1654. 10.1177/1464884917743176.
11. Raible W. Medien-Kulturgeschichte: Mediatisierung als Grundlage unserer kulturellen Entwicklung. Heidelberg, 2006. 461 S.
12. Flusser V. Kommunikologie. Hg. S. Bollmann und E. Flusser. Frankfurt / Main, 2007. 355 S.
13. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. 387 с.
14. Делез Ж. Платон и Симюляр // Интенциональность и текстуальность. Томск, 1998. 320 с.
15. Кастельс М. Власть коммуникации. М., 2016. 564 с.

Информация об авторе

Е.И. Кузнецова – доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и теории социальной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия.

Information about the author

E.I. Kuznetsova – D. Phil., Professor, Philosophy, Sociology and Theory of Social Communication Department, Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 15.05.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 24.05.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 10.06.2021.

Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 17–23.
Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 17–23.

Научная статья

УДК 167.7

<https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.2>

Понятие системы и основные парадигмальные основания системного подхода

Елена Владимировна Малахова^{1,2}

¹Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Москва, Россия,
e.v.malahova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1829-8234>

²Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия

Аннотация. В статье изучается понятие системы как основополагающее для рационального философского и научного дискурса. Возрастание значения системных построений в философской мысли и позднее – в научной продемонстрировано через исторические этапы становления системности знания, которая, в свою очередь, в разные периоды могла рассматриваться с онтологических, гносеологических или методологических позиций. На примере работ А.А. Богданова и Л. фон Берталанфи показаны попытки использования эвристического потенциала системного мышления для построения междисциплинарных методологий и метатеорий. Анализируются сильные и слабые стороны подобных подходов; вопросы, которые были подняты системным движением XX в., и проблемы, с которыми оно столкнулось. Обозначено также влияние, оказанное системными подходами XX столетия на дальнейшее развитие междисциплинарных направлений современной науки.

Ключевые слова: система, системный подход, общая теория систем, структура, метатеория

Для цитирования: Малахова Е.В. Понятие системы и основные парадигмальные основания системного подхода // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 17–23.
<https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.2>

Original article

The concept of the system and main paradigmatic foundations of the system approach

Elena V. Malakhova^{1,2}

¹National Research Nuclear University “MEPHI”, Moscow, Russia,
e.v.malahova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1829-8234>

²Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The article studies the concept of the system as a fundamental for rational philosophical and scientific discourse. The increasing importance of systematic constructions in philosophical thought and later in scientific thought is demonstrated through the historical stages of the formation of systematic knowledge, which, in turn, in different periods could be considered from ontological, epistemological or methodological positions. Attempts to use the heuristic potential of a system thinking for construction of interdisciplinary methodologies and metatheories are shown on the example of the works of A. A. Bogdanov and L. Von Bertalanfi. The strengths and weaknesses of such approaches; the issues that were raised by the system movement of the XX century, and the problems that it faced, are analyzed. The influence of the system approaches of the XX century on the further development of interdisciplinary areas of modern science is also indicated.

Keywords: system, system approach, general theory of systems, structure, metatheory

For citation: Malakhova E.V. The concept of the system and main paradigmatic foundations of the system approach // Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 17–23. (In Russ.).
<https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.2>

Термин «система» в научном и философском дискурсах употребляется настолько часто, что многие другие понятия определяются через него, в то время как сам он кажется настолько ясным и само собой разумеющимся, что редко удостоивается специального пояснения. Между тем масштабное системное движение, охватившее ряд научных дисциплин и объединившее множество ярких авторов в XX в., заставило еще раз задуматься, насколько вообще возможна всеобщая генерализированная теория систем (или скорее метатеория), которая посредством единых методологических оснований объединила бы отдельные научные дисциплины и закрыла бы до сих пор существующие разрывы между ними – особенно это касается разделения естественных и гуманитарных наук.

Отношение самих ученых к системности собственных научных дисциплин может существенно варьировать с позиций не только методологии, но и онтологии. Методологические различия могут нести в себе еще более глубокую проблему, на что обращали внимание многие авторы, например Р. Акофф [1], – проблему различия реальности и знания о ней.

Через призму толкования мыслителями тождества или различия знания и реальности можно рассматривать этапы становления самой по себе системности как неотъемлемой части не только научного, но и философского и вообще, возможно, любого рационального познания мира. Различение по данному критерию – пониманию знания как тождественного реальности или как чего-то от нее принципиально отличного – уже в системном движении XX в. выделяет представителей системной теории, в духе Л. фон Берталанфи, и системного подхода, как мыслил его Р. Акофф. Также можно упомянуть и о попытках преодолеть эти противоречия в основном с точки зрения методологии и метатеоретического подхода, как делал это, например, В.Н. Садовский [2].

Тем не менее, прежде чем говорить об особенностях системного движения XX столетия, необходимо хотя бы кратко упомянуть главных его предшественников, сформировавших основы системного мышления. Отечественный исследователь А.П. Огурцов в чрезвычайно подробной работе указывает, что термин «система» в философии мог вначале употребляться как метафора, и возводит подобное словоупотребление к Демокриту. Понятие *σύστημα* (*sústema*), появившись еще в Древней Греции, имело много значений: «сочетание, организм, устройство, организация, союз, строй, руководящий орган» [3, с. 155], т. е. несло социально-практический и даже бытовой смысл, а уже потом стало использоваться философами.

Далее начинается обобщение и универсализация понятия, что с полным основанием связывается с работами Платона и Аристотеля, хотя систематичность их, конечно, различного рода, что подробно рассматривает в многотомном труде А.Ф. Лосев. Платон видит как систему в первую очередь сам Универсум, в то время как его изложение само по себе зачастую скорее поэтизировано, если даже не мифологизировано, и поэтому нередко внесистемно [4]. Аристотель, в свою очередь, строит одну из масштабнейших систем древности – и это система уже не только бытия в понимании философа, но также стройная система знания об этом бытии [5].

В то же время античные мыслители подходят к проблеме, как полагает А.П. Огурцов, в основном онтологически – не разделяя знания и бытия. Этот подход, который мог бы показаться давно исчезнувшим, тем не менее продолжает в разных вариантах вновь и вновь воспроизводиться не только в философии, но и в науке вплоть до наших дней. На данном этапе главной сложностью становится его обычная неэксплицированность, скрытость зачастую даже (и в первую очередь) от самих его авторов.

Почему он вновь возникает, а вплоть до Нового времени вообще доминировал? Почему от него так сложно не только отказаться, но даже сознательно его отследить? Конечно, можно сказать, что дело в культуре мышления, которая воспроизводит его как наиболее естественный даже в научном дискурсе. Однако будучи знакомыми с философскими подходами к мышлению и познанию, в частности с кантианским, мы с большим трудом можем провести демаркацию между «феноменами» и «вещами-в-себе», содержанием своего сознания и действительностью.

Тем не менее подобный подход стремится избавить нас от неминуемого скептицизма и релятивизма и соблазняет возможностью построения истинной (в смысле соотношения с действительностью), целостной, непротиворечивой (возможно, даже научной, но это не обязательно) картины мира, что, вероятно, всегда останется заманчивым даже для самых добросовестных исследователей.

В то же время А.П. Огурцов отмечает ведущую начало от Аристотеля линию различения знания о бытии и самого бытия, которое исследователь связывает с критикой Аристотелем теории идей Платона. Тем не менее Античности, а в особенности таким мыслителям, как Платон и Аристотель, присуще глубоко телеологичное понимание реальности, которая если не всегда мыслится как прямо тождественная знанию о ней, то все же неким образом системно организованная. В конце концов целевую причину как имманентно присущую любой вещи Аристотель в «Метафизике» выделяет и подчеркивает специально, несмотря на все связанные с этим трудности.

В Средние века термин «система» употребляется наряду с понятиями «сумма», «дисциплина», «доктрина», а также с более ранней античной категорией «синтагма» [6, с. 164]. Ясно, что телеологическая направленность в эту эпоху сохраняется и даже усиливается, но принимает трансцендентную природу, восходящую к божественному началу. С одной стороны, в данный период развитие заложенных Античностью систематических начал изучения природы приостанавливается или замедляется. С другой – эпоха патристики, возможно, впервые ставит вопрос телеологичности и связности самой человеческой истории – начиная с сочинения Августина «О граде Божьем». Этот труд рассматривает человеческую историю как имеющую смысл и цель,

а не просто как неизбежную деградацию от золотого века к железному (Гесиод) или часть общемирового циклического бесконечного движения и повторения (Гераклит, Эмпедокл).

Конечно, не только и не столько количественный, но прежде всего качественный скачок в системном представлении как Универсума, так и человеческого знания произошел уже в течение перехода к Новому времени и появления того, что А.П. Огурцов называет «выдвижением на первый план каузального, а не телеологического способа объяснения» [7, с. 166]. В эту эпоху господствует то, что данный автор именует «онтолого-натуралистическим» способом построения системного знания о реальности, которое мыслилось как приближающееся к истине в классическом ее понимании – как соответствия мысли и действительности.

Переход от так понятой системности намечается уже у Дж. Беркли и Д. Юма, а в полной мере проявляется, конечно, прежде всего в «Критике чистого разума» И. Канта. Именно он наиболее последовательно разделяет бытие и мышление, рассматривая отдельно «феномены» и «вещи-в-себе» [8], а также подробно анализирует основы и возможность построения научного знания.

Одной из самых масштабных в истории философии систем и одновременно попыткой вновь объединить знания и реальность стала система Г. Гегеля. Не имея здесь возможности рассматривать ее детально, предположим лишь, что в новой истории философии эта попытка стала наиболее показательным примером того, к чему подобный подход может привести – ни в коей мере не к тождественности бытия и знания, а лишь к редуцированию бытия к знанию, находящемуся на конкретной ступени.

Теперь становится яснее позиция А.П. Огурцова, согласно которой «стремление натуралистически укоренить системность знания в самой природе... влечет за собой отказ от поиска специфических, присущих только научному знанию форм системной организации» [9, с. 169]. Более того, можно было бы продолжить, что такой подход, даже предпринятый с благими целями создания новых теорий или метатеорий, может заключать в себе возможные приложения, вредящие развитию науки.

Если рассматривать теорию как некую модель изучаемого сегмента реальности, то понятно, что такая модель в любом случае не будет тождественна самой реальности. Модель может и скорее всего будет постоянно видоизменяться, дорабатываться или даже полностью заменяться именно из-за этой фундаментальной нетождественности и относительности научной истины.

Кроме того, мы также различаем объект и предмет научного анализа, последний формируется именно методом, который выбирается и используется исследователем. Особенно актуально это в гуманитарных дисциплинах, где тщательный и взвешенный подход к поиску методологии и методического аппарата нередко может включать в себя обоснование существования самого предмета изучения и возможности его оценки выбранными средствами.

XIX век дает множество примеров системности не столько в смысле общефилософского подхода и всеобъемлющих (как у Г. Гегеля) концепций, сколько в аспекте применения систематизации к конкретным дисциплинам, как естественно-научным, так и формирующимся гуманитарным. В частности, можно выделить первый позитивизм и стадийный подход О. Конта. Следует упомянуть и первые попытки поиска различий во внутренних закономерностях построения научного знания, приведшие неокантианцев к различению наук о природе и культуре – различию, которое не удалось до конца преодолеть и по сей день.

Наконец, уже в XX в. появляются работы А.А. Богданова, В.М. Бехтерева и несколько позднее – Л. фон Берталанфи, Н. Винера, Р. Акоффа и других мыслителей и исследователей, развивавших системные подходы или стремившихся обосновать возможность создания общей теории систем.

А.А. Богданов по праву считается одним из основоположников теории систем и современных форм системного подхода в целом. Далее подробнее рассмотрен ход его рассуждений, поскольку именно к его выкладкам в дальнейшем добавляются новые дополнения и уточнения теоретиков системного движения.

Так, на многих десятках страниц «Тектологии» А.А. Богданов выделяет ряд свойств и особенностей, присущих, как он полагает, всем без исключения системам. Основой и первым механизмом, без которого, по А.А. Богданову, невозможно все остальное, является «соединение комплексов», или конъюгация [10, с. 144]. Интересно, что мыслитель, будто предвосхищая те критические замечания, с которыми позднее встретится теория систем, многократно сравнивает свою тектологию именно с логикой и математикой. Он называет тектологию новой наукой, но при этом подчеркивает формальный характер ее принципов и механизмов [11, с. 144–145], что в перспективе, как представляется, могло бы сближать ее скорее с методологией, чем с содержательной теорией.

Стоит отметить, что при рассмотрении своих «тектологических механизмов» А.А. Богданов не делит их на созидательные и разрушительные, что также предполагало бы некие содержа-

тельные характеристики. В частности, анализируя конъюгацию, он выделяет три возможных сценария, которые, в свою очередь, будут зависеть именно от содержания соединившихся комплексов. Эти комплексы могут, например, взаимно усилить друг друга, усилить лишь частично, ослабить или вовсе уничтожить вследствие противоположно направленной активности. Данные особенности А.А. Богданов, следуя декларируемому им духу всеобщности тектологии, стремится распространить на абсолютно все известные ему примеры из естественных и гуманитарных наук и даже житейской практики.

Затем рассматривается ряд других методов, в числе которых ингрессия, или «вхождение», с чьей помощью в качестве «посредника» связываются системы, которые не могли бы соединиться сами по себе или даже взаимно разрушили бы друг друга. Именно посредством ингрессии, согласно А.А. Богданову, возможно устанавливать в том числе связи между социальными комплексами – личностями и группами, формируя сколь угодно сложные формы организации их деятельности. В то же время мыслитель видит ингрессию как гораздо более широкое понятие, применимое, как он полагает, для обозначения находимой (и, вероятно, неочевидной изначально) связи между любыми элементами, в том числе в построении научных теорий, логических и математических доказательств [12, с. 158–160].

Явление, противоположное ингрессии, А.А. Богданов называет, соответственно, дезингрессией. Однако он отмечает, что это не просто разрушение и разрыв организационных взаимосвязей. Стремясь обнаружить механизм такого разрушения, он, возможно, вплотную подходит к тем открытиям, которые позднее будут сделаны уже в рамках синергетики. Так, он пишет, что «полная дезингрессия» – это полная взаимная нейтрализация активности сил, действующих внутри системы, однако при этом остаются воздействия внешней среды, способные сместить неустойчивое равновесие в ту или другую сторону [13, с. 161–164].

Еще два важных типа организационной активности А.А. Богданов называет эгрессией и дегрессией. Их действием определяются формирование и сохранение любой системы. Здесь мыслитель вновь стремится не столько выяснить причины возникновения систем для каждого отдельного случая, сколько выявить общесистемные принципы.

Автор «Тектологии» полагает, что в любой системе должны действовать как минимум две силы – одна из них направлена на формирование некоего системного центра, а другая – на сохранение периферических границ системы, не дающих ей распасться.

Эгрессия, по А.А. Богданову, – это воздействие центрирующей, собирающей систему воедино силы. Элемент, обладающий способностью к эгрессии, таким образом влияет на окружающие его элементы, что они стягиваются вокруг него, т. е. именно он способен задавать структурообразующие принципы – в каждом частном случае разные, в зависимости от того, о какой системе идет речь.

Рассматривая эгрессию, в особенности в социумах, А.А. Богданов делает интересный вывод, что при равных условиях для центра и периферии системы различия в их «эгрессивных потенциалах» будут постепенно нарастать, что в человеческих коллективах ведет сначала к централизации власти, а потом к ее все большей дифференциации. Здесь же он видит и естественные пределы эгрессии, приводя снова не столько физические и биологические примеры, сколько главным образом социальные. Увеличение количества звеньев в централизованной управленческой пирамиде обуславливает, по мысли А.А. Богданова, накопление ошибок, ослабление связей между высшими и низшими звеньями и в конце концов уменьшение эффективности. Автор иллюстрирует это в основном примерами из истории феодальных обществ. А.А. Богданов обращает внимание и на то, что при чрезмерном переусложнении системы каждое ее звено, став максимально специализированным и усилив свою ключевую функцию в системе, может ослабить или даже утратить остальные функции, которые изначально были ему присущи и могли обеспечить его автономное существование. Таким образом, любой такой компонент сложной системы оказывается предельно зависим от остальных, что хорошо только в условиях стабильности, но при резких и значительных изменениях (например, кризисах) излишне дифференцированные элементы не смогут модифицировать свои функции и положение в системе, которая вся целиком из-за этого лишится пластичности и приспособляемости.

Подобные идеи, в особенности касающиеся управленческих структур и их сильных и слабых сторон, в дальнейшем можно встретить у ряда теоретиков менеджмента XX в., в частности в работах П. Друкера [14] и его последователей, а также в концепциях постиндустриального и информационного общества, например у М. Кастельса [15]. Многие описанные А.А. Богдановым принципы функционирования систем, особенно социальных, по сути, сильно опередили свое время, т. к. весь XX в. на практике показывал процесс и последствия совершения тех ошибок, от которых автор вполне явно предостерегал.

Еще одним фактором дезорганизации системы, в перспективе способным привести к ее кризису, А.А. Богданов полагает наличие в ней не одного эгрессивного центра, а двух или нескольких, чьи функции могут пересекаться или совпадать, тем самым вызывая соперничество и конфликты. В то же время А.А. Богданов настаивает на том, что центрирующий системообразующий принцип эгрессии сам по себе недостаточен для долговечного существования системы. Нужны также силы, которые предохраняли бы ее как от агрессивных воздействий внешней среды, так и от разрыва собственных внутренних взаимосвязей. Эти «сохраняющие» процессы А.А. Богданов называет дегрессией. С одной стороны, последняя, с его точки зрения, сохраняет систему целостной, не давая ей рассыпаться и расплзаться. С другой – эти же процессы и ограничивают систему в росте и развитии. Причины этого А.А. Богданов видит в том, что, если эгрессивный центр обладает наибольшей пластичностью как способностью к росту и развитию, то периферические дегрессивные части не так высоко организованы, менее пластичны и за счет этого начинают «отставать» в развитии, а вместе с ними постепенно прекращает развиваться вся ограничиваемая ими система.

Интересными и опять отчасти опередившими свое время стали рассуждения А.А. Богданова о дегрессивных процессах торможения в культуре социума, высказанные им еще до появления известной концепции культурного лага У. Огборна. А.А. Богданов выступает с критикой идеологического догматизма во всех возможных областях как тормозящего их развитие за счет использования идей, уже потерявших связь с практикой, но (что особенно важно) укоренившихся в структурах языка, а через него – культуры в целом.

Дегрессивный потенциал любой системы, по А.А. Богданову, обеспечивает сначала ее укрепление и выживание, но затем – инерционность и сопротивление изменениям, даже когда те необходимы. Подобные свойства ряда социальных систем, таких, например, как организации, многократно описывались в более поздних работах XX в. в самых разных формах. Равно как были показаны и сложности, с которыми в таких случаях сталкиваются все те, кто находится внутри данной системы и надеется что-то в ней изменить.

Мы не планируем рассматривать здесь все труды, написанные в рамках системного подхода или даже общей теории систем, поскольку эта тема настолько обширна, что могла бы стать предметом отдельного исследования или даже серии таковых. Тем не менее еще одним автором, к работам которого обратиться более чем целесообразно, говоря о системном движении, является, конечно, Людвиг фон Берталанфи с его «Общей теорией систем».

С одной стороны, Л. фон Берталанфи развивает ряд идей, сформулированных ранее другими исследователями. С другой – в его работах ставятся некоторые фундаментальные вопросы, которые позднее послужили стимулами как к развитию теории систем, так и к ее критике.

Системы, по мнению Л. фон Берталанфи, можно найти практически везде – в живой и неживой природе на всех уровнях ее существования, а также, конечно, в человеческих социумах, истории и даже в таких масштабных пространственно-временных конгломератах, как цивилизации. В этом подход Л. фон Берталанфи имеет много сходного с работами А.А. Богданова. Как и последний, он использует скорее «эмпирический» (или даже индуктивный) способ обоснования своих взглядов – через приведение обширнейшего ряда примеров из разных научных дисциплин, чтобы показать, что между ними есть искомый им изоморфизм, который, по нашему мнению, является подлинным центром и камнем преткновения его теории, отражая как ее сильные стороны, так одновременно и слабые.

Итак, система для Л. фон Берталанфи в первом приближении – это, конечно, конструкция, состоящая из частей, находящихся во взаимодействии, результат которого несводим к простой сумме этих частей [16, р. 19]. Во многом продолжение работы автора посвящено объяснению того, почему системное целое не тождественно своим компонентам и какими свойствами в отличие от их суммы обладает.

В том, что касается всеобщности системных принципов, Л. фон Берталанфи, как и А.А. Богданов несколькими десятилетиями ранее, исходит из того, что наблюдается «параллелизм общих когнитивных принципов в различных областях» [17, р. 31], достигнутый этими сферами независимо друг от друга. Из этого ученый делает вывод, что должны существовать некие общие для различных научных областей принципы построения систем (не разделяя пока строго системы как теории и саму реальность) [18, р. 32]. Пока же Л. фон Берталанфи лишь указывает на то, что можно попытаться создать общую теорию систем, которая сформулировала бы принципы, сходные для всех систем независимо от сферы знания. Здесь уже видна та же фундаментальная с точки зрения философа проблема, которую Л. фон Берталанфи в дальнейшем наметит, но до конца так и не решит, а именно проблема возможности отождествления бытия и знания в отдельно взятой концепции. Ведь даже предполагать создание общей теории систем (верной для любых из них) можно, только искренне поверив в то, что все «частные» системные теории со

своей стороны адекватно и достаточно полно и точно описывают наличную реальность, поскольку любая система – это прежде всего модель, рожденная в сознании исследователя. Проще говоря, чтобы согласиться с точкой зрения Л. фон Берталанфи, нужно быть убежденными, что реальность действительно такова, какой мы ее представляем в научных теориях или чисто философских концепциях, которые также могут демонстрировать все указанные далее Л. фон Берталанфи черты «системности».

Ряд трудностей, с которыми неизбежно должна столкнуться данная теория, видел и сам ее автор. Например, он показывает, что могут возникнуть вопросы по поводу того, какие принципы способны работать на всех организационных уровнях, а какие специфичны для отдельных уровней, и перенос последних принципов на иные уровни приведет к ошибкам [19, р. 34]. Также он задается интересным вопросом, могут ли общества и цивилизации считаться системами, хотя далее в работе отвечает на него скорее положительно.

Л. фон Берталанфи нередко прибегает к использованию математических формул для описания ряда выявленных им системных эффектов, однако неоднократно возражает против того, чтобы его системную теорию считали просто переводом проблем на язык математики. Более того, он стремится показать, что если для относительно простых детерминированных систем математика может дать желаемый результат, то чем сложнее система, тем больше риск того, что при составлении математической модели произойдут непреднамеренное упрощение и отсекаание частей изучаемой реальности, которые важны для понимания целого.

Л. фон Берталанфи преследует заманчивую цель – объединение частных научных дисциплин в целое под эгидой его общей теории систем, чьи принципы будут пронизывать все знание, как естественно-научное, так и гуманитарное, преодолевая разрыв между ними и вновь воссоздавая целостную картину мира уже не на философских основаниях, а на научных. Однако эта, безусловно, благая цель, к сожалению, достигнута не была. Так же, например, не могло быть достигнуто искомое единство наук под эгидой формальной логики (которую так или иначе применяют они все) или математики (которой пользуется большинство из них).

Работы Л. фон Берталанфи и его последователей, как и сама активно «пропагандируемая» им общая теория систем, породили масштабную дискуссию как об этой теории, системном подходе, их сходстве, различиях и возможностях применения, так и о том, что и в каких случаях необходимо понимать под термином «система».

По сути, те проблемы, которые описал Л. фон Берталанфи в связи с математизацией систем, можно увидеть и в попытке приложить его теорию систем (как построения моделей, пусть и не всегда математических) к сегментам реальности без учета их специфических качественных характеристик.

Никто не будет отрицать мощного эвристического потенциала систем, но принципы их построения, обнаруживая на самом высоком уровне абстракции схожие черты (часть из которых обозначил А.А. Богданов), могут заметно варьировать исходя из того, что П.К. Анохин назвал системообразующим принципом [20]. Проблема в том, что любая система связей строится на базе качественных характеристик воздействия среды, самих элементов, ядра, дающего ей системообразующий принцип, поэтому каждая такая система будет иметь как сходные черты, так и уникальные, более того, можно выделить отдельные типы систем. Однако последними уже занимаются частные научные дисциплины, что возвращает нас к исходной (по крайней мере для Л. фон Берталанфи) позиции.

Хотя поставленные «сверхзадачи» теории систем решены не были, тем не менее она дала толчок к дальнейшему развитию ряда прикладных областей: от кибернетики и теории игр до отдельных направлений в психологии и социологии. Кроме того, не менее важным результатом системного движения стала глубокая и серьезная методологическая рефлексия на междисциплинарном уровне, которая, несмотря ни на что, позволила наметить пути сближения частных научных дисциплин [21] на пути к целостной научной картине мира.

Список источников:

1. Акофф Р.Л., Эмери Ф.И. О целеустремленных системах / пер. с англ. Г.Б. Рубальского. М., 1974. 269 с.
2. Садовский В.Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М., 1974. 279 с.
3. Огурцов А.П. Этапы интерпретации системности научного знания (Античность и Новое время) // Системные исследования. Ежегодник-1974. М., 1974. С. 154–186.
4. Лосев А.Ф. История античной эстетики. В 8 т. М., 2000. Т. 3. Высокая классика. 624 с.
5. Лосев А.Ф. Там же. Т. 4. Аристотель и поздняя классика. 880 с.
6. Огурцов А.П. Указ. соч. С. 164.
7. Там же. С. 166.
8. Кант И. Сочинения. В 8 т. Т. 3. М., 1994. 741 с.
9. Огурцов А.П. Указ. соч. С. 169.
10. Богданов А.А. Тектология: всеобщая организационная наука. В 2 кн. М., 1989. Кн. 1. 304 с.

11. Там же. С. 144–145.
12. Там же. С. 158–160.
13. Там же. С. 161–164.
14. Drucker P.F. The Age of Discontinuity: Guidelines to Our Changing Society. New Brunswick; L., 2011. 420 p.
15. Castells M. The Rise of the Network Society. The Information Age: Economy, Society and Culture. Malden, 2000. 580 p.
16. Bertalanffy L. von. General System Theory: Foundations, Development, Applications. N. Y., 1969. 289 p.
17. Ibid. P. 31.
18. Ibid. P. 32.
19. Ibid. P. 34.
20. Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. М., 1975. 448 с.
21. Mancilla R.G. Introduction to Sociocybernetics (Pt 3): Fourth Order Cybernetics // Journal of Sociocybernetics. 2013. Vol. 11, no. 1/2. P. 47–73. https://doi.org/10.26754/ojs_jos/jos.20131/2626.

Информация об авторе

Е.В. Малахова – кандидат философских наук, доцент кафедры международных отношений Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», Москва, Россия; докторант Института философии Российской академии наук, Москва, Россия.

Information about the author

E.V. Malakhova – PhD in Philosophy, Associate Professor of National Research Nuclear University “MEPHI”, Moscow, Russia; Doctoral candidate of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 14.05.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 26.05.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 10.06.2021.

Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 24–28.
Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 24–28.

Научная статья
УДК 101.3+502.31
<https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.3>

Сущностные аспекты и природосберегающий потенциал социально-экологических и философских концепций

Сергей Владимирович Смирнов

Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, Республика Татарстан, Елабуга, Россия, sunstability@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3109-6570>

Аннотация. Усугубление глобальной экологической ситуации требует активизации научного и философского поиска в выявлении причин и разработке методологии решения экологической проблематики. Цель представленного исследования – выявление сущностных особенностей и экологического потенциала социально-экологических и философских концепций, таких как энвайронментальная социология, экологическая этика, глубинная экология и философия ноосферы. Характеризуя гносеологические, методологические и аксиологические аспекты перечисленных концепций, автор приходит к выводу об имеющей место взаимодополняемости научного и философского дискурсов в осмыслении и решении экологических проблем. Подчеркивается целесообразность комплексной рефлексии экологических проблем наукой и философией как форм познания, направленных на производство знаний и ценностей. Обосновывается мысль о необходимости объединения научных и философских исследований в разработке и реализации стратегии устойчивого развития цивилизации.

Ключевые слова: энвайронментальная социология, экологическая этика, глобальная экология, ноосферная философия, экологический потенциал, стратегия устойчивого развития цивилизации, человек, биосфера, коэволюция, ноосферизм

Для цитирования: Смирнов С.В. Сущностные аспекты и природосберегающий потенциал социально-экологических и философских концепций // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 24–28. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.3>

Original article

Essential aspects and environmental potential of socio-ecological and philosophical concepts

Sergey V. Smirnov

Yelabuga Institute, Kazan Federal University, Republic of Tatarstan, Yelabuga, Russia, sunstability@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3109-6570>

Abstract. The aggravation of the global ecological situation requires the intensification of scientific and philosophical search in identifying the causes and developing a methodology for solving environmental problems. The aim of the study is to identify the essential features and ecological potential of socio-ecological and philosophical concepts, such as environmental sociology, ecological ethics, deep ecology and philosophy of the noosphere. Characterizing the epistemological, methodological and axiological aspects of the listed concepts, the author comes to the conclusion about the existing complementarity of scientific and philosophical discourses in understanding and solving environmental problems. The expediency of a complex reflection of environmental problems by science and philosophy as forms of cognition aimed at the production of knowledge and values is emphasized. The need to combine scientific and philosophical research in the development and implementation of a strategy for sustainable development of civilization is substantiated.

Keywords: environmental sociology, ecological ethics, global ecology, philosophy of the noosphere, ecological potential, strategy for sustainable development of civilization, man, biosphere, co-evolution, noospherism

For citation: Smirnov S.V. Essential aspects and environmental potential of socio-ecological and philosophical concepts // Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 24–28. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.3>

Во второй половине прошлого века человечество столкнулось с проблемой осложнения глобальной экологической ситуации, связанной с ухудшением качества окружающей среды и сокращением запасов доступных природных ресурсов. Следствием глобальной рефлексии экологической проблематики стало проведение 16 июня 1972 г. Стокгольмской конференции ООН по проблемам окружающей среды, по итогам которой была принята Стокгольмская декларация о базовых принципах сохранения природы и разумного использования ее богатств [1].

Необходимость реализации данных принципов привела к разработке ряда социально-экологических и философских концепций, в рамках которых была дана оценка экологических рисков,

рассмотрены направления сохранения человеком качества окружающей среды, охарактеризованы ценностно-нормативные аспекты взаимодействия человека (общества) и природы, проиллюстрированы перспективы совместной эволюции живого и мыслящего вещества [2, с. 46].

Рассмотрим, в соответствии с целью представленного исследования, сущностные аспекты и экологический потенциал социально-экологических и философских концепций.

Активизация процесса осмысления наукой социоприродной проблематики берет начало в 70-х гг. XX в. со становления энвайронментальной социологии – совокупности теоретических подходов, идеологических течений, мировоззренческих ориентаций и природоохранных практик, направленных на решение проблем социоприродного развития.

Основой энвайронментальной социологии стала новая экологическая парадигма (Р. Данлэп, У. Кеттон, 1978 г.). Основой данной парадигмы послужило утверждение о том, что природа не может являться бездонной кладовой ресурсов, а человек – ее хозяином и господином, способным бесконтрольно использовать ее тела и блага. Человек – лишь одно из многих существ, населяющих Землю. Представления о его исключительности – результат недостаточного понимания взаимосвязи природных процессов, взаимозависимости всех живых существ. В данной парадигме были подчеркнуты опасения, что усиливающееся антропогенное вмешательство в биосферу может привести к разбалансировке ее регуляторных механизмов в масштабах, угрожающих существованию человека [3, с. 39–42].

В энвайронментальной социологии можно выделить несколько течений, отражающих методологическую специфику реализации социоприродных трансформаций:

- консервационисты, выступая за продуктивное, рациональное природопользование, основанное на внедрении экологических технологий, ставят задачу снижения антропогенной нагрузки на природу в целях ее максимального сохранения в интересах нынешнего и будущего поколений людей;
- для биоцентристов, воспринимающих природу как воплощение совершенного бытия, важнейшей задачей является создание особо охраняемых природных территорий с максимальным ограничением доступа туда человека;
- экологи считают необходимой организацию массовых движений, направленных на защиту окружающей среды, выступают за широкое участие населения в практике решения экологических проблем; представители данного направления полагают, что общество, путем организации природоохранных мероприятий, способно поддерживать биосферный гомеостаз на региональном и глобальном уровнях;
- экономисты полагают, что решение экологических проблем требует трансформации экономических и социальных институтов; в первом случае эта трансформация требует перехода экономики к замкнутым производственным циклам, во втором – к сокращению масштабов общественного потребления [4, с. 18].

Энвайронментализм стал важной вехой на пути экологизации деятельности человека. Немаловажное значение в этом сыграло мощное природоохранное движение, развернувшееся в странах Запада и приведшее к политизации экологии, возникновению экологического законодательства. Во многом благодаря «зеленым» партиям в странах Западной Европы были приняты законы о климатических изменениях и борьбе с их последствиями, введено ограничение на использование ДДТ (токсичного пестицида, оказывающего негативное воздействие на функцию воспроизводства у птиц), запрет на использование фреонов, приводящих к истончению озонового слоя и т. д. Как верно отмечает в этой связи Д. Порри, «прогресс, который принесли новые законы о качестве воды и воздуха, биоразнообразии и других аспектах природопользования – хотя законы эти и далеки от совершенства – был бы не возможен без энвайронментализма» [5, с. 182].

Крупным достижением энвайронментальной социологии стало понимание того, что решение экологических проблем требует изменения сознания и мировоззрения человека. Это понимание привело к возникновению экологической этики – дисциплины, сформировавшейся на стыке этики и экологии, задачей которой стало осмысление ценностно-нормативных аспектов взаимодействия природы и человека.

Так, для А. Швейцера экологическая этика – это «благоговение перед жизнью» – ответственность человека за все, что живет. Человек, если к этому его не побуждает неизбежность, «не ломает ледяных кристаллов, сверкающих на Солнце, не рвет листьев с деревьев, цветов и старается не наступать на насекомых» [6, с. 14]. Для него любая Жизнь настолько свята, насколько ценно собственное существование.

Для О. Леопольда биосфера – это целостный организм, в котором отдельные виды функционируют подобно органам тела. Ценность Земли, по О. Леопольду, определяется не ее экономической эффективностью, а той целесообразностью, которой обладают живые существа, являющиеся элементами биотической пирамиды [7, с. 221]. Конфликт человека с природой является

следствием незнания им естественных законов, его неспособностью воспринимать планету как часть целостности, к которой принадлежит он сам.

В начале 90-х гг. прошлого века начинает формироваться глобальная экология. Глобальную экологию ее основатель, отечественный ученый-эколог, Н.Ф. Реймерс позиционирует «как учение об экосфере Земли как планеты, взаимодействующей с биосферой» [8, с. 10].

В данной науке наметился переход к новому уровню экологического познания: от изучения механизмов функционирования экосистем, биосферы как их совокупности, к осмыслению закономерностей эволюции биосферы и человечества как единого целого. Формирование глобальной экологии позволило преодолеть предметную ограниченность отдельных экологических дисциплин. В условиях роста влияния человека на биосферу и околоземное пространство, глубинная экология вышла «за пределы биосферы, изучая всю экосистему планеты как космического тела» [9, с. 15].

Результатом научного осмысления социоприродной проблематики стала разработка стратегии устойчивого развития цивилизации, понимаемой как тип развития, «удовлетворяющий нужды сегодняшнего поколения, не лишая будущие поколения возможности удовлетворять их собственные нужды» [10, с. 21]. К основным задачам Стратегии, поставленным на Всемирном экологическом саммите в Рио-де-Жанейро еще в 1992 г., были отнесены:

- борьба с бедностью и экономическим дисбалансом развитых и развивающихся стран;
- внедрение природосберегающих технологий производства сырья и энергии;
- ограничение потребления;
- повышение качества окружающей среды;
- расширение участия граждан в реализации экологических проектов и т. д.

Рассмотренные социально-экологические концепции, таким образом, позволили оценить опасность существующих экологических рисков, реализовать мероприятия, направленные на охрану и рациональное использование природных богатств, сформировать представления о человеке как существе, ответственном за все живое, компоненте биосферы, функционирование которой определяется как естественными закономерностями, так и характером преобразовательной деятельности разумного существа.

Развитие философских представлений о социоприродной проблематике в течение второй половины XX – начала XXI вв. осуществляется в рамках учения о ноосфере, основные положения которой были теоретически обоснованы отечественным ученым и философом В.И. Вернадским в середине прошлого века.

Под ноосферой (от греч. *noos* – ум, *sphaira* – шар) В.И. Вернадский понимает этап эволюции биосферы, на котором разум человека, превратившись в геологическую силу планетарного масштаба, становится основополагающим фактором ее развития [11, с. 480].

Представления В.И. Вернадского о ноосфере легли в основу философии ноосферы, начало формированию которой было положено в 70–80-х гг. XX в. Н.Н. Моисеевым в разработанной им концепции коэволюции человека (общества) и природы. Под коэволюцией Н.Н. Моисеев понимает «такое поведение человечества, такую адаптацию его деятельности к естественным процессам, происходящим в биосфере, т. е. к развитию окружающей среды, которая сохраняет (или содействует сохранению) состояния биосферы в окрестности того эволюционного канала, который оказался способным произвести человека» [12, с. 29].

Важнейшим условием достижения социоприродной коэволюции, как считает философ, является соблюдение человеком экологического и нравственного императивов. Под первым он понимает систему законодательных запретов на экологически опасные виды деятельности – уничтожение лесов, загрязнение Мирового океана, проведение ядерных испытаний и т. д. Под вторым – систему новых моральных ценностей, основанных на осознании глубокой ответственности человека за последствия своей неразумной деятельности.

Соблюдение данных императивов, по мнению Н.Н. Моисеева, является условием для перехода человечества к так называемой «эпохе ноосферы» – этапу согласованного, направляемого развития человечества, существующего в гармонии с окружающей средой. Это развитие, по мнению философа, ставит задачу «научиться бороться с последствиями научно-технического прогресса, средствами, которые должны создавать дальнейшее развитие науки и техники. Таков парадокс и такова диалектика развития вида *Homo Sapience*» [13].

В 1990-е гг. А.Д. Урсул разрабатывает концепцию коэволюции биосферы и социосферы. Как и Н.Н. Моисеев, он придерживается точки зрения о том, что переход к ноосфере требует достижения определенного баланса между материальными потребностями человечества и регенеративным потенциалом биосферы. В то же время, если Н.Н. Моисеев рассматривает коэволюцию как процесс адаптации человека к естественным процессам, происходящим в биосфере, А.Д. Урсул и И.В. Ильин в качестве условия таковой постулируют необходимость снижения антропогенной нагрузки на биосферу путем резкого сокращения численности населения Земли [14, с. 136].

С начала XXI в. развитие ноосферной концепции осуществляется в рамках ноосферизма – учения об управляемой социоприродной эволюции, реализуемой на основе коллективного интеллекта и справедливых форм государственного устройства. Ноосферизм представляет собой синтез идей В.И. Вернадского о перспективах разумного управления человеком биосферой и представлений о справедливо устроенном обществе. В ноосферизме решение экологических проблем становится возможным при условии отказа человечества от капиталистической модели хозяйствования, хищнически использующей природные ресурсы. Как пишет автор концепции А.И. Субетто, «капиталистический человек, или “Homo Capitalus”, обречен на экологическую смерть. Спасти его может только отказ от культа “Капитала-Бога” и переход на систему ноосферно-социалистических ценностей» [15, с. 355]. Становление ноосферы, отмечает А.И. Субетто, опирается на «космогонический закон интеллектуализации Вселенной», сущность которого заключается в смене естественных принципов биологической конкуренции и естественного отбора, на механизм интеллектуальной эволюции Вселенной, рост участия человека в управлении ей [16, с. 20]. С данным законом согласуются и выводы Дж. Лесли, который рассматривает человека как закономерную часть эволюции Вселенной, осознающей свою самость через познавательную деятельность разумного существа [17].

К взглядам А.И. Субетто близки представления А.К. Адамова, в своих исследованиях разрабатывающего возможность формирования ноосферной общественно-экономической формации – типа общественного устройства, способного обеспечить социальное благоденствие человека и экономическое процветание за счет использования передовых технологий производства продукции, паритета всех форм собственности, основанной на свободной конкуренции производителей [18, с. 216].

Как и А.И. Субетто, А.К. Адамов полагает, что основой формирования ноосферной цивилизации станут законы интеллектики, представляющие собой синтез законов «развития материи и организации жизни человечества, сформулированные человеческим разумом и функционирующие по его воле и его трудом» [19, с. 81].

Особенности развития ноосферной философии, таким образом, позволили сформировать представления о необходимости осуществления комплексных изменений в системе человек–общество–природа как на уровне социальном, так и на индивидуальном. Следствием рефлексии философией ноосферы экологической проблематики стало формирование представлений о Человеке и его интеллекте как предпосылке, средстве и результате осуществления социоприродных трансформаций.

Выявление сущностных аспектов и экологического потенциала социально-экологических и философских концепций позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Формирование энвайронментальной социологии стало основой развития массового природоохранного движения, привело к проникновению экологических идей в политическую сферу жизни общества, способствовало разработке законов, направленных на охрану окружающей среды.

2. Становление экологической этики привело к формированию представлений об объективной ценности природы, человеку как существе, являющемся частью экологической пирамиды, несущем ответственность за все живое.

3. Создание глобальной экологии позволило сформировать представления о биосфере как целостной совокупности слагающих ее экосистем, существование и функционирование которых обусловлены, с одной стороны, характером эволюционных изменений биосферы, с другой – особенностями преобразовательной деятельности человека.

4. Развитие философии ноосферы привело к формированию представлений о человеке как существе, являющемся предпосылкой, средством и результатом изменений социоприродной среды. Необходимым условием разрешения экологических проблем в философии ноосферы выступает изменение сознания и мировоззрения человека, превращение его интеллекта в индивидуальную целостность, способную воздействовать на процессы эволюционного развития биосферы.

Рассмотренная в исследовании проблематика позволяет нам, таким образом, говорить об имеющем месте взаимодополнении научного и философского дискурсов в осмыслении и решении экологических проблем.

Необходимость объединения научных и философских исследований социоприродной проблематики является условием успешной реализации Стратегии устойчивого развития современной цивилизации, одной из причин недостаточной эффективности которой стала опора мирового сообщества в основном на средства и методы научно-технологического решения экологических проблем. Между тем реализация Стратегии требует первоочередного изменения сознания и миро-

воззрения людей: от потребительского взгляда на мир – к мышлению экологическому; от монетарных ценностей и экономоцентрических приоритетов жизни и деятельности – к необходимости приоритетного сохранения Природы; от поклонения Науке как средству исцеления социальных болезней – к отношению к Человеку как ключевому фактору социоприродных трансформаций.

Список источников:

1. Стокгольмская декларация. 16 июня 1972 года [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901880141> (дата обращения 31.05.2021).
2. Смирнов С.В. Концепция биоинтеллектосферы (опыт философского осмысления). Казань, 2020. 260 с.
3. Баньковская С.П. Инвайронментальная социология. Рига, 1991. 130 с.
4. Лось В.А. Взаимоотношения общества и природы. М., 1989. 64 с.
5. Планета Земля: будущее. СПб., 2008. 319 с.
6. Цит. по: Нэш Р. Права природы. История экологической этики. Киев, 2001. 180 с.
7. Леопольд О. Календарь песчаного графства. М., 1983. 248 с.
8. Реймерс Н.Ф. Надежды на выживание человечества: Концептуальная экология. М., 1992. 367 с.
9. Там же. С. 15.
10. Оленьев В.В. Глобалистика на пороге XXI века // Вопросы философии. 2003. № 4. С. 18–30.
11. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М., 2007. 576 с.
12. Моисеев Н.Н. Еще раз о проблеме коэволюции // Экология и жизнь. 1998. № 2. С. 24–28.
13. Моисеев Н.Н. Думая о будущем или напоминая моим ученикам о необходимости единства действий чтобы выжить // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. 2007. № 3. С. 12–16.
14. Ильин И.В., Урсул А.Д. Эволюционная глобалистика. Концепция эволюции глобальных процессов. М., 2009. 192 с.
15. Субетто А.И. Ноосферизм. Том первый. Введение в ноосферизм. СПб., 2001. 537 с.
16. Там же. С. 20.
17. Leslie J. Anthropic Principle, World Ensemble, Design // American Philosophical Quarterly. 1982. Vol. 19. No. 2. P. 141–151.
18. Адамов А.К. Ноосферная философия. Саратов, 2008. 342 с.
19. Там же. С. 81.

Информация об авторе

С.В. Смирнов – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социологии Елабужского института Казанского (Приволжского) федерального университета, Республика Татарстан, Елабуга, Россия.

Information about the author

S.V. Smirnov – PhD, Associate Professor, Head of the Philosophy and Sociology Department, Yelabuga Institute, Kazan Federal University, Republic of Tatarstan, Yelabuga, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 04.05.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 21.05.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 10.06.2021.

Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 29–32.
Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 29–32.

Научная статья

УДК 81:1+165

<https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.4>

Истина в грамматике в реалистской традиции как универсальный способ восприятия и понимания мира в аналитической философии языка

Екатерина Владимировна Григоренко

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, evgphil@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-6139-4694>

Аннотация. В статье представлена идея о том, что грамматика в аналитической философии является одним из главных учений, т. к. направлена на формирование и интерпретацию истинного значения. Данное учение в большей степени сформировано в рамках реалистской традиции с помощью создания общих понятий, отдельных частей речи, а также правил формирования предложений. Грамматические учения выражают идеальную модель языка, общую для всех людей, где какие-либо разночтения не принимаются, поскольку не могут выразить полное понимание человеком мира. Антиреалистская концепция грамматики ориентирована на многозначность интерпретаций значения языка и на формирование конвенций, которые меняются в соответствии со временем, местом и определенным субъектом. Из этого следует, что именно реалистская концепция грамматики выигрышна и наиболее приемлема для познания и понимания материального мира, поскольку выражает единство идей и стремлений, единых и подходящих для всех людей.

Ключевые слова: грамматика, реализм, антиреализм, идеальная модель языка, интерпретация, понимание, истинное значение

Для цитирования: Григоренко Е.В. Истина в грамматике в реалистской традиции как универсальный способ восприятия и понимания мира в аналитической философии языка // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 29–32. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.4>

Original article

Truth in grammar in the realist tradition as a universal way of perception and understanding the world in the analytical philosophy of language

Ekaterina V. Grigorenko

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, evgphil@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-6139-4694>

Abstract. Grammar in analytical philosophy is one of the main teachings, as it is aimed at the formation and interpretation of the true meaning. It is largely formed within the framework of the realist tradition by creating general concepts, separate parts of speech such as nouns and adjectives, as well as the rules for the formation of sentences. Thus, grammatical teachings express an ideal model of language, common to all people, where no discrepancies are accepted, because they cannot express a complete understanding of the world by a person. In contrast, the anti-realist concept of grammar focuses on the ambiguity of interpretations of the meaning of language, as well as on the formation of conventions that change in accordance with time, place and a particular subject. The realistic concept of grammar is advantageous and most acceptable for the knowledge and understanding of the material world, since it expresses the unity of ideas, aspirations, common and suitable ones for all people.

Keywords: grammar, realism, anti-realism, ideal model of language, interpretation, understanding, true meaning

For citation: Grigorenko E.V. Truth in grammar in the realist tradition as a universal way of perception and understanding the world in the analytical philosophy of language // Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 29–32. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.4>

Вопрос об истинном значении был актуален всегда, т. к. он акцентирует внимание на процессе познания и установлении объективных законов описания и понимания знания и его применении в постижении человеком действительности. В аналитической философии языка грамматика выступает главным методом познания и понимания мира. В связи с этим именно в рамках реализма и антиреализма формируется определенная модель языка – идеальная, либо естественная, направленная на создание истинного значения. Целью работы является доказательство идеи о том, что именно реалистская концепция истинного знания выступает основополагающей в грамматике, поскольку содержит тезис о том, что посредством общих понятий возможно

формирование истины и объективное понимание действительности каждым из нас. Методы исследования – аналитический, герменевтический и диалектический.

Грамматика в аналитической философии языка сосредоточена на исследовании процесса восприятия и понимания человеком мира.

Реалистская традиция в грамматических учениях ориентирована на формирование идеальной модели языка и представление схемы познания действительности.

В основе реалистской модели – создание понятий. Они выражают все изменения, происходящие в действительности. На основе этого реалистская концепция представляет собой идеальную модель языка, направленную на описание и понимание мира. В противовес этому, антиреалистская концепция представлена через исследование и изменения, происходящие в естественном языке. Здесь понятия изменчивы, это зависит от особенности знания, а также целей и задач познавательного процесса.

Представители реалистской концепции формирования и развития истинного знания и определения его критериев в грамматике: Н. Хомский, П. Стросон и У. Куайн.

В аналитической философии в рамках реализма исследователи отмечают следующие разновидности грамматики:

- трансформационная (генеративная) грамматика Н. Хомского;
- сущностная грамматика, представленная П. Стросоном;
- логическая грамматика У. Куайна.

Главный представитель генеративной грамматики XX–XXI вв. – Н. Хомский. Основные ее идеи философ выражает в работе «Современные исследования по теории врожденных идей» [1]. Истина представлена мыслителем с помощью общих понятий, которые вспоминаются каждым из нас при работе с объектом.

Н. Хомский разрабатывает правила исследования языка, в них есть шаблонность, выражающаяся в присущей человеку от рождения схематичности понимания языка, который формирует разновидность умения. Процесс опытной деятельности состоит в том, чтобы пробудить знания, существующие в человеческом сознании, к функционированию, изменению и определению их конкретным методом.

Наследственные факторы допускают для каждого из нас стремление в их употреблении для конкретизированных идей, характеризующих способность человека познавать и реализовывать то, что он задумал изначально.

Н. Хомский отмечает, что мысли, присущие человеку с рождения, с помощью способа работы, характеризующего деятельность по исследованию положений, представляют собой специфику каждого из нас принимать сведения, перерабатывать их и употреблять в определенном виде деятельности. Таким образом, формирование понятий подтверждает тезис о существовании истинного знания, направленного на полную характеристику объекта познания.

П. Стросон в произведении «Грамматика и философия» разрабатывает грамматику, где любой индивид не отдает себе отчета в создании и реализации предписаний, опираясь на конкретные закономерности [2]. Они ведут к познанию нами языка, при этом мы никогда не догадываемся об их наличии.

Данный философ является представителем сущностной грамматики, которая выражает истинное знание в рамках реалистской традиции через формирование общих понятий, единых для всех людей. Данные понятия проработаны и представлены мыслителем в системе четырех словарей: онтологического, семантического, функционального и словаря названий формальных средств.

Согласно концепции философа, не существует неоднозначности понятий, т. к. все люди принадлежат к одному типу нервной и церебральной организации, и поэтому общие категории в полной мере между собой не различаются, а исследователь всегда основывается на них при решении определенного вопроса.

Грамматика П. Стросона представлена в рамках реалистской концепции, в основе которой – категории, характеризующие общность в интерпретации языка, учитывая единство людей в развитии естественного языка и особенностей его восприятия и понимания. Данные категории соответствуют всем качествам и свойствам материального мира, имеют истинностное значение и выражают корреспондентную теорию истины, отражающую строгое соотношение понятий определенным предметам.

Одним из мыслителей, который представил грамматическое учение в рамках реалистской традиции, корреспондентной и когерентной теорий истинного высказывания, является У. Куайн. Идеи грамматики выражаются им через построение предложений [3].

Основная составляющая грамматического учения мыслителя включает в себя предсказывание предложений с глаголом «идет» до разновидности суждений «Х идет». Главным выводом

связи выступает атомарная пропозиция, в которой не существует второстепенных высказываний. Эта пропозиция имеет аргумент. Она выступает свободно представленным суждением, являющимся истинным для одних случаев и ложным для других, отдельно оно не может выступать ни истинным, ни ложным. Также мыслителем анализируется глагол «любит» во взаимосвязи с двумя именами. Основываясь на этом, образуется атомарная пропозиция «Х любит Y».

У. Куайн отмечает взаимосвязь между членами предложения. Это осуществляется с целью формирования пропозиций, где есть предикат и его имена. Другие построения состоят из высказываний, опирающихся на другие пропозиции. Следующей составляющей предложения выступает конъюнкция, состоящая из двух пропозиций. В символической форме она обозначается точкой для создания сложной пропозиции. Конъюнкция основана на взаимосвязи двух высказываний посредством союза «и» для образования более сложной пропозиции.

Дизъюнкция характеризует взаимосвязь двух высказываний с помощью союза «или» с целью формирования сложной пропозиции. Этот вид предложений используется на практике.

Условная связь в грамматике, согласно У. Куайну, формирует составную пропозицию. Данная конструкция характеризует различные рассуждения человека, акцентируя свое внимание на их строгом соотношении с происходящим в материальном мире.

Особенностью учения У. Куайна является то, что истинность конъюнкций, дизъюнкций и других логических операций основана на истинностных значениях составных элементов этих предложений. Данные механизмы философ определяет как истинностные функции.

Важной спецификой данного грамматического учения выступает использование в нем конструкции при реализации выражений и описании процессов и явлений действительности. Философ полагает, что все мы, используя язык, употребляем одни и те же конструкции, несмотря на устоявшуюся терминологию.

В грамматическом учении У. Куайна логические истины не меняются ни при каких обстоятельствах и выражают общие понятия, приемлемые для всех людей. Данное учение представлено в реалистской концепции, направленной на создание единых определений, содержание которых является приемлемым для каждого человека. В этом грамматическом учении логические понятия выступают одной из форм описания и познания реального мира. Единые понятия, правила описания и характеристики материального мира выражают корреспондентную теорию, где понятие строго соответствует предмету, а правила формирования предложений, основанные на идее строгой взаимосвязи суждений между собой, выражают когерентную теорию, в которой высказывание формируется в рамках определенных суждений, а отказ от этого препятствует созданию истинного значения.

В противовес реалистской традиции, в рамках которой формируется истинностное значение, необходимо сказать и об антиреализме. Данное направление представлено в грамматике в аналитической философии языка с помощью индивидуальной интерпретации понятий, их постоянной изменчивости, а также стремлением к тому, чтобы показать место и время в качестве основополагающих критериев в определении и реализации истинного знания.

Один из представителей грамматического учения в аналитической философии языка – Д. Дэвидсон. Философ показывает формирование истины в рамках антиреалистской традиции в работе «Грамматические наклонения и виды речевой практики» [4].

Основной вопрос, на который мыслитель пытается ответить, следующий: «Способна ли теория истины объяснять различия между грамматическими наклонениями?» Интерес к решению данного вопроса обусловлен стремлением к пониманию соотношения между значением предложений и их использованием.

Основной акцент философ делает на анализе истинностного значения. Выражения, устанавливающие наклонение, представляют высказывание с иллокутивной силой. В том случае, если условия являются истинными, высказывания, определяющие наклонение, являются стабильными, а предложения, основой которых выступает изъявительное ядро, состоят в эффективности инструкции. Таким образом, истинное высказывание может быть представлено только посредством иллокутивного акта.

Проанализировав грамматическое учение философа, необходимо отметить, что оно направлено, прежде всего, на подтверждение идеи о том, что каждое грамматическое наклонение формирует истинностное значение. Объединять высказывания, не учитывая этого правила, значит в каждый момент времени препятствовать формированию истины, создаваемой человеком.

Этот вид грамматики основан на тезисе «место–время–говорящий» и способствует строгому отношению между высказыванием и происходящим, а также учитывает то, каким образом, с какой целью и с каким выражением произносится конкретное высказывание.

На основе исследования грамматики Д. Дэвидсона необходимо заключить: философ представляет свои идеи в рамках двух традиций: реализма и антиреализма. Реалистская направленность выражается автором через использование значения языка в каждом конкретном наклонении, учитывая правила его формирования, в то время как антиреалистская концепция характеризуется посредством реализации мысли, учитывая стремления субъекта, а также то, в какое время и где произносится данное высказывание.

Основываясь на исследовании истины в грамматике в аналитической философии языка, необходимо сделать следующие выводы: формирование истинного значения представлено в двух моделях – реалистской и антиреалистской. Реалистская модель осуществляется в рамках корреспондентной теории истинного знания, антиреалистская формируется в реляционной теории истины. Корреспондентная теория истины в грамматике представлена посредством формирования общих понятий, направленных на их соответствие действительности. Ее представителями являются Н. Хомский, П. Стросон, У. Куайн. Реляционный подход выражен в грамматическом учении Д. Дэвидсона.

На основе проведенного исследования необходимо сделать следующее заключение: реалистская концепция, в рамках которой формируется грамматика посредством теории корреспонденции, наиболее выигрышна, поскольку направлена на отстаивание идеи общности понятий, приемлемых для всех людей. Именно благодаря этим единым понятиям, общим конструкциям мы понимаем друг друга. Антиреалистская концепция отстаивает только изменения, отрицая при этом общность и единство определений, полагая, что они – лишь условность и преграда для коммуникации.

Н. Хомский, развивая идею о врожденности знания, утверждает, что только общие унаследованные понятия способствуют познанию и пониманию человеком действительности. В свою очередь, именно данные универсалии являются основополагающими в реалистской концепции грамматики У. Куайна. Ведь именно они выступают главными факторами в характеристике и понимании всего происходящего в действительности. Тем самым, единые определения представляют собой основу в познании мира каждым из нас, являются общими, благодаря которым мы и понимаем друг друга. Помимо этого критерия, способствующего пониманию людьми друг друга, философ отмечает правила грамматики, направленные на создание предложений, а также на взаимосвязь их между собой. Это способствует единому пониманию всего того, что происходит в материальном мире, а также описанию и реализации общих идей. П. Стросон, также являясь ярким представителем реалистской концепции грамматики, выражает ее через общие словари, характеризующие процесс восприятия, познания, интерпретации и понимания людьми любого вопроса.

Таким образом, именно реалистская традиция формирования и интерпретации истинного знания предоставляет каждому из нас возможность понимания и реализации идей, т. к. рассчитана на их общность и единство, исключая какие-либо разночтения.

Список источников:

1. Хомский Н. Современные исследования по теории врожденных идей // Философия языка / Ред.-сост. Дж.Р. Серл. М., 2010. С. 167–178.
2. Стросон П. Грамматика и философия // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. Логический анализ естественного языка. М., 1986. С. 160–172.
3. Куайн У.В.О. Философия логики. М., 2008. 192 с.
4. Дэвидсон Д. Истина и интерпретация. М., 2003. 448 с.

Информация об авторе

Е.В. Григоренко – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия.

Information about the author

E.V. Grigorenko – PhD, Associate Professor, Philosophy Department, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 08.05.2021
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 01.06.2021
Принята к публикации / Accepted for publication 10.06.2021

Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 33–35.
Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 33–35.

Научная статья

УДК 1:124.2

<https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.5>

Идея различия как смыслообразующий концепт современной философии

Елена Анатольевна Механикова

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, Mehanikova-elena@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7854-6906>

Аннотация. Рассматривается репрезентация идеи различия во французской постструктуралистской мысли. Активное формирование новых мыслительных стратегий во Франции в конце XX в. связано с необходимостью ответа на интеллектуальные запросы современности. Тогда наметилась тенденция рассматривать подобие, идентичность как результат глубокой несоизмеримости, тем самым определяя конфигурацию «проблемного поля» постнеклассической рациональности, указывая на аутентичность восприятия мира как неопределенной множественности, продуцирующей контекстуальную конкретность. Принцип тождества подвергается критическому анализу и связывается с логоцентризмом как исторически изжившей себя формой европейского мышления. Идея «концепта» Ж. Делёза и термин «дифференс» Ж. Деррида многоаспектно эксплицируют содержательную природу различия, направленного на тотальное переосмысление и расширение опыта осознания неоднородности, сущностной нетождественности внутри самого философского дискурса, выступая его конститутивным моментом и знаковым представлением постмодернистского миропонимания в целом.

Ключевые слова: постмодернизм, дискурсивность, событие, логоцентризм, фактичность, коммуникация, смысл, мышление, концепт, процессуальность, становление, деконструкция, имманентность, постструктурализм, сингулярность, истина, различие

Для цитирования: Механикова Е.А. Идея различия как смыслообразующий концепт современной философии // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 33–35. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.5>

Original article

The idea of difference as a meaning-forming concept of modern philosophy

Elena A. Mekhanikova

Kuban State University, Krasnodar, Russia, Mehanikova-elena@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7854-6906>

Abstract. The representation of the idea of difference in French poststructuralist thought as fundamental to postmodern discourse is studied. The new thinking strategies in France at the late 20th century are associated with the need to respond to the intellectual demands of our time. There was a tendency to consider similarity as a result of deep incommensurability, which pointed to the authenticity of the world perception as an indefinite plurality, producing contextual concreteness. Gilles Deleuze's idea of the concept and the term difference by Jacques Derrida in many aspects illustrate the meaningful nature of difference, aimed at total rethinking and expanding the experience of understanding heterogeneity, essential nonidentity within the philosophical discourse itself, acting as its constitutive moment and a symbolic representation of the postmodern worldview as a whole.

Keywords: postmodernism, discursiveness, event, logocentrism, factuality, communication, meaning, thinking, concept, procedurality, becoming, deconstruction, immanence, post-structuralism, singularity, truth, difference

For citation: Mekhanikova E.A. The idea of difference as a meaning-forming concept of modern philosophy // Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 33–35. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.5>

Постмодернистский дискурс, максимально выражающий мироощущение современного человека западной цивилизации, восходит к французской постструктуралистской мысли как кристаллизации европейского самосознания. В ней осуществляется критическая рефлексия логоцентрической формы мышления, доминирующей на Западе и определяющей характер познавательных стратегий с претензией на обладание универсальной истиной.

Интеллектуальные поиски второй половины XX в. во Франции во многом связаны с преодолением гегелевской модели непрерывной интеллигибельности и раскрытием смыслового ресурса, оспаривающего прежние очевидности и понятийную самотождественность. Логоцентризм выступал символом исторически изживающих себя культурных предпосылок европейского мышления.

«Неизлечимо гегельянский» язык классической философии ограничивал восприятие реальности, делая схематичным ее рассмотрение. Так, уже перспективизм французского ницшеанства стремился «космыслить» перспективу в диаметрально противоположном смысле, не для того,

чтобы подчинить разнообразие порядку и найти неизменное в изменениях, но напротив, для того, чтобы превратить порядок в один из ликов многообразия, для того, чтобы увидеть в неизменном просто перспективу наряду с другими перспективами» [1, с. 180].

Французский постструктурализм во многом определяет конфигурацию современной философии, особенности постнеклассической рациональности в целом, рассматривая тождество, идентичность как следствие глубокой несоизмеримости, указывая на аутентичность восприятия мира в его неопределенной множественности. Во французской мысли, отражающей изящество, легкость, укорененные в самой ментальности, осуществлен смелый эксперимент слияния философии и поэзии, эксплицированы средства внелогической рациональности, извлечены из огромного культурного материального формы, раскрыта сама возможность иного бытия философии во всем богатстве ее многогранной дискурсивности, установлена связь между мыслительной активностью и самодостаточностью письма как механизма интеллектуального производства.

Как отмечает А. Бадью, «отказ от “систематичности” проходит сегодня рука об руку с мрачным ощущением “невозможности” философии» [2, с. 38]. Однако, по мнению философа, она не невозможна, а всего лишь сводит мышления к одному из своих условий, не признавая, что истина – это смысловая множественность и совокупность различий. Во Франции философское пространство редуцируется к художественно-поэтическому условию, определяя классическую философию как философию представления, в основе которой лежит власть принципа тождества, когда все наличествующее должно быть представлено, и обнаруживается, осмысливается в качестве того же самого. А. Бадью же возможность философии связывает с пониманием ее как мыслительной конфигурации определенных условий и их равнозначной реализации в форме события, предписывающего истины своего времени.

Новый смысловой облик «различия» усматривает Ж. Делёз, обращая внимание на различие не между двумя идентичностями, а на подлинное различие в самих тождественностях, раскрывая особенности в общих представлениях. Философия должна быть направлена на нахождение понятийных средств, адекватно выражающих силовое многообразие и подвижность жизни, и, как следствие, необходимо новое соотношение образов вещей и явлений, которые всегда мыслились однозначно целостными.

Ж. Делёз развивает ницшевскую критику принципа тождественности, фундирующего начала западной традиции мышления, называя тождественность изначальным заблуждением, которое проявляется еще у Платона, но максимального расцвета достигает у Гегеля, отождествляющего понятие и бытие, нивелируя дистанцию между познающим и истинно сущим. Мир описывается Ж. Делёзом в виде складки, соединяющей в себе то, что различается. При этом история философии трансформируется в свободную манеру философствования, вбирающую в себя стремления выявлять скрытые условия мысли и неочевидную логику понятий в их сингулярной репрезентации.

Для определения сути философии Ж. Делёз и Ф. Гваттари вводят термин «концепт», который с одной стороны выражает идею целого как тотализирующего свои составляющие, а с другой – отмечается фрагментарность этого целого. Сама идея «концепта» – это попытка выразить и распознать мир не через сущность вещи, а посредством события, вбирающего в себя всю полноту и неопределенную множественность и отсылающего к многомерной проблеме. «Концепты – это центры вибрации, каждый в себе самом и по отношению друг к другу. Поэтому в них все перекликается, вместо того, чтобы следовать и соответствовать друг другу» [3, с. 35]. Концепт содержит в себе привнесенную истину, определяемую условиями ее создания и включенную в современное проблемное поле, предполагая бесконечное становление. В таком философском послые отражается идея непрерывного творения, глубоко укорененная во французской философии в целом.

Оригинальным концептом делёзовской мысли выступает «план имманентности». Это даже не концепт, а скорее образ мысли, посредством которого она формируется. Это ориентация в мысли, представляющая поле чистых возможностей, дорефлексивных, безличных, не соотносённых с конкретным сознанием, но являющихся «трансцендентальным полем», предопределяющим последующее течение жизни, в дальнейшем экзистенциально переживаемое и концептуально оформляемое. Как отмечает Ж. Делёз, «о чистой имманентности можно было бы сказать, что это есть НЕКАЯ ЖИЗНЬ и ничего другого» [4, р. 4].

Анализ изменения стиля и манеры философствования как определяющих конфигурацию современной эпистемы во многом связан с именем Ж. Деррида, рассматривающего мир с позиции процессуальности и не-определённости. Деконструируя привычные стереотипы мышления, противопоставляя идею «присутствия» (presence) как обобщающей характеристике всей классической мысли о тождестве и самодостаточности идею «различия» (difference), философ утверждает обобщенно-процессуальную форму, эксплицирующую скрытые возможности в самом отличии, и тем самым обобщает в целом мыслительную интенцию на погружение философского

опыта в язык. Во всех существующих концепциях различия Ж. Деррида усматривает нечто общее, а именно обнаружение «определенных разрывов в смысловых горизонтах Бытия, трещин, в которых исчезает Бытие, лакун присутствия, являющихся одновременно пространством забвения бытия» [5, с. 100].

Деррида раскрывает природу аутентичного различия, которое артикулируется как увиденное внутри тождественностей отношение, берущее начало в первичном, производящем впечатление ощущении. Философ развивает идею Ф. де Соссюра о связи означаемого и означающего, утверждая конвенциональный характер их отношений. Каждый элемент потенциально содержит в себе другие и, как следствие, указывается на невозможность самостоятельной сущности и мира присутствия.

Ж. Деррида интерпретирует западную интеллектуальную традицию как направленную на выявление трансцендентального бытия, выступающего источником смысла, считая его выходящим за пределы самой дискурсивности и не имеющим четкой локализации. По Ж. Деррида, «деконструировать философию – это означает помыслить со всей возможной точностью и проницательностью структурную генеалогию философских понятий, но одновременно определить (с той внешней точки, которая не квалифицируется или не именуется в философии), что в этой истории могло быть диссимулировано или запрещено, т. к., превращаясь в историю, вещи хотя бы в малой степени подвергаются мотивированной репрессии» [6, р. 36].

Понятие *differance* – это символ, образное воплощение деконструктивистской стратегии как таковой, разрушающей привычно слитные тексты, показывая их внутренние логические противоречия, вскрывая подлинную природу понятных всем самотождественностей. Деконструкция Ж. Деррида, утверждая позитивный, конструктивный настрой, является жестом недоверия к любым европоцентризмам, абсолютным означающим, сковывающим мысль деспотичным теориям и представлениям, и задает при этом вектор тотального переосмысления и расширения опыта сознания собственной «инаковости» внутри самого философского дискурса.

Неографизм «различание», или *differance* стал активно использоваться для четкого разграничения бытия на «мир присутствия» и мир подлинного человеческого существования как глубинного различия, разрушающего сетку искусственных конструкций и логических обоснований. Понятие *differance* вводится для обозначения разрыва с системностью и спекулятивной диалектикой, постулируя диалогичность внутри тождественностей, что способствовало переосмыслению основных идей онтологии и антропологии в современном философском дискурсе.

Формирование мира *differance* как пространства сверхписьма, игры знаков в философии Ж. Деррида дает возможность различения смыслов в понимании реальности, что выражает сам дух французской философии с ее политональностью, попыткой ухватить изменчивость и воплотиться в чем-то более объемлющем, чем ограниченное формально-логической определенностью понятие. Сама идея *differance* выступает как конститутивный момент современной постнеклассической рациональности и знаковое представление постмодернистской культуры в целом. Философская концепция различия дает возможность понимания многогранных процессов и событий в современном мире глобальных трансформаций и новых смысловых порядков, требующих понимания.

Список источников:

1. Декомб В. Современная французская философия. М., 2000. 344 с.
2. Бадью А. Манифест философии. СПб., 2003. 184 с.
3. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб., 1998. 288 с.
4. Deleuz G. Qu'est-ce que l'immanence? Une vie // Philosophie. 1995. Vol. 47, p. 5.
5. Гурко Е. Деконструкция: тексты и интерпретация. Деррида Ж. Оставь это имя (Постскриптум), Как избежать разговора: денегации. Минск, 2001. 320 с.
6. Derrida J. Positions. Chicago. 1982. 122 p.

Информация об авторах

Е.А. Механикова – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

Information about the authors

E.A. Mekhanikova – PhD, Associate Professor, Philosophy Department, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.05.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 01.06.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 10.06.2021.

Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 36–42.
Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 36–42.

Научная статья
УДК 331.101:316.752
<https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.6>

Труд и благотворительность в системе ценностей бурят

Цындыма Цымпиловна Анандаева

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия, AnandaevaTS@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0770-5102>

Аннотация. Цель исследования – раскрыть общечеловеческие категории «труд» и «благотворительность» через своеобычность национального восприятия мира и систему ценностей бурятского этноса. Подлинный смысл труда, богатства, благотворительности сегодня так же актуален, как и во времена, когда буряты имели традиционный уклад жизни и вступали в новые исторические эпохи. Научная новизна исследования состоит в том, что раскрывается гуманистическая направленность труда и благотворительной деятельности, их социализирующий и интегрирующий потенциал, анализируется ряд конкретных проблем взаимосвязи двух этих понятий. В результате исследования установлены причины и принципы формирования мотивации труда и благотворительности, рассмотрены всеобщие – объективные и субъективные – условия процесса становления целостной личности. Многоаспектность реализации труда и благотворительности исследована в связи с социальными и культурными факторами, определившими их особую роль и место в бурятской этнической традиции.

Ключевые слова: благотворительность, бурятский этнос, интегрирующий потенциал труда, социализация личности, труд, трудовые традиции

Для цитирования: Анандаева Ц.Ц. Труд и благотворительность в системе ценностей бурят // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 36–42. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.6>

Original article

The Buryats' value system of labor and charity

Tsyndyma Ts. Anandaeva

Transbaikal State University, Chita, Russia, AnandaevaTS@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0770-5102>

Abstract. The aim of the study is to reveal the universal categories of “Labor” and “Charity” through the peculiarity of the national perception of the world and the Buryat ethnos' value system. The intrinsic meaning of labor, wealth and charity is as relevant today as it was when the Buryats had a traditional way of life and were entering new historical eras. The study's scientific novelty lies in the fact that it reveals the humanistic orientation of labor and charitable activities, their socializing and integrating potential, and analyses a number of specific problems of the relationship between these two concepts. As a result of the study, the reasons and principles of the formation of labor motivation and charity are established, general – objective and subjective – conditions of the process of formation of an integral personality are considered. The multidimensionality of the implementation of labor and charity has been investigated in connection with social and cultural factors that determined their special role and place in the Buryat ethnic tradition.

Keywords: Charity, Buryat ethnic group, integrating labor potential, personality socialization, labor, labor Traditions

For citation: Anandaeva Ts.Ts. The Buryats' value system of labor and charity // Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 36–42. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.6>

Введение. Актуальность настоящего исследования определяется тем, что в социальной философии и в ее критических интерпретациях не раз поднимался вопрос о культуре труда и благотворительности: с одной стороны, ученые пытались найти основания, на которых будет формироваться отношение к труду как к ценности, возвращающей человека из пространства физического выживания и потребления в пространство культуры, где труд и благотворительность – средство не только жизнеобеспечения, но и созидания, а с другой – анализ рассматриваемых понятий базировался на таком, казалось бы, чисто эмпирическом фундаменте, как национальная парадигма труда. Однако же с точки зрения перспектив самой социальной философии важными оказались не только и не столько национальные трудовые традиции и благотворительность, сколько социальные трансформации и переоценка системы ценностей. Не остается неизменной и система базовых ориентиров этнического социума. Теория труда и благотворительности, бывшая раньше одной из опор постмарксизма, стала предметом обсуждения в дискуссиях о

социальной политике, идеологии эгалитаризма, социальной и экономической справедливости [1]. Не будет преувеличением сказать, что проблема формирования мотивации к труду и благотворительности является одной из наиболее актуальных в системе общественных наук. Интерес к ней обусловлен тем, что именно с формированием модели государства благосостояния связаны надежды на упрочение стабильности существования, установление принципиально новых отношений между обществом и государством, между различными социальными слоями.

На этапе современности в общественных науках снова были реабилитированы и в аналитическом, и в нормативном отношении понятия «труд» и «благотворительность». Они стали рассматриваться в качестве знаковых составляющих современной культуры.

Частью дискуссий о труде и благотворительности стала проблематика трудовой миграции, социальной безопасности и этничности. Растет социальное неравенство, и в рамках установок на материальные ценности всем, не успевшим победить в условиях рыночного отбора, внушается их несостоятельность, неприспособленность к современным условиям, неуспешность.

Обозначенные аспекты проблемы указывают на необходимость социально-философского исследования феномена труда и благотворительности в контексте этнической культуры. Достижение цели исследования предполагает выполнение следующих задач, среди которых: во-первых, анализ и интерпретация категорий «труд» и «благотворительность» в контексте этнического мировоззрения; во-вторых, обоснование значимости трудовой и благотворительной деятельности в социализации личности и интеграции общества; в-третьих, раскрытие социально-гуманистического аспекта труда и благотворительности, обнаруживающих линии пересечения и заметную взаимообусловленность. Для реализации поставленных задач использовался разнообразный теоретический материал (социально-философский [2], исторический [3], биографический [4], религиоведческий [5], этнографический [6]).

Основными методами исследования были избраны социально-философский, исторический, системный анализ.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования ее результатов в разработке теоретических и практических курсов по социальной философии, этнопсихологии, бурятской этике и другим смежным социогуманитарным направлениям.

Труд как основа формирования целостной личности и нравственного самосознания народа. Духовно-нравственная атмосфера жизни каждого этноса формируется исторически как результат и объективное отражение многочисленных перипетий его хозяйственного, социокультурного и политического опыта. Уклад жизни, окружающая среда, типы хозяйствования, трудовая деятельность, обычаи определяют не только условия процесса воспитания подрастающего поколения, но и его содержание. Бурятская семья всегда придавала огромное значение процессу трудового воспитания, считая необходимым понимать его как дело жизни, поскольку в нем воплощается существо самого человека. Эта идея содержится в формуле: «Хүн болохо багааа, хүлэг болохо унаганһаа» («Человеком становятся уже с детства, рысак – с жеребенка»). Установка на труд в бурятском мире – удивительное явление. Согласно ей труд необходим человеку не только для достижения практических целей, но и для того, чтобы стать для него источником нравственной силы и потомственного достоинства.

В бурятской семье осуществлялся дифференцированный подход к мальчикам и девочкам в процессе их трудового обучения и воспитания. В этой связи сразу же заметим, что все виды трудового обучения и воспитания, применяемые к детям, уже учитывали будущие различия мужского и женского труда.

Неоспоримая заслуга в формировании основных жизненных идеалов детей принадлежит родителям. Бурятская мудрость гласит, что родители, прививающие своим детям навыки трудолюбия, обеспечивают их лучше всякого наследства. Отсюда, кстати сказать, нравственный императив: «Үхи хүүгэдөө бороор хургаха» (бур. боро – серый, перен.: «воспитывать детей выносливыми и неприхотливыми»). О высоком статусе и престиже традиционных категорий конструктивно-деятельностного потенциала человека свидетельствуют смысловые вербальные формы: «Долоон голтой хүн» («У него семь жизненных центров (аорт)»), «Алтан гартай хүн» («У него золотые руки»), до сих пор бытующие у бурят в позитивном, похвальном контексте. Напротив, значения слов «бирагуй», «һогногор», «һула», «һүлгүй», «тулуйур», «ядуу» имеют смысл какой-то ущербности и незрелости человека, отсутствия у него внутреннего стержня. Также речь может идти об уровне мастерства, в котором конституируется значение «дүй дүршэл» («опыт, навык, сноровка»), и о другом, низком уровне мастерства – «дүй муутай» («неумелый, неискусный, беспомощный»).

Утверждая, что труд – нечто первостепенное в воспитательном процессе, народная мысль признает, что известная связь между трудолюбием и честью имеет место: «Нэрээ хухаранхаар, яһаа хухарһан дээрэ» («Чем опозорить имя, лучше кости поломать»); «Эрхые хуранхаар, бэрхые

хура» («Чем привыкать к нежностям, лучше научиться труду»); «Ажалша хүн нэрээ нэмээхэ, аашатай хүн хүндээ буураха» («Труженик приумножает свою честь, легкомысленный человек теряет уважение»). Иногда выражениями «һэлэн хатарха» («бесполезно бегать»), «хайша хэрэг юумэ хэхэ» («делать кое-как») характеризуется беспринципное, безответственное отношение не только к труду, но и к жизни.

В представлениях о труде, сформировавшихся в ходе деятельности многих поколений бурят-скотоводов, систематических наблюдений за процессом труда, фазами его начала, продолжения, завершения и т. д., нас особо интересуют не их конкретные и, вероятно, неповторимые своеобразные регламентации, а всеобщие воспитательные интенции, которые делают эти представления требованиями и благодаря которым конституируются специфические этнические качества, обусловленные трудовой сферой.

Прояснению сути труда посвящены следующие формулы: «Түргэн түүхэй, удаан даамай» («Что сделано в спешке, то непрочное, что сделано постепенно, то прочное», дословно: «Скорый – сырой, долгий – надежный»); «Нураһан юумэ хураар татуулхагүй» («К чему привыкнешь, от того и ремнем не оторвешь»); «Ехээр хэхэ гээ хаа багаһаань эхилэ» («Хочешь много сделать – начинай с малого»); «Мүнөө хэхэ юумээ үглөө бү болго» («Что можно сделать сегодня, не откладывай на завтра»); «Түмэрэй халуун дээрэ дабта» («Куй железо, пока горячо»); «Эхилбэл – дууһаха хэрэгтэй, бэдэрбэл – олохо хэрэгтэй» («Начал – надо довести до конца, ищешь – надо найти»); «Үдэрөө гээһэн үглөөн гэмшэхэ» («Сегодня день потеряешь, завтра раскиснешь»).

Реализация требований, заложенных в представленных выше высказываниях, обеспечивает воспитание определенных личностных качеств, значительную сформированность и прочность каркаса этнической концепции труда, содержащего в себе элементы многовековых трудовых традиций.

Обосновывая нравственную допустимость положительного отношения к богатству и предприимчивости, старшие давали наставления младшим: «Ажал хэрэгээ амжалтаар шэмэн ябагы» («Свои дела украшайте (подкрепляйте) достижениями»); «Хара хүлһөө гаргажа, хамаг юумээ ологты» («Добро наживайте свое потом») и т. д. При этом хозяйственный или коммерческий успех они относили не столько к врожденным качествам – сметливости и находчивости, сколько к особым усилиям в организации труда, предприимчивости и опыту. Таким образом, старанию, радению и упорству («шармайлга») принадлежит главная роль в результатах труда: «Наймаа найман хүлтэй, наймаашан хоер хүлтэй» («Торговля имеет восемь ног, торговец – две ноги»); «Оролдоһон хүн олзо олохо» («Кто старается, найдет счастье»); «Ажал хэхэдэ – ама тоһодохо, ажалгүй һуухада – аяга хоһодохо» («Потрудишься – рот в масле, не потрудишься – пусто в чашке»); «Мал хараһан – ама тоһодохо» («Будешь ухаживать за скотом – будешь всегда сыт»); «Унаһан малгайгаа абангуйгөөр хүдэлхэ» («Работать, не поднимая упавшей шапки»); «Хүдэлмэридэ хүдэржэхэ, ажалда атаржаха» («В работе крепнуть – в деле процветать»).

К этому важнейшему положению добавляются некоторые уточнения. Отношение к труду не исчерпывает его целостной сущности. Но при этом различия в таких отношениях могут быть поставлены в связь с моральными установками: «Хүдэлжэ олоһон – хүдэр бүхэ» («Заработанное крепко лежит»); «Хүдэлмэришэ хүнэй хүлһэн гоожохо, хомхой хүнэй шүлһэн гоожохо» («У работы течет пот, у жадины текут слюны»); «Ажалша хүн арад зондоо хүндэтэй, хүдэлмэришэ хүн хүн зондоо туһатай» («Труженик достоин уважения, трудящийся человек полезен народу»).

Умудренный житейским опытом глаз простого бурята издавна очень строго отличал благоприобретенное богатство от неправомерно нажитого. Этот опыт обнаруживается в пословицах и поговорках. И не только отрицательный, но и позитивный, побуждающий не поступаться честью и совестью ради благополучного, безбедного существования: «Үлүү хараад, булуу химэлхэ» (букв.: «Пожелал большего – поглотил кости; погонишься за большим, потеряешь последнее»); «Худал охор хүлтэй юм» («У лжи короткие ноги»); «Хулууһан хүн хоер нугэлтэй, хулуулгаһан хүн хорин нугэлтэй» («На укравшем два греха, на потерпевшем – двадцать»); «Зүү хулууһан – гүү хулууһа» («Кто украдет иголку, тот украдет и кобылу»); «Булхайлжа эдһэн булшангаараа гараха» («Неправдой нажитое через икры выходит»); «Хүлһэ гаргангүй олоһон юумэн хүнэй зөөри болохогүй» («Легко нажитое не будет богатством»); «Хүнгэн олзо – хөөһэн, бэлэн зөөри – бүлхин» («Легко добытое – пена; готовое имущество – жила») и т. д. Это призыв к тому, чтобы честно трудиться, полагаясь на свое ремесло, вместо того чтобы любыми путями, ценой своего человеческого достоинства добывать себе пропитание.

Жизнь человека труда всегда была на виду, известно, с какой решительностью он отстаивает свое достоинство, с каким радением он относится к делу, проявляет творческую активность и дисциплинированность, а поэтому в народном сознании сложился устойчивый образ уверенного в себе человека и даже человека жизнестойкого, несмотря на все перипетии жизни.

Уровень мастерства, отношение к труду (трудоспособность, целеустремленность, настойчивость) включаются в трудовые заслуги, совокупный результат труда составляет жизненный успех человека. Таким образом, жизненный успех не случайность, а достижение самого человека. И это очень важный тезис для нашего времени. Не следует уповать на счастливое стечение обстоятельств, дары судьбы, но самому нужно честно и мужественно идти навстречу удаче. Напротив, есть категория людей, за которыми уже прочно закрепилась репутация вертких бездельников, потерявших стыд и совесть, не говоря уже о способности пойти на самые подлые поступки ради того, чтобы быть сытым и пристроенным в жизни. Подчеркивается, что различные аспекты этических содержаний (например, различие честного и обманного, достойного и унижительного, плодотворного и никчемного) в этом случае остаются в стороне, ибо они не интересуют человека, занятого чисто меркантильными переживаниями. Также утверждается, что без воли ничто в жизни человека не состоится – ни богатство, ни уважение, ни карьера: «Үгүрхэ баяжаха хоер үбэл зун хоертол» («Обеднеть и разбогатеть, словно зима и лето»); «Хооһон тогоон хонгироошо, хубхай амитан наймһарааша» («Пустой котел больше гремит, пустой человек подлизывается»); «Үгүтэй хүн үнэгүй» («Бедняк неуважаем»); «Үгүрхэгүй – баян эрдэмһээ» («Быть безбедным – от хорошего знания»).

В основе этических учений бурят лежит идея об уязвимости самой природы человека, его подверженности разного рода соблазнам, сопровождающим его и встроенным в единство жизненного цикла. Суть дела усматривается вот в чем: несовершенство и слабость человеческой природы, конечно же, не сбрасываются со счетов; однако не в них корень зла, а в излишней самоуспокоенности. Это лень, стремление к праздности и безделью. Казалось бы, в таких условиях человек обречен на подчиненное положение в жизни. Между тем труд понимается в такой превращенной системе ценностей как тяжкое наказание, переживается как непосильное бремя, освобождение от которого и дает человеку счастье. Тот, кто привык к праздному образу жизни, не стыдится своей лени и никчемности.

Многие проблемы людей имеют внутренние причины, над которыми необходима тщательная работа. Народная мысль вскрывает те человеческие качества, которые препятствуют развитию личности, превращая ее жизнь в пассивное и безответственное существование: «Залхуугай гэртэ түлээн үгы, залгидагай гэртэ эдээн үгы» («Во дворе лентяя нет дров, в доме прожорливого нет еды»); «Залхуу хүнэй тогоон хооһон» («У бездельника котел пуст»); «Залхуу хүн зайгааша» («Бездельник – бродяга»).

Раскрывая смысл нравственного учения бурят, важно делать проекции на современные ситуации, не только выявляя исторические координаты размышлений, но и подчеркивая общечеловеческое, непреходящее содержание этических категорий в учении бурятского этноса.

Интегративный потенциал трудовых традиций бурят. Сознательное отношение бурят к труду вырастает из естественного, органичного порядка жизни. Трудовая деятельность этого этноса исторически связана с циклическим (круглогодичным) пастбищным скотоводством, разведением крупного рогатого скота, лошадей, верблюдов, овец и коз, получивших общее название «табан хушуун мал» («пять видов скота»). Трудовой цикл населения был неразрывно связан с природно-климатическими условиями. Скот являлся основой существования бурят, мерилом богатства, средством платежа, важнейшим товаром. Тонкое и вместе с тем глубокое замечание относительно ценности пяти видов скота в традиционном бурятском обществе делает Ж.Т. Тумунов: «Считалось счастьем, – пишет он, – если хозяин имеет стадо, состоящее из животных всех пяти видов домашнего скота... Такой хозяин имел коня для езды, корову с приплодом на молоко и мясо, овцу на мясо в период сенокоса, шерсть и овчину на одежду» [7, с. 74]. Ясно, что эта область хозяйственной практики требовала особых знаний по уходу и содержанию каждого вида скота, а значит, и многообразных приемов и способов конструктивизации деятельности, соответствующей технологии производства и переработки мяса, молока, шкуры, кожи, шерсти.

Наконец, совместное выполнение трудоемких хозяйственных работ, которое, требуя строго производственной методологии и нравственной ответственности, утверждало ощущение причастности к общему делу, обеспечивало повседневные контакты и взаимопонимание с членами трудовой ассоциации, – фактор, во многом определивший «лицо» бурятского этноса. Если речь идет о мужском труде, считается возможным говорить об объединении усилий для осуществления таких ответственных операций хозяйственного цикла, как, например, перекочевка, заготовка сена, сбор урожая и т.д. Объединение усилий женщин может произойти при выполнении ими следующих работ: выделка кожи, стрижка овец, катание войлока и т.д.

В цикле работ Л. Линховойна, посвященных материальной культуре агинских бурят, одна имеет подзаголовок «Домашнее ремесло. Обработка кожи и шерсти». В ней автор показывает, что многие хозяйственные занятия предполагали высокую степень интеграции труда: «Вся ра-

бота по обработке шерсти и производству войлока выполнялась сообща с помощью родственников и соседей – это было событие и повод собраться вместе не только ради работы» [8, с. 217]. Только совместные усилия позволяли осуществить эти чрезвычайно сложные для одного человека операции. Можно даже говорить о трудовой ассоциации как «большой семье», сплоченной и единой на основе естественных человеческих чувств, прежде всего уважения к труду, исключаящего праздность и безделье. Ту же атмосферу, как известно, создавали и в семье.

Богатство и предприимчивость в контексте религиозно-нравственных представлений и благотворительной деятельности бурят. Отношение бурят к благотворительности вскрывает не менее значимый мировоззренческий пласт их коллективного сознания – именно здесь обнаруживаются наиболее важные, связанные с практической деятельностью убеждения человека. Труд в понимании бурят связан с категориями «богатство», «достаток». За этим концептом следует благотворительность. Однако очень важно понять, что же движет людьми, обладающими богатством, при осуществлении благих дел. Насколько самозабвенно и искренне человек стремится к тому, чтобы восторжествовала идея справедливости, или насколько невозможно человеку оптимально осуществить благие замыслы, поскольку его беспокоят лишь стремление к богатству любыми путями, к славе, к почестям, к выгоде, или насколько совместимо благодеяние с реалиями сегодняшней жизни – таких вопросов будет немало. Народная этика не отрицает богатства и не прославляет бедность – ведь подлинное богатство добывается неустанным трудом, а бедность происходит от бездействия. Чем является для человека богатство – средством осуществления благих целей (помощи родным, своему народу) или, наоборот, он не способен держать судьбу в своих руках, становясь пленником своего богатства? Тот, кто добывает богатство нечестным путем, тот, как считается в народе, и тратит его без пользы: «Харамнаһан юмэн хара нохойн аманда орохо» («Что пожалеешь, то попадет в пасть черной собаки»).

Немалое значение имеет тот уже упомянутый факт, что бурятам не свойственно стремление к накопительству. Им ненавистны такие черты характера, как жадность, алчность, зависть: «Харуу хүнэй хутага мохоо байдаг» («У скупого человека и нож бывает тупым»); «Харуу хүн хойто наһандаа үгэтэй ядуу ябадаг» («Скаредники в будущей жизни рождаются бедняками»); «Харуу хүнэй һанаан дүүрэдэггүй, хара нохойн гэдэһэн садааггүй» («У жадного душа ненасытна, а у злой собаки – брюхо»). Подлинное богатство добывается знанием, умением, честным трудом: «Хочешь быть богатым – учись ремеслу. Богатство со временем иссякает, а умение – нет».

Важно заметить, что в бурятском языке существует много дефиниций и фразеологических единиц, выражающих свойства характера и интенции человека в отношении к материальным ценностям. Слово «шунахай» имеет значения: 1. Алчный, жадный, корыстный. 2. Хищный, кровожадный [9]. Все они проистекают из семантики слова «злоупотреблять». Примером его использования является выражение «шунахай сэдхэлтэй», приблизительно соответствующее русскому «быть падким до чего-либо». Такова еще одна фиксируемая народом бурят грань темы труда.

Проблемы морали, социальной справедливости, личной ответственности в дискурсе бурятского мировидения содержат в себе образцы этической парадигмы буддийской философии. Этот нравственный смысл жизни человека становится условием ее полноты. Уместно спросить: как преодолеть жесткое противоречие между активным занятием предпринимательством и буддийским благочестием, стремлением к богатству и моральным принципом умеренности? Представляется, что для этого имелись не только экономические, психолого-престижные и карьеристские предпосылки. Люди, которым удавалось найти рациональную формулу комбинирования материальных и духовных ценностей в конкретных обстоятельствах жизни, заслуживали уважения как со стороны окружающих, так и в последующих поколениях потомков. Примером подобного вывода может служить то, что в структуре бурятского этнического сознания концепт «үйлын үрэ» (кармическое воздаяние) (бур. үрэ – 1. Плод, семя, зерно. 2. Результат, следствие, продукт; бур. үйлэ – 1. Дело, действие, поступок. 2. рел. Деяние. 3. Беда, несчастье. 4. Математическое действие [10])) выступает в качестве принципа этической обусловленности. Он является своего рода конституирующим в жизненной философии, а совесть, твердое слово, честь – не только его применением в частных случаях жизни, специфических актах конкретного индивида (действие), но и гарантией благоденствия и преуспевания его потомков (воздаяние). В торгово-деловой сфере именно тем, кто живет воздержанно, кто не тратит денег впустую, кто следует строгим нормам буддийской морали, доверяют и готовы с ними сотрудничать. Существовало множество пословиц о твердом слове: «Хэлэһэн үгэдөө хүрэхэ, эхилһэн ажалаа бүтээхэ» («Дал слово – надо сдерживать, начал работать – надо довершать»); «Хэлэһэн үгээ һанажа ябабал, эндүүрхэгүй, хэһэн ажалаа танижа ябабал, зобохогүй» («Если помнить об обещанном слове – не ошибешься, если поднатореть в своем деле – не будешь бедствовать»).

Утверждение духа солидарности и социальной справедливости было обусловлено традиционными основаниями, и важнейшая заслуга в процессе реализации благотворительности принадлежит этической и правовой системам. В рамках бурятского общества обязанность помогать сиротам и вдовам была «узаконена» на уровне общественного сознания.

Важно для бурятской традиции и следующее: наличие потребности самой личности делать пожертвования в пользу общества совершенно не зависимо от того, насколько успешно ее продвижение в делах или стабильно финансовое положение.

Примечательна в отношении благотворительности история выдающегося бурятского ученого-востоковеда, путешественника и общественного деятеля Гомбожаба Цыбикова, удостоенного высшей награды Русского географического общества – золотой медали и премии Н.М. Пржевальского. Его успешная научная карьера стала возможной во многом благодаря тому, что земляки-агинцы финансово участвовали в строительстве Читинской гимназии, в которой он получил блестящее образование [11, с. 21].

Известно много фактов крупных пожертвований бурят в пользу буддийских монастырей, больниц, гимназий и школ. Для военных периодов истории страны характерны благотворительные акции бурятского населения в виде сбора денежных средств в фонд обороны, в том числе и в целях обеспечения фронта и оборонных промышленных предприятий различными видами промышленного и сельскохозяйственного сырья [12].

Заключение. Возвращаясь к оценке места труда и благотворительности в структуре ценностей бурятского этноса, можно сформулировать пять основных положений.

Во-первых, эта форма культуры труда, осуществляющая функции социализации, а потому поддающаяся регулированию обществом, была типологически совместима с духовно-нравственным воспитанием, о чем бы ни заходила речь – об оценке результатов труда, основных жизненных идеалах, характеристике человеческих качеств.

Во-вторых, в отличие от других видов деятельности, основанных на индивидуальном устремлении, труд и благотворительность опираются на интегрирующую функцию. Причем следует иметь в виду, что под интеграцией понимается здесь не только взаимопомощь, но и любые другие внешние средства: элемент социального инвестирования; механизм формирования социально ответственного бизнеса; средство социальной реабилитации наиболее уязвимых категорий населения; инструмент разрешения возникающих проблем.

В-третьих, труд и благотворительность являются особыми социокультурными феноменами, обусловленными традиционными основаниями и отражающими социальную мобильность и гражданскую активность бурят на основе принципов личной ответственности, солидарности и социальной справедливости.

В-четвертых, труд и благотворительность не просто укладываются в систему ценностей бурят, но и соответствуют той общей интенции, которая стоит за формированием целостной личности как таковой: обеспечить возможность полноценной социальной жизни в той сфере, которая затрагивается данными видами деятельности. Особо востребованной стала буддийская философия, обогатившая бурятскую культуру системой базовых ориентиров, пытаясь противопоставить ее миру стяжательства, наживы и бездушного потребления. Благодаря такому пониманию труд и благотворительность для бурят выступают средством воспитания и лекарством от социальных болезней общества. Своеобразным «ограничителем» лени, праздности, безделья и других пагубных привычек выступает этнопедагогика.

В-пятых, все сказанное позволяет еще раз сжато сформулировать суть труда и благотворительности как положительно ориентированной практической жизнеустроительной деятельности, определить их актуальность в современной бурятской культуре и уточнить, в чем их отличие от представлений других этносов. Суммируем главные моменты, касающиеся труда и благотворительности бурят и демонстрирующие способ их этнического мировидения: умение ставить цели и с четкой последовательностью добиваться их осуществления, неизменно сохраняя чувство собственного человеческого достоинства. Разумеется, это удастся далеко не всем. Суровые природно-климатические условия и особенности кочевой жизни определили жесткую требовательность к результатам труда, дисциплинированность, выносливость, непритязательность рассматриваемого этноса. Трудолюбие характеризуется бурятами как добродетель, залог материального благополучия, понимается как своеобразный гарант благосостояния семьи, близких людей.

Изучение общих закономерностей и различных нюансов феноменов труда и благотворительности позволяет не только лучше представить их современное состояние, но и наметить возможные тенденции их будущего развития. Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении подобных прогнозов.

Список источников:

1. Сидорина Т.Ю. Социальная политика – попытка философской интерпретации // Вопросы философии. 2005. № 12. С. 20–29.
2. Там же.
3. Буряты : монография / отв. ред. Л.Л. Абаева, Н.Л. Жуковская. М., 2004. 633 с. ; Громыко М.М. Отношение к богатству и предприимчивости русских крестьян XIX в. в свете традиционных религиозно-нравственных представлений и социальной практики // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 86–99 ; Михеев Б.В. Благотворительность бурят в годы Первой мировой войны // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 11 (266). С. 119–122 ; Тумунов Ж.Т. Очерки из истории агинских бурят. Улан-Удэ, 1988. 176 с.
4. Доржиев Ж.Д., Кондратов А.М. Гомбожаб Цыбиков. Иркутск, 1990. 236 с.
5. Гальшиев Э.Х. Зерцало мудрости. Памятник бурятской литературы начала XX в. Улан-Удэ, 2006. 352 с.
6. Линховоин Л. Лодон багшын дэбтэрхээ. Улан-Удэ, 2014. 464 с. ; Тумунов Ж.Т. Этнопедагогика агинских бурят. Чита, 1998. 162 с.
7. Тумунов Ж.Т. Очерки из истории агинских бурят ...
8. Линховоин Л. Указ. соч. С. 217.
9. Бурятско-русский словарь : в 2-х т. / сост. Л.Д. Шагдаров, К.М. Черемисов. Улан-Удэ, 2010. Т. 2: О–Я. 708 с.
10. Там же. Т. 1: А–Н. 636 с.
11. Доржиев Ж.Д., Кондратов А.М. Указ. соч. С. 21.
12. Михеев Б.В. Указ. соч. ; Тумунов Ж.Т. Очерки из истории агинских бурят ...

Информация об авторе

Ц.Ц. Анандаева – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Забайкальского государственного университета, Чита, Россия.

Information about the author

Ts.Ts. Anandaeva – PhD, Associate Professor, Department of Philosophy, Transbaikial State University, Chita, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.05.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 04.06.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 10.06.2021.

Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 43–47.
Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 43–47.

Научная статья
УДК 101.1:316+355
<https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.7>

Армия как предмет социальной философии

Шараф Шарифхожаевич Давлатмуродов

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия, sharafphd@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9074-1296>

Аннотация. Целью данного исследования является анализ армии в качестве предмета социальной философии. Армия как сложный и многогранный объект познания является предметом изучения различных наук. Но в изучении армии как социального института существует важный философский аспект, который связан с осмыслением фундаментальных связей и отношений между армией и обществом, а также с изучением их метафизических оснований. Автор акцентирует свое внимание на различных способах осмысления армии как социального института в философии. Научная новизна исследования заключается в анализе мировоззренческого потенциала философии армии в современном обществе. В результате проведенного исследования доказано, что философия армии в качестве раздела современной философии имеет большой эвристический потенциал с точки зрения понимания места и роли армии в обществе.

Ключевые слова: философия, социальная философия, общество, государство, социальный институт, философия армии, военное искусство, идеология

Для цитирования: Давлатмуродов Ш.Ш. Армия как предмет социальной философии // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 43–47. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.7>

Original article

The army as a subject of social philosophy

Sharaf Sh. Davlatmurodov

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia, sharafphd@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9074-1296>

Abstract. The aim of this study is to analyze the Army as a subject of social philosophy. The Army, as a complex and multifaceted object of knowledge, is the subject of study by various sciences. But there is an important philosophical aspect to the Army as a social institution, which has to do with conceptualizing the fundamental links and relationships between the army and society, and exploring their metaphysical foundations. The author focuses on the various ways in which the Army is conceptualized as a social institution in philosophy. The scientific novelty of the study lies in the analysis of the world outlook potential of Army philosophy in modern society. Based on this research, it has been proven that philosophy of the Army, as a modern philosophy section, has great heuristic potential in terms of understanding the place and role of the Army in society.

Keywords: philosophy, social philosophy, society, State, social institution, Army philosophy, art of war, ideology

For citation: Davlatmurodov Sh.Sh. The army as a subject of social philosophy // Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 43–47. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.7>

Актуальность темы исследования связана с необходимостью философского анализа армии в качестве социального института. В философии существует большой опыт изучения армии. Особенность таких исследований заключается в том, что философы рассматривают тему армии в контексте фундаментальных проблем общества и государства. Таким образом, можно утверждать, что тема армии и военного искусства в целом является достаточно традиционной для социальной философии. Но, как утверждают специалисты, «облик армии как социального института меняется под воздействием новых военных угроз, внешнеполитических и внутрисполитических приоритетов государства, научно-технического прогресса в области вооружения и военной техники, развития способов ведения боевых действий, экономических и социальных изменений в государстве и в мире, процессов глобализации и других факторов» [1, с. 188]. В связи с этим возникает необходимость по-новому осмыслить сущность этого важного социального института.

Многое в понимании сущности современной армии зависит от тех методологических принципов исследования, которые применяются в ходе анализа. Очевидно, что инструментальный исследования во многом задает ракурс видения предмета исследования и, как следствие, детер-

минирует общую характеристику объекта. Поэтому крайне важно понимать из каких методологических установок мы будем исходить. В ходе исследования был применен **метод** сравнительного анализа, благодаря которому были рассмотрены различные гносеологические традиции изучения армии в социальной философии. Также в статье был использован дедуктивный метод, позволивший из исходных положений вывести основные следствия. В целом можно утверждать, что методологические принципы исследования имели целью раскрыть содержание понятия «философия армии».

Армия – это динамическая система, которая находится в постоянном изменении, поэтому в каждую историческую эпоху необходимо разрабатывать новые методологические принципы ее изучения. Армия является предметом изучения многих наук, но при частнонаучном подходе без внимания исследователей остаются метафизические основания армии как социального института, т. е. проблемное поле, которое по праву принадлежит философии. Считаем крайне важным не забывать про идеологические основания строительства вооруженных сил, т. к. идеология – это своеобразный «стержень», вокруг которого строится каждая социальная система. Философия, как нам известно, всегда несет в себе определенную идеологию, которая формирует человека, способного жить и реализовывать свой потенциал в данном обществе. По большому счету, каждая социально-политическая теория является идеологической доктриной. Примером подобной идеологической «нагруженности» научной теории является идея «Хартленда» английского геополитика прошлого века Х. Маккиндера [2].

Осмысливая проблему взаимоотношений армии и общества, философия вносит большой вклад в дело изучения современного социального мира. В определенном смысле философия, так же как и политика, является пространством диалога различных культур. Один из великих полководцев античности Александр Македонский интересовался не только военной стороной своего похода, но и идеологической, обогащая греческие идеи духовной культурой завоеванных народов. Изучению военного искусства полководца большое внимание уделил известный швейцарский ученый А. Боннар, который, анализируя специфику греческой цивилизации, писал: «Александр воспринял от отца все интеллектуальные черты выдающихся политических деятелей и лучших полководцев, но что сделало его несравнимым с великими людьми прошлого, с Фемистоклом, Периклом и самим Филиппом, так это то, что свойства его ума оказались поляризованы страстью, отнесены, направлены, устремлены ею к полюсу высшего совершенства» [3, с. 188]. Как следует из этого отрывка, военное искусство во многом зависит от интеллектуальных способностей лидеров, которые создают условия для диалога культур. Восточная духовная культура также не обошла стороной вопросы армии и военного дела. Например, заслуживает внимания трактат известного китайского стратега и военачальника Сунь Цзы (VI–V вв. до н. э.) «Искусство войны». Опираясь в основном на философию Конфуция, автор трактата создал учение, в котором сформулированы принципы организации военного дела. Согласно представлениям Сунь Цзы, наиболее приемлемым решением конфликта между государствами является дипломатия, т. к. длительные военные действия приносят бедствие простому народу. «Если ведут войну, и победа затягивается, – оружие при туплеет и острия обламываются; если долго осаждают крепость, – силы подрываются; если войско надолго оставляют в поле, – средств у государства не хватает» [4]. Поэтому, по мнению автора трактата, стратеги, вступая в войну должны знать свою цель и, достигнув ее, должны иметь план выхода из войны. Следует подчеркнуть практический, расчетливый ум Сунь Цзы, который не стремится к излишней философской рефлексии над основаниями военного искусства, а утверждает простые и ясные истины, понятные каждому разумному человеку. Реальные боевые действия – это особая форма человеческой деятельности, основанной на обмане. Примерно так можно представить характеристику Сунь Цзы сущности взаимоотношений между государствами, находящимися в состоянии военного противостояния. Как и Конфуций, автор трактата считал необходимым точное знание чиновниками и полководцами древних текстов, в которых отражен опыт прошлых поколений. Тысячелетняя история Китая – это результат огромного труда простого народа, его целеустремленности и верности Отечеству. Но немаловажную роль для процветания этой восточной цивилизации сыграли великие полководцы, вооруженные знаниями тайн ведения боевых действий, владеющие философией военного искусства.

В эпоху Средних веков философы также исследовали тему военного искусства и роли армии в обществе. Одним из ярких представителей средневековой схоластики является Фома Аквинский, который в своей знаменитой книге «Сумма теологии» посвятил специальную главу вопросам военного дела. Итальянский мыслитель считал, что в отношении проблемы войны необходимо ответить на четыре главных вопроса: Может ли война быть справедливой? Дозволено ли духовным лицам участвовать в сражениях? Можно ли на войне устраивать засады? Допустимо ли сражаться в святые дни? Ссылаясь на священное писание, Аквинат на первый вопрос отве-

чают отрицательно, т. к. все войны греховны. Но при определенных условиях, по мнению философа, войны, если они ведутся во имя веры и согласно определенным правилам, не противостоят канонам христианства. Но это скорее не война, а военная служба, не сопряженная убийствами и имеющая целью укрепление христианской церкви. Что касается участия духовных лиц в войнах, то они в армии должны быть не с оружием в руках, а с духовными наставлениями, чтобы поддерживать воинский дух среди солдат. Анализируя третий вопрос, философ считает, что, с одной стороны, засада – это обман, что не допустимо с христианской точки зрения. Но с точки зрения военной стратегии засады можно использовать, если война является справедливой. По поводу ведения войн в священные дни в учении Фомы Аквинского сказано, что если людям угрожает опасность, то они имеют право защищать себя.

В европейской культуре при анализе вопросов строительства государства часто обращаются к творчеству Н. Макиавелли. Итальянский философ и политик эпохи Возрождения Н. Макиавелли в своем трактате «О военном искусстве» писал, что «государства, если только они благоустроены, никогда не позволят какому бы то ни было своему гражданину или подданному заниматься войной как ремеслом, и ни один достойный человек никогда ремеслом своим войну не сделает» [5, с. 21]. Высказывая критические замечания относительно организации военного дела в современной ему Европе, Н. Макиавелли обращает свое внимание на полководцев античности, которые, по его мнению, обладали настоящим искусством ведения войн. Но война – это не только баталии, но и борьба интеллектов. На эту сторону вопроса обратил внимание еще один представитель эпохи Возрождения М. Монтень. Так, описывая талант Цезаря, французский философ писал, что «он неоднократно повторял, что победу, одержанную с помощью ума, он предпочитает победе, одержанной мечом. Во время войны против Петрея и Афрания Цезарь не пожелал воспользоваться одним явно благоприятным для него обстоятельством, заявив, что надеется докопать своих врагов с несколько большей затратой времени, но зато с меньшим риском» [6, с. 447]. По мнению французского философа, армии большой вред наносят кардинальные изменения законов государства. В общем, если выразить эту идею современным языком, оказывается, что инновации крайне нежелательны с точки зрения сохранения боеготовности вооруженных сил.

Говоря о военном деле, нельзя забывать и про экономическую составляющую. В прошлом веке немецкий социолог В. Зомбарт в своих исследованиях подчеркивал, что военное искусство можно рассматривать как одну из форм экономического предприятия. «Военный поход, – писал В. Зомбарт, – до тех пор остается предприятием, пока он сохраняет этот в высокой степени личный характер, особенно любящий окутываться духом приключений. Законченным типом военных предпринимателей являются поэтому возникающие в начале средних веков вожди наемников, вовсе не вследствие характера наживы, которым благодаря этому проникает ведение войны (онто придавал бы ему как раз капиталистический оттенок), но вследствие развившейся до крайности индивидуализации отдельных частей войска и до последней степени усилившейся начальнической власти полководцев» [7, с. 51]. В отношении сущности военных конфликтов и их причин в философии можно обнаружить довольно нетривиальные теории. Интересной и обладающей большим объяснительным потенциалом нам представляется игровая концепция культуры нидерландского философа Й. Хейзинги. Согласно этой теории все формы деятельности человека (включая и войну) представляют собой игру, правила которой служили своеобразной границей между цивилизацией и дикостью. «Из отношения к войне как к благородной игре чести, – писал Й. Хейзинга, – проистекает и обычай обмена любезностями с врагом... Во все времена существовал человеческий идеал честной борьбы за правое дело. Но в суровой действительности этот идеал с самого начала отвергается либо профанируется. Желание победить всегда сильнее, чем диктуемое чувством чести самоограничение» [8, с. 163–164].

Вопросы войны и ее моральных аспектов – тема, которая рефреном проходит через всю историю философии. Понимая ее неизбежность, мыслители прошлого стремились найти ее метафизические основания. Были и такие философы, которые считали, что война – это необходимый элемент человеческой культуры. Война, по их мнению, – это вечный спутник человека, который несет в себе значительный потенциал с точки зрения социальной эволюции. Эту точку зрения отстаивали не только мыслители древности, но и философы, в хронологическом отношении стоящие гораздо ближе к современности. Например, известным антипацифистом был немецкий философ Г. Гегель, считавший, что войны необходимы для поддержания духа нации. «В мирное время, – писал Г. Гегель, – гражданская жизнь расширяется, все сферы утверждаются в своем существовании и, в конце концов, люди погрязают в болоте повседневности; их частные особенности становятся все тверже и окостеневают... Государство – это индивид, а в индивидуальности существенно содержится отрицание. Поэтому если известное число государств и сольется в одну семью, то этот союз в качестве индивидуальности должен будет сотворить противоположность и породить врага. Народы выходят из войны не только усиленными, благодаря

внешним войнам нации, внутри которых действуют непреодолимые препятствия, но и обретают внутреннее спокойствие» [9, с. 360–361]. Для того, чтобы понять истинные причины гегелевского милитаризма, необходимо помнить, что для немецкого философа высшим идеалом является государство, которое есть конечная цель социальной эволюции.

Проблемы, сформулированные в данном исследовании, относятся к разряду «вечных», т. к. они сопровождают человечество на протяжении всей истории. В становлении и жизни всех известных цивилизаций армия играла определяющую роль. Философия в свою очередь подвергает критическому анализу все сферы общественной жизни и стремится к объективной оценке современного состояния общества. С учетом значительных изменений в структуре нашего общества за последние десятилетия необходимы новые исследования проблем, связанных с определением места и роли вооруженных сил в государстве. «В современных российских условиях, – пишет О.Е. Ломовская, – происходит системная трансформация вооруженных сил, связанная с повышением роли гражданского общества в решении проблем военно-патриотического воспитания, подготовки граждан к военной службе, что обусловлено мировым контекстом в развитии военно-гражданских взаимоотношений. Возникновение и развитие структур гражданского общества, выступающих за рациональное преобразование армии, грамотное реформирование и улучшения имиджа вооруженных сил, избирательное комплектование самой армии и ее руководства, указывает на состоятельность гражданского общества как инструмента альтернативного демократического контроля иерархической системы публичной политики» [10, с. 265]. Укрепляющий свои позиции в России институт гражданского общества оказывает существенное влияние на реформы, проводимые в Вооруженных силах РФ. И этот факт необходимо учитывать при социально-философском анализе проблем современной армии.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в социально-философском анализе основных сфер общественной жизни. Особую значимость данное исследование может иметь для выявления актуальных проблем во взаимоотношениях между армией и обществом. Важность философии армии заключается в том, что в России, как и в остальном мире, к армии приковано пристальное внимание из-за ее значимости в политических, общественных, экономических и иных процессах. Если армия является одним из основных социальных институтов современного государства, то должна существовать и специальная дисциплина, изучающая ее роль и место в современном глобальном мире. Нам представляется, что для более целостного взгляда на предмет исследования необходимо подняться на более высокий теоретический уровень познания. Тем более, что исторические факты становления российской армии отражены во многих фундаментальных трудах [11; 12]. И для обобщения эмпирического материала требуется философский анализ.

Учитывая вышесказанное относительно специфики философского анализа армии и военного искусства, можно сделать следующие выводы. Во-первых, философия армии представляет собой важную отрасль современной философии. В качестве основных ее разделов можно выделить онтологию философии армии, которая изучает способы бытия армии в современном обществе; праксиологию философии армии, изучающую основные типы взаимоотношений между обществом и армией, социальные функции армии. Кроме того, вопросы, связанные с Вооруженными силами, можно рассматривать на основе классических философских проблематик: гносеологии, социальной философии, антропологии.

Во-вторых, значимость философского анализа темы армии в современном обществе связана с кардинальными изменениями политической жизни общества эпохи модерн как на международном уровне, так и внутри нашего государства. В этих условиях становится востребованной философская экспликация социальных процессов, в которых участвует армия, т. к. без должной теоретической подготовки обычному человеку крайне трудно понять и оценить трансформации социальной системы. Философский взгляд на проблемы современной армии позволит более адекватно воспринимать происходящие в ней изменения и понимать главные тенденции глобального мира. Нам представляется, что в таком случае значительно улучшится общественное мнение относительно армии, т. к. вместо псевдонаучных теорий, конспирологических мифов и откровенно ложной информации про армию индивид будет иметь возможность получить настоящему объективную и рациональную оценку места и роли армии в обществе. В этом отношении философия армии выступает частью политической идеологии, направленной на укрепление и усиление мощи нашего государства. Философия всегда являлась частью государственной идеологии, а философы интересовались вопросами политики, социального прогресса, создавали теоретические планы наилучшего устройства государства.

В-третьих, элементы философии армии можно обнаружить уже в древних философских текстах, в которых знания о природе, обществе, человеке и государстве представлены в своем

единстве без деления на различные отрасли. Изначальная целостность знания позволяла в достаточно полной мере удовлетворять познавательный интерес человека. Другое дело, что в связи с особенностями социального порядка тех времен синкретичное знание было доступно не всем, а лишь избранным.

Дальнейшее развитие темы исследования, на наш взгляд, может быть связано с формулировкой и обоснованием основных разделов философии армии. Кроме того, представляют интерес и нетривиальные методологические подходы к исследованию армии как социального института. Продолжение темы исследования может быть связано и с новыми определениями классических категорий самой социальной философии, которые относятся к сфере военного дела.

Список источников:

1. Карлова Е.Н., Чипизубов А.В. Эволюция армии как социального института и понятия «военного профессионализма» в новейшей истории // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 1. Ч. 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2015/01/9266> (дата обращения: 23.03.2021).
2. Дугин А.Х. Маккиндер и «географическая ось истории» // Геополитика.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/h-makinder> (дата обращения: 24.03.2021).
3. Боннар А. Греческая цивилизация. Т. 3. М., 1992. 398 с.
4. Сунь Цзы. Искусство войны. [Электронный ресурс]. URL: <http://chugreev.ru/sun-czi/preface.html> (дата обращения 23.03.2021).
5. Макиавелли Н. О военном искусстве. М., 2012. 319 с.
6. Монтень М. О воспитании детей // Избранные произведения в 3-х т. М., 1992. Т. 1 С. 158–197.
7. Зомбарт В. Буржуа. М., 1994. 443 с.
8. Хейзинга, Й. Человек играющий. М., 2001. 352 с.
9. Гегель Г. Философия права. М., 1990. 524 с.
10. Ломовская, О. Е. Военно-патриотические организации в контексте эволюции институтов гражданского общества в современной России // Каспийский регион : политика, экономика, культура. 2014 № 1. С. 265–270.
11. Керсновский А.А. История русской армии. Т. 1. М., 1992. 302 с.
12. Керсновский А.А., Снесарев А.Е. Философия войны. М., 2013. 288 с.

Информация об авторе

Ш.Ш. Давлатмуродов - аспирант Алтайского государственного педагогического университета, Барнаул, Россия.

Information about the author

Sh.Sh. Davlatmurodov – PhD student, Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 26.04.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.05.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 10.06.2021.

Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 48–54.
Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 48–54.

Научная статья
УДК 165.4+159.922
<https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.8>

Феномен игрового сознания и эстетического опыта. Исследование истины произведения искусства в рамках герменевтики Г.-Г. Гадамера

Михаил Олегович Михайловский

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия,
guitar.marshall@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3575-2099>

Аннотация. В работе ставится задача проанализировать герменевтическую концепцию Г.-Г. Гадамера в отношении понимания природы произведения искусства. Определить в достаточной мере, что он понимал под произведением искусства, можно при обращении к игровому опыту. На самом деле игра предстает как концепция, на которой Г.-Г. Гадамер основывает свою трактовку истинного содержания искусства. Важно отметить, что значимыми способами для рассмотрения философии этого мыслителя являются категории «представление», «переживание созерцания», «спектакль», «событие» и пр., раскрывающие наиболее важные стороны игры как герменевтической составляющей. Поэтому необходимо напомнить, что в творчестве Г.-Г. Гадамера игровое сознание и эстетика тесно связаны в поиске истинности художественного произведения. Делается вывод, что произведению искусства присуща самостоятельность в качестве особой реальности.

Ключевые слова: герменевтика, игра, представление, переживание, преобразование в структуру, спектакль, истина, произведение искусства, эстетика

Для цитирования: Михайловский М.О. Феномен игрового сознания и эстетического опыта. Исследование истины произведения искусства в рамках герменевтики Г.-Г. Гадамера // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 48–54. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.8>

Original article

Phenomenon of play consciousness and aesthetic experience. Exploring the truth of the artwork through H.-G. Gadamer's hermeneutics

Mikhail O. Mikhailovsky

PhD student, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia,
guitar.marshall@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3575-2099>

Abstract. The paper aims to analyze H.G. Gadamer's hermeneutic concept in relation towards understanding the nature of artwork. To determine sufficiently what he meant by artwork is to refer to the play experience. Crucially, the categories of "performance", "contemplative experience", "spectacle", "event" and so on are significant ways of looking at this thinker's philosophy, revealing the most important aspects of play as a hermeneutic component. Therefore, it must be recalled that in H.G. Gadamer's work play consciousness and aesthetics are closely linked in the search for the truth of artwork. The conclusion is drawn that the artwork is inherently autonomous as a special reality.

Keywords: hermeneutics, play, performance, experience, conversion into structure, spectacle, truth, artwork, aesthetics

For citation: Mikhailovsky M.O. Phenomenon of play consciousness and aesthetic experience. Exploring the truth of the artwork through H.-G. Gadamer's hermeneutics // Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 48–54. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.8>

Природа и смысл произведения искусства – две фундаментальные перспективы герменевтики Ганса-Георга Гадамера. Это бесспорно для всех, кто читал «Истину и метод» – произведение, появившееся в 1960 г., в котором мыслитель намеревался очертить философскую герменевтику. Это свидетельствует о том, что поворотный момент в творчестве автора направлен на то, чтобы сделать герменевтику полностью философским дискурсом. Задолго до М. Хайдеггера и Г.-Г. Гадамера герменевтика была неизвестна как особая интеллектуальная практика и занималась в первую очередь богословскими вопросами. Первые попытки детеологизации герменевтики заметны в XIX в., в частности в трудах Ф. Шлейермахера и В. Дильтея. Первый показывает волю к построению общей герменевтики, т. е. техники, применимой к любому типу текста и любой реальности, подлежащей интерпретации. Для Ф. Шлейермахера, являвшегося прежде всего лю-

теранским богословом, приоритетом остается понимание глубокого и фундаментального значения Священного Писания [1]. В. Дильтей, в свою очередь, освободился от пут теологии [2], чтобы сделать герменевтику подходящим методом для открытия истины в гуманитарных науках (науках о духе), *Geisteswissenschaften* [3, с. 246]. Он делает герменевтику методикой решения конфликта между естественными и духовными науками.

Действительно, первые попытки уже достигают общих результатов, которые единогласно принимаются и преподносятся как прототип всей научности. Предпринимая критику метода, И. Кант знал о проблеме. Таким образом, речь идет о методе, который должен привести гуманитарные науки к общим истинам о функционировании обществ, жизни, истории и т. д. Метод должен основываться не на самом методе, а на методе, базирующемся на методе гуманитарных наук. Перед лицом этого вызова В. Дильтей считает, что герменевтика – это решение, т. к. она позволяет проводить различие между объяснением и интерпретацией. Пояснение является задачей естественных наук, *Naturwissenschaften*, в то время как интерпретация остается привилегией наук о духе, *Geisteswissenschaften*. В конечном счете, однако, именно объективность каждой науки и преследуется.

Главный вклад Г.-Г. Гадамера состоит в том, чтобы превратить герменевтику в бесспорный философский дискурс. Это стало возможным потому, что мыслитель полагался на феноменологию, применяя при этом свое дескриптивное требование к чтению произведения искусства. Вторая часть «Истины и метода» посвящена истине произведения искусства и его онтологическому статусу. Именно здесь мы видим требования по истолкованию, сформулированные в первой части работы, которая касается наук о духе. Г.-Г. Гадамер утверждает, что наиболее аутентичный герменевтический опыт требует участия субъекта. Это и подразумевается под тесной связью, которую он ткет между игрой и произведением искусства. Таким образом, эстетический опыт раскрывает практический и диалогический характер герменевтики. Общее понимание герменевтической истины начинается с изложения переживания истины, прожитой в процессе игры.

Критика субъективизма и самопроизвольность игрового движения. Когда Г.-Г. Гадамер ставит перед собой задачу проанализировать произведение искусства и его герменевтическую значимость, опыт игровой игры служит ему компасом. Он считает, что разъяснение характера игры, того, что поставлено в ней на карту, и места игрока в ее разворачивании, способно дать понимание того, что поставлено на карту не только в эстетическом опыте, но и в герменевтическом опыте в целом. Хотя концепция игры заняла важное место в эстетическом сознании, особенно у И. Канта и Ф. Шиллера, к ней в целом подошли с «субъективистской» точки зрения. Иными словами, игра задумана как инициатива субъекта, который вкладывает свою энергию в ее осуществление. Этот субъективизм возникает, когда мы говорим, что игра является развлекательной деятельностью и подчиняется правилам, которые зависят от нас. В такой концепции преобладает субъект, поскольку он решает играть для того, чтобы его развлекали: игра будет важна только потому, что игрок в нее вовлечен, у него нет своей цели [4].

Именно из этого субъективизма необходимо освободить и раскрепостить игровой опыт, чтобы понять, что он способен раскрыть в отношении эстетического сознания и правды произведения искусства. Речь идет не о том, чтобы вызвать в памяти процесс художественного творчества, обусловленный техникой, гением индивида или геометрическими техниками, преподаваемыми в художественных школах, а о том, чтобы рассказать о пережитом опыте, когда мы находимся перед уже выполненным произведением искусства – на игровой площадке в полной игровой активности. То, что мы делаем в этих случаях, не имеет ничего общего с эстетическим творчеством. Мы живем жизнью, которую необходимо описать. Понятие опыта имеет большое значение в герменевтике Г.-Г. Гадамера. На немецком языке опыт может означать *Erfahrung* или *Erlebnis*. Первый термин относится к опыту, практикуемому естественными науками, в экспериментальной среде, порождающей разнообразные виды практики: наблюдение, обработку данных, эксперименты, верификацию и т. д. Вторая форма опыта, которая интересует мыслителя, – это *опыт жизни* или погружения в предмет. Данный опыт реализуется путем чтения текста, прослушивания музыки, созерцания картины: в этот момент мы живем значимым для эстетики опытом – герменевтическим, который помогают описать достижения феноменологии.

Поскольку один играет с осознанием этих «несерьезных» целей, иллюзия овладения игрой развивается субъектом, который может в любой момент решить прекратить игру, чтобы вернуть серьезность жизни. Согласно словарю А. Лаланда, азартные игры состоят «из расходов на физическую или умственную деятельность, которые не имеют сразу ни полезной цели, ни даже определенной цели, и единственная причина существования, для сознания того, кто участвует в ней, это то самое удовольствие, которое он находит в ней» [5, р. 546]. Однако Г.-Г. Гадамер считает, что эта дефиниция слишком субъективистская; она все еще находится в тисках философии

субъекта, которому отводится существенное место. Другими словами, субъект всемогущ, по такому определению, и именно он решает временно «приостановить», оставить в подвешенном состоянии все серьезные цели жизни для того, чтобы сыграть, отвлечься, провести время. Он знает, что он играет, также он знает, что то, что он делает, несерьезно, и не связано с жизнью. Ему просто весело.

Однако, Г.-Г. Гадамер задается вопросом: что именно мы знаем об игровом опыте, когда говорим, что у игры нет серьезных целей, а несерьезные цели полностью зависят от нас? По мнению мыслителя, в этом заявлении не излагаются все последствия режима пребывания в игре, т. к. это вряд ли известно. К тому времени, когда мы фактически участвуем в игровой сессии, мы уже не можем заранее описать и определить исход игры. Мы играем, и это самое главное. Участвуя в игре, мы создаем опыт, который отнюдь не предсказуем в мельчайших деталях, потому что на самом деле он находится вне нашего контроля. Это дает нам понять, что мы никогда не были настоящими мастерами игры. Каждый может сделать это на своей консоли, компьютере или телефоне, например играя в игру, которая разбивается поэтапно. Мы никогда не знаем заранее, на каком этапе мы потерпим неудачу или победим. Каждый раз, когда мы терпим неудачу, мы кричим в гневе, и когда мы выходим из стадии победы, мы чувствуем себя более мотивированными и энергичными, как будто мы только что пошли на риск. Что это значит с герменевтической точки зрения? Г.-Г. Гадамер отвечает: «Движение, которое и есть игра, лишено конечной цели; оно обновляется в бесконечных повторениях. Ясно, что понятие движения взад и вперед настолько центрально для сущностного определения игры, что безразлично, кто или что выполняет это движение. Игровое движение как бы лишено субстрата. Это игра, в которую играют или которая играется, и при этом не фиксируется играющий субъект. Игра – совершение движения как такового. Так, мы говорим, например, об игре красок, и в этом случае вовсе не предполагаем, что имеется некая краска, играющая с другой; мы подразумеваем единый процесс или вид, выражающий меняющееся разнообразие красок» [6, с. 136].

Многозначность термина *Darstellung* (представление; изображение, изложение; исполнение, игра в театральном контексте), отмеченная заранее, показывает, что игра для сюжета состоит в том, чтобы слушать и делать себя доступным, и для произведения, которое является истинным мастером игры, – в том, чтобы поставить себя на сцену. Следовательно, ни игрок, ни зритель, который только смотрит и аплодирует сцене, не являются хозяевами этого зрелища, т. к. они не имеют контроля над ним, вопреки тому, что они могут утверждать. Это всего лишь заинтересованные стороны, теперь одержимые магией игры на сцене. С помощью подобного описания игры Г.-Г. Гадамер выделяет способ бытия произведения искусства. Данный опыт искусства явственнее всего показывает, что произведение искусства не может быть предметом, поставленным перед сознанием: «Скорее собственное бытие произведения искусства состоит в том, что оно становится опытом, способным преобразовать субъект» [7, с. 135]. Это можно увидеть, например, в игре в настольный теннис, где два игрока отвечают друг другу ударом мяча, брошенного их партнером по очереди. Игроки здесь являются «ответчиками» на игру, которые не могут заранее определить, что произойдет с мячом – выйдет из строя, где упадет или что с ним произойдет после того, как он отскочит. В футболе мяч, попадающий в световой люк, вызывает радость или волнение у игроков и зрителей. Так же в этом виде спорта именно непредсказуемые движения мяча повелевают главным героям бежать, прыгать, расщепляться или останавливаться в ритме, которому нужно следовать. Игроки не могут свободно решать – прыгать либо останавливаться. Игра контролирует отношение игрока, а не наоборот.

Это отражается в искусстве танца, где танцор просто следует ритму, навязываемому музыкой. Он не может наложить на музыку точный ритм, его ритм, он управляет своим телом так, чтобы его ритмические движения находились в гармонии с музыкой. Скорее танцор следует за движением и темпом, продиктованными музыкой. Негромкая композиция навязывает медленный и томительный ритм; сильно ритмизованная – ускоренный и живой. Однако мы также говорим о танце, что это игра, развлечение. При рассуждениях о «танцевальном темпе» мы еще раз демонстрируем, что следуем только за движением, которое от нас не зависит: танец – это темп, навязанный музыкой. В итоге согласно этому танец следует музыке и ее ритму, а не наоборот.

Аналогичный опыт существует и при работе в видеоиграх. Здесь мы думаем, что играем в одиночку, но в реальности наш оппонент, например компьютерное программное обеспечение или игровая приставка, еще более нагружен правилами. Таким образом, ощущения, переживаемые в игре, являются почти волшебным моментом, который Г.-Г. Гадамер называет «очарованием игры» [8, с. 138]. Это особый опыт истины, которую не может предсказать ни решимость, ни научная методология. Игра подчеркивает конечность предмета, потому что это риск, вовлекающий в игру существо игрока. Такой игровой опыт показывает, что «игра привлекает игрока, вовлекает его и держит» [9, с. 139], как пишет Г.-Г. Гадамер. Другими словами, поскольку игрок

не является хозяином игры, а скорее игроком, который играет тем, что, по его мнению, было результатом его инициативы, то таким игроком выступает тот, кто думал, что он играл. Зацепившись за игру, игрок теряет силу своей субъективности и становится частью игры. Г.-Г. Гадамер утверждает, что «очарование игры, увлекательность игры заключается именно в том, что игра завладевает игроком» [10, с. 139].

Поэтому авторы пари, допинга и обмана в спорте – нарушители спокойствия, обманывающие себя тем, что они контролируют игру, отказываясь позволить ей пройти свободно. Они часто кажутся смешными, потому что не дают возможности игре «прийти на представление». Такой «отказ» показывает, что от игрока ничего не зависит и никто не знает исход игры заранее. Любая игра ставит задачу, которую нужно выполнить игроку, и таким образом она репрезентируется [11, с. 140].

Таким образом, игрок не контролирует ситуацию, поскольку игра ускользает от его контроля. Герменевтическая польза подобного анализа заключается в его применении к истине произведения искусства. Это описание природы игровости проливает новый свет на искусство, его герменевтический смысл.

Встреча истины в произведении искусства, преобразование в структуру и репрезентация. Анализ понятия *Darstellung*, проведенный Г.-Г. Гадамером в ходе игрового опыта, выявляет термины «спектакль» (*Schauspiel*) и «зритель». Они вводят в действие особый способ художественного представления, в частности театрального. Разве мы не говорим, что «играем» в театре? Для мыслителя, когда игра превращается в спектакль, она меняет не только направление, но и природу: зритель занимает место игрока и теперь играет ключевую роль в качестве части художественного представления. С этого момента спектакль в искусстве всегда адресован кому-то, «даже если при этом никто не слушает и не смотрит» [12, с. 143]. Данное преобразование игровости в эстетику возводит мышление Г.-Г. Гадамера в «философскую эстетику» [13]. Автор «Истины и метода» утверждает, что «это преобразование, в ходе которого человеческая игра достигает своего завершения и становится искусством, я называю *преобразованием в структуру*» [14, с. 143]. Понятие «преобразование» имеет точное значение в онтологии произведения искусства: «Напротив, преобразование подразумевает, что нечто становится иным сразу и целиком и что это другое, существующее как преобразованное, представляет его подлинное бытие, по сравнению с которым его прежнее бытие незначимо. <...> Таким образом, преобразование в структуру подразумевает, что то, что было прежде, теперь не существует, но к тому же еще и то, что сущее теперь, представляющее в игре искусство, и есть непреходяще подлинное» [15, с. 143–144].

Действительно, Г.-Г. Гадамеру кажется, что произведение искусства – не только источник эстетического наслаждения в традиционном смысле этого слова, но в то же время «встреча истины» в герменевтическом смысле, наступление и событие истины, которое не может гарантировать ни один метод объективного анализа знания. Данная истина ускользает от любых попыток изучения методом естественных наук. Хотеть свести его к эстетическому сознанию, т. е. к методическому, – значит подчинить его требованиям сознания, которое думает, что у него монополия на истину. Поддержать это – значит уйти от способа быть верным истине произведения искусства. Скорее речь идет об изменении парадигмы, чтобы понять истину, присущую произведению искусства. Большой интерес для подхода Г.-Г. Гадамера представляет не эстетическое осознание, а герменевтический опыт созерцания произведения искусства. Для него мы должны оставаться внимательными к той истине, которую нам приносит само произведение. Он утверждает, что, например, театр представляет структуру игры как замкнутый мир зрителя, сцены и актеров. Не был ли сам спектакль еще и этим ансамблем, состоящим из сцены, игроков и зрителей?

Следует отметить, что в опыте исполнительского искусства уже не только актеры теряют субъективность, потому что в полной мере осознают воплощение персонажей и перестают быть самими собой. Тот, кто теряет себя, тоже является зрителем, поскольку именно для него спектакль открывается первым. В итоге снимается всякое различие между играющим и зрителем [16, с. 142]. Таким образом, опыт зрителя выступает важным герменевтическим опытом. Больше нет никакого различия между актером на сцене и зрителем в галерее. Это различие подчеркивает внешний характер положения зрителя и позволяет ему претендовать на объективную позицию, думать, что его роль ограничивается просмотром, аплодисментами или смехом и поэтому он может судить о театральном или художественном действии со стороны, предлагая его нейтральное прочтение. Данная поза раскрывает скрытый мотив зрителя, претендующего на тотальный контроль над тем, что перед ним разыгрывается, она также узаконивает позицию критика искусства, авторитетно и объективно говорящего о произведении искусства. После гадамеровской герменевтики подобное отношение сейчас является лишь большой иллюзией.

Истина произведения искусства выступает в целом как представление, спектакль и событие. Это касается не только исполнительских видов искусства, легко доступных для исполнения. В большей степени это относится ко всем другим формам искусства, таким как живопись, литература,

архитектура, декорирование и т. д., в которых то же самое преобразование находится в работе; это относится и к материалу, с помощью которого выполнено произведение, поскольку материал ценится. Автор «Истины и метода» считает, что, используя материю через то, что эстетически реализуется, материал достигает «преобразования», знака «подлинного присутствия».

Изображение как копию визуального представления человека или вещи можно уподобить подражанию идее (эйдосу), как в случае с Платоном, который настаивает на ее неполноценности по отношению к оригиналу, ею олицетворяемому [17]. Данную идею не разделяет Г.-Г. Гадамер, для него образ приобретает положительное значение благодаря доказанному «познавательному смыслу» [18, с. 146] и гарантированной «бытийной валентности» [19, с. 172]. Эту позицию, кажется, трудно отстаивать, поскольку если способ бытия произведения искусства, по существу, является «изображением», то как возможно, что изображение допускает такой постулат, который в действительности кажется лишь подражанием, имитацией, чье истинное содержание было бы уменьшено? Чему еще фотография может научить нас о способе эстетического наслаждения и герменевтическом опыте?

Прежде всего, как утверждает Г.-Г. Гадамер, изображение – нечто большее, чем просто копия. Это самостоятельная реальность, в то время как характеристика копии заключается в том, что она исчезает, когда оригинал приходит в присутствие. Изображение, напротив, никогда не бывает очень далеким от того, что оно изображает; более того, оно всегда является присутствием того, изображением чего является. Будучи отнюдь не просто фальсификацией первообраза, образ «увеличивает» истину оригинала, который он делает вездесущим, таким образом умножая его. Изображение – «приrost бытия» [20, с. 171] и истина оригинальной работы, в то время как последняя присутствует в копии изображения. В *изображении-копии* на самом деле оригинал находится не в уменьшенном виде, а в полноте своего существа. В отношении способа представительства Г.-Г. Гадамер точно говорит, что «представленное» всегда присутствует в «представителе», т. е. в конечном счете «он <первообраз> достигает представленности только в представлении» [21, с. 171]. При этом «собственное содержание изображения онтологически определяется как эманация первообраза» [22, с. 171]. Г.-Г. Гадамер унаследовал эту идею после чтения Плотина.

Истоки и проявление идеи истины произведения искусства. Известно, что Г.-Г. Гадамер много читал древних философов, особенно платонизм в его различных версиях [23]. Поэтому важно отметить их соучастие в развитии его мысли [24], как и в случае Плотина, основателя римского неоплатонизма. В своей теории, предлагаемой в «Эннеадах», он утверждает, что Единое – это принцип эманации множественного, источник и принцип бытия. Он символизирует единство всех вещей, ибо это до всего и после него. Более того, все вещи приходят от Единого и возвращаются к нему в конце своего движения. В философии Плотина такое движение называется шествием вперед. Однако можно задать вопрос: почему Единое не остается единственной реальностью, т. е. не умножается бесконечно, не порождает множества и разнообразия существ? По Плотину, это так потому, что Единственный является абсолютным совершенством и каждая совершенная вещь должна производить так же, как взрослое существо производит своего ближнего, взрослое банановое дерево позволяет отпрыскам расцвести. Совершенство – это созидание. Тот, кто является абсолютным совершенством, также предстает абсолютным творцом (создателем). Данное созидание связано с переизбытком оригинального источника, из которого вытекает переливной свет, подобно свету, который рассеивается, не уменьшаясь и не высыхая. Плотин считает, что это бытие как источник света, распространяющийся подобным способом, ничего не теряет и, наоборот, сохраняет свою реальность, светимость и силу. «Теория эманации» утверждает, что созданная таким образом реальность должна оставаться близкой к Единому для «созерцания своего высшего принципа» [25, р. 453], от которого она получает свою реальность. Если она немного отходит от него, то попадает в небытие. Тем не менее после уничтожения она возвращается к Единому. Это «категорическое преобразование» позволяет Плотину объяснить движение Вселенной: все приходит от Единого и возвращается к нему, при этом Единый не уменьшается ни в малейшей степени: «Частные души пребывают во всеобщей гармонии, значит, гармонизированы и их деяния, и последствия этих деяний. Под гармонией же в данном случае понимается единство противоречий. Все возникает из единства и все возвращается в единство, следовательно, все различия и противоречия – суть разные проявления одного и того же единства» [26, р. 454; 27, с. 87].

Именно этот тезис Г.-Г. Гадамер наглядно применяет при анализе взаимосвязи между первообразом произведения и его копией. Первообраз не иссякает в выходящей из нее копии, и копия также сохраняет собственную автономию, полноту истины, связывающую ее с первообразом, из которого она исходит. Одно можно сказать наверняка, это тот, кто присутствует в множественном,

т. к. последнее происходит от него. В творчестве Г.-Г. Гадамера бытие полностью находится в образе, который его представляет, и в каком-то смысле умножает его: «В сущности эманации заложено то, что эманурует преизбыток, а источник эманации при этом не умаляется. Развитие этой идеи в философии неоплатонизма, взорвавшей область греческой субстанциальной онтологии, обосновывает позитивный ранг бытия изображения, т. к. если изначально Одно по истечении из него Многого не делается меньше, то это должно означать, что увеличилось бытие» [28, с. 172].

Эта основополагающая мысль об онтологии образа в герменевтическом подходе Г.-Г. Гадамера была проанализирована французским исследователем в области герменевтики Ж. Гронденом, который наблюдает тесную связь между представлением игрового опыта и онтологией образа, преобразованного теперь в произведение искусства. Именно по этой причине он пишет: «Будучи произведением искусства, "игра" сгущается в фигуру, произведение, которое увлекает и раскрывает что-то существенное для меня о том, что существует (est), а также обо мне самом. О том, что существует, т. к. это дополнительная реальность, которая возникает, чтобы быть представленной в произведении, т. е. реальность, которая является более богатой (puissante) и более показательной (révélatrice), чем реальность, которую оно представляет, но которая позволяет мне лучше ее узнать» [29, р. 52].

Г.-Г. Гадамер настаивает на священном образе божественного в христианском богословии, который становится «репрезентацией-замещением» в литургии. Иными словами, в образе, символизирующем его, наблюдается активное и действенное присутствие божественного: верующий обожает не образ перед ним, а существо, к которому этот образ в конце концов относится. Это, несомненно, является причиной того, что Отцы Церкви не выступали против развития пластического искусства и представления божественности Иисуса Христа, в то время как в Ветхом Завете, в частности заповедях Моисея, а также в учениях ислама [30], было запрещено создавать образы Бога.

В определенные периоды христианской иконографии, особенно в VIII и IX вв., изображения приобретали порой тревожное значение. Эта важность оправдывала возвышение иконоборчества как запрета на использование святых образов, рассматриваемых в качестве формы идолопоклонничества и отклонения от предмета поклонения. Иконоборчество утверждает, что изображение занимает место существа, в которого верят. Г.-Г. Гадамер знает об этом конфликте из-за изображений, выступавших причиной многих споров между церковной властью и Византийской империей. Однако его интересует восстановление ценности бытия и ценности образа, который его олицетворяет. Его интерпретация образа возрождает доктрину христианской иконографии как «репрезентации-замещения». Замена означает, что то, что сейчас представлено, является бытием в своей подлинности. Для Г.-Г. Гадамера изображение не является копией, но через него бытие почти размножается и действительно приходит в присутствие. Изображение как первообраз выступает «сиянием» представляемой вещи, содержит неразрывное обращение к ее миру. Именно по этой причине представление теперь есть «бытийный процесс, влияющий на ранг бытия представленного» [31, с. 171]. Подобное описание напоминает хайдеггеровский анализ истины произведения искусства, которому Г.-Г. Гадамер не чужд [32], например: «Воздвижение и изображение – это всякий раз особое поэтическое слагание в пределах просветленности сущего, такой просветленности, какая незаметно ни для кого уже совершилась в языке» [33, с. 209].

М. Хайдеггер порой именует истину «просветом», «просекой» или «поляной» бытия (Lichtung), устанавливая связь с тем, что он говорит о поэтическом образе, т. е. изображении сущего [34, с. 31]. Это также заметно, когда автор «Бытия и времени» берется за интерпретацию картины голландского художника XIX в. Винсента Ван Гога, где изображены крестьянские башмаки: «Что же совершается здесь? Что творится в творении? Картина Ван Гога есть раскрытие, растворение того, *что* поистине есть это изделие, крестьянские башмаки. Сущее вступает в несокрытость своего бытия» [35, с. 123].

Действительно, в этом живописном изображении пары крестьянских туфель, как утверждает М. Хайдеггер, раскрывается скрытая вещь: крестьянство, вся вселенная жизни с ее проблемами и вопросами, страданиями, тайнами и надеждами. Весь крестьянский мир предлагает себя интерпретации картины Ван Гога: диалектика классовой борьбы, сельская жизнь и ее сельскохозяйственная и пастбищная работа, надежды крестьян на улучшение условий жизни, трудности, присущие сельской жизни. Это не просто иллюстрация неважных ботинок, а самое сложное и ясное представление о жизни. То, что делает Ван Гог, так это осуждает жалкое существование крестьянина и несправедливости, которые машинное производство приносит крестьянскому миру.

Г.-Г. Гадамер интерпретировал эту картину в тексте, посвященном истине произведения искусства, и выразил свое открытие таким образом: «То, что являет себя в творении художника и что оно настойчиво показывает, суть не пара случайных крестьянских башмаков, но подлинная сущность инструмента, которым они являются. В этих башмаках – весь мир крестьянской жизни. Получается, что здесь художественное творение производит на свет истину о сущем. Осмыслить

такое явление истины – т. е. то, как оно свершается в творении, – можно только исходя из самого творения, а вовсе не из его вещественного фундамента» [36, с. 118].

По словам Г.-Г. Гадамера, «только благодаря изображению первообраз становится первообразом, т. е. только изображение делает представленное и собственно изображаемым, живописным» [37, с. 172].

Таким образом, исходя из философской традиции в лице герменевтики, неоплатонизма и хайдеггеровской онтологии, можно говорить о самостоятельности произведения искусства относительно существования реального мира и сопутствующих ему явлений. Эта заслуга по построению аргументации, по нашему мнению, принадлежит Г.-Г. Гадамеру как представителю школы герменевтической феноменологии.

Список источников:

1. Mesure S. Individus et ensembles dans la méthodologie diltheyenne des sciences sociales // *Revue internationale de philosophie*. 2003. Vol. 226, no. 4. P. 393–405. <https://doi.org/10.3917/rip.226.0393>.
2. Дильтей В. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 1. Введение в науки о духе / пер. с нем. под ред. В.С. Малахова. М., 2000. 762 с.
3. Гадамер Г.-Г. Истина и метод : пер. с нем. М., 1988. 704 с.
4. Di Cesare D.E. Le temps de l'art. Sur l'esthétique de Gadamer // *Etudes Germaniques*. 2007. Vol. 246, no. 2. P. 291–302. <https://doi.org/10.3917/eger.246.0291>.
5. Lalande A., Poirier R. Vocabulaire technique et critique de la philosophie. Paris, 2010. 1376 p.
6. Гадамер Г.-Г. Истина и метод. С. 136.
7. Там же. С. 135.
8. Там же. С. 138.
9. Там же. С. 139.
10. Там же.
11. Там же. С. 140.
12. Там же. С. 143.
13. Fruchon P. Pour une lecture de Vérité et Méthode: circularité d'une herméneutique comprise comme «esthétique philosophique» // *Laval théologique et philosophique*. 1997. Vol. 53, iss. 1. P. 7–26. <https://doi.org/10.7202/401036ar>.
14. Гадамер Г.-Г. Истина и метод. С. 143.
15. Там же. С. 143–144.
16. Там же. С. 142.
17. Платон. Государство [Электронный ресурс]. Кн. X // Самопознание и саморазвитие. Психологическая библиотека Киевского Фонда содействия развитию психической культуры. 2020. URL: <http://psylib.org.ua/books/plato01/26gos10.htm> (дата обращения: 03.06.2021).
18. Гадамер Г.-Г. Истина и метод. С. 146.
19. Там же. С. 172.
20. Там же. С. 171.
21. Там же.
22. Там же.
23. Gadamer H.-G., Fruchon P. Au commencement de la philosophie: pour une lecture des présocratiques. Paris, 2001. 156 p.
24. Fruchon P. Herméneutique, langage et ontologie. Un discernement du platonisme chez H.-G. Gadamer // *Archives de philosophie*. 1973. Vol. 36, no. 4. P. 529–568.
25. Bréhier E. Plotin // Bréhier E. Histoire de la Philosophie I. Antiquité et Moyen Âge. Paris, 1987. P. 449–565.
26. Ibid. P. 454.
27. Плотин. О Провидении. II // Эннеады. II. Киев, 1996. С. 87–95.
28. Гадамер Г.-Г. Истина и метод. С. 172.
29. Grondin J. L'herméneutique. Paris, 2006. 128 p.
30. Hoffner A.-B., Bleynie S. En Islam, la représentation de Dieu est interdite, non celle de son prophète [Электронный ресурс] // *La Croix*. 2015. 1 jan. URL: <https://www.la-croix.com/Religion/Actualite/En-islam-la-representation-de-Dieu-est-interdite-non-celle-de-son-prophete-2015-01-20-1270464> (дата обращения: 03.06.2021).
31. Гадамер Г.-Г. Истина и метод. С. 171.
32. Хайдеггер М. Исток художественного творения / пер. с нем. А.В. Михайлова. М., 2008. 528 с.
33. Там же. С. 209.
34. Там же. С. 31.
35. Там же. С. 123.
36. Гадамер Г.-Г. Пути Хайдеггера: исследования позднего творчества / пер. с нем. А.В. Лаврухина. Минск, 2007. 240 с.
37. Гадамер Г.-Г. Истина и метод. С. 172.

Информация об авторе

М.О. Михайловский – аспирант Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия.

Information about the author

M.O. Mikhailovsky – PhD student, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 26.04.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 06.05.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 10.06.2021.

Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 55–60.
Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 55–60.

Научная статья
УДК 177+316.752
<https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.9>

Изменение нравственного сознания поколений в процессе социокультурной трансформации постсоветской России

Анастасия Владимировна Дробышева

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, avd20.10@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6687-6687>

Аннотация. В статье рассматривается изменение соотношения элементов традиционной и новой морали в нравственном сознании поколений в процессе социокультурной трансформации постсоветской России. В качестве методологической основы изучения проблемы используются концепция межгенерационного изменения ценностей Р. Инглхарта и конфликтная концепция изучения ценностей Ш. Шварца. Анализ динамики структур нравственного сознания показал, что на протяжении постсоветского периода у всех поколений продолжают сосуществовать и взаимодействовать элементы традиционной и новой морали, между поколениями сохраняется преемственность, выражающаяся в постепенном смещении ценностных приоритетов. Это свидетельствует о постепенном движении к достижению нового социокультурного баланса, который немислим без сочетания и взаимодействия традиционных и новых элементов нравственного сознания у всех поколений.

Ключевые слова: поколение, нравственное сознание, нравственные ценности, традиционная мораль, новая мораль, преемственность поколений, постсоветская Россия, социокультурная трансформация

Для цитирования: Дробышева А.В. Изменение нравственного сознания поколений в процессе социокультурной трансформации постсоветской России // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 55–60. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.9>

Original article

Change of the moral consciousness of generations in the process of socio-cultural transformation of post-Soviet Russia

Anastasia V. Drobysheva

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, avd20.10@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6687-6687>

Abstract. The paper examines the change in the ratio of elements of traditional and new morality in the moral consciousness of generations in the process of socio-cultural transformation of post-Soviet Russia. As a methodological basis for studying the issue, the paper uses the concept of intergenerational change in values by R. Inglehart and the conflict concept of studying the values of Sh. Schwartz. Analysis of the dynamics of the structures of moral consciousness showed that throughout the post-Soviet period, elements of traditional and new morality continue to coexist and interact among all generations, continuity remains between generations, which is expressed in a gradual shift in value priorities. This indicates a gradual movement towards achieving a new socio-cultural balance, which cannot be imagined without a combination and interaction of traditional and new elements of moral consciousness in all generations.

Keywords: generation, moral consciousness, moral values, traditional morality, new morality, continuity of generations, post-Soviet Russia, socio-cultural transformation

For citation: Drobysheva A.V. Change of the moral consciousness of generations in the process of socio-cultural transformation of post-Soviet Russia // Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 55–60. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.9>

Выявление характера изменений нравственного сознания поколений имеет большое значение для изучения особенностей моральной практики современного российского общества. Нравственное сознание поколений содержит традиционные и новые элементы, отражающиеся в его структурах – нравственных ценностях и нравственных установках. Именно эти структуры отражают наиболее существенные характеристики реального нравственного сознания.

Теоретическая значимость данной статьи заключается в обосновании критериев выделения традиционных и новых элементов нравственного сознания поколений в современной России, в обнаружении проявлений преемственности поколений.

Практическая значимость статьи состоит в том, что ее основные положения и результаты могут быть использованы при проведении массовых опросов и разработке учебных курсов, посвященных изучению особенностей нравственного сознания поколений.

Соотношение традиционных и новых элементов нравственного сознания поколений зависит от специфики исторических условий их первичной и вторичной социализации. Культурно-историческая трансформация различных типов современных обществ, происходящая в процессе их модернизации, сопровождается изменением всех сфер взаимодействия людей и структур нравственного сознания, являющихся одним из регуляторов данного взаимодействия. Эти трансформации неразрывно связаны с динамикой поколений. На первый взгляд кажется, что модернизация и глобализация информационного пространства способствовали более быстрой унификации систем нравственных ценностей и норм, существующих в современном мире. Однако данный подход не в полной мере соответствует действительности. Модернизация в зависимости от условий конкретного общества по-разному влияет на соотношение традиционных и новых элементов морали в сознании поколений. Изучение этого соотношения позволяет выявить особенности нравственного сознания поколений.

Социокультурная трансформация российского общества началась еще в период перестройки (либерализации всех сфер жизни общества), однако наиболее активно осуществлялась в период радикальных реформ, в результате которых все сферы жизни россиян подверглись кардинальным изменениям [1, с. 4]. Два десятилетия реформ привели к существенным сдвигам в нравственных ориентациях россиян [2, с. 217–219]. Как отмечается в отчетах по результатам исследований Института социологии РАН, несмотря на активное распространение новых ценностей, в сознании россиян почти в равной степени представлены традиционные и новые ценности [3, с. 29–30]. Под элементами традиционной морали в современном российском обществе мы понимаем характеристики нравственного сознания, сложившиеся в советский период развития российского общества и сохраняющиеся в постсоветский период. Элементами новой морали считаются характеристики нравственного сознания, получившие широкое распространение в результате проведения радикальных реформ.

Для советского периода были характерны ценности, ориентированные на социальное окружение. Коммунистическая идеология, политика государства, система советского воспитания и образования были направлены на поддержание коллективистских ценностей, способствовали их передаче от поколения к поколению. Для постсоветского периода характерны ценности, ориентированные на личный успех и персональное материальное благополучие. Радикальные изменения условий жизни способствовали усилению индивидуалистических ценностей.

При изучении динамики нравственного сознания поколений можно использовать концепцию межгенерационного изменения ценностей Р. Инглхарта и конфликтную концепцию изучения ценностей Ш. Шварца. Согласно концепции Р. Инглхарта, люди придают большую ценность тому, чего им больше не хватает, а изменения ценностных приоритетов происходят не сразу вслед за изменениями условий жизни, а через некоторый промежуток времени, связанный с первичной социализацией новых поколений. Младшее поколение в процессе первичной социализации, проходящей в новых условиях, усваивает новые ценности, которые становятся базовыми и сохраняются на протяжении всей жизни. Однако у среднего и старшего поколений также происходит изменение ценностных приоритетов: новые ценности добавляются к тем базовым ценностям, которые были усвоены в молодости. Таким образом, новые ценности становятся доминирующими постепенно, по мере превращения новых поколений в преобладающую часть населения [4, с. 15].

В качестве методологической основы исследования нравственного сознания поколений в статье используется конфликтная концепция изучения ценностей, разработанная Ш. Шварцем [5, р. 270]. В соответствии с этой концепцией ценности представляют собой убеждения в приоритетности одних жизненных целей перед другими, противоположными жизненными целями. В данной статье рассматриваются не все выделенные Ш. Шварцем 10 базовых жизненных целей [6, р. 5], а только те, которые соответствуют нравственным ценностям. К ним можно отнести жизненные цели, характеризующие противоположные типы отношения человека к другим людям.

В процессе проведения национальных опросов в рамках Европейского социального исследования респондентам предлагается определить степень своего сходства с людьми, ориентируясь на перечисленные жизненные цели по шкале: 1) «очень похож на меня»; 2) «в значительной степени похож на меня»; 3) «немного похож на меня»; 4) «чуть-чуть похож на меня»; 5) «не похож на меня»; 6) «совсем не похож на меня». Эта шкала позволяет измерять степень самоидентификации респондентов с перечисленными жизненными целями и соответствующими типами отношения к другим людям. В сравнительном анализе данных за 2006 и 2016 гг. в статье будут сопоставляться значения, соответствующие альтернативам «очень похож на меня» и «в значительной степени похож на меня».

Радикальные реформы 1990-х гг. сопровождались широким распространением новых ценностных приоритетов: ориентация на независимость от других людей и личный успех. В это время государство фактически перестало быть моральным наставником, а другие общественные институты, в том числе церковь, не смогли заполнить образовавшийся вакуум. Российское общество в этом отношении оказалось предоставленным самому себе [7]. Авторы информационно-аналитического резюме: «Российское общество весной 2016-го: тревоги и надежды» отмечают, что ориентация на личный успех распространена у всех поколений, но в наибольшей степени представлена у молодежи [8]. Влияние новых ценностей в российском обществе выражается в активистской модели мировосприятия, которая связана с опорой на собственные силы и обеспечение достойной жизни без помощи государства, с приоритетом личных интересов, готовностью бороться за собственные права, инициативностью, предприимчивостью и ориентированностью на поиск нового [9]. Обобщая данные общероссийского исследования 2016 г., социологи приходят к выводу о росте в России ориентации на ценности личного достижения и индивидуализма, ослаблении ориентации на интересы группы и сотрудничества, а также о «дрейфе нормативно-ценностных систем от культур коллективистского типа к индивидуалистически ориентированным культурам» [10]. По мнению И.М. Кузнецова, этот дрейф проявляется в характерной для многих бывших социалистических стран ценностной неопределенности, при которой население постепенно отходит от традиционалистских стандартов, но еще не может полностью принять модернистские стандарты [11, с. 63].

Следует отметить, что традиционная и новая мораль, традиционные и новые ценности не существуют изолированно друг от друга, напротив, они тесно связаны между собой. Для элементов старой и новой морали характерны взаимодействие и даже взаимопроникновение. В обществе часто новые элементы не вытесняют старые, а сосуществуют с ними, трансформация происходит постепенно, с разной степенью интенсивности для разных поколений. Новые ценности, о которых часто говорят как о либеральных, не могли вытеснить старые советские ценности и действительно их не вытеснили. Следует согласиться с мнением Л.Г. Лебедевой о том, что «все новое неминуемо основывается на прошлом опыте, хотя взгляды и ценности каждого последующего поколения формируются и развиваются в иной исторической обстановке» [12, с. 60].

Вопрос о соотношении старых и новых ценностей тесно связан с вопросом о преемственности и противопоставлении поколений. Сохранение старых ценностей обеспечивает преемственность, без которой невозможно существование и развитие человеческого общества. Преемственность поколений рассматривается исследователями как естественно-историческая форма самоорганизации жизнедеятельности общества. Благодаря преемственности поколений коллективный опыт и культура передаются от одних поколений к другим, причем, как отмечает Л.Г. Лебедева, в современном обществе в процессе преемственности важна и значительна роль всех поколений [13]. Периоды кризиса, переломные моменты в жизни государств и обществ, безусловно, не могут не оказывать влияние на сохранение тех или иных традиционных ценностей и, следовательно, на преемственность поколений. Таким ближайшим к нашему времени и важнейшим переломным моментом в жизни российского общества оказался переход от советского общества к постсоветскому. Однако в какой степени утратили свои позиции советские ценности и, соответственно насколько ослабла преемственность поколений? Позиции исследователей по этим вопросам отличаются. Часть авторов акцентирует внимание на произошедшем в постсоветский период резком надломе преемственности поколений, конфликте или противостоянии поколений [14]. Однако другие исследователи обращают особое внимание на отсутствие разрыва поколений, продолжение диалога и преемственность [15].

Перемены в нравственном сознании всегда занимают определенный период, они не могут быть одномоментными. Наряду с первичной социализацией новых поколений имеет место и вторичная социализация предыдущих, что приводит к определенной корректировке их представлений о ценностях. Кроме того, следует учитывать так называемый «эффект жизненного цикла», способствующий воспроизводству в нравственном сознании поколений элементов традиционной морали. Он заключается в том, что при отсутствии продолжительного положительного изменения условий жизни по мере взросления младшего поколения его ценностные приоритеты сближаются с ценностными приоритетами среднего и старшего поколений [16, с. 19–20].

В данной статье мы рассмотрим изменения нравственных ценностей поколений, произошедшие в постсоветский период в процессе социокультурной трансформации российского общества, поскольку они являются наиболее важными для изучения соотношения традиционных и новых элементов нравственного сознания, преемственности поколений и различий между ними. Для выявления характера указанных изменений используются данные всероссийских опросов,

проведенных Институтом сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ) в рамках Европейского социального исследования [17]*.

В соответствии с конфликтной моделью ценностных приоритетов, разработанной Ш. Шварцем, и с учетом особенностей нынешнего периода социокультурной трансформации современной России, можно предположить, что в советский период приоритетными ценностными ориентациями были учет мнения других людей и помощь окружающим. В постсоветской России под воздействием радикальных реформ приоритетными ориентациями стали независимость и личный успех. В советский период господствовала институциональная мораль, основанная на внешнем воздействии на нравственное поведение людей социального окружения и социальных институтов. В постсоветской России стала утверждаться личностная мораль, основанная на внутренних побуждениях, обусловленных стремлением к независимости от других людей и личному успеху. На изменения общих условий жизни, связанные с распадом старой социокультурной системы и становлением новой социокультурной системы, активнее всего среагировало молодое поколение, завершающий период первичной социализации которого совпал с периодом радикальных реформ. Среднее и старшее поколения реагировали на изменение условий жизни менее активно, поскольку их базовые ценности сформировались при прежней социокультурной системе.

Данные, характеризующие изменение степени ориентации представителей младшего, среднего и старшего поколений на различные жизненные цели в период с 2006 по 2016 гг., приводятся в табл. 1. [18].

Таблица 1 – Динамика ценностных приоритетов поколений в 2006–2016 гг. (данные по альтернативам «очень похож на меня» и «похож на меня»)

Ценностные приоритеты	Младшее поколение, %/место		Среднее поколение, %/место		Старшее поколение, %/место	
	2006	2016	2006	2016	2006	2016
Помощь окружающим	37/4	48/3	51/3	48/2	59/2	51/2
Личный успех	65/2	59/2	46/4	43/3	29/4	25/4
Учет мнения других людей	38/3	42/4	56/2	43/4	72/1	61/1
Независимость от других людей	69/1	66/1	62/1	59/1	49/3	48/3

Анализ данных, представленных в таблице, позволяет обнаружить следующие тенденции. У младшего поколения в период с 2006 по 2016 гг. увеличился удельный вес людей, ориентирующихся на традиционные нравственные ценности (помощь окружающим и учет мнения других людей). В то же время уменьшился удельный вес людей, ориентирующихся на новые ценности – личный успех и независимость от других людей. Тем не менее относительно преобладающая часть представителей младшего поколения в 2006 и 2016 гг. в большей степени ориентировалась на новые нравственные ценности: личный успех и независимость от других людей. В иерархии ценностей на первом месте остается независимость от других людей, второе место занимает личный успех. Ориентация на помощь окружающим переместилась с четвертого места на третье.

У среднего поколения снизился удельный вес людей, ориентирующихся на традиционные нравственные ценности (помощь близким и учет мнения других людей) при сохранении удельного веса людей, ориентирующихся на новые нравственные ценности (личный успех и независимость от других людей). Независимость продолжает занимать первое место, ориентация на помощь окружающим перемещается с третьего места на второе. Ориентация на учет мнения других людей перемещается со второго места в 2006 г. на четвертое место в 2016 г. Ориентация на личный успех перемещается со второго места на третье.

У старшего поколения наблюдается существенное снижение удельного веса людей, ориентирующихся на традиционные нравственные ценности: помощь окружающим и учет мнения других людей при сохранении удельного веса людей, ориентирующихся на независимость от других, и некотором снижении удельного веса людей, ориентирующихся на личный успех. Тем не менее у старшего поколения люди, ориентирующиеся на традиционные нравственные ценности (помощь окружающим и учет мнения других людей), и в 2006 и в 2016 гг. преобладали над людьми, ориентирующимися на новые нравственные ценности (личный успех и независимость от других людей).

В целом результаты, полученные на основе сравнительного анализа российской части баз данных Европейского социального исследования за 2006 и 2016 гг., согласуются с результатами,

* Данные опросов, проведенных в рамках 3-й (2006) и 8-й (2016) волн исследования.

полученными на основе анализа данных других исследований, приведенных в предыдущей части статьи.

Проведенный анализ изменения нравственного сознания поколений позволяет сделать следующие выводы.

Сосуществование и взаимодействие у всех поколений современной России элементов традиционной и новой морали на протяжении постсоветского периода обусловлено начальным периодом социокультурной трансформации страны. Преобладание традиционных элементов нравственного сознания у старшего поколения, преобладание новых элементов нравственного сознания у младшего поколения и относительный паритет традиционных и новых элементов нравственного сознания у среднего поколения обусловлены эффектом первичной и вторичной социализации поколений – спецификой исторических условий их формирования и существования.

Усиление ориентации на традиционные ценности в нравственном сознании младшего поколения при сохранении преобладающей его ориентации на новые ценности обусловлено эффектом жизненного цикла этого поколения – постепенным взрослением его представителей. Усиление ориентации на новые ценности в сознании старшего поколения при сохранении преобладающей его ориентации на традиционные ценности обусловлено переходом части среднего поколения в старшее поколение в рассматриваемый период времени. Сохранение паритета традиционных и новых ценностей в нравственном сознании среднего поколения обусловлено его промежуточным положением между младшим и старшим поколениями.

Таким образом, в современной России происходит сближение поколений по степени их ориентации на традиционные и новые элементы нравственного сознания. Это способствует сохранению преемственности поколений и постепенному движению ценностно-нормативной системы российского общества к достижению нового социокультурного баланса, соответствующего современному этапу его исторической трансформации.

Список источников:

1. Горшков М.К. Предисловие // Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров): аналитический доклад Института социологии РАН / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М., 2011. С. 3–5.
2. Седова Н.Н. Сдвиги в морально-нравственных ориентациях россиян // Там же. С. 214–238.
3. Российское общество весной 2016-го: тревоги и надежды. Информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского социологического исследования / под ред. М.К. Горшкова и В.В. Петухова. М., 2016. 32 с.
4. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся ценности // Полис. Политические исследования. 1997. № 4. С. 6–32.
5. Schwartz S.-H. A Proposal for Measuring Value Orientations Across Nations [Электронный ресурс]. URL: https://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/core_ess_questionnaire/ESS_core_questionnaire_human_values.pdf (дата обращения: 02.06.2021).
6. Schwartz S.-H. Basic Personal Values. Report to the National Election Studies Board. Based on the 2006 NES Pilot Study (March 2007) [Электронный ресурс]. URL: <https://electionstudies.org/wp-content/uploads/2018/04/nas011882.pdf> (дата обращения: 02.06.2021).
7. Седова Н.Н. Указ. соч. С. 237.
8. Российское общество весной 2016-го... С. 27.
9. Там же. С. 30.
10. Там же. С. 29.
11. Кузнецов И.М. Ценностные ориентиры и социально-политические установки россиян // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 47–55.
12. Лебедева Л.Г. Социоинституциональные основы преемственности поколений в современном российском обществе // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2017. Т. 12, № 4. С. 57–68.
13. Там же. С. 60.
14. Козлов А.А. Оценки возможных протестных действий молодежи в условиях современного кризиса // Альманах мировой науки. 2016. № 4-3 (7). С. 6–8; Мосина О.А., Китокова Ж.М. К вопросу о генезисе конфликта поколений в России // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2016. № 4. С. 164–167; Семёнова В.В. Дифференциация и консолидация поколений // Россия: трансформирующееся общество / под ред. В.А. Ядова. М., 2001. С. 256–271.
15. Лебедева Л.Г. Указ. соч. С. 62, 65–66; Седова Н.Н. Указ. соч. С. 237–238.
16. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М., 2011. 464 с.
17. Российское социальное исследование по программе Европейского социального исследования [Электронный ресурс] // Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ). URL: www.ess-ru.ru/ (дата обращения: 02.06.2021).
18. Там же.

Информация об авторе

А.В. Дробышева – аспирант Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Information about the author

A.V. Drobysheva – PhD student, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 16.04.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 31.05.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 10.06.2021.

Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 61–66.
Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 61–66.

История

Научная статья

УДК 930.2

<https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.10>

**Под именем «С. В.»: исчезновение фамилии в авторских статьях С.В. Бахрушина
в «Сибирской советской энциклопедии»**

Ирина Васильевна Скипина

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, i.v.skipina@utmn.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7061-1403>

Аннотация. Статья направлена на актуализацию вклада известного российского ученого С.В. Бахрушина в историографию и источниковедение истории Сибири. Цель – обратить внимание на подписанные инициалами «С. В.» статьи ученого во втором томе «Сибирской советской энциклопедии», вышедшем в 1931 г. Известно, что их автором является профессор С.В. Бахрушин. Это обобщающие труды, содержащие источниковедческие и историографические итоги изучения истории Сибири, которые имеют важное научное и информационно-справочное значение. В них дана комплексная оценка самых значимых исследований историков-сибиреведов с начала изучения региона и вплоть до конца 1920-х гг. На первых этапах подготовки энциклопедии Бахрушин являлся членом редакционной коллегии, но после обвинения его в антисоветской деятельности был исключен из состава коллектива. Статьи ученого оставлены редакцией в энциклопедии, но не подписаны полным именем. Это свидетельствует о содержательности данных трудов и невозможности их замены сочинениями других авторов. Обращение к творчеству Бахрушина позволит расширить наши представления о научном наследии ученого, вернуть безымянным текстам имя крупного исследователя истории Сибири.

Ключевые слова: С.В. Бахрушин, «Сибирская советская энциклопедия», историография, «Академическое дело», исторические источники, Сибирь, 1920-е годы

Для цитирования: Скипина И.В. Под именем «С. В.»: исчезновение фамилии в авторских статьях С.В. Бахрушина в «Сибирской советской энциклопедии» // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 61–66. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.10>

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Тюменской области в рамках научного проекта № 20-49-720005 «Образ Сибири как социокультурного пространства Российского государства в отечественных энциклопедиях XVIII–XX вв.»

Original article

**By the name of “S. V.”: disappearance of the author’s surname in the articles
by S.V. Bakhrushin in “Siberian Soviet Encyclopedia”**

Irina V. Skipina

Tyumen State University, Tyumen, Russia, i.v.skipina@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7061-1403>

Abstract. The research aims to update the contribution of the famous Russian scientist S.V. Bakhrushin to the historiography and source studies of the history of Siberia. The purpose is to draw attention to the signed with the initials “S. V.” articles by the scientist in the second volume of the “Siberian Soviet Encyclopedia”, published in 1931. It is known that their author is Professor S.V. Bakhrushin. These are summarizing works containing source studies and historiographical results of Siberian history research, which are of great scientific, informational and reference values. They provide a comprehensive assessment of the most significant works by the researchers of the history of Siberia from the beginning of this region study until the end of the 1920s. At the first stages of preparation of the encyclopedia, Bakhrushin was a member of the editorial board, but after being accused of anti-Soviet activities, he was expelled from the team. The articles of the scholar were retained by the editorial board in the encyclopedia, but are not signed with his full name. This testifies to the meaningfulness of these works and the impossibility of replacing them with the works by other authors. An appeal to Bakhrushin's works will make it possible to expand our ideas about the scholar's scientific heritage and to return the name of this major researcher of the history of Siberia to the nameless texts.

Keywords: S.V. Bakhrushin, “Siberian Soviet Encyclopedia”, historiography, “Academic Trial”, historical sources, Siberia, 1920s

For citation: Skipina I.V. By the name of “S. V.”: disappearance of the author’s surname in the articles by S.V. Bakhrushin in “Siberian Soviet Encyclopedia” // Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 61–66. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.10>

Funding: the research was carried out with the financial support of Russian Foundation for Basic Research and Tyumen region within the framework of the scientific project No. 20-49-720005 "The Image of Siberia as a Sociocultural Space of the Russian State in the Domestic Encyclopedias of 18–20th Centuries".

Сочинения С.В. Бахрушина, написанные в первой половине XX в., остаются востребованными современными учеными и считаются непревзойденным материалом по историографии и источниковедению истории Сибири. Цель данной работы – показать значимость работ ученого, опубликованных во втором томе «Сибирской советской энциклопедии», который вышел в свет в 1931 г. Статьи не были подписаны его полным именем и вплоть до 1980-х гг. не включались в список сочинений историка. Это положение объяснялось тем, что профессор С.В. Бахрушин оказался в конце 1920-х гг. в ряду неблагонадежных ученых, поэтому не только он, но и его труды подверглись репрессивным мерам: статьи хоть и были опубликованы в энциклопедии, но без указания полного имени историка. Новое обращение к творчеству С.В. Бахрушина позволяет расширить наши представления о его научном наследии, вернуть безымянным текстам имя крупного исследователя истории Сибири, обратить внимание на сочинения ученого как важный вклад в историографию, источниковедение, методологию изучения истории Сибири периода 1920-х гг.

Создание советских энциклопедий в 1920-е гг. являлось важнейшей государственной задачей, поэтому их подготовка и издание находились под постоянным контролем властей. «Сибирская советская энциклопедия» была призвана стать первой в ряду региональных информационно-справочных научных трудов. Ее выход в свет планировался в конце 1920-х гг. Работа носила комплексный характер и включала сведения о самых разных сторонах экономической, политической и культурной жизни края. Редакционная коллегия обращалась к авторам, живущим в разных городах страны, в том числе и к столичным историкам. В результате статьи для издания представили самые известные ученые. Одним из таких исследователей являлся Сергей Владимирович Бахрушин, крупный специалист по истории Сибири, привлеченный для написания ряда статей второго тома [1, с. 178].

Планомерная работа над изданием была нарушена в связи с возбуждением в 1929 г. так называемого «Академического дела» и арестом ряда ученых, являвшихся участниками авторского коллектива энциклопедии. Выход в свет второго тома задерживался, ситуацию редакционная коллегия объясняла сложившейся в стране обстановкой, сопровождающейся обострением классовой борьбы. Во введении ко второму тому говорилось, что пришлось исключить из авторского коллектива «так называемых специалистов», оказавшихся неблагонадежными людьми. Одним из устранившихся из коллектива ученых оказался и С.В. Бахрушин, проходивший по «Академическому делу» [2, с. 12]. Однако его статьи «Историография» и «Источники для изучения истории Сибири. II. Русский период», подписанные инициалами «С. В.», во втором томе «Сибирской советской энциклопедии», вышедшем в свет в 1931 г., были оставлены, что свидетельствует о значимости данных трудов и невозможности их замены сочинениями других авторов.

Труды С.В. Бахрушина со времени их публикации не потеряли актуальности, они и сегодня продолжают изучаться историками, вызывая дискуссии и профессиональный интерес исследователей. Особого внимания в этом отношении заслуживают работы С.М. Каштанова [3], А.М. Дубровского [4], Н.П. Осиповой, А.А. Чернобаева [5], В.В. Тихонова [6], С.Н. Решетниковой [7], документы, подготовленные к публикации М.Г. Вандалковской [8].

Методологической основой данной статьи является антропологический подход, позволивший рассмотреть те аспекты в творчестве С.В. Бахрушина, которые оставались многие годы в тени из-за нежелания говорить о том периоде его биографии, когда ученый оказался изолирован, был уволен с работы, выдворен из Москвы и жил в изгнании. В то же время изучение его творчества конца 1920-х гг. позволило еще раз подчеркнуть значимость его сочинений, в том числе и для обобщающих работ, таких как «Сибирская советская энциклопедия», где они были опубликованы, несмотря на арест историка по политическому делу.

С.В. Бахрушин – коренной москвич, родился в 1882 г. и принадлежал к известному роду московских предпринимателей и меценатов Бахрушиных. Начальное образование он получил, занимаясь с педагогами дома, впоследствии продолжил учебу в Императорском лицее памяти цесаревича Николая, который окончил с золотой медалью. Затем он поступил на историко-филологический факультет Московского государственного университета, где после завершения учебы в 1904 г. продолжил в научную и преподавательскую деятельность. В 1909 г. ему было присвоено звание приват-доцента. Карьера молодого исследователя складывалась успешно. Будучи учеником В.О. Ключевского и М.К. Любавского, он отличался прекрасной профессиональной подготовкой, сотрудничал с известными историками, совмещал научную и преподавательскую деятельность с общественной работой, так, в период 1909–1912 гг. являлся гласным Московской городской думы.

Революционные события резко изменили судьбу историка. По мнению А.А. Зимина, ученика С. Бахрушина, корни московской школы историков 1920-х гг. были «подрезаны грозными

событиями 1917 г.» [9, с. 60]. Положение С.В. Бахрушина в академических кругах заметно пошатнулось, он чувствовал неприязнь со стороны коллег, которые нередко вспоминали его «контрреволюционное» прошлое. Однако С.В. Бахрушин не стал угодничать перед новым руководством, демонстрировать свою приверженность марксистским установкам, он продолжил исследование социально-экономических аспектов российской истории, полагаясь на сложившиеся в его практике теоретико-методологические подходы, основанные на глубоком, всестороннем изучении источников, трудов своих предшественников и обобщении полученных данных.

В 1920-е гг. С.В. Бахрушин написал ряд работ по истории купечества, предпринимательства, рыночных отношений [10]. Особый интерес у исследователя вызывали вопросы заселения и освоения Сибири, взаимоотношений русского и коренного населения, роли этой территории в социально-экономической жизни Российской империи [11]. Ученый увлекся изучением документов московских архивов, используя те методологические концепты, которые считал наиболее результативными. Сегодня историографы отмечают, что С.В. Бахрушин проявлял в это время интерес к философии В. Виндельбанда, который был основателем баденской школы неокантианства. При этом источники и историографические находки, а также их интерпретации на основе критического анализа стали важнейшей составляющей его работ, написанных в первые десятилетия XX в. [12].

Большинство коллег видели в С.В. Бахрушине представителя дореволюционной исторической школы, которую представляли С.Ф. Платонов, Р.Ю. Виппер, Ю.В. Готье, что во многом предопределило недоверчивое отношение к нему в академическом сообществе того времени. Так, С.А. Пионтковский в своем дневнике писал о неприязни к «буржуазному» профессору во время их совместной работы в Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), хотя и признавал, что С.В. Бахрушин хорошо знал источники российской истории и умело их интерпретировал. С.А. Пионтковский считал, что в коллективе имело место внутривнутрипартийное противостояние буржуазных специалистов и представителей новой марксистской школы, являвшееся отражением классовой борьбы, идущей во всей республике [13, с. 86]. Во многих поступках С.В. Бахрушина некоторые коллеги усматривали проявление недовольства существующей действительностью, что отражалось не только на отношении к ученому, но и к его аспирантам. В итоге в Институте истории РАНИОН сложились группировки партийных и беспартийных ученых и соответственно партийных и беспартийных аспирантов. Об одном из учеников С.В. Бахрушина в дневнике С.А. Пионтковского сказано, что аспирант умудрился представить доклад и ни разу не сказать слово «класс» [14, с. 129]. Вместе с тем С.А. Пионтковский признавал, что группа «буржуазных» аспирантов была на голову выше в сфере профессиональной подготовки и знании иностранных языков. В таких беспартийных специалистах он видел угрозу не только исторической науке, но и стране, а о профессорах дореволюционной школы писал следующее: «Я просмотрел их анкеты. Это все люди, которым значительно за сорок, т. е. вполне сложившиеся идеологически представители старой российской буржуазии, чрезвычайно своеобразный тип. Во главе их стоит матерый волк, Бахрушин. Это, несомненно, открытый классовый враг. Он прямо-таки претендует на роль председателя в российской буржуазной науке... Но ему нельзя отказать в одном: он хочет все же работать с нами. Продиктовано ли это стремлением оправдать свое материальное существование или чем другим, надеждой разложить врага, каким в его глазах являемся мы в нашей крепости, отхватить у нас молодежь, стремлением ли помочь сохранить свои кадры и облегчить свое воспроизводство, трудно сказать сразу» [15, с. 177]. Впоследствии подобные обвинения легли в основу дела, сфабрикованного ОГПУ против С.В. Бахрушина.

В свою очередь С.В. Бахрушин не рассматривал научное сообщество как место политических баталий. Необходимым условием успеха преподавательской и исследовательской деятельности он считал налаживание сотрудничества с обучающимися, вовлечение их в научную работу, совместное обсуждение интересующих вопросов в рамках исторических кружков и студенческих сообществ. О своем учителе А.А. Зимин, ставший впоследствии известным ученым, писал, что он являлся преподавателем по милости Божьей: «Громадный, с могучей седой головой, остриженной «бобриком», с небольшой клинышкой бородкой и усиками и вместе с тем маленькими сверкающими глазами и тонюсеньким голосом. Нас, студентов, он удивлял уже тем, что в любую стужу ходил в какой-то невообразимой крылатке, старой ушанке и замызганном шарфике. Но куда более поразительно было, что он с нами обращался как со взрослыми людьми, чуть ли не своими коллегами» [16, с. 62]. В воспоминаниях Л.В. Черепнина о С.В. Бахрушине сказано следующее: «Первоначальная сдержанность в отношениях с теми, с кем он был не очень еще знаком, с течением времени, по мере того, как он узнавал учеников, превращалась в сердечность. Семинары свои Сергей Владимирович проводил не только в университете (в старом здании на Моховой), но и у себя дома» [17, с. 80]. Уважительное и доброжелательное отношение большинства студентов и аспирантов к

своему учителю вызывало негативное отношение со стороны некоторых сослуживцев. Впоследствии домашние занятия со студентами также явились поводом для обвинения ученого в том, что он вовлекал молодежь в антиправительственную деятельность.

Сохранилась запись беседы С.В. Бахрушина, состоявшейся с аспирантами Института истории РАНИОН предположительно в конце 1920-х гг., в которой он изложил свой взгляд на виды исторических сочинений. Профессор рассказал о том, что, по его мнению, возможны три типа исследований: во-первых, работы, посвященные критическому анализу исторических источников, во-вторых, описывающие факты и труды, в-третьих, обобщающие отдельные факты с целью установления закономерности исторических явлений [18, с. 10]. При этом С.В. Бахрушин отмечал: «Нередко блестящая общая схема, мнимонаучная, распадалась при детальном исследовании эпохи» [19, с. 82]. Последнее замечание некоторыми современниками было понято как сомнение ученого в справедливости марксистского мировоззрения. При этом коллеги отмечали, что профессор пользовался уважением учеников, его слова находили у обучающихся живой отклик, поэтому ярые сторонники марксистского мировоззрения видели в подобных заявлениях историка опасную тенденцию, с которой нельзя было мириться.

«Сибирская советская энциклопедия» должна была стать первым изданием в ряду региональных информационно-справочных научных трудов, она задумывалась как комплексная работа, включающая сведения о самых разных сторонах экономической, политической, культурной жизни края. Издание содержало большой раздел – «История Сибири». Статьи этого раздела готовили самые известные ученые, редакционная коллегия обращалась к авторам, живущим в разных городах страны, в том числе и к столичным историкам. Сергей Владимирович Бахрушин был назначен редактором отдела истории и этнографии энциклопедии [20, с. 178]. К этому времени ученый уже опубликовал несколько монографий по истории региона и включил результаты своих исследований в это энциклопедическое издание, выходявшее в свет большим тиражом. Издание обещало быть не только прекрасно подготовленным с научной точки зрения, но и отличаться высоким качеством полиграфического исполнения. Работа воодушевляла историка, однако положение дел в академическом коллективе становилось все более напряженным, а сложившаяся обстановка не располагала к творческой деятельности.

Тексты для энциклопедии, вышедшие из-под пера С.В. Бахрушина, оказались весьма содержательными. Ко времени написания статьи «Историография» ученый уже имел публикацию, включающую основные этапы историографии истории освоения Сибири [21, с. 104–113]. Представленная в энциклопедию статья отличалась подробным анализом работ историков-сибиреведов, отражала итоги их исследований. В ней С.В. Бахрушин указал на особую роль сочинений С.У. Ремезова, которому удалось выявить, систематизировать и проанализировать источники по истории Сибири, полученные не только со стороны переселенцев, но и коренного населения. Ученый подробно остановился на трудах Г.Ф. Миллера, представившего подробную характеристику сил, сыгравших особую роль в развитии экономики, культуры и просвещения Сибири, называя в их числе военных, чиновников, крестьян, предпринимателей. С.В. Бахрушин подчеркнул самостоятельность и содержательность работ И.Э. Фишера по истории региона. Не обошел вниманием он и хронологический перечень важнейших данных по истории Сибири И.В. Щеглова, который, по мнению ученого, способствовал систематизации событий, происходивших в разные исторические периоды. Особую ценность для изучения Сибири, считал он, представляют труды П.А. Словцова, который попытался осветить события сибирской истории прежде всего в культурно-историческом отношении. С.В. Бахрушин обратил внимание на труды А.П. Шапова, С.С. Шашкова, В.И. Вагина, П.Н. Буцинского, указав на их содержательность и источниковую наполненность, что было важно для дальнейшего развития сибирского краеведения. Последнее направление научных исследований ученый считал весьма перспективным и важным для комплексного и детального анализа истории региона [22].

Статья С.В. Бахрушина «Источники для изучения истории Сибири. II. Русский период» свидетельствовала о его стремлении продолжать углубленный анализ источников, при этом он предлагал делить их на актовые и литературные. Актовые материалы, по его мнению, представляли особую ценность. В их числе были названы донесения сибирской администрации в центр и указания из столицы на места, данные финансовой отчетности, дела ревизий местных учреждений, документы о назначении на должности сибирских чиновников, разнообразные наказания и инструкции, документы о ссылке в Сибирь; посольские дела, свидетельствующие о взаимодействии с азиатскими государствами; документы переписей, данные статистики, а также свидетельства об организации и ведении хозяйства частными собственниками. Он указал на необходимость дальнейшего изучения архивов центральных учреждений. Особенно содержательным историк считал фонд Сибирского приказа, хранящийся в Центральном государственном архиве древних

актов (г. Москва). С.В. Бахрушин выделял источниковую значимость материалов местных учреждений, свидетельствующих о реализации политики центра в сибирской провинции. Он обратил внимание на информационный потенциал финансовых, судебных, статистических данных, находящихся в фондах местных администраций, при этом подчеркивал слабую изученность частных и монастырских архивов, содержащих ценные данные по истории региона [23, с. 401].

Вместе с тем обстановка в столичных научных коллективах становилась все более удручающей, а в отношениях коллег росла напряженность [24, с. 76–77]. Это объяснялось как давними межличностными конфликтами в академической среде, продолжавшимися многие годы, так и конкурентным взаимодействием, стремлением к лидерству в коллективе. Влияла на положение дел и политическая конъюнктура, характеризующаяся недоверием к специалистам старой школы. Положение усугублялось по мере утверждения в исторической науке марксистской методологии как единственно верной. Все закончилось тем, что против академика С.Ф. Платонова было сфабриковано дело, получившее впоследствии широкий резонанс. Это событие вошло в историю как «Академическое дело». Расследование происходило в конце 1929 – первой половине 1930 г., что совпало с подготовкой к выходу в свет «Сибирской советской энциклопедии».

Под воздействием политических событий конца 1920-х гг. ожидания многих авторов энциклопедии на успешную подготовку и издание их труда не оправдались. Некоторые из них были привлечены к уголовной ответственности и осуждены в рамках расследования «Академического дела», когда были арестованы более 100 ученых-историков, в числе которых был и С.В. Бахрушин. Его арестовали в Москве 8 августа 1930 г., предъявив обвинение в участии в деятельности московской секции «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России», заговоре с целью свержения советской власти, уходе от изучения актуальных проблем советского строительства и подготовке антимарксистских кадров. Коллегией ОГПУ 8 августа 1931 г. С.В. Бахрушин был осужден и приговорен к пяти годам ссылки. По причине неблагонадежности его исключили из числа членов редакционной коллегии «Сибирской советской энциклопедии», сняли с должности редактора раздела «История». Поэтому имя ученого не было полностью указано под текстами его работ, публикации были подписаны лишь инициалами «С. В.». Данные статьи вошли в список его опубликованных работ только в 1987 г. [25, с. 200].

В течение трех лет С.В. Бахрушин находился в ссылке в Казахстане, преподавал в педагогическом и геологическом институтах в Семипалатинске. Его просьба о помиловании была удовлетворена 27 июля 1933 г. [26, с. 389]. По разрешению властей он вернулся в Москву, вновь приступил к преподавательской и исследовательской деятельности. После ссылки ученый признал свою приверженность марксистскому учению и старался не вызывать негативного отношения к себе со стороны сослуживцев. Умер С.В. Бахрушин в 1950 г. в Москве.

По просьбе дочери академика М.К. Любавского, также осужденного по «Академическому делу», в 1966 г. было проведено дополнительное расследование, в ходе которого не выявлено объективных доказательств вины ученых, привлеченных к уголовной ответственности. В связи с этим осуждение проходивших по рассматриваемому делу историков Военная коллегия Верховного Суда СССР в 1967 г. признала необоснованным [27, ч. 2, с. 1226]. С.В. Бахрушин был полностью реабилитирован [28, ч. 2, с. 1186].

Работы С.В. Бахрушина, опубликованные в «Сибирской советской энциклопедии», не потеряли научного значения. Они являются обобщающими трудами по историографии и источниковедению истории Сибири, сполна отражающими знания, сформировавшиеся к концу 1920-х гг. в анализируемой сфере исторических исследований, с указанием достижений, проблем, перспектив дальнейшей разработки темы. Интерес к данным публикациям обуславливается еще и тем, что в последующие два десятилетия из-за негативного влияния социально-политических обстоятельств на работу историков исследования в этом направлении были фактически приостановлены. Рассматриваемые работы позволяют установить взаимосвязь достижений каждого из поколений ученых, занимающихся историей Сибири, оценить их вклад в изучение темы.

Список источников:

1. Академическое дело, 1929–1931 гг. : документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ / отв. ред. В.П. Леонов. Вып. 9. Обвинение. Приговор. Реабилитация / сост. М.П. Лепехин. СПб., 2015. Ч. 1. 451 с.
2. От редакции // Сибирская советская энциклопедия : в 4 т. Т. 2 : 3–К / под общ. ред. М.К. Азадовского и др. Новосибирск, 1931. С. 11–12.
3. Каштанов С.М. Творческое наследие С.В. Бахрушина и его значение для советской исторической науки (к столетию со дня рождения) // История СССР. 1982. № 6. С. 110–123.
4. Дубровский А.М. С.В. Бахрушин и его время. М., 1992. 167 с.
5. Осипова Н.П., Чернобаев А.А. Мастера российской историографии: Сергей Владимирович Бахрушин // Исторический архив. 2012. № 4. С. 159–174.
6. Тихонов В.В. Московские историки первой половины XX в.: научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева, С.В. Бахрушина. М., 2012. 388 с.

7. Решетникова С.Н. Основные проблемы источниковедения сибирской истории в творчестве С.В. Бахрушина : автореф. ... дис. канд. ист. наук. Тюмень, 2010. 26 с.
8. Вандапковская М.Г. Из истории исторической науки. Сергей Владимирович Бахрушин // История и историки: историографический вестник. М., 2013–2014. С. 341–371.
9. Зимин А.А. Храм науки // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / сост. А.Л. Хорошевич. М., 2015. С. 35–384.
10. Тихонов В.В. Указ. соч.
11. Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII в. М., 1927. 199 с.
12. Дубровский А.М. Сергей Владимирович Бахрушин // Портреты историков. Время и судьбы : в 2 т. Т. 1. Отечественная история. М., 2000. С. 192–206.
13. Дневник историка С.А. Пионтовского (1927–1934) / отв. ред. А.Л. Литвин. Казань, 2009. 516 с.
14. Там же. С. 129.
15. Там же. С. 177.
16. Зимин А.А. Указ. соч. С. 62.
17. Черепнин Л.В. Моя жизнь. Воспоминания: комментарии, приложения. М., 2015. Т. 1. 400 с.
18. Дубровский А.М. Предисловие // Бахрушин С.В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма (научное наследие) / отв. ред. Б.В. Левшин. М., 1987. С. 3–20.
19. Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири ... С. 82.
20. Покровский Н.Н. Бахрушин Сергей Владимирович // Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. Т. 1. Новосибирск, 2009. С. 177–178.
21. Бахрушин С.В. Основные течения сибирской историографии с XVIII века. Кн. 1–2. М., 1925. С. 104–113.
22. Бахрушин С.В. Историография // Сибирская советская энциклопедия : в 4 т. Т. 2 : З–К / под общ. ред. М.К. Азадовского и др. Новосибирск, 1931. С. 207–208.
23. Бахрушин С.В. Источники для изучения истории Сибири. II. Русский период // Сибирская советская энциклопедия : в 4 т. Т. 2 : З–К / под общ. ред. М.К. Азадовского и др. Новосибирск, 1931. С. 400–402.
24. Дубровский А.М. С.В. Бахрушин и его время ... С. 76–77.
25. Библиография трудов С.В. Бахрушина, не вошедших в более ранние списки // Бахрушин С.В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма (научное наследие) / отв. ред. Б.В. Левшин. М., 1987. С. 199–201.
26. Академическое дело ... Ч. 1. С. 389.
27. Там же. Ч. 2. С. 1226.
28. Там же. Ч. 2. С. 1186.

Информация об авторе

И.В. Скипина – доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения и документационного обеспечения управления, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия.

Information about the author

I.V. Skipina – D.Phil. in History, Professor, Document Science and Document Management Department, Tyumen State University, Tyumen, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 03.05.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 21.05.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 10.06.2021.

Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 67–70.
Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 67–70.

Научная статья
УДК 94(470) «16/18»
<https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.11>

Личность коллекционера как предмет исторического исследования: на примере С.Г. Строганова и А.Е. Теплоухова

Оксана Валерьевна Игнатьева

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
ignatieva2007@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9374-7378>

Аннотация. В статье ставится проблема биографического исследования личности коллекционера на примерах графа С.Г. Строганова и главного управляющего пермских имений Строгановых А.Е. Теплоухова. Предлагается рассматривать биографии частных коллекционеров и их практики коллекционирования в сравнительно-сопоставительном контексте, учитывая социальный статус и возможные модели поведения. Кроме того, автор обращает внимание на то, что коллекция может трактоваться как эго-документ своего времени. Делается вывод, что для С.Г. Строганова практики коллекционирования включались в аристократический образ жизни, частью которого могла быть роль знатока искусства. Для А.Е. Теплоухова, родившегося в семье крепостного графов Строгановых, практики коллекционирования копировались прежде всего из аристократической модели поведения и включались в новый конструируемый образ жизни.

Ключевые слова: история России, история частного коллекционирования, биография, исторические исследования

Для цитирования: Игнатьева О.В. Личность коллекционера как предмет исторического исследования: на примере С.Г. Строганова и А.Е. Теплоухова // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 67–70. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.11>

Original article

The collector's personality as a subject of historical research: the case of S.G. Stroganov and A.E. Teploukhov

Oksana V. Ignatieva

Perm State National Research University, Perm, Russia, ignatieva2007@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9374-7378>

Abstract. The paper raises the problem of biographical research into the collector's personality using the examples of Count S.G. Stroganov and A.E. Teploukhov, the head manager of the Stroganovs' Permian estates. It is proposed that biographies of private collectors and their collecting practices be considered in a cross-comparative context, taking into account social status and possible patterns of behavior. Furthermore, the author points out that the collection can be interpreted as an ego-document of its time. It is concluded that for S.G. Stroganov, the practice of collecting was included in the aristocratic lifestyle, which could include the role of an art connoisseur. Being born into the family of a serf of Count Stroganov, A.E. Teploukhov copied collecting practices primarily from the aristocratic model of behavior and incorporated them into the new constructible way of life.

Keywords: Russian history, history of private collecting, biography, historical research

For citation: Ignatieva O.V. The collector's personality as a subject of historical research: the case of S.G. Stroganov and A.E. Teploukhov // Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 67–70. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.11>

Тема личности в исторических исследованиях представлена в двух основных аспектах. С одной стороны, в буквальном смысле слова как история отдельных исторически существовавших личностей – как великих (собственно, с этого и началась история), так и «обычных» людей. С другой – в современных исторических работах особенно актуализирована проблема персонализации личности в истории, которая изучается главным образом на специфической группе источников – эго-документах.

История коллекционирования представляет интерес в обоих случаях. Характер коллекции, мотивы и практики коллекционирования свидетельствуют о личности коллекционера, ее самоопределении, личной миссии не менее, чем письма, дневники и прочие источники личного происхождения. В этом смысле коллекция сама может рассматриваться как эго-документ и привлекаться к исследованиям в области персональной истории.

Кроме того, появление частного коллекционирования в европейской культуре как вида творческой активности [1] свидетельствует не только о формировании общества потребления [2], но и о начале процесса индивидуализации. Изучение личностей коллекционеров, их биографий в этом смысле приближает к разгадке коллекционирования как вида страсти, инстинкта или рациональной модели поведения.

В каком случае коллекционирование и частные коллекции могут выступать источником биографического исследования? Пользуясь предложенным Г.О. Винокуром методом отбора фактов для биографического анализа, но при этом применяя его к коллекционированию, можно сказать следующее: для того чтобы стать фактом биографическим, коллекция должна в той или иной форме быть *пережитой* личностью коллекционера. «Пережить что-либо – значит сделать соответствующее явление событием в своей личной жизни» [3, с. 39].

Итак, чтобы рассматривать коллекции в контексте биографического анализа, необходимо иметь исторические свидетельства «переживаний» личности по поводу собственной деятельности в качестве коллекционера. Для исследователя в таком случае важно не просто зафиксировать значимость практик коллекционирования для той или иной личности, но и понять мотивацию собирательства, место коллекционирования в судьбе человека своего исторического времени.

Вместе с тем, к сожалению, в отечественной литературе такой аспект исследований личностей российских коллекционеров практически не представлен. Чаще всего практики коллекционирования включаются в так называемую меценатскую и благотворительную деятельность, и только по масштабу коллекции и степени ее открытости оценивается и личность самого коллекционера. Также отсутствует и сравнительный анализ биографий коллекционеров, позволяющий «в лицах» представить эволюцию практик и смыслов коллекционирования в российском обществе в тот или иной исторический период.

Поскольку охватить данную тему в одной статье не представляется возможным, обратимся к сравнительному анализу двух исторических персонажей российских коллекционеров XIX в., различающихся по социальному статусу и масштабу собирательской деятельности, – графу С.Г. Строганову и А.Е. Теплоухову.

Как мы отмечали ранее, первой вслед за российскими императорами в процесс коллекционирования включилась аристократия [4]. Детство и взросление ее представителей проходили во дворцах и усадьбах, которые из поколения в поколение наполнялись произведениями прежде всего европейского искусства. Поездки за границу как продолжение образования включали в том числе собирание личных коллекций. Свободное от военной службы и государственных дел время уделялось общению с коллекциями, их изучению. Как правило, коллекции передавались по семейной традиции, не было страхов по поводу их дальнейшей судьбы, поскольку дети, воспитанные в тех же ценностных установках, хорошо понимали смысл этой деятельности и обычно выступали продолжателями.

Сергей Григорьевич Строганов (1794–1882), будучи аристократом в нескольких поколениях, получил домашнее образование, затем вместе с братьями учился в открытом в Санкт-Петербурге Институте Корпуса инженерных путей сообщения. После участия в Отечественной войне 1812 г. не вернулся для завершения обучения, остался в армии для продолжения военной карьеры. Участвовал в заграничных походах русской армии, в том числе побывал в Париже, познакомился с европейскими художественными собраниями, начал собирать собственную коллекцию итальянской живописи. Оставаясь на военной службе, на свои средства в 1825 г. открыл рисовальную школу, в будущем знаменитое Строгановское художественное училище. В течение 1835–1847 гг. выступал попечителем Московского учебного округа, это был один из лучших периодов в истории Московского университета. При сравнении С.Г. Строганова с предыдущим попечителем, М.Н. Муравьевым, подчеркивается, что «это был человек типа Муравьева, но большего калибра, который преодолел не только житейское, но и ученое дилетантство меценатов, стал настоящим ученым» [5, с. 50]. С.Г. Строганов в соответствии со своими научными интересами отдавал предпочтение русским древностям, активно участвовал в деятельности нескольких научных обществ, в том числе был создателем Императорской археологической комиссии в 1859 г., являлся автором нескольких научных трудов.

Особой рефлексии по поводу собирательской деятельности С.Г. Строганова в его документах не встречается, что вполне понятно. Это было стилем жизни, выделявшим его среди других русских аристократов прежде всего как знатока искусства. При этом увлечение интеллектуальной деятельностью не противоречило аристократическому габитусу, с помощью коллекционирования складывалась личная манера реализации данных установок.

Наличие аристократического художественного вкуса, общение с европейскими и русскими учеными, ценность частного пространства и интеллектуального досуга – все это представлено в

личности С.Г. Строганова в качестве усвоенного стиля жизни. Несмотря на практики коллекционирования, он называл себя не коллекционером, как собственно и большая часть дворянства, а скорее знатоком искусства.

Интересную характеристику разным подходам к произведению искусства дает М. Фридлендер, определяя роли любителя, собирателя, историка, эстетика и знатока. Так, знаток для него – это тот, кто «исследует произведение искусства с целью установить его автора. Некто владеет темным полотном, которое в его глазах не имеет никакой цены: он готов подарить его первому встречному. Знаток бросает взгляд на полотно и признает в нем работу Рембрандта. В результате такого определения торговец картинами платит за полотно целое состояние. Знаток создает – и уничтожает – ценности; и благодаря этому он располагает значительным могуществом» [6, с. 13–14]. Коллекция для знатока является источником, поводом для научной деятельности, научной коммуникации, в случае с графом С.Г. Строгановым – не профессиональной и не для получения научной степени или профессорской должности в университете, а как проявление аристократического образа жизни.

В отличие от коллекционирования С.Г. Строганова для биографии выходца из крепостного сословия Александра Ефимовича Теплоухова (1811–1885) это было скорее нонсенсом. Родившись в пермских имениях графов Строгановых, А.Е. Теплоухов при патронаже С.В. Строгановой получил европейское образование, построил карьеру лесоведа и главного управляющего в имении Строгановых. А.Е. Теплоухова относят к первым русским лесоведам, он же является автором многочисленных работ по лесоведению, особенно в отношении управления лесным хозяйством в помещичьих землях. Александр Ефимович начал собирательскую деятельность под прямым влиянием графа С.Г. Строганова, который вступил в управление пермскими имениями и, имея информацию об археологических находках на этих землях, обратился к главному управляющему, в том числе А.Е. Теплоухову, с распоряжением о покупке для его собрания интересующих его вещей.

Нужно также отметить, что с С.Г. Строгановым А.Е. Теплоухов уже был хорошо знаком, поскольку граф брал его с собой в качестве личного секретаря в Ригу в 1831 г., когда выполнял обязанности временного военного губернатора. В дневнике за этот период А.Е. Теплоухов отмечал покровительственный характер отношения С.Г. Строганова к нему, который проявлялся в наставлениях о том, что читать, с кем общаться, о необходимости совершенствоваться в иностранных языках и т. д. Можно сделать предположение, что это общение оказалось для А.Е. Теплоухова ключевым для начала конструирования того образа жизни, представителем которого был С.Г. Строганов [7]. Данная стилизация еще укрепилась за время учебы в Германии в лесной академии, где он занимался прикладной научной деятельностью, пользовался авторитетом среди профессоров. А.Е. Теплоухову поступило предложение остаться для подготовки к профессорской должности, а после возвращения в Россию и получения вольной от графини С.В. Строгановой он женился на дочери немецкого профессора К. Крутча.

Перестав быть крепостным, А.Е. Теплоухов продолжал находиться на службе у Строгановых и, конечно, не мог рассчитывать на собственные планы в карьере. Начав после учебы в Германии преподавательскую деятельность в школе, открытой графиней С.В. Строгановой в Марьино, он придерживался традиций немецкого лесоводческого образования, готовил лесоводов по современным методикам и технологиям. Однако школа была закрыта и А.Е. Теплоухов был направлен в удаленное от городских благ цивилизации село Ильинское, которое благодаря его деятельности стало форпостом науки в Прикамье.

Поселившись в Ильинском, А.Е. Теплоухов начал работу в качестве главного лесничего имений, не только налаживая лесное хозяйство и обучая помощников, но и проводя прикладные научные исследования, результаты которых публиковались в европейских и русских журналах. Впоследствии Александр Ефимович был назначен главным управляющим, административные функции, конечно, расширились, но это не помешало ему и далее сочетать обязанности с научной деятельностью. С данной целью в село Ильинское выписывались современная литература и научные журналы, велась научная переписка, впоследствии здесь находилась обширная коллекция, систематизация которой осуществлялась по научным принципам.

Поэтому неслучайно многие русские и европейские ученые, путешествующие через Пермскую губернию, считали своим долгом заехать к Теплоуховым, чтобы воочию увидеть их научные достижения и плоды практической работы. Признание научных заслуг А.Е. Теплоухова было столь велико, что он был избран членом сразу нескольких научных обществ в Германии, Франции, Австрии, Финляндии и России.

Внешние атрибуты образа жизни А.Е. Теплоухова в виде одежды, бытовых правил, воспитания детей, досуговых занятий наукой, работы в кабинете, ведения дневника и переписки, поездок в Европу на лечение соответствовали образцам жизни высшего класса. Для этого имелись

и финансовые возможности – высокое жалование, пенсия и даже выделяемые Строгановыми суммы на «представительские расходы».

Однако данный образ жизни не был усвоен А.Е. Теплоуховым с детства, он конструировался с течением времени и по тем образцам, которые были доступны Александру Ефимовичу. Коллекционирование также вошло в его биографию первоначально как внешняя деятельность. По распоряжению С.Г. Строганова ему практически вменили в обязанности покупать археологические находки и присылать их графу для определения дальнейшей судьбы. В тот период особенно интересны были находки знаменитого сасанидского серебра и пермского звериного стиля, их С.Г. Строганов выделял и подчеркивал в письмах к А.Е. Теплоухову их научную значимость.

Копируя, по сути, практику коллекционирования по образцу С.Г. Строганова, Александр Ефимович настолько увлекся этим, что стал коллекционером сам, стараясь пользоваться своими каналами для приобретения находок, выезжая на археологические раскопки. Коллекция рассматривалась и как вид семейной собственности, в семье Теплоуховых было принято решение, что собрание будет переходить в собственность того из наследников, кто сможет продолжать ее пополнение и изучение. Такое, видимо, необычное для судьбы частных собраний решение было отмечено графиней А.С. Уваровой: «Единственный из частных владельцев, который, насколько мне известно, отнесся серьезно к своей коллекции, это Федор Александрович Теплоухов, главный лесничий Пермских имений графа Строганова. Унаследовав от отца Александра Ефимовича богатую коллекцию местных древностей, Федор Александрович подписал с братом свои условия, которые указывают на такое серьезное отношение к делу, на такую любовь к отечественному просвещению, что я не могу не познакомить с ними читателя» [8, с. 15].

Таким образом, на примере биографий двух коллекционеров XIX в. можно отметить, что практики собирательства по-разному воспринимались представителями различных социальных страт российского общества. Для С.Г. Строганова как представителя аристократического сословия коллекционирование было вполне естественным, можно сказать, наследуемым видом деятельности. Для Александра Ефимовича оно выступало частью того образа жизни, который в силу жизненных обстоятельств осваивался по мере предоставляемых возможностей. Не будучи университетским профессором или аристократом, он вместе с тем нашел свою нишу для занятия собирательством, включившись в работу научных обществ.

Список источников:

1. Pearce S. On Collecting: An Investigation into Collecting in the European Tradition. L., 1995. 456 p.
2. Belk R. Collecting in a Consumer Society. L.; N. Y., 1995. 198 p.
3. Винокур Г.О. Биография и культура. 2-е изд., испр. и доп. / предисл. В.А. Виноградова. М., 2007. 96 с.
4. Игнатьева О.В. Коллекционирование в среде русской аристократии в XVIII–XIX вв. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 1. С. 54–62. <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2018-1/54-62>.
5. Солнцев К.И. Университет и правительственная политика // Двухсотлетие Московского университета. 1755–1955. Празднование в Америке. Нью-Йорк, 1956. С. 41–58.
6. Фридлиндер М. Знаток искусства. М., 1923. 43 с.
7. Игнатьева О.В. Крепостные коллекционеры графов Строгановых: казус Теплоуховых // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2015. № 1 (28). С. 195–204.
8. Уварова П.С. Областные музеи. М., 1890. 24 с.

Информация об авторе

О.В. Игнатьева – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия.

Information about the author

O.V. Ignatieva – PhD in History, Associate Professor, Associate Professor of Cultural Studies and Socio-Humanitarian Technologies Department, Perm State National Research University, Perm, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 17.05.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 28.05.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 10.06.2021.

Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 71–77.
Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 71–77.

Научная статья

УДК 331.108.2+94(470.58)

<https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.12>

Кадровый состав промысловых артелей Курганской области (1946–1960 гг.)

Анатолий Алексеевич Новожилов¹, Михаил Николаевич Федченко²

¹Шадринский государственный педагогический университет, Шадринск, Россия, tolya.nowozhilov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1186-3920>

²Курганский государственный университет, Курган, Россия, fedchenko.mn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3061-9421>

Аннотация. В статье на основе архивных материалов анализируется динамика численности и кадрового состава промысловых артелей Курганской области в 1946–1960 гг. Исследуются причины изменений в количественном и качественном составе артелей. Систематизируются категории работников. Приводятся статистические данные о доле молодежи. Характеризуется трудоустройство инвалидов. Рассматривается вопрос государственного контроля кооперативных предприятий, где часто фиксировались различные нарушения: хищения, растраты, частнопредпринимательская деятельность и т. д. Анализируются проблемы подготовки и воспитания трудовых и руководящих кадров. Отмечается, что руководители промысловых артелей и союзов, как и представители рабочих профессий, имели в целом низкий уровень образования. Приводятся данные о культурно-массовой работе в промысловых артелях, которая в целом была неудовлетворительной. Особое внимание уделяется причинам высокой текучести кадров, которая отрицательно влияла на выполнение производственных планов, качество выпускаемой продукции, адаптацию новых работников в трудовых коллективах и многие другие показатели хозяйственной жизни артелей.

Ключевые слова: Курганская область, промысловая артель, кадры, текучесть кадров, молодежь, инвалиды, культурно-массовая работа

Для цитирования: Новожилов А.А., Федченко М.Н. Кадровый состав промысловых артелей Курганской области (1946–1960 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 71–77. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.12>

Original article

Personnel of producers' artels of the Kurgan region (1946–1960)

Anatoliy A. Novozhilov¹, Michael N. Fedchenko²

¹Shadrinsk State Pedagogical University, Shadrinsk, Russia, tolya.nowozhilov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1186-3920>

²Kurgan State University, Kurgan, Russia, fedchenko.mn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3061-9421>

Abstract. Based on archival materials, the paper analyzes the dynamics of the number and personnel structure of producers' artels in the Kurgan region in 1946–1960. The reasons for changes in the quantitative and qualitative composition of the artels are investigated. The categories of workers are systematized. Statistical data on the share of young people are given. The employment of disabled people is characterized. The paper considers the issue of state control over producers' cooperatives, where various violations were frequent: embezzlement, misappropriation, private entrepreneurial activity, etc. The problems of training and education of labor and managerial personnel are analyzed. It is noted that the heads of producers' cooperatives and unions, as well as representatives of working professions, had a generally low level of education. The study presents data on artels' cultural and recreational activities, which were generally unsatisfactory. Special attention is paid to the causes of high staff turnover, which negatively affected the implementation of production plans, the quality of products, the adaptation of new employees in labor collectives and many other indicators of the artels' economic life.

Keywords: Kurgan region, producers' artel, personnel, staff turnover, youth, disabled people, cultural activities

For citation: Novozhilov A.A., Fedchenko M.N. Personnel of producers' artels of the Kurgan region (1946–1960) // Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 71–77. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.12>

Исследованию отечественной кооперации советского периода в последние годы посвящено множество статей. В них рассматривается широкий круг вопросов: роль партийных органов (И.Н. Балахонова), роль кооперации в культурно-экономическом развитии края/области/населенного пункта (Н.И. Бурнашева, А.А. Пасс, А.В. Григорьев, А.К. Печалов, Л.В. Печалова, М.Н. Федченко, А.А. Новожилов), проблемы историографии (П.Г. Назаров, А.А. Пасс, П.А. Рыжий), проблемы кооперации инвалидов (О.Г. Вязова, П.Г. Назаров, А.А. Пасс), процесс огосударствления (А.А. Пасс, П.А. Рыжий, Ю.А. Сидорова, П.Г. Назаров) и др. Одной из ключевых проблем, которые

поднимают в той или иной степени данные авторы, является кадровое обеспечение промышленной кооперации. Вместе с тем на данный момент недостаточно освещен опыт работы с кадрами в промышленной кооперации Курганской области. В своей статье «Работа с кадрами в промышленных артелях Шадринска (1946–1948 гг.)» [1] мы рассматривали опыт отдельно взятого города, не прослеживая при этом областные тенденции. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью восполнить пробел в истории промышленной кооперации Курганской области.

В Примерном уставе промышленной артели РСФСР отмечалось, что вся работа производится личным трудом ее членов. Допускалось применение наемной рабочей силы, однако число лиц, работающих по найму, не могло превышать 10 % общего числа членов артели. Некоторым лицам, в том числе инвалидам, разрешалось трудиться под контролем руководства артелей на дому. Количество промышленных артелей Курганской области и число членов в них представлено в табл. 1 [2].

Таблица 1 – Количество промышленных артелей Курганской области и членов в них (на 1 января)

Количественные показатели	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.
Количество артелей	85	88	67	69	67
Количество членов в них	8 065	8 046	5 528	2 571	4 459
Количественные показатели	1951 г.	1952 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.
Количество артелей	66	64	63	80	79
Количество членов в них	4 665	4 807	4 610	8 076	8 591
Количественные показатели	1956 г.	1957 г.	1958 г.	1959 г.	1960 г.
Количество артелей	81	36	36	38	38
Количество членов в них	5 552	5 513	5 924	6 456	6 481

Изменения в количестве артелей и их членов были вызваны в основном постоянными реорганизациями системы промышленной кооперации. Из табл. 1 видно, что в исследуемый период в Курганской области произошло существенное сокращение количества промышленных артелей и их членов.

Лица, работающие в промышленной кооперации, делились на две основные группы: работники промышленности и персонал так называемых нетоварно-трудовых предприятий. К последней категории относились лица, занимающиеся парикмахерским делом, фотографией, ремонтно-строительными работами для населения, заготовкой сырья и сельскохозяйственных продуктов, торговлей. Численность персонала промышленности и нетоварно-трудовых предприятий* представлена в табл. 2 [3].

Таблица 2 – Среднегодовая численность персонала промышленности и нетоварно-трудовых предприятий промышленной кооперации Курганской области (чел.)

Группы персонала	1948 г.	1949 г.	1950 г.	1951 г.	1952 г.
Персонал промышленности	4 246	3 831	3 741	3 840	3 834
Персонал нетоварно-трудовых предприятий	115	145	176	198	171
Группы персонала	1953 г.	1956 г.	1957 г.	1958 г.	1959 г.
Персонал промышленности	6 599	4 896	5 036	5 552	5 655
Персонал нетоварно-трудовых предприятий	263	199	201	186	291

Из табл. 2 видно, что подавляющее количество работников промышленной кооперации области было занято в промышленности. Бытовым обслуживанием населения, заготовкой местного сырья и сельскохозяйственных продуктов занималось сравнительно незначительное количество работников.

Основными группами работников кооперативной промышленности являлись рабочие, инженерно-технические работники (ИТР) и служащие. Кроме того, имелись младший обслуживающий персонал, пожарно-сторожевая охрана и ученики, обучавшиеся рабочим профессиям непосредственно на производстве.

* Данные о работниках нетоварно-трудовых предприятий приведены без учета обслуживающего персонала.

Промысловая кооперация всегда стремилась к ограниченному числу служащих в своих рядах. Острая нужда в рабочих и инженерно-технических кадрах сохранялась на протяжении всего исследуемого периода. Данные по численности рабочих, ИТР и служащих, занятых в кооперативной промышленности области, представлены в табл. 3 [4].

Таблица 3 – Количество рабочих, ИТР и служащих в кооперативной промышленности Курганской области (среднегодовые показатели, чел.)

Группы персонала	1948 г.	1949 г.	1950 г.	1951 г.	1952 г.
Всего работников промышленности	4 246	3831	3741	3788	3833
В том числе:					
рабочих	3 667	3 523	3 427	3 460	3 482
ИТР	78	88	99	107	119
служащих	30	21	20	21	36
Группы персонала	1953 г.	1956 г.	1957 г.	1958 г.	1959 г.
Всего работников	6 599	4 896	5 036	5 552	5 655
В том числе:					
рабочих	5 865	4 359	4 336	4 776	4 889
ИТР	278	225	234	245	271
служащих	64	75	61	92	96

В табл. 3 показаны лишь ИТР и служащие, непосредственно занятые в промышленном производстве, а не в целом в промысловой кооперации. Динамика численности работников кооперативной промышленности, которые входили в систему, возглавляемую управлением промысловой кооперации при облисполкоме, а с 1950 г. – областным промысловым советом, зависела главным образом от реорганизаций этой системы. Увеличение численности работников промышленности с 1953 г. было связано с вхождением в единую организацию под руководством областного промыслового совета лесопромысловой кооперации и кооперации инвалидов.

Как и было предусмотрено Примерным уставом промысловой артели, количество наемных работников в артелях области обычно не превышало 10 % от общего числа членов промысловой кооперации. В 1946 г. наемные работники составляли в артелях области 9,1 % от общего числа их членов; в 1947 г. – 5,1; в 1950 г. – 8,9; в 1951 г. – 6,4; в 1952 г. – 6,9; в 1953 г. – 6,95; в 1954 г. – 6,4; в 1957 г. – 8,1; в 1960 г. – 5,2 % [5]. Но были и отдельные нарушения уставных положений артелей. Так, в 1947 г. в артелях облмногопромсоюза некооперированные вольнонаемные работники составляли 13,2 %, а в промысловой артели «Электропром» г. Кургана – 70 %. Там нарушался порядок приема в члены артели: он производился по списку без личных заявлений работников [6].

Небольшое количество рабочих кооперативной промышленности области трудилось не в общих артельных мастерских, а на дому. Учет их труда и выплата зарплаты осуществлялись руководством артелей по установленным в артелях производственным нормам и расценкам работ. На 1 января 1946 г. в промысловых артелях области на дому трудилось 724 рабочих, через год – 260. На 1 июля 1947 г. в промысловых артелях работало на дому 192 чел.; 13 из них были заняты художественными промыслами, 24 – швейным производством, 10 изготавливали изделия из кожи, 17 занимались деревообработкой, 128 – прядением. В 1949–1959 гг. количество рабочих-надомников составляло в промысловой кооперации области в среднем за год 114 чел. [7].

В работе с кадрами в системе промысловой кооперации области было много недостатков. Многие мастера, обучавшие новичков, зачастую сами были подготовлены недостаточно профессионально. Значительная часть руководящего состава промысловых союзов и артелей не имела высшего или среднего специального образования. В 1946 г. в аппаратах управления промысловой кооперацией и промысловых союзов области работало 39 руководящих работников. Высшее образование имели лишь 7 % из них, незаконченное высшее – 7 %, среднее – 20 %. Остальные 66 % не имели даже общего среднего образования. Среди председателей правлений артелей не было лиц со средним образованием [8]. Подобные проблемы встречались и в других регионах. Так, например, В.В. Аксарин, изучая промкооперацию Ямала, пишет: «Кооперативная система... испытывала недостаток в рабочей силе... Не все артели были укомплектованы специалистами, знающими кооперативное дело и промысел» [9, с. 202].

6 февраля 1947 г. коллегия управления промысловой кооперации при Совете министров РСФСР отметила, что в 1946 г. работа артелей Курганской области по сравнению с 1945 г. ухудшилась. Одной из причин, говорилось в постановлении, являлось то, что во главе артелей остаются люди, неспособные умело руководить. В решении Курганского облисполкома от 24 февраля 1947 г. «О работе с кадрами в системе управления промысловой кооперации при Курганском облисполкоме» отмечалось, что эта работа проводилась на крайне низком уровне. За 9 месяцев 1946 г. после отчетно-выборной кампании сменилось 38,6 % состава председателей правлений

артелей. Должности инженерно-технических работников нередко занимали технически малограмотные люди.

В 1946 г. текучесть кадров в артелях составляла 20 %. При этом план подготовки кадров рабочих массовых профессий в целом был перевыполнен на 16 %, однако план подготовки рабочих по дефицитным специальностям закройщиков, обувщиков, столяров не был выполнен. Нехватка квалифицированных кадров рабочих и инженерно-технических работников являлась одной из причин выполнения плана 1946 г. по выпуску валовой продукции лишь на 85,6 %. Из 88 артелей план по выпуску продукции выполнили только 18 артелей. Промысловой кооперацией области не был выполнен план по ассортименту изделий. Из запланированного в производстве 71 важнейшего вида продукции план был выполнен только по 28 [10].

Основными формами подготовки кадров являлись бригадно-индивидуальное обучение и ученические цеха, курсы подготовки новых кадров, кружки техминимума, стахановские школы, курсы повышения квалификации, семинары. В процессе этой работы выяснилось, что в области нет специалистов, способных вести теоретическое обучение закройщиков одежды. Имелись лишь мастера-практики. В артелях по изготовлению металлических изделий не было опытных мастеров-наставников.

Подготовка инженерно-технических кадров, как пишет А.А. Пасс, осуществлялась «... в Высшей школе промысловой кооперации, где в 1954 г. открылись факультет инженеров-механиков и отделение повышения квалификации руководящих работников, а в 1960 г. – аспирантура... В 21 среднем специальном учебном заведении промкооперативной системы готовили мастеров и технологов» [11, с. 152].

В первом полугодии 1947 г. управление промысловой кооперации Курганской области направляло на учебу в заведения промысловой кооперации РСФСР по подготовке мастеров производства игрушек, бухгалтеров-ревизоров и плановиков, обувщиков-модельеров, мастеров кожгалантерейного производства, техников силикатно-керамического производства [12].

В 1947 г. областное управление промысловой кооперации организовало для руководящих работников своей системы занятия в объеме 50 часов по изучению Закона СССР о четвертом пятилетнем плане и задачах промысловой кооперации в его выполнении. Изучались экономические и финансовые вопросы кооперации, проблемы труда и зарплаты в артелях. Занятиями было охвачено 88 чел. [13].

Однако состояние работы с кадрами в системе областной промысловой кооперации области продолжало оставаться в течение длительного времени неудовлетворительным. Об этом говорилось в 1951 г. в решении Курганского облисполкома и на чрезвычайном собрании уполномоченных областного промыслового совета. В 1950 г. из 339 номенклатурных руководящих работников промысловой кооперации области сменилось 115 чел., из них 69 не справились с работой или скомпрометировали себя. Из 64 председателей правлений артелей работали на этой должности менее двух лет 50 чел. За 1950 г. сменилось 29 председателей артелей, из них 10 чел. не справились с работой, а девять лишились должности за различные злоупотребления. За этот же период в артелях сменилось 22 бухгалтера, 14 технических руководителей и заведующих производством, 24 председателя ревизионных комиссий. В решении облисполкома отмечался очень низкий уровень общеобразовательной и особенно технической подготовки председателей правлений артелей, технических руководителей и бухгалтеров. Их учеба в основном ограничивалась краткосрочными семинарами и курсами. Текучесть рабочих кадров массовых профессий составляла 38 % к общему числу рабочих, занятых непосредственно на производстве. Подготовка рабочих кадров оставалась на низком уровне [14].

Особую категорию работников промысловой кооперации составляли инвалиды, люди с ограниченными возможностями в своей трудовой деятельности. До 1953 г. включительно эта категория кооператоров входила в самостоятельную организационную структуру промысловой кооперации – кооперацию инвалидов. Однако многие инвалиды трудились и в артелях другой системы, которой руководило управление промысловой кооперации при Курганском облисполкоме. В 1946 г. в артелях этого управления было трудоустроено 1 333 чел., демобилизованных из армии, в том числе 515 инвалидов Великой Отечественной войны. Инвалидам войны артели оказывали помощь одеждой, обувью, деньгами, продуктами питания, дровами, устройством детей в дошкольные учреждения. 85 инвалидов войны было обучено специальностям сапожника, портного, столяра, счетовода. В сентябре 1950 г. на съезде уполномоченных кооперации инвалидов области отмечалось, что по сравнению с 1948 г. кооперация инвалидов в 1949 г. значительно улучшила работу, но в 1950 г. не смогла удержаться на достигнутом уровне.

Как показывают исследования, артели инвалидов были не везде. Например, артель инвалидов «Красный Север», которую исследовал В.В. Аскарин, находилась до 1954 г. в составе и

областного союза инвалидов (Облкоопинсоюз) и Ханты-Мансийского окружного союза промысловой кооперации (Окрмнопропсоюз) Это объяснялось «отсутствием в Ханты-Мансийском национальном округе данного вида кооперации, однако характер производственной деятельности позволял включить ее в состав окружного союзного объединения промысловой кооперации» [15, с. 13].

В 1953 г. в связи с объединением промысловой кооперации области в единую организационную структуру увеличилось количество промысловых артелей и их членов. На 1 января 1953 г. областной промысловый совет руководил 63 артелями, в которых насчитывалось 4 610 членов. На 1 января 1954 г. в единой системе промысловой кооперации Курганской области имелось 80 артелей, объединявших 8 076 членов [16].

С 1954 г. в промысловой кооперации Курганской области не было отдельных артелей и специальных цехов для инвалидов. Однако за условиями их труда постоянно следили властные структуры различного уровня. Существовала отчетность о численности этой категории работников промысловой кооперации, видах инвалидности, причинах прекращения их трудовой деятельности в артелях. В табл. 4 показана численность инвалидов, работавших в системе промысловой кооперации Курганской области во второй половине 1950-х гг. [17].

Таблица 4 – Численность инвалидов, работавших в системе промысловой кооперации Курганской области (чел., на 1 января)

Виды инвалидности	1956 г.	1957 г.	1958 г.	1959 г.	1960 г.
Всего инвалидов	938	811	824	871	910
В том числе Великой Отечественной войны	240	216	230	236	200
Из инвалидов:					
слепых	25	15	16	22	26
больных туберкулезом	37	36	39	36	38
глухонемых	26	32	26	40	54
инвалидов, работавших на дому	33	20	102	34	36

Из табл. 4 видно, что численность инвалидов, работавших в системе промысловой кооперации Курганской области, уменьшилась во второй половине 1950-х гг. незначительно. За этот период одни инвалиды выбывали из артелей по разным причинам, другие, наоборот, поступали на работу в систему промысловой кооперации. В 1958 г. из артелей промысловой кооперации выбыли 275 чел. С 77 из них была снята инвалидность в связи с выздоровлением; 97 инвалидов ушли на пенсию; 24 умерли или не смогли работать по болезни; 74 человека уволились с работы по собственному желанию. В 1959 г. из системы промысловой кооперации области выбыло 234 инвалида. С 73 из них была снята инвалидность в связи с выздоровлением; на пенсию ушел 61 чел.; 85 инвалидов уволились с работы по собственному желанию; 15 чел. умерли или не смогли работать по болезни; 15 чел. перешли на работу в государственную промышленность в связи с передачей туда предприятий промысловой кооперации [18].

Несмотря на острую нехватку в промысловой кооперации специалистов с высшим и средним специальным образованием, правления многих артелей плохо использовали имевшихся молодых инженерно-технических работников. Длительное время их использовали на второстепенных должностях, лишали возможности быть организаторами и техническими руководителями на производстве. В артелях имели место освобождения молодых специалистов от работы без разрешения областного промыслового совета. Они плохо выдвигались на должности технических руководителей, начальников цехов, начальников отделов технического контроля, контрольных мастеров.

В 1956 г. из 58 молодых специалистов промысловой кооперации области с высшим и средним специальным образованием только один человек был выдвинут на должность начальника отдела технического контроля [19]. В 1946 г. текучесть кадров в промысловых артелях области составляла 20 %, в 1948 г. – 30, а в Шадринске – 50 % от общего количества работающих. В 1951 г. из 5074 рабочих было уволено 1666 чел., или 32,8 %. В 1955 г. в ряде артелей текучесть кадров составляла от 20 до 50 % от общего числа работающих. В тот год в артели «Электропром» сменилось 110 чел., или 48 % всех работников, в артели «Новый быт» – 125 чел. (40 %), в артели «Знамя Победы» – 67 чел. (51 %) [20].

За девять месяцев 1957 г. в промысловых артелях области сменилось 10 из 36 председателей правлений артелей, 8 заместителей, 6 технических руководителей, 11 старших бухгалтеров. Из 10 сменившихся председателей правлений артелей 8 было отстранено от работы как не справившихся с ней и за различные злоупотребления по службе. Подобные примеры не были единичными [21].

В 1957 г. сменилось 12 председателей правлений промысловых артелей из 36, 12 их заместителей, 17 технических руководителей, 12 старших бухгалтеров. На 1 января 1957 г. в артелях области трудилось 5919 рабочих. За 1957 г. было принято на работу 1860 рабочих, уволено – 1524. На 1 января 1958 г. в промысловой кооперации области было 6754 рабочих. За 1958 г. было принято на работу 2558 рабочих, уволено – 2308 [22].

Текущая кадровая отрицательно влияла на выполнение артелями производственных планов, на адаптацию новых работников в трудовых коллективах, на качество выпускаемой продукции и многие другие показатели хозяйственной жизни артелей.

Однако невыполнение артелями производственных планов, а рабочими норм выработки зависели не только от стабильности состава трудовых коллективов. Распространенными причинами плохой работы многих артелей являлись отсутствие сырья, материалов, инструментов, плохое состояние промышленного оборудования, низкая квалификация рабочих, нерадивое отношение некоторых из них к работе, просчеты в нормировании труда.

В табл. 5 представлена динамика состава членов промысловых артелей Курганской области в 1950-е гг. [23].

Таблица 5 – Движение состава членов промысловых артелей Курганской области

Год	Состояло в артелях на 1 января, чел.	Прибыло за предыдущий год, чел.	Выбыло за предыдущий год, чел.	Выбывшие к общему количеству членов артелей, %
1950	4 459	1 504	1 258	28,2
1951	4 665	1 578	1 436	30,8
1952	4 807	1 798	1 995	41,5
1956	5 552	1 604	1 643	29,5
1957	5 513	2 090	1 679	30,4
1958	5 924	2 448	1 916	32,3
1959	6 456	1 946	1 921	29,8

Из данных табл. 5 следует, что в 1950-е гг. состав промысловых артелей Курганской области ежегодно обновлялся примерно на одну треть.

В 1947 г. из 5 626 рабочих-сдельщиков, трудившихся в промысловых артелях области, нормы выработки не выполняли 175 чел., или 3,1 % от общего состава рабочих. В разные месяцы 1950 г. не выполняющие нормы выработки составляли среди рабочих промысловой кооперации области от 31,8 до 33,6 %. В 1952 г. нормы выработки не выполнили 19 % рабочих. В 1957 г. в среднем по промысловой кооперации области не выполняли норм выработки 16 % рабочих, в 1958 г. – 14 %. Более 300 таких рабочих насчитывалось в швейной, деревообрабатывающей и ковроткацкой отраслях промышленности [24].

Причины кадровых проблем крылись, прежде всего, в непростых условиях труда и быта послевоенного времени: отсутствие должного оснащения производственных помещений (например, баками с кипяченой водой и умывальниками). Несмотря на то, что многие проблемы были решены к середине 1950-х гг., по некоторым показателям положение артельщиков было менее выгодным, чем положение рабочих государственных предприятий. Например, перебои в снабжении материалами и сырьем, которые приводили к длительным простоям, для рабочих артелей означали снижение оплаты труда. По воспоминаниям Ю.З. Кузнецова*, работавшего в артели «Подсочник», после перехода артели в местную (государственную) промышленность увеличился размер заработной платы, расширенная и постоянная система поощрения достижений.

Но были и положительные моменты. В отличие от рабочих на государственных предприятиях, артельщики преимущественно не испытывали жилищных проблем. Показательна ситуация среди рабочих Алтайского края, где в первой половине 1950-х гг. это было основной причиной увольнения с государственных предприятий, поскольку лишь 28 % были обеспечены жильем [25]. Также у артельщиков была возможность заработать, выполняя частные заказы. Выгоднее всего артели смотрелись в деревне. Хотя и там оплата труда зачастую была скромной (в лучшем случае 100 р., по воспоминаниям Ю.З. Кузнецова), человек все-таки получал деньги за свою работу, мог позволить себе приобрести продукты и прокормить (насколько это было возможно) не только себя, но и семью. Решение кадровых вопросов, согласно уставу, находилось в ведении артелей. Но на практике кооперативное руководство постоянно держало на контроле номенклатуру артельного руководства.

* Воспоминания Ю.З. Кузнецова записаны А.А. Новожиловым 14 февраля 2020 г. в с. Чимеево Курганской области (личный архив А.А. Новожилова).

Таким образом, кадровые проблемы промысловой кооперации Курганской области сказывались на ее эффективности, качестве выпускаемой продукции не меньше, чем технические и материальные причины (отсутствие сырья, материалов, инструментов, плохое состояние промышленного оборудования). Основными проблемами являлись низкая квалификация не только рабочих, но и руководящего состава; нерадивое отношение некоторых из них к работе; просчеты в нормировании труда, высокая текучесть кадров. Подобная ситуация наблюдалась и в других частях страны.

Список источников:

1. Новожилов А.А. Работа с кадрами в промысловых артелях Шадринска (1946–1948 гг.) // Непрерывное образование в XXI веке: проблемы, тенденции, перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции. Шадринск, 2016. С. 68–70.
2. Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р-879. Оп. 3. Д. 47. Л. 116, 173; Оп. 3. Д. 49. Л. 82, 160; Оп. 3. Д. 51. Л. 9, 169; Оп. 3. Д. 52. Л. 3, 125; Оп. 3. Д. 55. Л. 13; Оп. 3. Д. 49. Л. 2; Оп. 6. Д. 4. Л. 2, 77; Оп. 6. Д. 5. Л. 2, 77; Оп. 6. Д. 47. Л. 1, 84; Оп. 6. Д. 51. Л. 1, 78; Оп. 6. Д. 83. Л. 115; Оп. 6. Д. 84. Л. 126; Оп. 6. Д. 86. Л. 124.
3. Там же. Оп. 3. Д. 49. Л. 124; Оп. 3. Д. 51. Л. 132; Оп. 6. Д. 51. Л. 116; Оп. 6. Д. 59. Л. 111; Оп. 6. Д. 69. Л. 115, 125; Оп. 6. Д. 94. Л. 78; Оп. 6. Д. 96. Л. 77; Оп. 6. Д. 97. Л. 84; Оп. 6. Д. 98. Л. 78.
4. Там же. Оп. 3. Д. 49. Л. 124; Оп. 3. Д. 52. Л. 132; Оп. 6. Д. 83. Л. 116; Оп. 6. Д. 84. Л. 111; Оп. 6. Д. 86. Л. 115; Оп. 6. Д. 88. Л. 125; Оп. 6. Д. 94. Л. 78; Оп. 6. Д. 96. Л. 77; Оп. 6. Д. 97. Л. 84; Оп. 6. Д. 98. Л. 78.
5. Там же. Оп. 3. Д. 49. Л. 124; Оп. 3. Д. 52. Л. 132; Оп. 6. Д. 83. Л. 116; Оп. 6. Д. 84. Л. 111; Оп. 6. Д. 86. Л. 115; Оп. 6. Д. 88. Л. 125; Оп. 6. Д. 94. Л. 78; Оп. 6. Д. 96. Л. 77; Оп. 6. Д. 97. Л. 84; Оп. 6. Д. 98. Л. 78.
6. Там же. Оп. 3. Д. 24. Л. 42, 47.
7. Там же. Оп. 3. Д. 20. Л. 83; Оп. 3. Д. 41. Л. 2; Оп. 3. Д. 52. Л. 7; Оп. 6. Д. 83. Л. 4; Оп. 6. Д. 84. Л. 82; Оп. 6. Д. 86. Л. 9; Оп. 6. Д. 88. Л. 3; Оп. 6. Д. 94. Л. 78; Оп. 6. Д. 96. Л. 23; Оп. 6. Д. 97. Л. 84; Оп. 6. Д. 98. Л. 78.
8. Там же. Оп. 3. Д. 55. Л. 72.
9. Аксарин В.В. Многопромысловая кооперация Ямала в 1930–1950-х годах: исторический экскурс // Научный диалог. 2019. № 8. С. 195–207. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-8-195-207>.
10. ГАКО. Ф. Р-879. Оп. 3. Д. 18. Л. 12; Оп. 3. Д. 19. Л. 80.
11. Пасс А.А. Организационная структура кооперативного «бизнеса» в СССР (1950-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 438. С. 151–162. <https://doi.org/10.17223/15617793/438/20>.
12. ГАКО. Ф. Р-879. Оп. 3. Д. 19. Л. 83–85.
13. Там же.
14. Там же. Оп. 3. Д. 49. Л. 20; Оп. 3. Д. 4. Л. 139.
15. Аксарин В.В. Производственная деятельность промысловой артели инвалидов «Красный Север» в 1940–1950 гг. // Манускрипт. 2017. № 8 (82). С. 13–15.
16. ГАКО. Ф. Р-879. Оп. 6. Д. 83. Л. 9, 115; Оп. 6. Д. 84. Л. 3, 125.
17. Там же. Оп. 6. Д. 92. Л. 2, 27, 77; Оп. 6. Д. 94. Л. 77; Оп. 6. Д. 96. Л. 84–85; Оп. 6. Д. 97. Л. 18.
18. Там же.
19. Там же. Оп. 6. Д. 5. Л. 248–249.
20. Там же. Оп. 3. Д. 18. Л. 12; Оп. 3. Д. 51. Л. 30; Оп. 3. Д. 32. Л. 65.
21. Там же. Оп. 6. Д. 51. Л. 30–32.
22. Там же. Оп. 6. Д. 69. Л. 84–85.
23. Там же. Оп. 6. Д. 83. Л. 116; Оп. 6. Д. 84. Л. 160; Оп. 6. Д. 86. Л. 169; Оп. 6. Д. 94. Л. 77; Оп. 6. Д. 96. Л. 77; Оп. 6. Д. 97. Л. 84; Оп. 6. Д. 98. Л. 77.
24. Там же. Оп. 3. Д. 18. Л. 98; Оп. 3. Д. 20. Л. 93; Оп. 3. Д. 33. Л. 57; Оп. 6. Д. 4. Л. 20–21; Оп. 6. Д. 51. Л. 27; Оп. 6. Д. 69. Л. 69; Оп. 6. Д. 100. Л. 151.
25. Прибыткова К.П. Факторы текучести рабочих кадров в промышленности Алтайского края в 1940-е – первой половине 1950-х гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 5 (97). С. 102–106.

Информация об авторах

А.А. Новожилов – аспирант кафедры истории и права Шадринского государственного педагогического университета, Шадринск, Россия.

М.Н. Федченко – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и документоведения Курганского государственного университета, Курган, Россия.

Information about the authors

A.A. Novozhilov – PhD student, History and Law Department, Shadrinsk State Pedagogical University, Shadrinsk, Russia.

M.N. Fedchenko – D.Phil. in History, Professor, History and Documentation Science Department, Kurgan State University, Kurgan, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 22.05.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 04.06.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 10.06.2021.

Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 78–82.
Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 78–82.

Научная статья
УДК 94(470.57): 377
<https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.13>

Политехническое обучение школьников Башкирии в 1950–1960-е гг.

Гульфия Юнировна Султангузина

Институт истории, языка и литературы, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Уфа, Россия, Gulfiyasultan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2533-5045>

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть состояние системы школьного образования Башкирии в 1950–1960-е гг. в направлении преодоления отрыва от производства и оценить необходимость ее реорганизации. В современных условиях опыт трудового воспитания и налаживания связи обучения подрастающего поколения с жизнью и производством приобретает практическое и теоретическое значение. В рассматриваемый период благодаря укреплению связи школы с жизнью и производством учащиеся развивали свои профессиональные знания, получали трудовые навыки, знакомились с основами производства. Были достигнуты определенные положительные результаты в политехническом функционировании школы. В то же время в большинстве случаев выбор специальности при профессиональном обучении школьников определялся не способностями самих учащихся, а возможностями школы, ее материально-технической базой; специалистов готовили без учета действительных запросов и нужд народного хозяйства республики; а качественный состав преподавателей по труду, машиноведению и электротехнике, основам сельскохозяйственного производства требовал обновления. Все сказанное обусловило необходимость серьезного реформирования сложившейся практики симбиоза школьного и производственного обучения.

Ключевые слова: Башкирия, политехническое обучение, учебно-материальная база школ, ученические бригады, школьники, мастерские

Для цитирования: Султангузина Г.Ю. Политехническое обучение школьников Башкирии в 1950–1960-е гг. // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 78–82. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.13>

Финансирование: статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания – проект «Духовная культура тюркских народов Южного Урала» (номер госрегистрации: AAAA-A17-117040350082-3).

Original article

Polytechnical education of Bashkir school-goer in the 1950s and 1960s

Gulfiya Yu. Sultanguzhina

Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center RAS, Ufa, Russia, Gulfiyasultan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2533-5045>

Abstract. An attempt is made in this paper to examine the school education system in Bashkiria in the 1950s and 1960s in the direction of overcoming the production gap, and to assess the need for its reorganization. In modern conditions, the experience of labor education and establishing the connection between the training of the younger generation with life and production is gaining practical and theoretical significance. During the period under review, by strengthening of relationships between the school and life and production, school-goer developed their vocational knowledge, gained working practices and became familiar with the basics of production. A number of positive results have been achieved in the polytechnic functioning of the school. At the same time, in most cases the choice of profession in vocational training was determined not by the school-goers' abilities, but by the capabilities of the school, its material and technical base; specialists were trained without taking into account the actual demands and needs of the national economy; and the quality of teachers in labor, mechanical and electrical engineering and the basics of agricultural production required renewal.

Keywords: Bashkiria, polytechnical education, educational and material base of schools, school-goer teams, school-goers, workshops

For citation: Sultanguzhina G.Yu. Polytechnical education of Bashkir school-goer in the 1950s and 1960s // Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 78–82. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.13>

Funding: The paper was prepared as part of the state task - the project "Spiritual Culture of the Turkic Peoples of the Southern Urals" (state registration number: AAAA-A17-117040350082-3).

Трудовое обучение имеет особое значение в становлении и развитии личности. С 1 сентября 2021 г. в школах, средних специальных и высших учебных заведениях планируется запустить программу профессиональной ориентации и трудового обучения. «В этой программе определены модули, связанные с воспитательной деятельностью, профориентацией. Мы начинаем говорить о таком понятии, как трудовое воспитание. Привлечь внимание ребенка к труду – тоже

очень важно», – отметил директор Департамента госполитики в сфере воспитания, допобразования и детского отдыха Минпросвещения РФ Игорь Михеев во время круглого стола по вопросам создания условий трудоустройства для несовершеннолетних [1]. В современных условиях реформирования системы школьного образования переосмысление опыта работы по трудовому воспитанию и политехническому обучению школьников в 1950–1960-е гг. представляет большой интерес.

В 1950-е гг. развитие различных отраслей народного хозяйства увеличило потребность в рабочих с высоким уровнем общеобразовательной подготовки. Назрела необходимость перестроить систему школьного образования, чтобы не только готовить учащихся для поступления в техникумы и вузы, но и приобщать их к производственному труду. В директивах по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951–1955 гг. XIX съезда КПСС (5–14 октября 1952 г.) предписывалось «...приступить к осуществлению политехнического обучения в средней школе и провести мероприятия, необходимые для перехода ко всеобщему политехническому обучению» [2, с. 281]. В связи с этим огромное значение приобрел вопрос подготовки квалифицированных рабочих для народного хозяйства через общеобразовательную школу.

В Башкирии реорганизация системы школьного образования в направлении преодоления отрыва его от производства началась в первой половине 1950-х гг. Укрепление учебно-материальной базы школ создало основу для политехнического образования. В этом отношении особую роль играли пришкольные земельные участки. К началу 1952/53 уч. г. они имелись в большинстве школ республики. Учебно-опытные участки располагались при 276 начальных, 546 семилетних и 142 средних школах. Плодово-ягодные сады – при 376 начальных, 435 семилетних и 138 средних школах. Посевы осуществляли 87 начальных, 229 семилетних и 57 средних школ [3]. Эта часть материальной базы школ рассматривалась как одно из средств их политехнизации.

В школах для целей производственного обучения создавались слесарные, столярные, швейные и другие мастерские. Действенную помощь в развитии политехнического обучения оказывали промышленные предприятия, колхозы и совхозы. Так, в 1955/56 уч. г. благодаря помощи шефствующих организаций, самих учителей и учащихся в 533 школах республики были оборудованы учебные мастерские, оснащены 573 кабинета физики, 234 – химии, 212 – биологии и 572 прочих кабинетов [4]. Выполняя постановление бюро обкома КПСС от 20 сентября 1955 г. «Об оказании помощи школам в укреплении учебно-материальной базы, необходимой для осуществления политехнического обучения», машинно-тракторные станции Чекмагушевского района и промышленные предприятия таких городов, как Уфа, Стерлитамак, Белорецк, Салават, Кумертау, Бирск безвозмездно передали школам оборудование для осуществления политехнического обучения: начали функционировать учебно-производственные мастерские, рабочие комнаты по обработке металла и дерева, кабинеты машиноведения и электротехники [5, л. 14].

С 1954/55 уч. г. в учебные планы начальных классов были введены занятия по труду; V–VII классов – практические занятия в мастерских и на учебно-опытных участках; VIII–X классов – практикумы по сельскому хозяйству, машиноведению и электротехнике [6, с. 362].

Одной из основных форм органического соединения обучения с производственным трудом являлись ученические производственные бригады. Первые такие объединения в Башкирии возникли в 1956 г. в Андреевской, Челкаковской и Ямадинской средних школах. Школьники этих бригад на площади 27 га заложили фруктовый сад. Только с 1956 по 1962 гг. учащимися было выращено и передано колхозам, школам, населению 150865 корней различных плодово-ягодных и декоративных культур. Этот опыт стал распространяться по всей республике. В 1957 г. в Башкирии работало уже около 500 ученических бригад. Например, в Баймакском районе их насчитывалось 29, в них трудилось более 500 школьников, в Дюртюлинском районе – 16 бригад с охватом около 300 учащихся [7, с. 6–7].

В 1958/59 уч. г. в республике было уже 1349 ученических производственных бригад, в которых трудилось 36 тыс. учащихся. Кроме того, 7500 школьников проходили производственную практику в 43 учебно-опытных хозяйствах, 28 комсомольско-молодежных лагерях, колхозах, совхозах и промышленных предприятиях.

Бригады получали специальные участки, где проводили сельскохозяйственные работы, начиная от подготовки семян и заканчивая уборкой урожая. Многие школьники работали с большим энтузиазмом и добивались неплохих результатов. В 1959 г. площадь, обрабатываемая ученическими и комсомольско-молодежными бригадами республики, составила более 24 тыс. га против 10 тыс. га в 1958 г. [8].

В 1962/63 уч. г. ученическими бригадами было охвачено 60 тыс. школьников. Многие из них добивались высокого урожая сельскохозяйственных культур, чем было выращено тружениками колхозов и совхозов. Например, в ученических бригадах Байгильдинской средней школы средний урожай сахарной свеклы составил 315 ц, а в колхозе – 120 ц [9, с. 154].

Работая в производственных бригадах, учащиеся приобретали профессиональные знания, трудовые навыки и умения для самостоятельной работы на производстве. Получив такую подготовку, многие воспитанники ученических бригад изъявляли желание остаться работать в родных колхозах и совхозах. Так, в 1959 г. выпускники средних школ с. Сафарово Чишминского района, с. Яныбаево Белокатайского района, с. Новобалтачево Чекамгушевского района, с. Старосубхангулово Бурзянского района и других решили остаться на селе [10]. В 1966 г. в колхозы и совхозы Хайбуллинского района пришли работать 30 выпускников Акъярской средней школы. Большинство учащихся Ямадинской средней школы Янаульского района продолжили трудиться на полях и фермах района и после ее окончания [11, с. 58].

С усилением роли ученических бригад в учебно-воспитательном процессе школ росло значение опытно-исследовательской деятельности учащихся. Так, с 1964 г. воспитанники Верхне-Татышлинской средней школы успешно вели опытнические работы на своем производственном участке. Например, звено юннатов под руководством Я. Хусаиновой изучило влияние микроэлементов на урожай сахарной свеклы. В 1965 г. результаты этой работы были внедрены в сельскохозяйственное производство. Три года подряд Верхне-Татышлинская средняя школа являлась участником выставки достижений народного хозяйства в Москве. В 1965 г. школе было присуждено переходящее Красное знамя обкома ВЛКСМ, Министерства просвещения и Министерства сельского хозяйства БАССР [12, с. 45, 48].

Ученические бригады работали и на строительстве. В 1959 г. 146 трудовых объединений с охватом более 17 тыс. школьников приобретали практический опыт на 83 строительных объектах. Особенно активно проявили себя учащиеся VIII–IX классов школ г. Уфы. Так, в строительстве 12 спортивных залов, 13 учебных мастерских, 16 гаражей, 42 жилых домов принимали участие 8730 учащихся г. Уфы [13]. В 1968 г. количество строительных бригад увеличилось до 1643, которые объединяли в себе 356640 учащихся [14, с. 8].

После XX съезда КПСС начался новый этап политехнизации школ, в том числе и в Башкирии. Только в течение 1958–1960 гг. 251 средняя и 895 семилетних школ республики были реорганизованы в средние с профессиональным обучением. В эти годы в Башкирии было подготовлено около 9 тыс. работников массовых профессий по 80 специальностям [15, с. 125]. Первоочередное внимание уделялось созданию новых учебных мастерских, кабинетов, лабораторий. Активное участие в этой работе принимали учащиеся старших классов. Например, школьники средних школ № 1, 8 и 10 г. Белорецка построили учебную мастерскую, гаражи и спортивные площадки.

Движение за оснащение школ учебной базой для политехнизации охватило многие районы Башкирии. Так, учащиеся Бишкаинской средней школы Аургазинского района своими силами изготовили 650 кубометров шлакоблоков для строительства животноводческих ферм и комплексов [16, с. 8].

Качественное производственное обучение учащихся определило некоторые успехи в подготовке специалистов для народного хозяйства. Так, в 1959 г. 1000 выпускников школ г. Уфы, 158 – г. Стерлитамака, 178 – г. Ишимбая получили квалификационный разряд [17]. В 1962 г. около 15 тыс. учащихся сельских школ прошли профессиональную подготовку по 27 специальностям [18]. В 1963 г. 3008 человек (48 % от общего числа окончивших школы Башкирии) поступили на работу в народное хозяйство [19]. Большинство выпускников сразу трудоустроивались. Ученики Татышлинской средней школы, получив подготовку в производственной бригаде, ежегодно пополняли ряды механизаторов, животноводов колхоза. В 1967 г. 37 выпускников школы остались работать в родном колхозе в качестве механизаторов [20].

Однако производственное обучение учащихся не было одинаково успешным во всех общеобразовательных школах Башкирии. Даже самое необходимое в деле политехнического обучения детей было организовано далеко не повсюду. В Башкирии имелось немало школ, в которых вообще отсутствовала учебно-производственная база для политехнического обучения и трудового воспитания. Так, в 1956 г. 1156 из 1689 средних и семилетних школ республики не имели учебных мастерских, кабинетов физики не было в 1116 школах, химии – в 1455, биологии – в 1477. Органами народного образования хотя и велась значительная работа по изменению ситуации, но ощутимых результатов не давала.

Отсутствие в большинстве школ республики учебных кабинетов, мастерских и необходимого оборудования объяснялось также тем, что партийные и советские органы на местах беззаботно относились к организации в школах материально-технической базы для политехнического обучения. Так, Благовещенский, Благоварский, Шаранский, Бижбулякский, Зиянчурирский, Миякинский райкомы КПСС и исполкомы райсоветов не оказывали существенной помощи школам в организации учебных мастерских и наполнении их необходимым оборудованием [21].

В 1960/61 уч. г. в средней школе с. Красная Горка Нуримановского района для производственного обучения не были созданы условия. В 1962 г. в Архангельском районе из 15 семилетних и восьмилетних школ имели кабинеты физики 9, химии – 6, биологии – 3, в трех школах не было учебных мастерских и т. д. [22]. В 1966 г. в некоторых школах Абзелиловского района учебные мастерские размещались в тесных помещениях и были плохо оборудованы; школьниками не выполнялась практическая часть программного материала по биологии, природоведению; на пришкольных участках не проводилась опытническая работа [23].

Нередко отдельные школы вели подготовку обучающихся по специальностям без учета потребности в них, но в соответствии с имеющейся у них материальной базой для производственного обучения. В Кугарчинском районе, например, готовились трактористы, хотя в них не было большой нужды, т. к. в районе специализированную подготовку механизаторских кадров осуществляло училище [24].

Слабая учебно-производственная база школы, неправильная организация трудового обучения, перегруженность учебной программы негативно влияли на процесс обучения, что сказалось на его качестве и стало одной из причин отсева учащихся. Так, за 1960/61 уч. г. из IX–X классов средней школы с. Красная Горка выбыло 50 % списочного состава [25]. В 1966/67 уч. г. ситуация повторилась в школах Аургазинского, Баймакского, Белебеевского, Гафурийского, Караидельского, Нуримановского районов, городов Ишимбая, Белорецка и Октября [26].

Таким образом, в начале 1950-х гг. становится очевидной необходимость перестройки системы школьного образования в плане соединения обучения подрастающего поколения с производственным трудом. Благодаря этому учащиеся получали профессиональные знания, приобретали трудовые навыки, знакомились с основами производства. Однако в организации политехнического обучения детей были и проблемы. Серьезного совершенствования требовала учебно-материальная база общеобразовательных школ. Кроме того, необходимо было улучшить качественный состав преподавателей по труду, машиноведению и электротехнике, основам сельскохозяйственного производства. И наконец, на политехническое обучение в стенах школы тратилось много времени, что отрицательно сказывалось на качестве знаний учащихся по основным предметам. Все сказанное требовало серьезного реформирования сложившейся практики симбиоза школьного и производственного обучения.

Список источников:

1. Анисимова А. В 2021 году в школах и вузах заработает программа профориентации [Электронный ресурс] // Парламентская газета. 2020. 2 октября. URL: <https://www.pnp.ru/social/v-rossii-v-2021-godu-zarabotaet-programma-proforientacii-v-shkolakh-i-vuzakh.html> (дата обращения: 04.06.2021).
2. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988) : в 16 т. М., 1985. Т. 8: 1946–1955. 542 с.
3. Национальный архив Республики Башкортостан (далее НА РБ). Ф. 122. Оп. 32. Д. 981. Л. 20.
4. НА РБ. Ф. Р-798. Оп. 9. Д. 1863. Л. 10.
5. Там же. Ф. 122. Оп. 33. Д. 120. Л. 14–19.
6. Сулейманова Р.Н., Сабирова З.Р. Развитие народного образования в Башкирии в 1950–1960-е годы: из истории реформирования // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2018. Т. 20, № 3 (2). С. 360–364.
7. Ахияров К., Левченко Н. Ученические бригады Башкирии. Уфа, 1971. 80 с.
8. НА РБ. Ф. Р-798. Оп. 9. Д. 2672. Л. 168.
9. Алибаев С.Р. Школы Башкирской АССР (прошлое, настоящее и пути дальнейшего развития). Уфа, 1966. 167 с.
10. НА РБ. Ф. Р-798. Оп. 9. Д. 2672. Л. 169.
11. Ахияров К., Левченко Н. Указ. соч. С. 58.
12. Там же. С. 45, 48.
13. НА РБ. Ф. Р-798. Оп. 9. Д. 2672. Л. 168.
14. Ахияров К., Левченко Н. Указ. соч. С. 8.
15. История Башкортостана. 1917–1990-е годы: в 2-х т. / отв. ред. Р.Н. Сулейманова. Уфа, 2005. Т. 2: 1945–1990. 313 с.
16. Ахияров К., Левченко Н. Указ. соч. С. 8.
17. НА РБ. Ф. Р-798. Оп. 9. Д. 2672. Л. 169.
18. Там же. Ф. 122. Оп. 72. Д. 68. Л. 42.
19. Там же. Оп. 75. Д. 355. Л. 58.
20. Мустафина Ф.Х. Расцвет народного образования в Башкирской АССР. Уфа, 1968. 227 с.
21. НА РБ. Ф. 122. Оп. 33. Д. 120. Л. 14–19.
22. Там же. Ф. Р-798. Оп. 9. Д. 3741. Л. 95–96.
23. Там же. Д. 4211. Л. 83.
24. Там же. Д. 3741. Л. 7.
25. Там же. Ф. Р-798. Оп. 9. Д. 3741. Л. 116.
26. Там же. Ф. 122. Оп. 77. Д. 50. Л. 38.

Информация об авторе

Г.Ю. Султангузина – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела новейшей истории Башкортостана Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия.

Information about the author

G.Yu. Sultanguzhina – PhD in History, Research Fellow, Contemporary Bashkortostan History Department, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center RAS, Ufa, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 17.05.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 03.06.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 10.06.2021.

Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 83–89.
Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 83–89.

Научная статья

УДК 94(47).04+ 94(415).06

<https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.14>

Маленькие радости и великие невзгоды псковской дороги в описании участников английского посольства 1664 г.

Дмитрий Владимирович Михеев^{1,2}

¹Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, tankred85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9263-0234>

²Псковский государственный университет, Псков, Россия

Аннотация. Статья посвящена событиям, связанным с путешествием английского посольства Чарльза Говарда, графа Карлайла, по дорогам псковского приграничья в 1664 г. после завершения дипломатической миссии в Москве. Дневник участника посольства Гвидо Миежа выступает как важный источник, позволяющий реконструировать основной маршрут движения дипломатов от Москвы к границе со шведскими владениями в Ливонии. Маршрут для английских дипломатов необычен, по этой причине они отмечают многие особенности, ускользнувшие от взгляда прочих путешественников. Автор дневников характеризует дорожную инфраструктуру, быт путешественников, формирование образа русской дороги и самой страны в сознании иностранцев накануне петровских преобразований. Англичане отмечают богатство природы и наличие как сухопутных, так и водных маршрутов, благодаря обширной сети рек и озер в регионе. Относительная отсталость дорожной инфраструктуры в сравнении с западным рубежом компенсируется действиями русских чиновников на границе, обеспечивающих комфорт и безопасность английского посла и его свиты.

Ключевые слова: путешествие, антропология дороги, дорожная инфраструктура, псковское пограничье, английское посольство, Чарльз Говард, Русское государство

Для цитирования: Михеев Д.В. Маленькие радости и великие невзгоды псковской дороги в описании участников английского посольства 1664 г. // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 83–89. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.14>

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-59-00015 «Антропология дороги: коммуникации русско-белорусского пограничья в XIV–XVIII вв.».

Original article

Slight joys and great hardships of the Pskov road in the description of the participants of the English embassy in 1664

Dmitry V. Mikheev^{1,2}

¹Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia, tankred85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9263-0234>

²Pskov State University, Pskov, Russia

Abstract. The paper is devoted to the events associated with the travel of the English embassy of Charles Howard, 1st Earl of Carlisle, along the roads of the Pskov border area in 1664, after the completion of his diplomatic mission in Moscow. The diary of a member of the embassy, Guy Miede, serves as an important source for reconstructing the main route of movement of diplomats from Moscow to the border of Swedish possessions in Livonia. The route is unusual for English diplomats and for this reason they note many minutiae that have escaped the sight of other travelers. The author of the diaries characterizes road infrastructure, life of travelers, formation of the image of the Russian road and the country itself in the minds of foreigners on the eve of reforms of Peter the Great. The English celebrate the richness of nature and the presence of both land and water routes, thanks to the vast network of rivers and lakes in the region. The relative backwardness of the road infrastructure in compare with the western border region compensated by the actions of Russian officials at the border, ensuring the comfort and safety of the English ambassador and his retinue.

Keywords: travel, anthropology of the road, road infrastructure, Pskov borderlands, English embassy, Charles Howard, Tsardom of Russia

For citation: Mikheev D.V. Slight joys and great hardships of the Pskov road in the description of the participants of the English embassy in 1664 // Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 83–89. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.14>

Funding: the reported study was funded by RFBR and BRFR, project number 20-59-00015 “Anthropology of the Road: Communications of the Russian-Belarusian Borderland in XIV–XVIII centuries”.

Пребывание английских посланников на территории Русского государства обычно было связано с использованием северного морского маршрута, когда на кораблях Московской торговой компании представители туманного Альбиона прибывали в Архангельск и далее следовали в Москву. В отдельных случаях, еще в XVI столетии, допускались визиты английских послов в южные регионы государства, когда им дозволялось использовать русскую территорию для дальнейшего продвижения в Персию. Исключительным случаем на общем фоне выглядит визит Чарльза Говарда, графа Карлайла, посла Карла II ко двору московского царя.

Английские дипломаты были направлены ко двору Алексея Михайловича вскоре после реставрации Стюартов. Граф Карлайл отбыл в Москву сразу после того, как Англию покинули посланники московского царя во главе с Петром Семеновичем Прозоровским и Иваном Афанасьевичем Желябужским [1]. Их миссия была принята в Лондоне очень хорошо, и это вселяло надежду, что задачи, поставленные перед графом Карлайлом, будут выполнены в полном объеме. Помимо подтверждения дружественных отношений между двумя государствами, графу было поручено добиваться возвращения торговых привилегий на территории Русского государства, потерянных англичанами в прежние годы.

Посольская миссия Чарльза Говарда, графа Карлайла, в Москву в 1663–1664 гг. неоднократно становилась предметом тщательного анализа со стороны исследователей как за рубежом, так и у нас в стране. В немалой степени этому способствовало наличие многочисленных источников о ходе посольства и в первую очередь подробного описания, содержащегося в сочинении, опубликованном в 1669 г. в Лондоне анонимным участником посольства [2]. Как предполагают, оно принадлежит перу швейцарца Гвидо Миежа, находившегося на службе у английского короля и принимавшего участие в посольской миссии Чарльза Говарда в Москву, Швецию и Данию в 1663–1664 гг. [3, с. 68]. Первый и пока что единственный перевод отрывков данного сочинения на русский язык относится ко второй половине XIX столетия и был осуществлен И.Ф. Павловским [4].

Исследователей, обращавшихся к описанию английского посольства 1663–1664 гг., в первую очередь привлекала политическая составляющая миссии графа Карлайла [5], а также описание дипломатического и придворного церемониала, связанного с деятельностью английских послов в Русском государстве [6]. Мы же обратимся к описанию русского участка приграничного маршрута в сочинении Гвидо Миежа. Примечательно, что описания спутников графа Карлайла наилучшим образом сочетаются с сообщениями еще одного выходца с туманного Альбиона – шотландца Патрика Гордона, который в 1661 и 1666 гг. использовал схожий псковский приграничный маршрут [7, с. 98–103, 165–172], и прекрасно дополняют прочие сведения иностранных дипломатов XVI–XVII вв., активно использовавших псковский участок приграничных дорог Русского государства в ходе своих миссий в Москву [8].

Миссия графа Карлайла не задалась с самого начала, когда произошла заминка при встрече посла [9]. Но главной проблемой стал отказ русской стороны вернуть прежние привилегии английским купцам. Карлайл был так раздосадован, что отказался от царского подарка, чем нарушил существовавший при дворе обычай и серьезно испортил общее впечатление от посольства при дворе Алексея Михайловича [10].

В отличие от большинства своих предшественников, Карлайл решил возвращаться на родину сухопутным маршрутом, что было крайне необычно для английских дипломатов того времени. В отличие от посланников прочих европейских стран, англичане использовали именно морской маршрут через Архангельск [11]. Впрочем, объяснялось это достаточно просто: помимо Москвы, посланнику следовало посетить Копенгаген и Стокгольм. Таким образом предпочтительным становился путь из Москвы через Тверь, Новгород и Псков к владениям шведского короля в Ливонии, а далее из Риги можно было следовать морским путем.

Организация столь длительного путешествия по приграничным землям потребовала определенной подготовки, особенно с учетом относительной многочисленности свиты посла. Посольский караван включал свыше 60 лошадей для верховой езды, помимо тех, что были запряжены в повозки; три кареты, в одной из которых передвигался сам посол, а в двух других сопровождавшие его царские приставы. Кроме того, имелись крытые повозки, в которых передвигались некоторые члены свиты либо искали в них укрытия, если начинался дождь. Перечисляя состав многочисленного посольского каравана, Гвидо Миеж упоминает и о примерно 200 небольших повозках, на которых перевозилось имущество и все необходимые в долгом путешествии припасы [12].

Учитывая особенности маршрута, лошадей и повозки приходилось неоднократно менять. Такими пунктами отдыха и смены лошадей и повозок служили Тверь, Вышний Волочёк, Сольцы и Псков. В большинстве случаев смена требовалась в связи с тем, что посольский караван либо пересаживался на лодки, либо предстояло пересечь какой-либо опасный и важный участок маршрута, как, например, границу двух государств [13].

В отличие от отдельных путешественников, которые нередко преодолевали сложности пути в одиночку, посольский караван в обязательном порядке сопровождала охрана и официальные царские представители – пристава, как называет их сам Гвидо Миеж. В их обязанности входило обеспечение безопасности и относительно комфортного следования иностранцев до границы Русского государства. Графа Карлайла сопровождали двое приставов: царский стольник Иван Степанович Телепнёв лично следовал вместе с послом и отвечал за транспорт и провизию в дороге до Новгорода, где он простился графом Карлайлом, передав его на попечение второго пристава, некоего Семена Афанасьевича, который сопровождал англичан от Новгорода до шведских владений в Ливонии [14]. Прочие сопровождавшие посольство лица – это стража, состоявшая из стрельцов, точная численность которых в ходе путешествия не указывается, и ямщики, отвечавшие за транспортировку подвод и предоставленных послу и его свите карет. На отдельных участках пути состав и численность сопровождающих лиц могли меняться в зависимости от ситуации. Большое посольство могло позволить себе передвижение в относительной безопасности благодаря не только наличию сопровождающих лиц и стражи, но и тому, что в составе посольства пребывал свой медик, который мог оказывать помощь во время пути [15], чего так не хватало многим путешественникам на дорогах приграничья.

Посольство покинуло Москву вечером 24 июня 1664 г., проделав в тот день 7 верст пути [16]. Обычно в утренние часы посольский караван проделывал 20–25 верст и столько же после обеда [17]. 29 июня посольский караван достиг Твери. Прием, оказанный англичанам здесь, был достаточно холодным. Членов посольской миссии Чарльза Говарда не пустили внутрь города, «как если бы страна была поражена эпидемией чумы», и им пришлось встать лагерем рядом с городскими стенами [18].

3 июля английскому посланнику и его свите удалось добраться до города Торжок, 4 июля англичане достигли Вышнего Волочка, а 7 июля Валдая. 10 июля часть пути членам посольства удалось проделать по воде. При этом Гвидо Миеж отмечает, что для путешествия было подготовлено 20 лодок [19]. Они заранее ожидали участников посольства. На самом деле, сложно предположить, чтобы в одном месте сразу можно было найти такое количество лодок для путешествия без специальной предварительной подготовки. Отсюда следует вывод, что чиновники, приставленные к представителям английского посольства, действовали на опережение, обеспечивая по мере продвижения посольского каравана англичан всем необходимым в пути.

За три версты до Новгорода члены посольства сошли на берег, а уже 11 июля посол со своей свитой торжественно въехал в Новгород. Город произвел на англичан приятное впечатление, хотя и показался не столь великим, каким они себе его представляли из рассказов о прежних временах. Выгоды от благоприятного месторасположения вблизи речных маршрутов делали Новгород привлекательным в плане коммерции и достаточно густонаселенным [20]. Покинув город 13 июля, англичане продолжили свой путь по воде. При этом упоминается о хорошем попутном ветре, т. е. водный путь, в особенности через озеро Ильмень, осуществлялся под парусом. Таким образом было преодолено еще 67 верст пути до местечка Сольцы [21]. Уже 17 июля состоялся торжественный въезд английского посольства в Псков, а 3 августа, преодолев границу, англичане прибыли в Ригу.

Как мы видим из описания основного маршрута путешествия, участники посольства отмечали в первую очередь крупные населенные пункты, где смогли остановиться и сменить подводы и лошадей. Вообще, проблема обеспечения отдыха и ночных стоянок для такого значительного числа путешественников, преодолевавших дороги приграничья одновременно, являлась особенно острой.

Разместиться на постоялом дворе либо в частных домах небольших поселений, разбросанных вдоль маршрута следования, зачастую было почти невозможно из-за многочисленности участников английского посольства и сопровождавших их лиц. По этой причине для стоянок обычно предпочитали выбирать открытое место, где можно было разбить лагерь. С этой целью перед посольским караваном следовал своеобразный авангард, подыскивавший место для стоянки. Примечательно, что вперед были отправлены кухня и повозки с палатками и большей частью багажа, так что в случае, если подходящее место удавалось найти, там немедленно начинали готовить обед или ужин (в зависимости от времени) и устанавливали палатки, чтобы к моменту прибытия графа Карлайла и его спутников все было готово. Обычно в качестве места стоянки подыскивали обширное поле с источником воды, чтобы там смогли разместиться все участники посольского каравана [22]. Гвидо Миеж особо подчеркивает обилие рек и озер в регионе, что имело несомненную пользу во время летнего путешествия, т. к. позволяло регулярно мыться во время стоянок, чем участники посольства и пользовались [23].

Необходимо отметить, что на русской стороне приграничного маршрута прочими путешественниками часто отмечается нехватка постоянных дворов, в результате чего даже небольшим компаниям путников нередко приходилось останавливаться под открытым небом [24]. В подобных условиях предусмотрительные путешественники предпочитали брать с собой палатки, защищавшие от непогоды, холода и назойливых насекомых, столь многочисленных в летнее время года [25].

Гвидо Миеж пишет по этому поводу следующее: «Жилища, которыми мы могли располагать в этом путешествии, были подобны тем, которыми располагают солдаты в поле или в лесу, под защитой наших палаток или крытых повозок» [26]. Немногие могли разместиться в палатках, большая часть английских участников посольства и русских сопровождающих размещалась либо в повозках, либо прямо на земле под открытым небом: «Но большая часть джентльменов и слуг ютилось в повозках, а извозчики на земле...» [27]. В самом лучшем положении находились английский посол с супругой и старшим сыном, виконтом Морпетом. Для их удобства на местах стоянки разворачивались богатые палатки или скорее шатры, любезно предоставленные царем Алексеем Михайловичем для путешествия по русской территории: «Царь среди прочего предоставил нам три палатки, одну стоимостью примерно в 500 крон для посла, другую для графини, а третью для моего лорда Морпета» [28].

Другой важной составляющей отдыха во время стоянок был прием пищи. Здесь участникам посольства в большинстве случаев приходилось рассчитывать на собственные припасы. Только в крупных городах региона их могли принять со всей пышностью, обеспечив достаточное количество разнообразных блюд и напитков. Описывая питание участников посольства, Гвидо Миеж отмечает, что во время остановок им не хватало горячей еды, приготовленной на огне, за исключением телятины и баранины. Но самые большие неудобства англичан были связаны с напитками. Воды было достаточно, но путешественники летом «были вынуждены пить мед или квас, который был разогрет и совершенно мертв из-за перевозки» [29]. Далее участник посольства отмечает, что «лед мог бы помочь, но в это время он был столь дорог, что его едва хватало для стола посла» [30]. Вероятно, его в небольшом количестве находили в погребах-ледниках местных жителей.

Описывая путешествие посольства по дорогам псковского приграничья, Гвидо Миеж замечает, что «следует признать, путешествие выдалось довольно приятным» [31]. Впрочем, помимо назойливости насекомых, летние дороги в приграничной полосе таили в себе ряд более серьезных неприятностей и опасностей. Первая неприятность, отмеченная англичанами, заключалась в неудобстве русских седел, которыми им приходилось пользоваться во время путешествия. Своих лошадей и снаряжения у англичан не имелось, а предоставленное оказалось неудобным: «Манера путешествовать верхом могла быть очень приятна, если бы седла, которые используют в этой стране, не были столь жесткими и высокими, но они были сделаны таким образом, что большинство из нас в скором времени были так измучены, будто ехали верхом на деревянной лошади» [32].

Участникам английского посольства довелось столкнуться с еще одним неприятным явлением – преступлениями, совершаемыми местными жителями в приграничной полосе. Обычно это был обман или мошенничество, с которым встречались отдельные путешественники. Так, например, путешествовавший в 1661 г. теми же дорогами Патрик Гордон лишился своей лошади, продав ее за медные деньги, полностью обесценившиеся к тому моменту [33]. Однако участникам посольства графа Карлайла довелось столкнуться и с воровством. Во время ночной стоянки под Псковом, несмотря на многочисленность свиты и наличие охраны, из английского лагеря увели двух лошадей. Впрочем, неприятный момент был сглажен оперативностью царских представителей в Пскове. Местный воевода Андрей Васильевич Бутурлин, узнав о произошедшем, распорядился найти преступника, что и было выполнено. Еще до того, как караван английского посольства достиг города, навстречу англичанам был направлен незадачливый конокрад и лошади, украденные накануне: «Губернатор был вскоре проинформирован об этом происшествии, он задержал джентльмена и направил его прямо к послу, чтобы тот лично распорядился его жизнью, которую его Превосходительство любезно ему даровало за признание факта неблагоприятного поступка» [34]. Оперативность действий псковских властей произвела на графа Карлайла приятное впечатление. Не последнюю роль сыграло обращение к английскому послу по вопросу суда над преступником, посягнувшим на его имущество.

Еще более англичан впечатлил многочисленный эскорт, предоставленный Бутурлиным, чтобы сопроводить посла и его свиту до Пскова: «Но губернатор города в этом случае также проявил свою щедрость и особую заботу, которые он проявил к его Превосходительству: поскольку он дал нам конвоя в пятьсот пеших хорошо вооруженных солдат, чтобы сопроводить наш обоз и защитить наших людей...» [35]. Стража на самом деле была полезна и необходима. Еще

на подъезде к городу англичане отметили для себя неприятную тенденцию, когда местные жители в страхе прятались от них, заметив необычно одетых, вооруженных всадников. Гвидо Миеж предположил по этому поводу, что местные жители попросту были непривычны к иностранным путешественникам, в отличие от жителей Русского государства на дороге от Архангельска до Москвы: «Поскольку эта дорога не так часто используется иностранцами, как дорога в Архангельск, наш вид и привычки казались настолько необычными для крестьян, что они, только увидев двух или трех господ на лошадях, бежали в спешке по домам, захлопывая двери, как если бы мы были зловещими птицами или духами, пришедшими с целью испугать их, в результате, если бы нам что-то было необходимо, не было никакой надежды получить помощь от них» [36].

На самом деле, англичане редко пользовались данным маршрутом, но на наш взгляд, причина подобного поведения крылась в другом. Как известно, псковский маршрут всегда был популярен у иностранных путешественников [37], причина скрывалась в военной опасности, которой подвергся приграничный регион в эти годы. Вся округа была обеспокоена слухами о польском отряде, действовавшем в приграничной псковской полосе на фоне продолжавшейся русско-польской войны (1654–1667 гг.): «Другая заключалась в сообщении о полку мародерствующих поляков... их было около пятисот человек под командованием одноглазого сержанта. Эта новость не на шутку встревожила нас, особенно когда нам сообщили, что они совершили много плохого в этой провинции и разорили несколько деревень» [38]. Это сообщение проливает свет на причину обеспокоенности местных жителей, которые, завидев иностранцев, предпочитали скрыться дома.

Таким образом, приграничная дорога таила в себе целую череду опасностей от обычных грабежей и мошенничества до опасности быть убитым, особенно в военное время. Вот почему путники, отправлявшиеся в дорогу в одиночку или малой компанией, всегда были настороже, и даже большой посольский караван с охраной предпочли сопровождать с дополнительным конвоем до Пскова и далее до границы: «Наш конвой из Плеско к границе был так хорош, как я уже говорил, что у нас не было повода бояться опасностей, которые могли нас поджидать... Нас сопровождали, как я говорил ранее, пять сотен вооруженных пехотинцев, охранявших наш обоз, они всегда шли впереди, а позади шел эскадрон на лошадях, которые охраняли лично посла...» [39].

Псков, куда посольский караван прибыл 17 июля, встретил англичан со всей возможной пышностью. Участники посольства отмечали, что несколько дней их пребывания в городе прошли удачно. Они не испытывали недостатка в хорошей еде и напитках, а местный воевода был крайне учтив с графом Карлайлом [40]. Город показался англичанам менее богатым, чем Новгород, но, несомненно, неплохо расположенным и укрепленным: «Этот город не столь богат, но очень удачно и удобно расположен, имеет большую реку, протекающую через город, которая впадает в озеро, расположенное примерно в полулиге от него» [41].

Проведя несколько дней в Пскове и получив подтверждение, что к их встрече в шведских владениях все готово, посол и его свита смогли продолжить свой путь к границе 19 июля. Дорога к шведским владениям в Ливонии заняла два дня [42]. Гвидо Миеж, оставивший подробное описание посольства, отмечает, что все без исключения были рады покинуть владения русского царя, отчасти потому, что стремились поскорее вернуться домой, отчасти из-за непривычного для них образа жизни москвитов [43]. Впрочем, не стоит забывать, что сама миссия графа Карлайла в Москве в значительной степени оказалась неудачной, что тоже накладывало свой отпечаток на общее впечатление от путешествия.

Оказавшись в шведской Ливонии, англичане отметят большее удобство в организации питания. Повара, сопровождавшие посла, не будут испытывать прежних сложностей от приготовления еды в поле [44]. На самом деле, во второй половине XVII столетия отмечалось наличие более развитой инфраструктуры вдоль дорог приграничного региона за русским рубежом [45]. Впрочем, ночные стоянки, несмотря на наличие большего числа постоялых дворов, для большинства участников многочисленного английского посольства были тоже сопряжены с неудобствами, т. к. мест попросту не хватало, и многим приходилось ютиться в амбарах или даже ночевать в повозках [46].

С другой стороны, сопровождение, выделенное послу и его свите в русских землях, выглядело более внушительным. Так, Гвидо Миеж отмечает, что лошадей по дороге к Риге, после того как русские ямщики и пристав с охраной покинули их, шведами было выделено мало, да и сами лошади были очень плохи, так что многим членам посольства пришлось проделать значительную часть пути в повозках или даже пешком [47].

Характеризуя местное население, Миеж отметит, что хоть оно официально и является протестантским, на самом деле не сильно отличается от жителей соседней Московии, и только шведы разительно отличаются от местного населения, как в Древней Греции лакедемоняне отличались от илотов [48].

Передвижение в приграничной полосе, как, впрочем, и любое передвижение больших групп людей по дорогам, всегда имеет свою специфику. Посольские караваны, передвигавшиеся по дорогам псковского пограничья во второй половине XVII столетия, демонстрируют нам плюсы и минусы дорожной инфраструктуры, особенности логистики, связанной с передвижением больших масс людей. Как и отдельные путешественники, участники посольских караванов могли столкнуться с многими неприятностями, характерными для дорог псковского приграничья: неудовлетворительное качество питания; плохое состояние самой дороги и транспорта; преступления, распространенные во время путешествий. Сообщения о ходе английского посольства, составленные Гвидо Миежем, позволяют нам внести большую ясность в описание особенностей дорожной инфраструктуры и логистики военного времени, а замечания, характеризующие отношения с местными жителями и властями на дорогах псковского пограничья, дают возможность реконструировать образ русской дороги, сформировавшийся у участников посольства и распространявшийся на западе благодаря тиражированию дневников о посольстве графа Карлайла в Москву.

Список источников:

1. Киселев А.А., Парубочая Е.Ф. Русское посольство в Англии в 1662–1663 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 437. С. 118–123. <https://doi.org/10.17223/15617793/437/17>.
2. A Relation of Three Embassies from His Sacred Majestie Charles II, to the Great Duke of Muscovie, the King of Sweden, and the King of Denmark: Performed by the Right Hoble the Earle of Carlisle in the years 1663 & 1664. L., 1669. 461 p.
3. Западноевропейские авторы XV–XVII вв. о России: материалы к биобиблиографическому словарю / сост. П.Д. Малегин; отв. ред. П.Г. Гайдуков. М., 2018. 192 с.
4. Описание Московии при реляциях гр. Карлейля // Историческая библиотека. 1879. № 5. С. 1–46.
5. Зуев М.Н. Материалы о посольстве Карлейля 1663–1664 // Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины. М., 1980. С. 35–36; Лабутина Т.Л. Англичане в допетровской России. СПб., 2011. С. 146–147; Konovalov S. England and Russia: Three Embassies, 1662–1665 // Oxford Slavonic Papers. 1962. Vol. 10. P. 60–104.
6. Загородняя И.А. Московский посольский церемониал: английские дипломаты при царском дворе в XVII в. // Россия – Британия. К 450-летию установления дипломатических отношений. М., 2003. С. 22–34; Петров Д.А. «Питье» на приеме царя Алексея Михайловича в честь Английского посла Чарльза Ховарда, графа Карлайла 19 февраля 1664 г. // Valla. 2017. Т. 3, № 3 (10). С. 23–36; Hennings J. The Failed Gift: Ceremony and Gift in Anglo-Russian relations (1662–1664) // Practices of Diplomacy in the Early Modern World c. 1410–1800. N.Y., 2017. P. 237–253.
7. Гордон Патрик. Дневник, 1659–1667. М., 2003. 314 с.
8. Колпаков М.Ю., Михеев Д.В. Английские и французские источники XVI–XVII вв. о Псковской земле // Метаморфозы истории. 2019. № 13. С. 81–106; Колпаков М.Ю., Михеев Д.В. Жители Пскова и Псковской земли в сочинениях английских и французских ученых, дипломатов, торговцев, путешественников и военных XVI–XVII вв. // Псковский военно-исторический вестник. 2018. № 4. С. 367–374; Колпаков М.Ю., Михеев Д.В. Псковская земля в свидетельствах английских и французских дипломатов XVI–XVII вв. // Genesis: исторические исследования. 2018. № 12. С. 92–98. <https://doi.org/10.25136/2409-868x.2018.12.28563>.
9. Гордон Патрик. Дневник, 1659–1667. С. 139.
10. Лабутина Т.Л. Англичане в допетровской России. С. 147; Konovalov S. England and Russia... P. 74–75.
11. Колпаков М.Ю., Михеев Д.В. Псковская земля в свидетельствах...
12. A Relation of Three Embassies... P. 308.
13. Ibid. P. 309.
14. Ibid. P. 308.
15. Ibid. P. 320.
16. Ibid. P. 307.
17. Ibid. P. 309.
18. Ibid. P. 319.
19. Ibid. P. 307.
20. Ibid. P. 321.
21. Ibid. P. 307–308.
22. Ibid. P. 309.
23. Ibid. P. 311.
24. Гордон Патрик. Дневник, 1659–1667. С. 167.
25. A Relation of Three Embassies... P. 310.
26. Ibid. P. 309.
27. Ibid. P. 310.
28. Ibid. P. 309.
29. Ibid. P. 310.
30. Ibid.
31. Ibid.
32. Ibid. P. 309.
33. Гордон Патрик. Дневник, 1659–1667. С. 102.
34. A Relation of Three Embassies... P. 322.
35. Ibid. P. 323.
36. Ibid. P. 311–312.
37. Колпаков М.Ю., Михеев Д.В. Псковская земля в свидетельствах... С. 92.
38. A Relation of Three Embassies... P. 322–323.
39. Ibid. P. 331.
40. Ibid. P. 322–323.
41. Ibid. P. 331.
42. Ibid. P. 330–331.

-
43. Ibid. P. 334.
44. Ibid. P. 335–336.
45. Гордон Патрик. Дневник, 1659–1667. С. 170; Гордон Патрик. Дневник, 1684–1689. М., 2009. С. 89.
46. A Relation of Three Embassies... P. 337–338.
47. Ibid. P. 336–337.
48. Ibid. P. 333.

Информация об авторе

Д.В. Михеев – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия; научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Центр комплексного изучения проблем региональной безопасности» Псковского государственного университета, Псков, Россия.

Information about the author

D.V. Mikheev – PhD in History, Associate Professor, World History Department, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia; Researcher, Joint Scientific Laboratory “Center for the Comprehensive Studies of Regional Security Issues”, Pskov State University, Pskov, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 05.05.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.05.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 10.06.2021.

Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 90–93.
Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 90–93.

Научная статья
УДК 94(571.6)"18/19"
<https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.15>

Роль немецких предпринимателей в развитии производительных сил и рыночной инфраструктуры Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX вв.

Елена Геннадьевна Молчанова¹, Дарья Владимировна Молчанова²

^{1,2}Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

¹lenmolch@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4673-3587>

²darmol1210@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1682-8243>

Аннотация. Статья посвящена одной из актуальных проблем экономической истории Дальнего Востока России – изучению роли немецких предпринимателей в развитии производительных сил и рыночной инфраструктуры региона. Хронологические рамки исследования охватывают период с 60-х гг. XIX в. по 1914 г. В статье характеризуется деятельность немецких фирм, способствовавшая повышению технической оснащенности и модернизации местной промышленности, сельского хозяйства и транспорта. Показана роль немцев в налаживании транспортного сообщения в регионе и в формировании его портовой инфраструктуры. Отмечается, что сотрудничество немецких фирм с крупнейшими мировыми пароходными, страховыми компаниями, банками способствовало развитию рыночной инфраструктуры региона и его экономическому росту. Основываясь на различных источниках, авторы характеризуют деятельность крупнейших немецких фирм и компаний на Дальнем Востоке России.

Ключевые слова: немецкие предприниматели, история Дальнего Востока России, экономическое развитие Дальнего Востока, рыночная инфраструктура Дальнего Востока России, торговый дом «Кунст и Альберс», «Сименс и Шукерт», «Артур Коппель», «Всеобщая компания электричества», «Вальдекер и Пеппель»

Для цитирования: Молчанова Е.Г., Молчанова Д.В. Роль немецких предпринимателей в развитии производительных сил и рыночной инфраструктуры Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX вв. // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 90–93. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.15>

Original article

The role of German entrepreneurs in the development of productive forces and market infrastructure of the Russian Far East in the second half of the XIX – early XX centuries

Elena G. Molchanova¹, Darya V. Molchanova²

^{1,2}Pacific National University, Khabarovsk, Russia

¹lenmolch@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4673-3587>

²darmol1210@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1682-8243>

Abstract. The article is devoted to one of the most pressing problems of the economic history of the Russian Far East – the study of the role of German entrepreneurs in the development of productive forces and market infrastructure in the region. The chronological framework of the study covers the period from the 60s of the XIX century to 1914. The article describes the activities of German companies that contributed to the improvement of technical equipment and modernization of local industry, agriculture and transport. The role of the Germans in establishing transport links in the region and in the formation of its port infrastructure is shown. It is noted that the cooperation of German companies with the world's largest shipping companies, insurance companies, and banks contributed to the development of the region's market infrastructure and its economic growth. Based on various sources, the authors characterize the activities of the largest German firms and companies in the Russian Far East.

Keywords: German entrepreneurs, history of the Russian Far East, economic development of the Far East, market infrastructure of the Russian Far East, trading house "Kunst and Albers", "Siemens and Schuckert", "Arthur Koppel", "Universal Electricity Company", "Waldecker and Peppel"

For citation: Molchanova E.G., Molchanova D.V. The role of German entrepreneurs in the development of productive forces and market infrastructure of the Russian Far East in the second half of the XIX – early XX centuries // Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 90–93. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.15>

Изучение проблемы влияния зарубежных инвестиций и иностранных предпринимателей на экономическое и социальное развитие России во второй половине XIX – начале XX вв. является одним из актуальных направлений исторических исследований. Это связано с тем, что в рассматриваемый период российским властям удалось обеспечить постепенную интеграцию России в мировую экономическую систему за счет привлечения в экономику иностранного капитала и поддержки бизнеса зарубежных предпринимателей, в первую очередь немецких, на выгодных для

страны условиях. Впрочем, немцы всегда играли заметную роль в развитии российского государства. Можно согласиться с мнением историка В. Деннингауса, что «немцы и русские являются, быть может, двумя наиболее близкими друг к другу европейскими нациями. Вплоть до XX в. доминантой их отношений являлась не вражда, а тесное взаимодействие» [1, с. 5]. Из Германии в Россию переселялись инженеры, врачи, ученые, крестьяне-колонисты, а также так называемые прибалтийские (остзейские) немцы, потомки которых впоследствии составили значительную часть российского чиновничества и офицерского корпуса.

Большое значение для развития России имела и деятельность немецких предпринимателей. Они были владельцами промышленных предприятий, торговых фирм, аптек, ремесленных заведений, вели банковский бизнес и др. Это были, как правило, преуспевающие люди, которые благодаря своим деловым качествам, инициативе, особому предпринимательскому духу, опыту организаторской, управленческой деятельности сумели утвердиться в России, нашли в конкурентной борьбе «свою нишу» и оказывали серьезное влияние на социально-экономическое развитие страны, то есть в конечном счете способствовали модернизации России.

Е.В. Алексеева справедливо отмечает, что развитие российского государства осуществлялось в тесной связи с экзогенными факторами, но в результате его собственной эволюции, в ходе которой инновационные импульсы модернизации синтезировались с местной исторической традицией [2]. В значительной мере носителями этих «экзогенных инноваций», которые трансформировались под влиянием российских условий, были немецкие предприниматели.

Все вышесказанное в полной мере относится и к дальневосточной окраине России второй половины XIX – начала XX в., несмотря на то, что этот регион был отдален от центра империи и имел ряд особенностей.

В рассматриваемый период здесь действовал целый ряд немецких фирм, а также отделений крупных немецких компаний. Предприниматели занимались универсальной торговлей, добычей полезных ископаемых, содержали пароходства, небольшие промышленные предприятия, банкирские конторы, являлись представителями крупнейших мировых страховых и транспортных компаний. Характерной чертой деятельности немецких торговых фирм являлась диверсификация.

После объединения в 1871 г. Германия переживала период индустриализации и развития ряда отраслей экономики, связанных с техническим прогрессом. Страна заняла лидирующие позиции в химической, электротехнической, фармацевтической мировой промышленности. Достаточно интенсивно развивалось машиностроение. Из Германии немецкие предприниматели доставляли на Дальний Восток России металл и изделия из него, инструменты, различные машины, красители и прочую продукцию химических заводов, электротехническое оборудование, лекарственные препараты. Необходимо заметить, что в XIX – начале XX вв. многие достижения европейской науки и промышленности достаточно быстро становились доступными российским дальневосточникам именно благодаря немецким предпринимателям.

Экспорт стал одной из важнейших отраслей деятельности немецких фирм на Дальнем Востоке. Торговый дом «Кунст и Альберс» поставлял в регион различные машины, оборудование и даже суда [3, с. 282–283].

Фирма «Вальдекер и Пеппель» поставляла на Дальний Восток России продукцию химической и фармацевтической промышленности. Ее владельцы открыли аптеку, выполняли заказы по оснащению больниц самым современным оборудованием, содержали лабораторию химико-бактериологических исследований. Этот торговый дом представлял в регионе крупные фармацевтические заводы «Ф. Байер и К°», «Э. Мерк», а также химико-бактериологический завод Блюментала и др. [4].

В 1893 г. во Владивостоке фирма «Кунст и Альберс» запустила первую на Дальнем Востоке России электрическую станцию [5, с. 41]. Этот торговый дом занимался также поставками оборудования для обеспечения электрического освещения, центрального отопления, водопровода, канализации, вентиляции, систем очистки воздуха и воды. Делалось это все с применением самых передовых для того времени технологий [6].

Заметную роль в развитии производительных сил региона сыграли и дальневосточные филиалы дочерних предприятий германских электротехнических компаний «Сименс и Шуккерт», «Всеобщая компания электричества». Эти фирмы занимались оборудованием электрических станций, проводили телефонную связь, принимали участие в строительстве трамвайных путей и выпуске вагонов. В 1906 г. Всеобщая компания электричества выполняла работы по электрическому освещению в Хабаровске и Благовещенске [7, с. 115]. Фирма «Сименс и Шуккерт» поставляла динамо-машины для портового управления, оборудовала электростанцию на предприятии «Тетюхе». Компания «Сименс и Гальске» снабжала Амурскую железную дорогу строительными материалами [8].

В 1908 г. акционерное общество «Артур Коппель» построило узкоколейную железную дорогу для предприятия «Тетюхе» [9]. Эта фирма также поставляла оборудование для горнодобывающих, золотопромышленных компаний, железных дорог. Более того, она предлагала услуги по разработке технических проектов, постройке заводов, оборудованию мастерских [10].

Таким образом, немецкие предприятия способствовали развитию производительных сил региона, приносили в экономику дальневосточного края новейшие технологии.

Немецкие предприниматели на российском Дальнем Востоке также являлись представителями крупнейших отечественных и иностранных промышленных компаний. Так, фирма «Кунст и Альберс» выступала от лица «Русского общества выделки динамита» [11], некоторых иностранных заводов, производивших сельскохозяйственные машины. В 1913 г. свое представительство на Дальнем Востоке ей доверила фирма «Мерседес Бенц» [12, с. 238]. С 1887 г. началось сотрудничество торгового дома «Кунст и Альберс» с фирмой «Братья Нобель» [13, с. 286]. В 1908 г. было создано Восточно-Азиатское нефтяное торгово-промышленное товарищество. Это предприятие снабжало нефтепродуктами потребителей на Дальнем Востоке России, а также в Китае, Корее, Японии [14].

Для деятельности немецких предпринимателей на Дальнем Востоке России была характерна диверсификация. Помимо прочего некоторые из них занимались страхованием, банковским делом, имели собственные пароходы. Тем самым они способствовали развитию рыночной инфраструктуры региона.

Крупнейшая немецкая торговая фирма «Кунст и Альберс» к 1914 г. была агентом 15 страховых компаний. В их числе были: московское страховое общество «Якорь», «Русский Ллойд», «Саламандра», «Английский Ллойд» и др. [15] Фирма «И. Лангелитъе» представляла страховое общество «Россия» [16]. В их обязанности входила выдача страховых сертификатов, экспертиза по морским авариям, отслеживание движения судов в азиатских портах.

Немецкие фирмы, действовавшие в регионе, сотрудничали с крупнейшими мировыми пароходными компаниями, способствуя тем самым транспортной доступности региона и его экономическому развитию.

Фирма «Кунст и Альберс» к началу Первой мировой войны была агентом 14 пароходств на Дальнем Востоке, среди которых были английские, русские, американские и японские предприятия. В их числе состояли и две крупнейшие германские пароходные компании – «Северогерманский Ллойд» и «Гамбург-Америка линия» [17, с. 279]. Причем торговый дом «Кунст и Альберс» представлял интересы этих компаний не только в российских портах, но и в азиатских странах.

Некоторые немецкие предприниматели, работавшие на Дальнем Востоке Российской империи, имели собственные пароходы и даже целые пароходные компании. Так, Ф.А. Людорф и Г.В. Дикман осуществляли транспортные и пассажирские перевозки по р. Амур, используя свой речной транспорт [18].

В 80-х гг. XIX в. торговый дом «Кунст и Альберс» создал собственную морскую пароходную компанию. Суда, принадлежавшие ей, совершали регулярные рейсы в Нагасаки, Гонконг, Шанхай, Порт-Артур, Чифу [19]. Они перевозили товары, пассажиров, почту и т.д., осуществляли сообщение между российскими дальневосточными портами, доставляли пассажиров и грузы из Владивостока на о. Сахалин, в Николаевск, Аян, Охотск, Петропавловск, на Командорские острова. Порт Владивостока относился к замерзающим гаваням, поэтому фирма «Кунст и Альберс» имела здесь собственный ледокол, который позволял доставлять сюда товары круглогодично [20, с. 138].

Солидные немецкие предприниматели вкладывали средства в развитие портовой инфраструктуры региона. Они занимались обслуживанием больших морских пароходов, оказывали услуги по их разгрузке. Фирмы «Дикман и К°» и «Небель и К°» владели в Николаевске собственными буксирами, баржами, причалами и складами. Управление водных путей Министерства путей сообщения в письме Приамурскому генерал-губернатору от 15 марта 1913 г. сообщало: «Фирма “Небель и К°” помимо чисто торговых операций занимается и пароходным делом. Для этой цели она содержит рейдовый катер и четыре баржи... Указанные суда работают по разгрузке иностранных пароходов, ... и почти все заграничные морские грузовые пароходы в Николаевске разгружаются средствами фирмы “Небель и К°”» [21].

В начале XX в. операции по импорту и экспорту грузов во Владивостоке совершали немецкие экспедиторские и транспортные конторы «Книп и Вернер», «Герард и Гей».

Одним из самых прибыльных дополнительных сфер деятельности крупных немецких фирм в дальневосточном регионе России во второй половине XIX – начале XX в. был банковский бизнес. В 60-х – начале 70-х гг. XIX в. банковские операции в Николаевске вел немецкий коммерсант Ф.А. Людорф [22]. Успешно работала банкирская контора фирмы «Кунст и Альберс», которая от-

крыла свои отделения во Владивостоке, Никольск-Уссурийске, Николаевске-на-Амуре, Благовещенске. Благодаря своим связям с крупными международными финансовыми организациями фирма «Кунст и Альберс» могла совершать за границей финансовые операции в интересах третьих лиц. Она имела солидную клиентуру, среди которой были известные в крае лица, предприниматели, путешественники, многочисленные китайские рабочие [23, с. 618]. К началу XX в. годовой оборот банкирской конторы фирмы достиг 1 млн р. [24].

Таким образом, немецкие предприниматели, работавшие на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX вв., не только получали прибыль от этого, но и играли заметную роль в развитии производительных сил региона. Их деятельность была выгодна также и России, поэтому и поддерживалась правительством страны и местными властями. Поставляя машины и механизмы, предлагая услуги разработки и осуществления технических проектов, сооружая объекты электроэнергетики, они способствовали повышению технической оснащенности местной промышленности, сельского хозяйства, транспорта. Осуществляя на российском Дальнем Востоке банковскую деятельность, транспортное сообщение, налаживая связи с крупнейшими мировыми пароходными и страховыми компаниями, немецкие предприниматели стимулировали развитие рыночной инфраструктуры региона, приносили в него не только новейшие достижения машиностроения, химической промышленности, электроэнергетики, но и деловые навыки, опыт руководства предприятиями. Это сыграло значимую роль в экономическом развитии региона, сформировало условия для повышения качества жизни его населения.

Список источников:

1. Деннингхаус В. Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). М., 2004. 502 с.
2. Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX вв.). М., 2007. 368 с.
3. Sieveking H. Die Hamburgische Firma Kunst und Albers in Wladiwostok 1864–1914 // Vierteljahresschrift für Sozial – und Wirtschaftsgeschichte. 1941. № 34. S. 268–299.
4. Владивостокские биржевые ведомости. 1913. 1 августа.
5. Галлямова Л.И. Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX – начале XX в. Владивосток, 2000. 222 с.
6. Очерк деятельности торгового дома «Кунст и Альберс» // Выставка Приамурского края в Хабаровске. 1913. 30 июля; Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 518. Оп. 1. Д. 6. Л. 27.
7. Морозов Б.Н. К истории развития капитализма на русском Дальнем Востоке (1861–1904 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Горький, 1973. 266 с.
8. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 354. Л. 95, 116–117.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 23. Оп. 12. Д. 515. Л. 68.
10. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 354. Л. 146–147; Приамурские ведомости. 1899. 13 июня.
11. РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 283. Л. 122.
12. Деев Л. Кунст и Альберс Владивосток. История немецкого торгового дома на российском Дальнем Востоке (1864–1924). Владивосток, 2002. 336 с.
13. Sieveking H. Op. cit. S. 286.
14. РГИА ДВ. Ф. 245. Оп. 1. Д. 37. Л. 1–31.
15. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 812. Л. 220.
16. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 794. Л. 63.
17. Sieveking H. Op. cit. S. 279.
18. РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.
19. Приамурские ведомости. 1899. 14 февраля.
20. Aus der Geschichte des Hauses «Kunst & Albers» // Ostasiatische Rundschau. 1940. № 7. S. 137–140.
21. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 354. Л. 164; 236.
22. РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 10. Л. 35.
23. Thomas L. Ein Deutsches Unternehmen im Russischen Fernen Osten (1864–1921). Zwänge und Grenzen der Anpassung // «...Das Einzige Land in Europa, das Eine Grosse Zukunft vor Sich Hat»: Deutsches Unternehmen und Unternehmer im Russischen Reich im 19 und frühen 20. Essen, 1998. S. 611–631.
24. РГИА. Ф. 23. Оп. 25. Д. 5. Л. 21.

Информация об авторах

Е.Г. Молчанова – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия.

Д.В. Молчанова – магистрант Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия.

Information about the authors

E.G. Molchanova – PhD in History, Associate Professor of the Department of National and Universal History, Pacific National University, Khabarovsk, Russia.

D.V. Molchanova – Master student, Pacific National University, Khabarovsk, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 21.05.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 04.06.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 10.06.2021.

Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 94–102.
Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 94–102.

Научная статья
УДК 364:49(470.57)“1942/1951”
<https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.16>

Дома-интернаты для инвалидов войны Башкирской АССР (1942–1951 гг.)

Луиза Мидахатовна Гиниатуллина

Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Уфа, Россия, arhiv_ru@anrb.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0827-7405>

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы реорганизации домов инвалидов Башкирии в трудовые интернаты для инвалидов Великой Отечественной войны. Ссылаясь на архивные материалы, автор показывает количество имевшихся домов-интернатов для инвалидов войны, профтехшкол-интернатов, а также домов для престарелых членов семей военнослужащих в 1942–1951 гг. Особое внимание уделяется нормативно-правовым документам, способствовавшим трудоустройству инвалидов войны. Приводятся детальные примеры практических мероприятий в регионе по их трудовому обучению. Кратко описывается жизнь инвалидов войны в данных учреждениях, характеризуется деятельность Народного комиссариата социального обеспечения, Народного комиссариата здравоохранения Башкирской АССР по оказанию помощи демобилизованным воинам-инвалидам. Раскрываются имевшиеся проблемы в обслуживании инвалидов войны. Отмечаются достоинства и недостатки проведенных мероприятий, предпринятых мер социальной поддержки этой категории населения республики, которые регулярно обсуждались на заседаниях бюро Башкирского обкома ВКП(б), а также горкомов и райкомов партии. Новизна статьи заключается в том, что впервые вводятся в научный оборот архивные материалы о башкирских домах-интернатах для инвалидов войны и их деятельности в 1942–1951 гг.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Башкирия, фронтовики, инвалиды войны, дома-интернаты для инвалидов, трудоустройство, трудовое обучение

Для цитирования: Гиниатуллина Л.М. Дома-интернаты для инвалидов войны Башкирской АССР (1942–1951 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 94–102. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.16>

Original article

Boarding houses for war invalids of the Bashkir ASSR (1942–1951)

Luisa M. Giniatullina

Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia, arhiv_ru@anrb.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0827-7405>

Abstract. This paper deals with the issues of reorganization of the disabled homes of Bashkiria into labor boarding schools for the disabled of the Great Patriotic War. Referring to archival materials, the author shows the number of existing boarding schools for war invalids, vocational boarding schools, as well as homes for elderly members of military families in 1942–1951. Special attention is paid to the normative legal documents that contributed to the employment of war invalids. Detailed examples of practical activities carried out in the region for their labor training are provided. The paper briefly describes the life of war invalids in these institutions and characterizes the activities of the People's Commissariat of Social Security, the People's Commissariat of Health of the Bashkir ASSR to provide assistance to demobilized disabled soldiers. The existing problems in the service of war invalids are revealed. The author notes the advantages and disadvantages of the measures taken and the measures of social support for this category of the population of the republic, which were regularly discussed at the meetings of the bureau of the Bashkir Regional Committee of the CPSU, as well as the city and district committees of the party. The novelty of the research lies in the fact that for the first time archival materials about boarding schools for war invalids in Bashkiria and their activities in 1942–1951 are introduced into scientific circulation.

Keywords: the Great Patriotic War, Bashkiria, front-line soldiers, war invalids, boarding schools for the disabled, employment, labor training

For citation: Giniatullina L.M. Boarding houses for war invalids of the Bashkir ASSR (1942–1951) // Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 94–102. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.16>

Великая Отечественная война, длившаяся 1 418 дней и ночей, стала ожесточенной схваткой советского народа со злейшим врагом человечества – фашизмом. Советские люди напрягли все силы для спасения Родины, ее независимости и добились победы. Путь к победе был тяжелым и долгим. Она досталась ценой огромных жертв и материальных потерь, миллионов разбитых судеб. Одним из самых тяжелых последствий войны, безусловно, явилась инвалидность военнослужащих.

В первые годы войны стали приниматься законодательные акты, предусматривающие различные формы оказания помощи военнослужащим, пострадавшим в ходе выполнения боевых заданий. Сведения о порядке назначения пособий, льгот семьям военнослужащих и инвалидам войны освещались в обобщающем издании «Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Краткая история» [1]. Одной из первых работ по трудоустройству является труд П.П. Вержбиловского о демобилизовавшихся воинах, оставшихся инвалидами [2]. В целях возвращения в строй проводилась целенаправленная работа по лечению раненых воинов в тылу страны. В целом изданные труды были рекомендательного характера, применялись в практической деятельности врачей, работников отделов соцобеспечения. Министр здравоохранения СССР Г.А. Митерев в диссертационной работе на соискание ученой степени доктора медицинских наук освещал основные документы партийных советских органов и Наркомздрава страны [3].

В 1960–1979 гг. Ленинградским научно-исследовательским институтом экспертизы трудоспособности и организации труда инвалидов было подготовлено свыше 40 выпусков сборников научных трудов по организационно-методическим вопросам врачебно-трудовой экспертизы [4]. Позже вопросы о социальном положении, социальном обеспечении и реабилитации участников войны стали анализироваться в диссертационных работах. А.М. Кузнецов рассматривал правовой аспект реабилитации инвалидов войны [5]. В.А. Дубинец с юридической точки зрения дал характеристику правового положения инвалидов войны [6]. В.А. Сомов отмечает, что в ходе войны издавались работы, в которых затрагивались проблемы обеспечения заводов и фабрик рабочей силой. Эти работы не носили научного характера, в основном они раскрывали механизм подготовки рабочих кадров непосредственно на производстве и в школах фабрично-заводского обучения [7]. В связи с рассекречиванием архивных документов стали появляться исследования, отражающие социальные проблемы фронтовиков. Ю.Н. Мануйловой было сделано обобщение принципов, методов, содержания и результатов проведения государственных и общественных мероприятий по социальной реабилитации инвалидов войны на Южном Урале, направленных на восстановление их социального статуса [8]. Г.А. Хорохориной исследованы проблемы социального обеспечения и реабилитации инвалидов войны и труда в годы войны [9].

О проблемах социальной поддержки местными органами Южно-Уральского региона семей военнослужащих и инвалидов в военные годы рассказывает совместная статья В.А. Рубина и А.А. Рубина [10]. Основные направления деятельности учреждений здравоохранения Южного Урала в годы войны и первые послевоенные годы рассматривались в диссертационных исследованиях Т.Н. Виноградовой и Н.Л. Усольцевой [11]. Жизнь фронтовиков-инвалидов нашла отражение в творческой деятельности народного художника и заслуженного деятеля искусств России Г.М. Доброва, который побывал в Карельской республике в Валаамском, в Крыму – Бахчисарайском, а также в Волгоградском, Омском, Московском домах инвалидов войны, в домах-интернатах в Клину, Антропове, Данках. Серия рисунков «Автографы войны» [12], рассказы о домах инвалидов размещались родными на сайте художника после его смерти.

Научная значимость настоящей работы определяется малоизученностью проблемы адаптации фронтовиков-инвалидов к мирной жизни. Целью статьи является показ судьбы уволенных по ранению и инвалидности военнослужащих, многие из которых не имели местожительства и просились в дома инвалидов. В Башкирской АССР (БАССР) в первые послевоенные годы было огромное количество инвалидов, участников боевых действий, и республика столкнулась с необходимостью создания домов-интернатов. В Национальном архиве Республики Башкортостан (НА РБ) сохранились сведения, отчеты, справки, протоколы заседаний Башобкома ВКП(б), Совнаркома, Наркомздрава, Наркомсоцобеспечения БАССР о деятельности домов-интернатов как медико-социальных учреждений для проживания инвалидов войны, нуждавшихся в уходе, бытовом и медицинском обслуживании.

В исследовании применялись разнообразные методы. С помощью историко-сравнительного метода определялись сходство и различия в деятельности государственных и партийных органов в области подготовки официальных документов в отношении демобилизованных воинов. Историко-генетический метод способствовал выявлению функций и задач этих органов по трудоустройству, трудовому обучению, медицинскому обслуживанию и материально-бытовому устройству инвалидов. С использованием структурно-системного метода было проведено комплексное изучение темы.

В целях решения вопроса трудоустройства инвалидов войны в мае 1942 г. Совнарком СССР принял ряд постановлений «О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны». В них говорилось, что на народных комиссаров социального обеспечения союзных республик возлагается персональная ответственность за трудовое устройство и организацию обучения новым профессиям инвалидов войны, а также устройство нуждавшихся в домах инвалидов. На основе данных указаний руководители предприятий, учреждений и организаций в кратчайшие сроки предоставили

инвалидам, которые были направлены органами социального обеспечения, соответствующую работу, обеспечив при этом индивидуальный подход. Также инвалидов войны должны были обеспечивать жилплощадью, обучать тех, кто по состоянию здоровья не мог работать по прежней специальности. В целях практической помощи и осуществления контроля в деле трудового устройства инвалидов войны в субъектах страны создавались постоянные краевые, областные, городские комиссии по трудоустройству. Совнаркомы союзных республик должны были ежемесячно представлять в Совнарком СССР отчеты о работе по трудоустройству инвалидов войны [13].

В конце 1942 г. Совнарком РСФСР принял постановление «Об интернатах для инвалидов Отечественной войны». Целью документа являлась подготовка инвалидов к трудовой деятельности. Исходя из этого решения, Совнарком Башкирской АССР в начале 1943 г. принял аналогичное постановление, и все имеющиеся республиканские дома инвалидов были переименованы в интернаты для инвалидов войны и больничного типа для больных туберкулезом. Наркомату социального обеспечения БАССР было предложено организовать дополнительные интернаты для инвалидов войны на 360 койко-мест, в том числе интернат общего типа на 260 мест и больничный интернат на 100 мест. Также Наркомсоцсобеса в месячный срок должен был проверить состояние всех имевшихся домов-интернатов, обеспечить их инвентарем, медицинским оборудованием, укомплектовать медицинским персоналом открываемые интернаты, снабжать аптеки всем необходимым, установить систематический санитарный надзор в интернатах, также укомплектовать штат инструкторами и обслуживающим персоналом из числа инвалидов войны. Работавшим в штате инвалидам войны разрешалось получать питание по себестоимости наравне с обеспечиваемыми инвалидами войны [14].

В целях улучшения государственного обеспечения инвалидов войны и их трудоустройства с 1943 г. дома инвалидов Великой Отечественной войны стали реорганизовываться в трудовые интернаты. Такие интернаты функционировали на средства автономных республик, краев, областных советов. Многие имели свои подсобные хозяйства и учебно-производственные мастерские [15, с. 49].

Южноуральские органы власти по мере возможности организовывали работу интернатов и домов инвалидов войны и их материально-бытовое обеспечение. Чрезвычайные обстоятельства военного периода не дали полностью решить имевшиеся социальные проблемы фронтовиков-инвалидов [16]. Проблемы по восстановлению материальной базы, обслуживанию, питанию, нехватка мест в интернатах для инвалидов, потерявших физическую способность к самостоятельной деятельности, обсуждались и решались в каждом регионе [17].

В начале 1943 г. в Башкирской АССР функционировало 7 интернатов на 810 мест для инвалидов войны, не имевших местожительства, нуждавшихся в полном обслуживании, где содержалось 332 фронтовика [18].

Принятое республиканское постановление обязывало организовать многоотраслевые учебно-производственные мастерские в трудовых интернатах в Бакалинском, Шаранском, Белебеевском, Буздякском и Ермекеевском районах. Госплан при Совнаркоме БАССР должен был включить мастерские интернатов в план снабжения сырьем. Башкоопинсоюз, уполномоченный Управления промкооперации при Совнаркоме РСФСР по Башкирской АССР и Наркомитет местной промышленности БАССР должны были обеспечивать организацию производственного обучения в трудовых интернатах инвалидов войны по линии кооперации инвалидов в интернатах в Бакалинском и Шаранском районах, промкооперации – в Буздякском и Ермекеевском районах, Наркомместпрома – в Белебеевском районе. Начальник Управления трудовых резервов при Совнаркоме Башкирии должен был обеспечивать необходимым инструментом мастерские трудовых интернатов. В целях создания собственной продовольственной базы при интернатах было предложено организовать овощные и животноводческие подсобные хозяйства [19].

Несмотря на принятое в 1943 г. решение Совнаркома республики, которое обязывало Наркомсобес превратить дома-интернаты в образцовые культурные трудовые учреждения, трудовое обучение инвалидов войны в интернатах республики было организовано слабо. Сумма ассигнованных Наркомсобесом в 1943 г. на трудоустройство средств составляла 518 тыс. р., из них было освоено 452,6 тыс. В середине 1943 г. количество интернатов возросло до 11. Бакалинский дом инвалидов был рассчитан на 150 человек, Буздякский – на 110, Уфимский – на 80, Белебеевский – на 75, Шаранский – на 75, Стерлитамакский – на 48, Ермекеевский интернат для семей военнослужащих был рассчитан на 100 человек, Камышинский – на 185, Улу-Телякский – на 115, Урзянский – на 32, Бирская профтехшкола-интернат – на 100 человек [20].

Заведующий военным отделом Башобкома ВКП(б) в своем обращении в Совнарком БАССР просил обязать Наркомитет социального обеспечения и Наркомитет местной промышленности республики организовать в каждом интернате трудовое обучение и обеспечить сырьем для бесперебойной работы.

В конце года в республике для инвалидов-фронтовиков начали организовывать обучение новым специальностям, в том числе сапожников, портных, фотографов, телефонистов, столяров. На таких курсах обучались фронтовики, которые по состоянию здоровья не могли продолжить работу по прежней специальности. В учреждениях, подведомственных Наркомату социального обеспечения Башкирии, таких как дома-интернаты инвалидов и госпитали, была организована учебно-курсовая сеть с производственными мастерскими. Там обучали на счетоводов, бухгалтеров, почтовых работников, пчеловодов, киномехаников. Фронтовики, находясь в госпиталях, могли получать новые специальности и по выписке им была предложена соответствующая работа [21, с. 316].

Подготовка к трудовой деятельности инвалидов войны проходила в госпиталях, на курсах системы социального обеспечения, в профтехшколах-интернатах, трудовых интернатах, а также непосредственно на предприятиях в форме индивидуального или бригадного обучения специальности. В результате в РСФСР в трудовую деятельность было вовлечено 79,6 % инвалидов войны [22].

В конце 1943 г. Башобкомом ВКП(б) и Совнаркомом БАССР было принято постановление об увеличении производства протезов и улучшении обслуживания инвалидов войны. Управление трудовых резервов должно было решить до конца года вопрос с кадровым составом для работы в протезной мастерской и поставкой слесарных инструментов. Госплан при СНК БАССР должен был выделить материалы для протезного производства, Наркомместпром – обеспечивать изготовлением деталей протезно-ортопедических изделий. Уфимский исполком райсовета, Уфимский райком партии, Башкоопинсоюз, Управление промкооперации обязались выделить более 60 рабочих для Уфимского завода протезных полуфабрикатов и Уфимской протезной мастерской. Для данных предприятий до конца декабря 1943 г. необходимо было изготовить 25 саней, 25 комплектов упряжи, 25 телег, а также 20 саней, 20 комплектов упряжи и 20 телег для интернатов инвалидов Отечественной войны. Постановление Наркома здравоохранения БАССР обязало обратить внимание на улучшение медицинского обслуживания и соответствия санитарного состояния интернатов инвалидов войны через участковых врачей. Для интернатов инвалидов войны и домов больницы типа с туберкулезными больными должны были выделяться дополнительные врачи, медицинское оборудование, аппаратура для медицинских кабинетов и медикаменты. Бакалинский, Белебеевский, Буздякский, Ермакеевский, Гафурийский, Шаранский районы, где имелись интернаты для инвалидов войны, до конца года должны были организовать вывозку дров на отопительный сезон. Наркомсобесу республики было разрешено реорганизовать Ермакеевский дом инвалидов войны в дом инвалидов для престарелых членов семей участников войны. В Миякинском районе решался вопрос с выделением помещений на 100 коек для инвалидов труда и престарелых членов семей военнослужащих. Учитывая все имевшиеся проблемы в обслуживании инвалидов войны, Наркомсобес в декабре 1943 г. провел областное совещание, собрав работников районных и городских отделов гособеспечения. Мероприятия по улучшению работы по протезным предприятиям Наркомсобесом республики и Госпланом при СНК БАССР не разрабатывались. Наркомздравом республики врачи для туберкулезных больных и медсестры для работы в интернатах инвалидов войны также не выделялись. Считая совершенно недопустимым срыв выполнения важнейшего постановления ГОКО, Совнарком БАССР постановил предупредить председателя исполкома Уфимского горсовета, начальника Управления трудовых резервов, Народного управления промкооперации по БАССР, председателя исполкома Уфимского горсовета до января 1944 г. выполнить ранее принятые постановления ГОКО, бюро Башобкома ВКП(б) и Совнаркома БАССР. В случае невыполнения вышеперечисленных лиц должны были привлечь к ответственности за срыв мероприятий по обслуживанию инвалидов войны. Такое постановление было подписано председателем Совнаркома БАССР С. Вагаповым [23].

В справке о состоянии выполнения постановления Совнаркома Башкирии «Об интернатах для инвалидов Отечественной войны» говорилось, что для организации подсобных хозяйств в районах выделялись земельные участки. Наркомсобес РСФСР не мог выделить никаких фондов на пополнение белья, одежды и обуви, следовательно, запас обмундирования в интернатах не был создан, а их выдача производилась за счет основного фонда интернатов [24]. В плане сева и потребности семян на 1944 г. по системе Башнаркомсобеса по подсобным хозяйствам интернатов и домов инвалидов говорится, что Улу-Телякский дом инвалидов за период его существования в течение 10 лет не имел земельного участка под посев. В 1944 г. посевная площадь данному дому инвалидов была установлена планом – 19,7 га. Шаранский интернат для туберкулезных больных не имел ни одной лошади, а Улу-Телякский дом инвалидов имел только две лошади. Вследствие этого затруднительной являлась обработка земельных участков таких учреждений. Необходимо было оказать им соответствующую помощь в приобретении лошадей,

а также всем домам инвалидов и интернатам в обработке земельного участка путем дачи указаний МТС об оказании помощи по обработке посевных площадей. Принимались срочные меры по выделению посадочного картофеля и бобовых семян для Бирского и Уфимского интернатов инвалидов войны, Шаранского интерната для больных туберкулезом инвалидов войны, Камышинского, Улу-Телякского, Узянского и Стерлитамакского домов инвалидов [25].

По состоянию на 1 июля 1944 г. в Башкирии для инвалидов войны имелись следующие учреждения: Бакалинский с 66 инвалидами верхних конечностей, Буздякский со 110 инвалидами тяжелой формы ранения, Уфимский с 40 инвалидами разных болезней, Белебеевский с 62 и Шаранский с 50 туберкулезными больными, Стерлитамакский с 32 слепыми инвалидами, Еремеевский для семей военнослужащих, где содержались 32 человека, и интернаты общего типа, такие как Бирский с 145, Улу-Телякский со 110 и Урзянский с 30 инвалидами войны. В 1944 г. в интернатах Башкирии было запланировано содержание 1095 инвалидов-фронтовиков, а фактически содержалось 670. Трудовое обучение в системе Наркомсобеса было организовано лишь в Бирской профтехшколе-интернате. Выполнение плана обучения демобилизованных воинов по системе Башкоопинсоюза за 1944 г. было неудовлетворительным [26].

Круг специальностей, которым обучались инвалиды войны в интернатах, был ограничен. В целях устранения имевшихся недостатков намечался набор новой группы в Бирской профтехшколе-интернате по обучению сапожному и портному делу. В 1944 г. было обучено 54 человека, из них на сапожника 37 и на портного 17 человек, в 1945 г. по разным специальностям обучались 74 человека. Намечалось обучение в домах-интернатах в селе Бакалы по деревоотделочному делу, в Бирском районе в Камышинском доме инвалидов, в г. Стерлитамаке открылись надомные цеха по ситоплетению и вязанию [27].

В 1945 г. Совнаркомом республики и Башобкомом ВКП(б) было принято постановление «Об улучшении работы по трудоустройству и материально-бытовому обслуживанию инвалидов Отечественной войны и семей погибших воинов», которое обязывало обратить внимание на трудоустройство, проведение проверок материально-бытовых условий и оказание помощи инвалидам войны. В учреждениях, предприятиях и организациях были организованы комиссии, состоящие из представителей администрации, партийной, профсоюзной и комсомольской организаций. На них возлагались обязательства по обучению и трудоустройству инвалидов, оказанию материально-бытовой помощи, упорядочению работы врачебно-трудовых экспертных комиссий, проведению проверок правильности предоставления установленных законом льгот по налогам, поставкам сельхозпродуктов, коммунально-бытовым услугам, а также решение вопроса с жилплощадью и ремонтом, организация специального магазина для фронтовиков, обеспечение их продовольственными и промтоварными карточками, пенсионное обеспечение, проведение документальных ревизий по установлению и выплате пособий и пенсий инвалидам войны, контроль за домами инвалидов войны и интернатов [28, с. 17].

Для нетрудоустроенных инвалидов войны в некоторых городах и районах республики создавались курсы по овладению новыми профессиями. Например, в начале 1945 г. в Бирской профтехшколе-интернате обучались 70 человек. Кроме того, организовывалось трудовое обучение в Стерлитамакском, Бакалинском и Камышинском интернатах и домах инвалидов. Несмотря на ряд проведенных мероприятий, в решении вопроса трудоустройства и улучшения материально-бытовых условий инвалидов войны имелись существенные недостатки. Отдельные райкомы ВКП(б), такие как Буздякский, Байкибашевский, Бузовьязский, не обсудили постановления бюро Башобкома ВКП(б) у себя на бюро райкомов и не наметили конкретных мероприятий по этому вопросу [29].

Материально-бытовое и трудовое устройство слепых инвалидов войны в некоторых районах и городах Башкирии находилось на низком уровне. Данный вопрос неоднократно обсуждался на заседании бюро Башобкома ВКП(б). Со стороны Министерства социального обеспечения БАССР, Башкирского республиканского отдела Всероссийского общества слепых, Башкирского коопинсоюза повседневная забота об учете, трудоустройстве и создании нормальных условий оказывалась недостаточной. В группе слепых инвалидов войны, созданной по решению Совета министров РСФСР при Уфимском музыкальном училище, в классе баяна обучались 33 человека. Во время проверки представителя ЦК ВКП(б) по Башкирии установлено, что необходимые материально-бытовые условия не создавались. Слепые инвалиды войны жили и занимались в двух комнатах училища, питание им не организовывалось. Учебно-производственные мастерские и комбинаты Башкирского республиканского отдела Всероссийского общества слепых вместо обучения слепых инвалидов войны превратились в производственные предприятия по выпуску ширпотреба. Бюро Башобкома ВКП(б) отметило, что постановление Совета министров РСФСР от 20 апреля 1946 г. и Совета министров БАССР от 1 июля 1946 г. «О мероприятиях по трудовому устройству слепых

инвалидов Отечественной войны» выполняется крайне неудовлетворительно. Это замечание касалось, прежде всего, Министерства легкой промышленности БАССР, Министерства социального обеспечения БАССР, Министерства местной промышленности БАССР, Башкирского коопинсоюза и Башкирского республиканского отделения Всероссийского общества слепых. Учитывая положение слепых инвалидов, обучавшихся в музыкальном училище, на заседании бюро Башобкома ВКП(б) обсуждался вопрос о создании интерната для слепых инвалидов войны из расчета на 50 человек; предложение необходимо было внести в Совет министров БАССР не позднее 30 декабря 1946 г. Министерство здравоохранения и Министерство соцобеспечения республики должны были в двухнедельный срок разработать порядок и сроки проведения диспансеризации инвалидов войны с ослабевающим зрением. Заведующему военным отделом Башобкома ВКП(б) было поручено произвести в феврале 1947 г. проверку выполнения настоящего постановления и доложить результаты на заседании бюро Башобкома ВКП(б) [30].

В основном слепые инвалиды выпускали валенки, кошмы, мочальные ленты и восковые свечи. Контингент работавших был предусмотрен в числе 185 человек. Башкирский республиканский отдел Всероссийского общества слепых имел учебно-производственные предприятия в Белебеевском, Кармаскалинском, Стерлибашевском и Уфимском районах республики [31].

В 1947 г. в непосредственном ведении Министерства соцобеспечения Башкирии находились Бирская профтехшкола-интернат для инвалидов войны, Бакалинский интернат для инвалидов войны общего типа, Белебеевский интернат для инвалидов войны туберкулезного типа, Буздякский дом отдыха для инвалидов войны, Улу-Телякский дом инвалидов войны и труда общего типа, Камышинский дом для инвалидов войны и труда общего типа, Уфимский дом инвалидов войны и труда общего типа. В соответствии с планом работы Минсоцбеса БАССР на каждом заседании заслушивались отчеты домов инвалидов и интернатов. В 1947 г. на оперативном совещании планировалось заслушивание доклада о работе Камышинского и Улу-Телякского домов инвалидов [32]. Письма и заявления инвалидов войны с просьбой помещения их в дома инвалидов регистрировались в отделах учреждений Министерства соцобеспечения БАССР. По состоянию на 1 июля 1948 г. было зафиксировано 26 заявлений. Кроме того, 27 заявлений было отправлено обратно в районные и городские собесы для доработки в оформлении документов. Таким образом, Министерство соцобеспечения республики было обязано в недалеком будущем поместить в дома инвалидов 53 человека, не имевших законного права на местожительство. Также в республике имелось много невыявленных инвалидов войны, не имевших материальной базы для существования. Ввиду отсутствия свободных мест назрел вопрос в дополнительном инвалидном доме на 100 койко-мест. Его было необходимо открыть с 1 июля 1949 г. В связи с этим намечалось строительство дома инвалидов в Благовещенском районе БАССР на базе существовавшего дома престарелых колхозников. Благовещенский дом инвалидов был запланирован на 50 коек [33].

Инвалиды войны, проживавшие в интернатах, имели право жаловаться на имевшиеся нарушения и недостатки. Так, фронтовики Бакалинского интерната прислали в редакцию республиканской газеты «Красная Башкирия» коллективное письмо о том, что в 1948 г. остались без подписки на газеты. По решению Союза печати было выписано 10 экземпляров газеты для фронтовиков интерната [34, с. 3]. В Бирской профтехшколе-интернате имелись жалобы на питание. Фактический расход на питание одного человека в день составлял 11 руб. 12 коп. Также имелись проблемы в интернатах из-за нехватки обслуживающего персонала. В конце 1948 г. министр соцобеспечения БАССР И. Фаттахов обратился в Государственную штатную комиссию при Совете министров БАССР с просьбой пересмотреть штатные расписания по Бирской профтехшколе-интернату и Камышинскому дому инвалидов. Утвержденный в 1948 г. штат в количестве 21 единицы не мог выполнить элементарные работы по обслуживанию инвалидов войны Камышинского дома. Министерство соцобеспечения республики, со своей стороны, неоднократно возбуждало ходатайство о пересмотре штатного расписания Камышинского дома инвалидов, но положительных результатов не было. Члены комиссии по проверке работы дома инвалидов обращали внимание на недостаток обслуживающего персонала, но Министерство соцобеспечения БАССР не вправе было самостоятельно внести изменения в штат. В целях улучшения работы по обслуживанию опекаемых министр просил Государственную штатную комиссию изменить штатное расписание Камышинского дома инвалидов с увеличением двух единиц уборщиц с окладом содержания 380 руб. в месяц за счет уменьшения двух штатных единиц дворника и подавальщицы в Бирской профтехшколе-интернате с окладом 450 руб.

В последующие годы в Бирской профтехшколе-интернате трудовое обучение стало улучшаться. В 1949 г. из 100 учащихся было организовано шесть групп, в том числе 3 группы швейного профиля и 3 группы сапожного профиля. Согласно указаниям Министерства социального обеспечения РСФСР, с 1948 г. был установлен двухгодичный срок обучения. За это время инвалиды

войны получали теоретические знания и практические навыки по будущей специальности. Комплектование профтехшколы производилось в основном за счет инвалидов I и II групп. Прием производился строго по указанию отделов Министерства соцобеспечения БАССР по направлениям районных и городских отделов социального обеспечения. С 1949 г. в данном учреждении планировались хозрасчетные курсы. Ввиду недостаточного ассигнования Министерство соцобеспечения БАССР не могло удовлетворить желание инвалидов в приобретении квалификации. На курсах учебного комбината счетоводов колхозов за 6 месяцев было запланировано обучить 80 человек. Стоимость обучения составляла 750 р. за одного человека. На курсы промышленного председателя набор был ориентирован на 60 человек. Срок обучения составлял 5 месяцев, стоимость обучения на одного человека – 550 р. Курсы бухгалтеров были рассчитаны на 50 человек, срок обучения – 5 месяцев, стоимость – 750 р. Курсы пчеловодов – на 20 человек, срок обучения – 2 месяца, стоимость учебы – 200 р. Курсы на часовых мастеров были рассчитаны на 10 человек, срок обучения – 8 месяцев, стоимость – 1 000 р. Набор на курсы шоферов рассчитывался на 30 человек, срок обучения составлял 6 месяцев, а стоимость учебы – 540 р. [35].

В 1949 г. в соответствии с распоряжением Совета министров БАССР во всех интернатах, домах инвалидов войны республики проводилась проверка. Совет обязал министров просвещения, здравоохранения, сельского хозяйства, социального обеспечения, Управление по делам культурных и просветительских учреждений, а также исполкомы районных и городских советов депутатов трудящихся провести проверку фактического наличия сети, штатов и контингентов в подведомственных им учреждениях и доложить о результатах в кратчайшие сроки.

В результате было проверено 7 учреждений. Бакалинский трудовой интернат, расположенный в районном центре Бакалинского района, был рассчитан на 70 человек, фактически проживали 69 фронтовиков-инвалидов, из них 47 человек по заключению врачей могли работать. Белебеевский интернат для больных туберкулезом находился в районном центре Белебеевского района. Он был рассчитан на 50 человек, содержались 35 фронтовиков, из которых по состоянию здоровья все могли работать. Буздякский дом инвалидов находился в станции Буздяк. Он был рассчитан на 70 человек, содержалось 85, при этом только 20 человек были в состоянии работать, из них 2 работали в мастерской, остальные 18 трудились в подсобных хозяйствах. Бирский дом инвалидов находился в г. Бирске. В нем содержались 80 фронтовиков-инвалидов, из них 21 человек работали в подсобных хозяйствах. Кроме Бирского дома инвалидов, в городе действовала профтехшкола-интернат. Там проживали и обучались 83 инвалида войны. Профтехшкола-интернат имела обувную и швейную мастерские. По разработанной программе учреждения ежеквартально обучались от 50 до 100 человек, которые были заняты в производствах республики. В первом квартале 1949 г. обучались 96 фронтовиков, во втором – 52. Камышинский дом инвалидов для участников войны находился в станции Аксеново Бирского района. Он был рассчитан на 170 человек, проживали 172, из них 57 человек могли работать; 17 человек работали в мастерских, 12 – в подсобных хозяйствах. В Улу-Телякском доме инвалидов содержались престарелые и психохроники. Учреждение находилось в станции Улу-Теляк, в нынешнем Иглинском районе. Оно было рассчитано на 90 человек, содержалось 93, из них 25 человек могли работать. Улу-Телякский дом имел мастерскую и подсобное хозяйство. 18 человек работали в мастерских, остальные 7 человек трудились в подсобном хозяйстве. Среди больных инвалидов 25 человек являлись участниками войны, которые после боевых действий стали больными психохрониками [36]. Согласно отчету Республиканской врачебно-трудовой экспертной комиссии, в начале 1950 г. число инвалидов войны с психическими заболеваниями составляло 45 человек, с заболеваниями центральной нервной системы – 64 человека [37].

В 1951 г. Министерство социального обеспечения БАССР обратило особое внимание на имевшиеся трудности с устройством в республике психохроников. Министерство социального обеспечения РСФСР отказывало им в устройстве за отсутствием мест в домах инвалидов для психохроников, расположенных в других областях. Лимит на строительство и перестройку зданий Министерства социального обеспечения Башкирской АССР не выделялся. Решение об открытии этого дома в республике не принималось вследствие того, что не решался вопрос с помещением, на базе которого он должен был организован. В результате инвалиды-психохроники, прошедшие войну и не имевшие близких родственников, практически оставались неустроенными и находились в крайне тяжелых материально-бытовых условиях. В 1951 г. их количество составляло более 50 человек, из которых 25 находились в домах инвалидов войны. В целях решения такого важного вопроса Министерство соцобеспечения республики просило Совет министров БАССР рассмотреть вопрос о выделении помещения для организации в республике дома инвалидов для психохроников на 50 койко-мест [38].

Как видно из архивных документов по обеспечению фронтовиков-инвалидов, не имевших местожительства, в устройстве в дома инвалидов и интернаты для инвалидов войны, а также в

вопросах их трудоустройства и трудового обучения были как отрицательные и положительные моменты. Данные документы не только отражают проблемы, с которыми приходилось встречаться фронтовикам-инвалидам, но и являются ценными историческими источниками, дающими сведения об их восстановительном периоде, социальных задачах и проблемах республики и страны в целом. Республиканские дома-интернаты для инвалидов находились в ведении Министерства социального обеспечения Башкирии. Их отчеты регулярно заслушивались на министерских заседаниях. Во многих трудовых интернатах республики должны были создаваться учебно-производственные мастерские, улучшаться медицинское обслуживание, выделяться земельные участки. Принятые как на уровне министерств союзного значения, так и автономной республики постановления не всегда полностью выполнялись в силу различных причин. Иногда на это влиял и человеческий фактор. Учитывая положение и количество фронтовиков-инвалидов в Башкирии, местные органы власти старались открывать дома инвалидов, создавать им условия для жизни. В целях улучшения качества питания каждый дом-интернат имел подсобное хозяйство, где трудились сами фронтовики-инвалиды.

Список источников:

1. Великая Отечественная война Советского Союза. 1941–1945 гг. Краткая история. М., 1967. 624 с.
2. Вержбиловский П.П. Трудовое устройство инвалидов Отечественной войны. М., 1943. 32 с.
3. Митерев Г.А. Система санитарных и противозидемических мероприятий периода Великой Отечественной войны: тезисы к диссертации доцента на соискание ученой степени д-ра мед. наук. М., 1945. 4 с.
4. Организация и методы областных, краевых, республиканских и центральных городских ВТЭК: сборник трудов по организационно-методическим вопросам. Вып. 1. М., 1966. 126 с.; Организационно-методические вопросы врачебно-трудовой экспертизы: сборники научных трудов Ленинградского НИИ экспертизы трудоспособности и организации труда инвалидов. Вып. 1–46. Л., 1960–1979.
5. Кузнецов А.М. Правовая организация трудоустройства инвалидов в СССР (в госпромышленности): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1954. 17 с.
6. Дубинец В.А. Правовое регулирование трудоустройства и организации труда инвалидов в СССР: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1977. 200 с.
7. Сомов В.А. Привлечение к труду и трудовая дисциплина в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: по материалам Горьковской области: дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 1998. 228 с.
8. Мануйлова Ю.Н. Социальная реабилитация инвалидов войны на Южном Урале, 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2002. 23 с.
9. Хорохорина Г.А. Политика государства в области социального обеспечения и реабилитации инвалидов войны и труда в период 1941–1945 гг. на материалах РСФСР: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 40 с.
10. Рубин А.А., Рубин В.А. Реализация государственной политики по отношению к семьям военнослужащих и инвалидам войны на Южном Урале в 1941–1945 гг. // Вестник Оренбургского государственного университета. 2009. № 4. С. 25–30.
11. Виноградова Т.Н. Развитие здравоохранения Южного Урала в 1945–1953 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2011. 25 с.; Усольцева Н.Л. Здравоохранение на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2002. 22 с.
12. Автографы войны [Электронный ресурс] // Художник Геннадий Добров. URL: http://gennady-dobrov.ru/load/grafika/avto-grafu_vojny/5 (дата обращения: 02.06.2021).
13. НА РБ. Ф. Р-394. Оп. 3. Д. 1508. Л. 58.
14. Там же. Ф. П-122. Оп. 23. Д. 625. Л. 9.
15. Писаренко И.С. Советское здравоохранительное законодательство как правовой источник выживаемости армии и населения в годы Великой Отечественной войны // Качество жизни региона: определение, проблемы, оценка: материалы научно-практической конференции (плениарные доклады). Калуга, 2003. С. 49–50.
16. Коробецкий И.А. Деятельность местных органов государственной власти Южного Урала в социальной сфере в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2004. 20 с.
17. Гришина О.А. Организация социального обеспечения инвалидов Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Краснодарского края): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2015. 20 с.
18. НА РБ. Ф. П-122. Оп. 23. Д. 624. Л. 317.
19. Там же. Ф. Р-394. Оп. 3. Д. 1505. Л. 5.
20. Там же. Ф. П-122. Оп. 23. Д. 643. Л. 40.
21. История Башкортостана: в 2 т. Т. 1: 1917–1945 / отв. ред. Р.Н. Сулейманова. Уфа, 2004. 400 с.
22. Хорохорина Г.А. Политика государства в области социального обеспечения и реабилитации инвалидов войны и труда в период 1941–1945 гг.: на материалах РСФСР: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 40 с.
23. НА РБ. Ф. Р-394. Оп. 3. Д. 1508. Л. 33.
24. Там же. Ф. П-122. Оп. 23. Д. 625. Л. 8.
25. Там же. Д. 630. Л. 12.
26. Там же. Д. 643. Л. 42.
27. Там же. Ф. П-122. Оп. 24. Д. 741. Л. 10.
28. Проблемы взаимоотношений населения и власти в СССР в 1945–1964 гг.: сборник документов и материалов / отв. ред. Р.Н. Сулейманова. Уфа, 2014. 480 с.
29. НА РБ. Ф. П-122. Оп. 23. Д. 643. Л. 62.
30. Там же. Ф. П-122. Оп. 26. Д. 151. Л. 23.
31. Там же. Ф. Р-169. Оп. 4. Д. 28. Л. 51.
32. Там же. Ф. П-122. Оп. 26. Д. 737. Л. 134.
33. Там же. Ф. Р-169. Оп. 4. Д. 28. Л. 3.

34. Красная Башкирия. 1948. 25 января. № 18 (7831) [Электронный ресурс] // Национальная электронная библиотека Республики Башкортостан. URL: <http://ebook.bashnl.ru/dsweb/View/ResourceCollection-1853#Resource-13522> (дата обращения: 02.06.2021).
35. НА РБ. Ф. П-169. Оп. 4. Д. 28. Л. 1.
36. Там же. Д. 39. Л. 1–50.
37. Там же. Д. 40. Л. 15.
38. Там же. Д. 96. Л. 8.

Информация об авторе

Л.М. Гиниатуллина – аспирант Института истории, языка и литературы, заведующая научным архивом Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия.

Information about the author

L.M. Giniatullina – PhD student, Institute of History, Language and Literature, Head, Scientific Archive, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 14.05.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 28.05.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 10.06.2021.

Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 103–107.
Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 103–107.

Научная статья
УДК 94(430).087
<https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.17>

Досуг западногерманской молодежи в 1950-е гг.

Александр Анатольевич Карпов

Армавирский государственный педагогический университет, г. Армавир, Россия,
kaa270676@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2674-6113>

Аннотация. Актуализация вопросов молодежного досуга обусловлена изменениями содержания и структуры досуга под воздействием социокультурных трансформаций в условиях становления и развития постиндустриального общества. Целью статьи является изучение структурно-функциональных характеристик молодежного досуга на примере западногерманского общества в 1950-е гг. Автор отмечает, что рост экономического благосостояния и увеличение свободного времени у молодых людей значительным образом оказали влияние на структурные изменения досуга немецкой молодежи. Особое внимание уделяется выявлению основных форм досуга и факторов, повлиявших на изменение отношения молодежи к досугу. Делается вывод, что именно в 1950-е гг. произошло ценностное изменение отношения молодежи к досугу, который стал рассматриваться не как время отдыха от работы, а как способ реализации своей идентичности. Автор также отмечает доминирование неорганизованных форм досуга, раскрывает роль информационно-технологического фактора, под влиянием которого возникли новые формы молодежного досуга.

Ключевые слова: западногерманская молодежь, свободное время, досуг, «беспорядки в Хальбстаркене», «американский образ жизни», рок-н-ролл, самоидентификация, хобби

Для цитирования: Карпов А.А. Досуг западногерманской молодежи в 1950-е гг. // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 103–107. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.17>

Original article

The leisure time of West German youth in the 1950s

Alexander A. Karpov

Armavir State Pedagogical University, Armavir, Russia, kaa270676@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2674-6113>

Abstract. The actualization of youth leisure issues is due to changes in the content and structure of leisure activities under the influence of socio-cultural transformations in the conditions of the formation and development of post-industrial society. The aim of the paper is to examine the structural and functional characteristics of youth leisure time using West German society as an example in the 1950s. The author notes that increasing economic welfare and more free time for young people has had a significant impact on the structural changes of leisure time among German youths. Particular attention is paid to identifying the main forms of leisure and the factors that have influenced the changing attitudes of the youth towards leisure. The conclusion is drawn that it was in the 1950s that there was a value change in youth attitudes towards leisure time, which came to be seen not as time off work, but as a way of realizing one's identity. Furthermore, the author notes the predominance of unorganized forms of leisure and reveals the role of the information-technology factor, under the influence of which new forms of youth leisure have emerged.

Keywords: West German youth, free time, leisure time, "Halbstarcken riots", "American way of life", rock and roll, self-identity, hobbies

For citation: Karpov A.A. The leisure time of West German youth in the 1950s // Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 103–107. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.17>

Послевоенное европейское общество иногда называют «обществом досуга». Эта концепция отражает тот факт, что после преодоления острых экономических проблем, связанных с последствиями Второй мировой войны, общее повышение уровня жизни, увеличение количества свободного времени и развитие средств коммуникации способствовали расширению диапазона вариантов досуга. Особую значимость он приобретает среди молодежи, становится одной из важнейших сфер ее жизнедеятельности. Именно в сфере досуга молодые люди в наибольшей степени могут проявить себя как свободная личность, реализуя свои многие социокультурные потребности.

В начале 1950-х гг. среди германской молодежи был высокий уровень безработицы. Официальная статистика насчитывает четверть миллиона безработных среди лиц моложе 25 лет [1].

Это изменилось несколько лет спустя благодаря экономическому подъему. Раннее трудоустройство стало типичным для молодежи второй половины 1950-х гг. Стремление получить хорошую профессиональную квалификацию становится характерной чертой этого времени. Если в 1950 г. из 100 молодых людей 46 составляли учащиеся, то к 1960 г. это число выросло до 55 [2, s.27].

Хорошая профессиональная подготовка и доходная работа были главными приоритетами для молодых людей. Они рассматривали работу как деятельность для получения средств к существованию. Если это и приносило немного радости, то этика долга играла для них лишь второстепенную роль.

Чем менее увлекательной была работа и чем меньше удовольствия она приносила, тем больше молодые люди придавали значение досугу, поскольку именно здесь они находили предпосылки для самоидентификации. Здесь они могли развить собственную инициативу и практиковать самоопределение.

На основании положений Закона об охране труда молодежи, действовавшего до 1960 г., подросткам от 14 до 18 лет разрешалось работать не более 48 часов в неделю. Согласно эмпирическим исследованиям большая часть молодых людей (особенно в сельской местности) работала дольше [3, s.116].

До внесения поправок в Закон об охране труда молодежи в 1960 г. количество дней отпуска для работающих молодых людей было таким же, как и до войны. Это означало 15 дней отпуска для работников в возрасте до шестнадцати лет. Для молодых людей в возрасте 16–18 лет произошло даже сокращение отпуска до 12 рабочих дней [4, s. 118].

Таким образом, ввиду продолжительного рабочего дня и относительно небольшого количества дней отпуска у молодых людей в 1950-е гг. было гораздо меньше свободного времени, чем в последующие десятилетия. При этом количество свободного времени зависело от деятельности молодых людей. Согласно современным исследованиям оно составляло (в сутки):

- школьники и студенты – до 9 часов;
- рабочие – до 7 часов;
- ученики на производстве – до 6 часов;
- служащие – до 5, 7 часов;
- в сельском хозяйстве – менее 3 часов [5, s.336].

Но в действительности для большинства молодежи свободное время сокращалось по причине необходимости помощи в родительском доме или в связи с дополнительной работой с целью повышения доходов. В свободное время девушки были намного больше вовлечены в домашние дела, чем юноши: помощь матери в ведении домашнего хозяйства, присмотр за братьями и сестрами и занятие садоводством – это всего лишь три вещи, которые девушки должны были делать в свободное от работы время.

Свидетели-современники говорят об ограниченном свободном времени. У Илоны Госсманн, продавщицы розничной торговли 1942 года рождения, свободное время было только по выходным: «Затем мы обедали, а затем я встречалась с друзьями, согласно девизу: «Да, что мы делаем сегодня вечером? Может быть, пойти в кино?» Или мы просто бродили по улицам или, как сегодня говорят, тусовались» [6].

В исследованиях по истории западногерманской молодежи 1950-х гг. это поколение называется «кастомизированным». Оно быстро и некритически адаптировалось к ролям взрослых, отличалось сильной профессиональной ориентацией. Кроме того, отмечается его высокая степень аполитичности и явный уход в частную сферу. Важной чертой социализации молодежи в западногерманском обществе 1950-х гг. было то, что референтные лица, важные для развития молодого человека, отсутствовали или были очень авторитарными в своих воспитательных нормах. Например, согласно исследованию, проведенному среди учащихся школ в Бремене летом 1950 г., более половины детей росли в семьях, в которых отсутствовал отец, 27,3 % учеников выросли без родительской опеки. Более половины немецких мужчин погибли на войне или все еще оставались военнопленными [7].

К тому же были стесненные жилищные условия. Многие семьи потеряли жилую площадь в результате бомбардировок. И даже тем, у кого была жилая площадь, приходилось делить ее с другими членами семьи. Для большинства молодых людей наличие собственной комнаты было несбыточным желанием до конца 1950-х гг. Согласно репрезентативным опросам только 40 % молодых людей по всей Германии имели свою комнату в начале 1950-х гг. и около 50 % – в середине десятилетия [8, s. 47]. Хельга Новак вспоминает: «У нас было очень мало жилой площади, поскольку мы были большой семьей, состоящей из двух наших бабушек и дедушек, моей матери, дяди, тети, двоюродных и троюродных братьев и сестер. У меня не было собственной комнаты, и мне приходилось спать между бабушкой и матерью».

Спальная зона не всегда находилась в отдельной комнате, как в случае с Карлом Эльснером: «Мы жили очень тесно, в двух комнатах на 55 квадратных метрах. У меня не было своей комнаты, и мне приходилось спать на диване-кровати в кухне» [9].

Днем молодые люди в основном находились на работе или учебе. Однако если они возвращались домой в конце дня, то в свободное время страдали даже больше младших детей от стесненных жилищных условий. Выход был только один – «побег» наружу. Но куда им было идти? Их прогоняли с немногих детских площадок, а посещение пабов или молочных баров, которые стали модными в середине 1950-х гг., стоило денег, а с «ними были проблемы». Кинотеатры были популярны, но редко оказывались доступными чаще одного раза в неделю. Поэтому одной из наиболее распространенных форм досуга молодежи в 1950-х гг. было «бродяжничество» по улицам, где «ничего» не происходило и, казалось, не существовало никакого пункта назначения. Здесь, на улице, можно было познакомиться с друзьями, «выпустить пар», избежать тесноты и авторитаризма родительского дома, решить проблему скуки. Опасное последствие недостаточно компенсированной скуки – насилие, деструктивность.

Незаполненный досуг имеет естественную тенденцию к разрушению, как результат – появление в западногерманском обществе молодежной субкультуры хальбстаркенов, особенно распространившейся среди рабочей молодежи. Символами принадлежности к этой субкультуре были челка, джинсы, клетчатые рубашки и кожаные куртки. Свое название субкультура получила после выхода в прокат в 1956 г. фильма Георга Тресслера «Die Halbstarken» («Wolfpack»), главные герои фильма – Карин Баал и Хорст Буххольц – стали кумирами для молодежи. Массовую известность представители этой субкультуры получили после событий в Дуйсбурге, когда полиция вынуждена была применить силу в отношении нарушавшей общественный порядок молодежи. В последующем за период с 1956 по 1958 гг. в ФРГ только официально было зарегистрировано около 350 таких инцидентов с участием от 50 до 1000 молодых людей. Эти события войдут в историю как «беспорядки в Хальбстаркене». Одна из самых массовых акций произошла 30 декабря 1956 г., когда около 4 000 подростков прошли по улицам города Дортмунд, оскорбляя прохожих, бесчинствуя и вступая в драки с полицией. В современной немецкой историографии «беспорядки в Хальбстаркене» рассматриваются как первая волна протеста молодежи против ценностей старших поколений. Клаус Вольдек (1943 г.р.) вспоминал: «Старики разозлили нас своей болтовней о войне и военном опыте, не потому что мы были антимилитаристами сами по себе или что-то в этом роде, но эта болтовня старшего поколения просто навалилась на нас – и альтернативой этому были американцы, где все было иначе, с нашей точки зрения: огромная страна, богатые люди, большие машины» [10].

Америка становится синонимом молодежи, а «американский образ жизни» – «оружием» против ограничительных требований и прусских идеалов, таких как порядок, дисциплина, безусловное подчинение властям и «старому». Молодежь в 1950-е гг. сформировала отчетливо мужскую культуру, но их идеал «мужественности» отличался от идеала их отцов в одном: образцом для подражания были гражданские лица, а их самым важным достоинством была «беспечность», воплощенная в американских фильмах такими актерами, как Марлон Брандо («Der Wilde», 1953; «Die Faust im Nacken», 1954) и Джеймс Дин («Бунтарь без причины», 1955; «Гигант», 1956) [11, s.71].

Одним из последствий «беспорядков в Хальбстаркене» стало повышенное внимание государства и общества к проблеме организации досуга молодежи. Однако большинство молодых людей не желали принимать формы организованной молодежной работы. Чуть менее половины мужской и чуть менее трети женской части молодежи были охвачены различными формами организованного досуга. Спортивные клубы и молодежные организации жаловались на отсутствие молодых талантов и на пассивное потребительское отношение среди своих членов. Причиной низкого интереса молодежи, особенно в крупных городах, к организованным формам досуга было то, что молодежные организации не учитывали общие социальные изменения послевоенного периода, а оставались «замороженными» в традиционных формах прошлого. Это коснулось не только светских объединений, молодые люди также не проявляли большого интереса и к формам церковной молодежной работы.

Среди организованных форм досуга среди молодежи наибольшей популярностью пользовались спортивные клубы. В 1954 г. (согласно статистике) в спортивных клубах насчитывалось около 1,3 миллиона молодых людей в возрасте от 15 до 25 лет. Девушки составляли менее четверти из них.

В организованных клубных видах спорта предпочтение отдавалось футболу, затем следовали легкая атлетика, гандбол и плавание [12, s. 171]. Членство в спортивном клубе означало не только физическую подготовку, но и возможность познакомиться со сверстниками. Гельмут Виссманн описывает, какие последствия это могло иметь при определенных обстоятельствах: «В футбольном клубе я встречался с другими молодыми людьми. Мой клуб также поддерживал

контакты с другими клубами, например, из Зауэрланда, Рейнской области. К нам, конечно же, приезжали команды из различных клубов, и почти всегда это были мирные встречи, которые нередко приводили к дружбе и даже браку».

Посещение кинотеатров занимало относительно высокое место в списке видов досуга вне дома. Молодые зрители внесли значительный вклад в бум кинотеатров 1950-х гг. Почти две трети людей в возрасте от 15 до 24 лет смотрели фильм не реже двух раз в месяц. Мальчики чаще ходили в кино, чем девочки, а те, кто работал, чаще школьников и студентов. Согласно опросам девушки любили смотреть мелодрамы, а юноши предпочитали приключенческие фильмы и особенно вестерны. Хельга Беингхофф была заядлой любительницей кино, и ее воспоминания позволяют определить женские кинематографические предпочтения: «Я ходила в кинотеатры примерно раз в две недели. Больше всего мне нравилось смотреть любовные фильмы. Я помню такие названия: „Reitet für Deutschland“, „Quo Vadis“, „Vom Winde verweht“, „Giganten“, „Sissy-Filme“» [13].

По выходным устраивались танцевальные вечера, в основном в ресторанах с залом. Несмотря на рок-н-роллную волну, на танцевальных мероприятиях молодежь по-прежнему предпочитала танцевать классический вальс, фокстрот и танго. Помимо популярных хитов звучало все, что подходило для танцев. Хельга Новак любила ходить на танцевальные вечера: «В ресторанах „Schützenheide“ и „Lindemann/Freise“ по выходным регулярно проводились танцевальные мероприятия. Играли популярные хиты и все, что подходило для танцев. Я всегда ходила туда с друзьями» [14].

Новой формой домашнего досуга в конце 1950-х гг. становится просмотр телевидения. Хельмут Виссманн вспоминает: «Мы в основном не проводили свободное время в квартирах. Но однажды почти все мои товарищи исчезли в определенное время. Я просто не мог объяснить это, пока не узнал, что в некоторых семьях появилась новая технология – телевизор, и моим товарищам было интереснее смотреть его, чем играть на улице. Поскольку мне это совсем не нравилось, я задавался вопросом, как это можно изменить. Я попытался отключить питание с помощью металлического карниза для штор. Я закидывал карниз в кабели до тех пор, пока не произошло короткое замыкание. Поскольку на замену предохранителей потребовалось некоторое время, мои товарищи вернулись на улицу» [15].

Телевидение не стало популярным времяпрепровождением для молодежи. По мнению исследователей, это объяснялось тем, что телевидение конца 1950-х гг. больше ориентировалось на интересы взрослых и детей. В качестве второй причины называют стремление молодежи уйти из родительского контроля, поэтому улица была предпочтительней телевидения.

Прослушивание радио было одним из любимых занятий молодых людей. Используя радиоприемники с батарейным питанием, можно было слушать понравившиеся программы вне дома. „Schlagerparaden“ или „Bunter Abend“ были популярными программами. Но радиостанции в 1950-е гг. слабо учитывали музыкальные пожелания молодого поколения в плане «современной» музыки. Поэтому помимо транзисторных радиоприемников самым популярным устройством был проигрыватель виниловых пластинок. Покупка пластинки была дорогим удовольствием, учитывая, что LP (долгоиграющая пластинка) стоила около 29,80 немецких марок. Тем не менее в 1960 г. около 40 % молодых людей в ФРГ имели собственную коллекцию пластинок, а доля молодых покупателей пластинок оценивалась в диапазоне от 40 до 60 % [16, s.50]. Спектр музыкальных предпочтений варьировался от рок-н-ролла и популярных немецких хитов до маршей, оперетт и классической музыки. «Мне очень нравилось слушать классическую музыку, концерты для фортепиано» (Хельга Новак). С Хайнцем Линкампом дело обстоит иначе: «В 1950-х моими любимыми исполнителями были Питер Краус, Фредди Куинн и Конни Фробосс» [17].

Таким образом, повышение уровня жизни, рост свободного времени, стремление уйти от родительского контроля и американизация стали важными факторами, повлиявшими на формы досуга западногерманской молодежи в 1950-е гг. Преобладающими формами досуга были неорганизованные, среди которых особенно выделялись «бродяжничество» по улицам, посещение кинотеатров, танцев. Важным явлением стало то, что именно в 1950-е гг. у западногерманской молодежи происходит смена главных жизненных ценностных ориентаций: раньше это были ценности труда, в рамках которого досуг считался отдыхом перед новым трудовым днем, неделей; теперь же труд превращается в средство обеспечения досуга, рассматривающегося как важная сфера самореализации. В этих условиях сама идентификация личности молодого человека складывается под влиянием досуговых предпочтений.

Список источников:

1. Schildt Axel. Gesellschaftliche Entwicklung, Jugend und Erziehung, in : Bundeszentrale für politische Bildung, Heft 256. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bpb.de/publikationen> (дата обращения: 26.04.2021).

2. Hurrelmann K. Lebensphase Jugend. München, 2004.
3. Köster Markus, Jugend, Wohlfahrtsstaat und Gesellschaft im Wandel, Westfalen zwischen Kaiserreich und Bundesrepublik. Paderborn, 1999. S. 396.
4. Ibid.
5. Schildt Axel. Von der Not der Jugend zur Teenager Kultur : Aufwachsen in den 50er Jahren, in : Ders./Sywottek Arnold (Hgg.), Modernisierung im Wiederaufbau. Die westdeutsche Gesellschaft der 50er Jahre. Bonn, 1993, S. 335–348.
6. Ursula Janik. Freizeitverhalten von Jugendlichen. [Электронный ресурс]. URL: https://www.lwl.org/westfaelische-geschichte/portal/Internet/input_felder/langDatensatz_ebene4.php?urlID=892&url_tabelle=tab_websegmente (дата обращения: 26.04.2021).
7. Farin Klaus. Vaterlose Jugend. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bpb.de/geschichte/zeitgeschichte/jugendkulturen-in-deutschland/36157/vaterlose-jugend> (дата обращения: 26.04.2021).
8. Schildt Axel. Moderne Zeiten. Freizeit, Massenmedien und 'Zeitgeist' in der Bundesrepublik der fünfziger Jahre. Hamburg, 1995.
9. Ursula Janik. Op. cit.
10. Ibid.
11. Maase Kaspar : Bravo Amerika. Erkundungen zur Jugendkultur der Bundesrepublik in den fünfziger Jahren. Hamburg, 1992.
12. Schildt Axel. Op. cit.
13. Ursula Janik. Op. cit.
14. Ibid.
15. Ibid.
16. Schmidt Norbert. Unsere Kindheit und Jugend. Gudensberg-Gleichen : Wartberg-Verl, 2003. S. 50.
17. Ibid.

Информация об авторе

А.А. Карпов – аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета, Армавир, Россия

Information about the author

A.A. Karpov – PhD student, Department of Universal and National History, Armavir State Pedagogical University, Armavir, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 27.04.2021;
 Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.05.2021;
 Принята к публикации / Accepted for publication 10.06.2021.

Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 108–112.
Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 108–112.

Научная статья
УДК 94(4)"1914/19"
<https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.18>

Коммеморативные детские практики геноцида армянского населения в Турции в период Первой мировой войны

Лиана Юрьевна Манвелян

Армавирский государственный педагогический университет, Краснодарский край, Армавир,
Россия, _lianichik_777@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4043-0246>

Аннотация. В статье исследуются условия формирования коммеморативной детской практики, касающейся периода геноцида армянского населения в Турции. Актуальность темы определилась тем, что ее изучение позволяет глубже понять механизм возникновения таких практик, направленных одновременно на презентацию прошлого и его оценочную репрезентацию в настоящем. Показана неоднозначность детской коллективной памяти. С одной стороны, геноцид армян стал метанарративом травматической памяти, основанной на этнизированных сообщениях «армянин – жертва», «турок – убийца», с другой – дети – участники тех страшных событий – обеспечивали героизацию образа выживших. Поэтому особое внимание уделяется практикам детского выживания для доказательства того, что детей нельзя считать только жертвами, они были активными творцами своей жизни – «самоспасенными». Автор приходит к выводу, что память детей о геноциде зафиксировала пассивные и активные формы выживания, а коммеморативные детские практики конструируются в процессе межличностного взаимодействия как с помощью эмпатически обусловленных механизмов аффективной идентификации с Другими, сочувствия и сопереживания им, так и за счет личностной рефлексии ответственности перед собой и Другими.

Ключевые слова: геноцид армян, сироты, сексуальное насилие, коммеморация, метанарратив, детство, «память жертвы», туркизация

Для цитирования: Манвелян Л.Ю. Коммеморативные детские практики геноцида армянского населения в Турции в период Первой мировой войны // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 108–112. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.18>

Original article

Commemorative children's practices of the Armenian Genocide in the Turkey during the First World War

Liana Yu. Manvelyan

Armavir State Pedagogical University, Armavir, Russia, _lianichik_777@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4043-0246>

Abstract. The article examines the conditions of the formation of commemorative children's practice concerning the period of the Armenian Genocide in Turkey. The relevance of the subject is determined by the fact that its study allows us to better understand the mechanism of the emergence of such practices, aimed simultaneously at the presentation of the past and its evaluative representation in the present. The ambiguity of children's collective memory is shown. On the one hand, the Armenian Genocide became a meta – narrative of traumatic memory, based on the ethnized messages "Armenian – victim", "Turk – murderer", on the other – the children – participants of those terrible events-provided the heroization of the image of the survivors. Therefore, special attention is paid to the practices of child survival to prove that children cannot be considered only victims, they were active creators of their lives – "self-saved". The author comes to the conclusion that the memory of children about the genocide recorded passive and active forms of survival, and commemorative children's practices are constructed in the process of interpersonal interaction both with the help of empathically conditioned mechanisms of affective identification with Others, compassion and empathy for them, and through personal reflection of responsibility to oneself and Others.

Keywords: Armenian genocide, orphans, sexual abuse, commemoration, metanarrative, childhood, "memory of a victim", turkization

For citation: Manvelyan L.Yu. Commemorative children's practices of the Armenian Genocide in the Turkey during the First World War // Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 108–112. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.18>

Коммеморативные практики геноцида являются важной составляющей коллективной памяти армянского народа. По мнению Г. Шагоян, отдельные исторические сюжеты, такие как геноцид, в силу обстоятельств работают как метанарратив, ставший доминирующим в коллективной памяти событием, объясняющим многие последующие жизненные установки народа [1]. Другими словами, геноцид армянского населения превратился в предмет «долгой памяти», который не перестает транслироваться из поколения в поколение.

Важными акторами обозначенных событий были дети. Именно их нарратив лег в основу формирования исторической памяти о тех днях. Дети, которым удалось выжить, стали трансляторами информации, зачастую опровергая устоявшийся геноцидальный метанарратив, базирующийся на этнизированных сообщениях «армянин – жертва», «турок – убийца».

Конечно, нельзя отрицать, что детская память запечатлела травму в этнических категориях. По мнению исследователя Д. Динера, когда травма выражается в таких категориях, это, с одной стороны, становится действенным механизмом ее распространения на всю этническую группу, с другой – выступает гарантией ее передачи последующим поколениям [2, р. 109].

В то же время в современной историографии, посвященной проблеме геноцида армянского населения, все чаще появляются работы, указывающие на «детскую волю» при выборе жизненного пути. Их авторы пытаются донести до читателя идею о том, что армянских детей нельзя рассматривать только как пассивных жертв, принимающих безропотно свою участь. Они опираются на воспоминания, в которых яркой линией проходит свобода выбора жизненного пути в экстремальных условиях.

Итак, безусловно, оставшись без защиты своих мужчин, женщины, дети и старики должны были стать легкой добычей. Данные группы населения были вынуждены терпеть пытки, идти пешком по пустыням, теряя своих близких. У них не было ни еды, ни воды, чтобы выжить в период депортации, тем не менее они боролись за свою жизнь и не сдавались. Османские солдаты насиловали, пытали и убивали их во время марша смерти. Несмотря на это, турецким властям так и не удалось убить у армянских детей чувство стремления к жизни, веру в лучшее и надежду.

Часто осознанно мать или сам ребенок предпочитал разлуку с семьей и для выживания пытался попасть в приют. Многие воспоминания армянских детей того периода связаны с их жизнью в приютах. Лучшие условия детям-сиротам или выбравшим осознанно этот путь создавали иностранные приюты, в которых не было открытого отуречивания армянских детей.

Немецкие евангелистские проповедники открыли в Мараше первый сиротский приют «Бейтел», где нашли убежище сотни армянских детей. Чтобы спасти дочь Шнорхиг и еще 14 сирот, мать Вартуха решила отправить их в этот приют. Конечно, данный выбор дался женщине нелегко, но это был шанс на спасение, к тому же в приюте была больница, где оказывали помощь истощенным детям. Шнорхиг вспоминает, что могла есть только теплая еда, т. к. внутренности ее желудка были настолько пересохшими, что она была не в состоянии глотать твердую пищу. Она сообщает и о других детях, которые жили в приюте, они постоянно плакали и жаловались на боли в животе. Сотрудники утешали их и делали все возможное, чтобы уменьшить боль. Часто таких подопечных отправляли туда, где им можно было оказать особую помощь. Однако большинство детей не смогли оправиться от опустошительного голода и умерли. Шнорхиг 2 года прожила в приюте в Мараше. По ее мнению, для нее это было лучшее место, чем любое другое приютское учреждение [3].

Приют был организован протестантскими миссионерами. Здесь она нашла «мать» и «отца», которые заботились о детях. Когда Шнорхиг исполнилось 16 лет, ей разрешили покинуть приют. Она приняла решение уехать из Бейрута. Девушка-подросток решила воссоединиться с семьей, которая проживала в США. 1 мая 1924 г. она поднялась на борт «Праги». За 30 дней пребывания на корабле она выучила английский и французский языки. Конечным пунктом назначения был Бингемтон (штат Нью-Йорк), где обосновались выжившие члены ее семьи, включая мать. Когда она снова ее увидела, то поняла, что все выпавшие на ее долю испытания были не зря, она смогла выжить, доказала всем, что способна стать счастливой и построить свою судьбу самостоятельно, как бы сложно это ни было. В воспоминаниях Шнорхиг доказывает, что все может наладиться, пока жива надежда, только смерть нельзя исправить. Период геноцида она воспринимает как суровую школу жизни, которая помогла ей найти себя, осознать настоящие ценности и счастье, сделала ее добрее, т. к. забота о других, особенно маленьких детях, предполагает наличие большого любящего сердца. С теплотой и благодарностью она вспоминает и своих воспитателей из приюта [4].

Часто дети пытались устроиться слугами. Они подходили к хозяйкам и предлагали свои услуги. Многие были согласны на любую работу, чтобы обеспечить себя кровом, пищей и главное – защитой.

Наиболее болезненным аспектом коммеморации геноцида, наравне с памятью о погибших, безусловно, является проблема освещения вопросов сексуального насилия и потери национальной идентичности армянского населения [5].

В письмах Р. Герян, организатор и участник спасательных операций, отмечает, что ему встречались разнообразные стратегии выживания: от открытого сопротивления и борьбы за свободу до смирения и отсутствия желания что-либо изменить. От выбранной стратегии зависела и память о тех событиях [6].

Р. Герян сформировал отряды всадников, которые под его командованием искали и спасали армянских сирот и женщин из шатров бедуинов в пустыне. Иногда эти группы переходили границу, чтобы попасть на турецкую сторону и освободить женщин и детей, похищенных турками и курдами. Спасенных размещали в Алеппо. Палатки служили убежищами для сирот, беженцев и вдов, которые бежали из Турции или спаслись от бедуинов. Все они обеспечивались едой, медицинской помощью и одеждой; их личности проверялись, а имена отправлялись в газеты, церкви и армянские общины для поиска родственников. Много людей приходило из города, чтобы найти братьев и сестер среди новоприбывших или получить информацию о судьбе близких. Многие спасенные армянские мальчики не оставляли Р. Геряна и пытались помочь ему в его миссии. Они имели опыт жизни среди арабов и знали места проживания усыновленных армян. Были также группы молодых людей, просивших совета и разрешения Р. Геряна участвовать в спасательных операциях или проводить их отдельно.

Одним из сложных вопросов того периода являлась судьба сирот и женщин, отказывавшихся признавать свою армянскую идентичность по самым различным причинам. Большинство из них были оторваны от армянских корней в юном возрасте и забыли родной язык и национальность. Однако существовали и сироты, которые, помня об этом, не признавали армянского происхождения, что чаще всего было связано со страхом за свою жизнь. Р. Герян отмечал следующее: «Влияние ужасов прошлого было настолько велико, что иногда они предпочитали не спасаться, а продолжать жить как наложницы и чувствовать себя в безопасности» [7].

Очевидцы и современники событий геноцида в мемуарах указывали, что многие девочки и девушки, которые оказались в плену, не раз пытались из него сбежать, хотя знали, что в случае поимки будут серьезно наказаны. Они стремились любой ценой, даже ценой собственной жизни, стать свободными. Многие не смирились, день и ночь молились о спасении, сохраняли язык и веру. Даже в гаремах некоторые из них не переставали быть армянками-христианками. После спасения они носили крест на шее и вспоминали истязания за веру и отказ перейти в ислам, но с гордостью говорили о том, что их не удалось сломить.

Особое беспокойство вызывали судьбы армянских девушек, спасенных из гаремов или борделей. Традиционно они считались опозоренными, потерявшими честь. В данном случае речь шла о массовом насилии, истреблении целого народа, поэтому было жизненно необходимо изменить отношение к жертвам, дать им шанс быть счастливыми, помочь пережить кошмары прошлого. Не только общество должно было помянуть восприятие, но и сами жертвы не должны были считать прошлое позором. Многим так и не удалось преодолеть травму. Это проявляется и в том, что для выживших девушек и девочек даже в зрелом возрасте обозначенная тема представляла табу. Они старались замалчивать факт сексуального насилия, в воспоминаниях говорили об этом только в отношении других, но не себя лично.

Многие армянские деятели стали активно призывать армянских добровольцев жениться на сиротах и девушках, подвергшихся сексуальному рабству в целях создания полноценной семьи. Таким образом, миссия по спасению тысяч детей и подростков выступала одним из самых острых вопросов в постгеноцидный период, который требовал срочного решения.

Изучая проблему формирования коллективной памяти, нельзя не затронуть аспект отражения стратегии выживания детей. Доступная литература по армянскому геноциду более насыщена вопросами смерти и страданий, чем выживания и жизнестойкости детей. Исследования, посвященные обращению в ислам, усыновлению/удочерению и похищению детей, интересуют ученых, но опять же в целях формирования «памяти жертвы». Зачастую такой подход к памяти можно считать однобоким.

Армянские дети были не только жертвами, они обладали стратегиями выживания и сопротивления. В борьбе за жизнь они проявляли инициативу, принимали личные решения, манипулировали окружающими и таким образом становились активными агентами истории геноцида. Многие дети, пережившие его, хотели, чтобы их дети и внуки знали, как они боролись, понимали и помнили героизм каждого маленького человека. Они стремились сформировать память не жертвы, а героя, о чем свидетельствуют многочисленные источники (устные истории, мемуары, дневники). Дети, ставшие взрослыми, были против того, чтобы их считали жертвами, достойными лишь жалости. Наоборот, эти свидетели желали, чтобы о них говорили как о героях: «твой дед

сумел выжить», а возможно, и спасти других детей. Данные источники содержат свидетельства того, что даже в страшных условиях геноцида дети продолжали искренне дружить, играть, строить отношения, справляться со смертью и потерей близких.

В связи со сказанным особый интерес представляют работы Н. Максудяна. Исследователь собрал воспоминания выживших детей, изображающие счастливые моменты, полные смеха и игривости, несмотря на явный стресс от пережитых потерь. Эти истории были рассказаны в гордой и самоуверенной манере, превращая воспоминания в приключения, а рассказчика – в героя. Автор убежден, что армянские дети стремились стать активными агентами и манипулировали обстоятельствами в своих интересах. Они использовали собственные интеллект, таланты, обаяние и красоту, чтобы остаться в живых.

Дети в институциональных условиях имели больше шансов на солидарность и сопротивление перед лицом тюркизации. Несмотря на дисбаланс власти между государством и армянскими си-ротами, наблюдались случаи непослушания и сопротивления со стороны детей.

Чтобы выжить, многие дети сознательно соглашались на усыновление или удочерение. Когда менялась ситуация, появлялась возможность сбежать и найти свою семью либо других выживших армян, они это делали. Бегство носило массовый характер. Однако «творцами» своей судьбы стоит считать не только тех, кто бежал и сопротивлялся, Н. Максудян подчеркивает, что оставшиеся, принявшие ислам (некоторые это делали несколько раз), отказавшиеся от родного языка и корней – тоже активные творцы, они делали свой выбор и нельзя к ним относиться лишь как к жертвам. Поэтому неслучайно автор приходит к выводу, что многие выжившие дети были «самоспасателями» [8].

Выжившие дети практически сразу стали рассказывать и писать свою историю, составлять коммеморацию тех страшных событий. В их памяти особое внимание отводилось игре. Играющие дети отражают веру в будущее. Игра, как и всякая другая человеческая деятельность, служила инструментом выживания. Большие или маленькие, они были детьми, поэтому игра позволяла забыть о своей боли, во время игры они искренне смеялись.

Дети, боровшиеся за то, чтобы остаться в живых, знали, что в одиночку этого не сделать. Они понимали, что преодолевают трудности в знак солидарности с друзьями. Осознание собственной свободы воли и жизнестойкости требовалось им больше всего. Старшие поддерживали младших, некоторые из них воспринимались как Робин Гуд, который воровал, чтобы накормить бедных и восстановить справедливость. Такой ребенок находил тайник для компании, руководил сбором средств для побега, распределял пищу и украденную одежду среди членов группы. Необходимость и опыт объединения для побега, сопротивления или воровства развивали доверие и солидарность между членами группы. Дружба и сплоченность были важны для детей. К. Паниан отмечал, что у него с друзьями были искренние и теплые отношения. Эта дружба родилась, когда они грабили фруктовые сады, сбежали из приюта и жили в пустынных горах и пещерах [9, р. 104].

Оставшиеся в живых дети несли с собой травму геноцида, шедшего рука об руку с их борьбой за выживание. Жизнь для них двигалась своим чередом. Они нивелировали травмирующий опыт успокоительным средством под названием «жизнь». М. Ничанян указывает на чувство оцепенения в письмах выживших, которое заставляло все выглядеть обычным. Очевидно, что они подавляли свою боль и воспоминания, чтобы выжить. Они должны были казаться забывчивыми и не обращать внимания на свою травму. Дети подавляли воспоминания, притупляли их [10, р. 71].

Итак, игнорируя свои травмы через игру, приключения, дружбу и смех, армянские дети брали под контроль собственную жизнь, принимали на себя ответственность за собственное выживание. Дети держались за жизнь, при этом стараясь наслаждаться ею. Они ели с аппетитом, смеялись и влюблялись. Так появлялся Герой, который, по свидетельствам выживших, не соглашался быть жертвой. Чтобы справиться с кошмарами геноцида, дети избегали жалости к себе, вместо этого пытались позитивно смотреть на вещи, ценили семью и общество сверстников. Истории этих смелых и дерзких ребят стали передаваться из поколения в поколение. Хотя степень опустошения и лишений в этих рассказах заставляет плакать, они предназначены скорее для того, чтобы заставить улыбаться, даже смеяться, а главным образом – испытывать гордость. Благодаря свободе воли, приключениям и играм дети чувствовали себя сильными, жизнерадостными и взрослыми.

Список источников:

- Шагоян Г. Армянский геноцид как метанарратив травматической памяти. К 101-летней годовщине армянского геноцида: тема без «исторических уроков»? [Электронный ресурс] // Гефтер : интернет-журнал. 2016. 25 апр. URL: <http://gefter.ru/archive/18335> (дата обращения: 01.06.2021).
- Diner D. Beyond the Conceivable. Studies on Germany, Nazism, and the Holocaust. Berkeley, 2000. 286 p.
- Chadoyan J. Gender and the Armenian Genocide [Электронный ресурс] // Academia.edu. 2004. Dec. 11. URL: https://www.academia.edu/26674245/Gender_and_the_Armenian_Genocide (дата обращения: 01.06.2021).

4. Ibid.
5. Միրամանուկյան Ինքնության խեղումից մինչեւ ուժացում. Հայ որբերի «Անվտանգության ապահովումը» ցեղասպանության տարիներին = Антонян М. От искажения идентичности до ассимиляции. Обеспечение «безопасности» армянских сирот в годы геноцида // 21-րդ դար. 2017. № 5 (75). С. 103–116.
6. Aleksanyan A. Rescuing Armenian Women and Children after the Genocide: The Story of Ruben Heryan [Электронный ресурс] // The Armenian Weekly. 2016. May 31. URL: <https://armenianweekly.com/2016/05/31/ruben-heryan> (дата обращения: 01.06.2021).
7. Ibid.
8. Maksudyan N. The Armenian Genocide and Survival Narratives of Children // Childhood Vulnerability Journal. 2018. Vol. 1. P. 15–30. <https://doi.org/10.1007/s41255-019-00002-8>.
9. Panian K. Goodbye, Antoura: A Memoir of the Armenian Genocide. Stanford, 2015. 216 p.
10. Nichanian M. Entre l'art et le témoignage. Littératures arméniennes au XXe siècle. Vol. III. Le roman de la catastrophe. Geneva, 2007. 470 p.

Информация об авторе

Л.Ю. Манвелян – аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета, Краснодарский край, Армавир, Россия.

Information about the author

L.Yu. Manvelyan – Postgraduate student, Department of General and National History, Armavir State Pedagogical University, Armavir, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 29.04.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 24.05.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 10.06.2021.

Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 113–117.
Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 113–117.

Научная статья
УДК 94(437.1/.2)
<https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.19>

Чешский евроскептицизм до и после вступления страны в ЕС

Ирина Андреевна Бандуркина

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, irk_36905@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7852-7094>

Аннотация. В статье анализируется проблема вступления Чешской Республики в Европейский союз, изучается позиция чешского общества до реализации стратегии «возвращения в Европу» и после этого. Сравниваются взгляды двух влиятельных чешских политиков конца XX в. – В. Гавела и В. Клауса – на приоритеты внешней политики страны и условия ее вступления в ЕС. Первый чешский президент связывал успешное развитие возглавляемого им государства исключительно с европейской интеграцией. В. Гавел также стал одним из инициаторов создания Вишеградской группы – объединения бывших стран «восточного блока», целью которого была координация действий по вступлению в ЕС и развитие межгосударственного диалога. В. Клаус настаивал на расширении регионального сотрудничества в рамках Центрально-европейской ассоциации свободной торговли (ЦЕАСТ) и выстраивании отношений «на равных» с Брюсселем. На основании социологических опросов проанализировано, какие ожидалось перспективы от вступления Чехии в ЕС, а что вызывало опасения. Делается вывод об итогах первых лет членства Чешской Республики в ЕС.

Ключевые слова: Чешская Республика, Европейский союз, евроскептицизм, Вишеградская группа, европейская интеграция, В. Гавел, В. Клаус

Для цитирования: Бандуркина И.А. Чешский евроскептицизм до и после вступления страны в ЕС // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 113–117. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.19>

Original article

Czech Euroscepticism before and after EU accession

Irina A. Bandurkina

Kuban State University, Krasnodar, Russia, irk_36905@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7852-7094>

Abstract. The paper analyzes the problem of the Czech Republic's accession to the European Union, examining the position of Czech society before and after the implementation of the "reentry into Europe" strategy. The views of two influential Czech politicians of the late 20th century are compared - V. Havel and V. Klaus - on the priorities of the country's foreign policy and the conditions of its accession to the EU. The first Czech president linked the successful development of his state solely to European integration. V. Havel was also one of the initiators of the Visegrad Group, an association of former Eastern Bloc countries aimed at coordinating EU accession efforts and developing inter-state dialogue. V. Klaus insisted on greater regional cooperation as part of the Central European Free Trade Association (CEFTA) and building a "level playing field" with Brussels. On the basis of sociological surveys, it analyzed what was expected from the Czech Republic's accession to the EU and what was feared. A conclusion is drawn on the outcome of the first years of the Czech Republic's membership in the EU, both pros and cons are given.

Keywords: Czech Republic, European Union, Euroscepticism, Visegrad Group, European integration, V. Havel, V. Klaus

For citation: Bandurkina I.A. Czech Euroscepticism before and after EU accession // Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 113–117. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.19>

В 1993 г. на карте Европы появилось новое суверенное государство – Чешская Республика, стремящееся занять свое место в системе международных отношений, при этом активно избываясь от чехословацко-советского прошлого. Приоритетными векторами во внешней политике страны стали: вступление Чехии в ЕС и НАТО, расширение сотрудничества с государствами, стоявшими у истоков европейской интеграции: Германией, Францией, Бельгией. Результаты успешной реализации вышеперечисленных внешнеполитических задач должны были отразиться на поднятии уровня жизни населения и стимулировать введение европейских стандартов во все сферы жизни общества.

Основная цель данной статьи – проанализировать внутривнутриполитические дискуссии по вступлению Чехии в ЕС путем сравнения взглядов двух выдающихся политических лидеров конца

XX в. – В. Гавела и В. Клауса, а также изучить внешнеполитические шаги чешского правительства в данном направлении.

Необходимым условием вступления Чешской Республики в Европейский союз было выполнение копенгагенских требований, согласно которым чешское государство начало стремительно реформировать институты государства. Если с экономическими требованиями у чехов не возникло проблем, поскольку Чехия была относительно стабильным государством в этом отношении, то с выполнением политических условий возникли определенные сложности.

В своем внутриполитическом развитии Чешская Республика ориентировалась на опыт своих успешных соседей – Германии и Австрии. Консенсус по данному вопросу был достигнут в чешском правительстве «негласно» и довольно быстро, однако возникли споры по методам реализации стратегии вступления в ЕС. Два противоборствующих лагеря возглавили влиятельные политические фигуры – Вацлав Гавел и Вацлав Клаус.

Вацлав Гавел был первым президентом Чехии, идеологом «возвращения в Европу». В своей политической деятельности он отождествлял Чехию с Европой, настаивал на интеграции в ЕС любой ценой. Активно идею чешского президента поддерживала социал-демократическая партия, прописавшая в своей программе, что членство в ЕС является определяющим фактором развития демократических институтов и безопасности государства.

Оппонентом социал-демократов и Гавелу выступал Вацлав Клаус – основатель чешского евроскептицизма и гражданско-демократической партии, рассматривающий вступление в ЕС исключительно как средство укрепления экономики. Участие в европейской политической интеграции подвергалось жесткой критике из-за обоснованных опасений потери государственного суверенитета Чешской Республики. Также В. Клаус был не согласен с тезисом Гавела об интеграции «любой ценой», настаивая на рациональности в политических действиях по вступлению в ЕС.

Детальный критический анализ функционирования Европейского союза В. Клаус изложил в своей книге «Европейская интеграция без иллюзий», в которой он объясняет причины проводимой им внешней политики недоверием к институтам ЕС. Его основным аргументом против политической европейской интеграции стал утопизм идеи строительства «надгосударственной демократии». Европейские политики, находящиеся в Брюсселе, не могут уделить должного внимания проблемам каждого европейского государства, в том числе из-за территориальной удаленности. Помимо этого навязывание европарламентариями внутренней и внешней политики членам ЕС противоречит национальным интересам государств и сравнимо с институтами принуждения коммунистического прошлого Восточной Европы. Тем не менее под давлением общественного мнения он поддержал заявку о вступлении страны в 1996 г. в Европейский союз [1].

Чешская Республика стремилась стать локомотивом Восточной Европы по вступлению в ЕС. Но необходимо отметить, что ее отношения с восточными соседями не были достаточно развиты, т. к. чешская дипломатия была ориентирована в основном на строительство союзнических отношений со странами Западной Европы. Однако в 1991 г. для координации совместных усилий по вступлению в Европейский союз была создана Вишеградская группа. Интеграционный проект Чехословакии, Венгрии и Польши был основан на территориальной близости границ стран-участниц, схожести политического прошлого и общности целей в настоящем. После распада Чехословакии чешские политики стремились взять на себя руководящую роль в региональной группе.

Тем временем вновь возникли споры между В. Гавелом и В. Клаусом о месте Вишеградской группы во внешней политике Чешской Республики.

Вацлав Гавел являлся одним из инициаторов создания Вишеградской группы. Данная региональная организация во многом функционировала благодаря активной деятельности и авторитету чешского президента в Центрально-Восточной Европе. В. Гавел воспринимал Вишеградскую группу как трамплин для интеграции в Европейский союз.

Вацлав Клаус придерживался мнения о второстепенной значимости V4, предлагая географически расширить ареал сотрудничества и уделить больше внимания укреплению связей с членами Центрально-европейской ассоциации свободной торговли (ЦЕАСТ) [2]. Тем не менее его скептицизм относительно интеграции, как и в случае с ЕС, сохранялся.

Вацлав Клаус рассматривал Вишеградскую группу и ЦЕАСТ исключительно сквозь призму развития экономических связей, игнорируя возможность коллективного вступления в «европейский дом». Его скепсис получил поддержку у чешских граждан, которые выражали сомнение в необходимости существования двух региональных интеграционных объединений с идентичными функциями и не понимали причин их создания.

Среди западных и отечественных историков не существует единого мнения относительно того, ускорили ли Вишеградская группа и ЦЕАСТ вступление Чехии в Европейский союз, либо, наоборот, затормозили процесс, развивая только лишь субрегиональную интеграцию. Так, напри-

мер, британский ученый, занимающийся проблематикой европейской интеграции, М. Денджерфилд позитивно оценивает политическое сотрудничество в Вишеградской группе: «Это был существенный толчок к выработке совместной успешной стратегии по вступлению членов группы в ЕС и либерализации экономик для соответствия копенгагенским критериям, помимо этого восточноевропейским странам удалось увеличить оборот экспорта и импорта товаров между собой» [3].

Научные сотрудники Вишеградского фонда в Братиславе, описывая проблемы развития Вишеградской группы, указывают, что государства-члены этого объединения, практически не связывали развитие субрегиональной организации с упрощением процедур по вступлению в ЕС. Напротив, они опасались, что создание постоянных механизмов сотрудничества «поставит под угрозу усилия по интеграции в евро-атлантические структуры» [4]. Данная точка зрения вызывает сомнение, поскольку в 90-е гг. XX в. бывшие государства Восточного блока не были активными акторами системы международных отношений, складывавшейся тогда в Европе, поэтому логичным являлось стремление объединить усилия для осуществления общей мечты – стать полноправными участниками европейской интеграции. Конечно, развитие и деятельность данной региональной организации не всегда были активными, но путем проб и ошибок ее участники учились извлекать выгоды из интеграционных процессов на практике. На сегодняшний день «объединенный» опыт вступления в Европейский союз реализуют страны бывшей Югославии, присоединившееся к ЦЕАСТ.

Общественное мнение Чехии в конце XX в. не могло определиться, чью точку зрения о методах вступления в ЕС, Клауса или Гавела, нужно поддерживать. Э.Г. Задорожнюк приводит в своём исследовании результаты опросов чехов, согласно которым в 1996 г. около 50 % респондентов выразили поддержку европейской интеграции, но в дальнейшем цифры снизились до 39 % [5]. Несмотря на столь явное недоверие чешских граждан к Брюсселю, «еврооптимистам» в правительстве удалось изменить их настроение, проведя успешную агитационную кампанию, и получить заветное многочисленное «за» на референдуме по вхождению в ЕС.

Основные ожидания чехов от вступления в европейскую интеграционную семью связывались с ростом благосостояния населения до уровня таких развитых европейских стран, как Австрия и Германия; с повышением качества производимых товаров и престижа государства в мире. Помимо этого молодежь стремилась стать частью «европейской жизни», в их умах складывалась обманчивая сказочная картина постоянных путешествий по Европе «без преград», с возможностями получения образования в элитных европейских вузах, а затем беспрепятственного трудоустройства с большим и постоянным заработком в евро.

Опасения же, касающиеся членства в ЕС, у жителей Чешской Республики были связаны не с политической жизнью, а с социальной и духовной. Поколение, выросшее во время существования Восточного блока и отрицательно отзывавшееся о нем, тревожилось о возможном повторении сценария потери чешского суверенитета и навязывании государству модели поведения, только уже не Москвой, а бюрократическими механизмами Брюсселя. Старшее поколение беспокоилось о быстром росте цен в магазинах, уничтожении чешского производства и потери чешской идентичности. Особое раздражение у чехов вызывала критика европейскими парламентариями декретов Бенеша. Именно из-за них Чехия среди других стран-претендентов на вступление получила наименьшее количество голосов в Европарламенте.

Декреты Бенеша с конца XX в. стали камнем преткновения в чешско-германских и австрийских отношениях, а затем и в ЕС. Европарламентарии требовали отмены их действия и возвращения конфискованного имущества. В отношении данного вопроса В. Клаус (на тот момент – президент Чешской Республики) был непоколебим. Перед проведением общенационального референдума по вступлению в ЕС он уверил граждан в сохранении твёрдой позиции Чехии по невозврату конфискованного имущества после Второй мировой войны, отвергая обвинения австрийских политиков о геноциде судетских немцев.

Референдум о вступлении Чехии в Европейский союз был проведен в июне 2003 г. Чешские «еврооптимисты» критиковали В. Клауса за выбор времени для голосования, поскольку многие граждане уезжали на дачу либо в отпуска и поэтому не могли, да и не хотели идти на выборы, лишая себя отдыха. Политологи в свою очередь были недовольны масштабами проводимой информационной кампании. Несмотря на то, что все чешские города были обклеены плакатами, призывающими проголосовать «за», граждане не знали элементарных вещей: например, мест проведения и времени голосования, что стало поводом для многочисленных шуток в СМИ.

Подробный анализ проведенного референдума дал чешский политолог П. Шарадин. Он обратил внимание, что наибольшую поддержку интеграция с ЕС получила в Праге и в других больших городах; наименьшую же – на территориях, граничащих с Германией и Австрией (на бывших территориях Судетской области). Такой результат объяснялся боязнью жителей данной территории быть переданными другому государству. Помимо них, низкая явка и множество голосов «против» были зафиксированы в районах с доминирующей позицией сельского хозяйства в

экономике. Чешские фермеры опасались наплыва европейской продукции и уменьшения финансирования их деятельности. В лагере противников вступления Чехии в ЕС также были сторонники коммунистической партии и последователи «евроскептицизма» В. Клауса.

Помимо этого, П. Шарадин разбирает результаты экзит-поллов: чехи, проголосовавшие «за», считали, что вступление в ЕС – реализация национальных интересов государства, гарантированная безопасность и стабильные экономические выгоды. Молодых избирателей в свою очередь радовала возможность уехать работать/учиться в другую европейскую страну [6]. Тем не менее практически все избиратели советовали своему правительству не «раствориться в ЕС» и быть близкими к проблемам своего народа.

В 2004 г. Чехия стала членом Европейского союза, празднование этого события прокатилось по всей стране с грандиозными салютами, на границе с Германией снимались знаки таможни, казалось, что вся страна затаилась в ожидании чуда от европейской интеграции. Но время показало совсем другие результаты.

Чешский политический эксперт Я. Миклас в 2008 г. проанализировал восприятие ЕС в чешском общественно-политическом сознании. Итоги его исследования демонстрируют, насколько у чехов изменилось в худшую сторону отношение к ЕС. Так, процент людей, испытывающих гордость от того, что Чехия является членом Евросоюза, снизился до 29 % в 2008 г. по сравнению с 2002 г., 34 % не чувствовали никакой радости от интеграции с Европой, а 50 % уже не верили в то, что принимаемые ЕС решения – в интересах Чехии [7]. Разочарованность чехов в ЕС объясняется несбывшимися прогнозами социал-демократической партии и других «еврооптимистических» политических сил относительно быстрого роста благосостояния граждан, а также неравным и предвзятым отношением «старых» стран союза к «новичкам». Чешских граждан, путешествующих или учившихся в Германии, Франции, Великобритании, раздражало пренебрежительное отношение к ним как к бывшим жителям соцлагеря.

Все призывы о «возвращении в Европу», построении единой европейской семьи оказались лишь обманчивой политической рекламой. Будет ошибочно полагать, что чешская нация целиком и полностью разочаровалась в Европейском союзе, но недовольных политикой Брюсселя становилось с каждым годом все больше. Подтверждением этого тезиса является постоянно низкая явка на выборах в Европейский парламент и критика брюссельских инициатив, таких как введение Европейской конституции и миграционных квот.

Чешское гражданское общество осознало, что интересы ЕС и интересы национального государства расходятся во многих вопросах. Перед правительством встала непростая задача – оставаясь в европейской интеграции, выстраивать внешнюю политику в соответствии с собственными целями. При этом чешским властям постоянно нужно было быть осторожнее с критикой Брюсселя, поскольку любые недружественные действия или высказывания в его адрес встречались чешской молодежью с недовольством, воплощавшимся в многочисленных митингах. В этом заключается феномен раскола чехов: с одной стороны, все осознают негативные последствия вступления в ЕС, с другой – боятся потерять членство в Евросоюзе, это воспринимается в обществе как большой шаг назад и связывается с потерей государством влияния и превращением его в «недееспособного» актора на международной арене. Вера в европейскую мечту еще сильна в умах чешского населения, поэтому при проведении опросов о проблемах членства в ЕС всегда подчеркиваются также и положительные изменения в жизни граждан в таких сферах, как экономика, здравоохранение и наука.

Таким образом, в чешских концепциях внешней политики Европейский союз остается из года в год приоритетным партнером, с которым выстраиваются стабильные дружественные отношения. Однако в двусторонних контактах все четче проступают принципиальные противоречия, не позволяющие совершенствовать политический диалог между Брюсселем и Прагой. Одной из таких проблем является вопрос квот по беженцам. По этой теме чешское правительство и общество достигли консенсуса ввиду того, что чехи не согласны принимать беженцев с Ближнего Востока, строить для них лагеря, предоставлять рабочие места и выплачивать им пособия. Из-за сложившегося миграционного кризиса «еврооптимистические партии» теряют голоса на выборах. Другой трудностью является вопрос о вхождении в еврозону, реализация которого постоянно откладывается чешским правительством.

Чехия, хоть и не всегда успешно, стремится балансировать между своими национальными интересами и отношениями с Евросоюзом, членство в котором принесло ей повышение статуса в системе международных отношений, открыло новые возможности для реализации стратегических задач во внутренней и внешней политике. Благодаря ЕС, Чехия стала привлекательной для зарубежных инвестиций, что в результате увеличило темпы развития экономики страны, расширило политические и экономические связи не только с государствами, входящими в зону европейской интеграции, но и с государствами-партнерами. «Возвращение в Европу», к которому

стремилось правительство во главе с В. Гавелом, воплотилось в действительность, хоть и с определенными препятствиями, уже во время президентства В. Клауса.

Анализируя дискуссию В. Гавела и В. Клауса по вопросам интеграции Чехии в ЕС, на современном этапе сложно определить абсолютно правильную стратегию, все решит время и чешское общество.

На основании вышеизложенного нужно отметить, что правильные выводы, извлеченные из уроков истории, не позволят чешскими политикам попасть в капкан интересов, противоречащих стабильному развитию своего государства.

Список источников:

1. Клаус В. Европейская интеграция без иллюзий. М., 2013. 192 с.
2. Вагнер П., Сикора И. Вишеградское сотрудничество: через взлеты и падения к успеху // Вишеградская Европа. 2012. № 1. С. 35–48.
3. Dangerfield M. CEFTA: between the CMEA and the Europe Union // European Integration. 2004. Vol. 26, iss. 3. P. 309–338. <https://doi.org/10.1080/0703633042000261652>.
4. Вагнер П., Сикора И. Указ. соч.
5. Задорожнюк Э.Г. Чешская Республика в ЕС: «осмотрительные ожидания» и реальность // Современная Европа. 2019. № 7 (93). С. 27–37. <https://doi.org/10.15211/soveurope720192737>.
6. Šaradín, P. Referendum o Přistoupení k EU a Volební Podpora Politických Stran v České Republice [Электронный ресурс] // Středoevropské Politické Studie. 2003. Vol. 5, iss 4. URL: <https://journals.muni.cz/cepsr/article/view/4021/5304> (дата обращения: 17.04.2021).
7. Миклас Я. «Евроскептики» и «еврооптимисты». ЕС в чешском общественно-политическом сознании [Электронный ресурс] // Столетие. URL: https://www.stoletie.ru/slavyanskoe_pole/evroskeptiki_i_evrooptimisti_2008-05-30.htm (дата обращения: 10.03.2021).

Информация об авторе

И.А. Бандуркина – соискатель, преподаватель кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

Information about the author

I.A. Bandurkina – External PhD student, Lecturer, Department of General History and International Relations, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 17.05.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 01.06.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 10.06.2021.

Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 118–123.
Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 118–123.

Научная статья
УДК 94(47)+394.014
<https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.20>

Городское ремесло в пореформенной России (вторая половина XIX в.): историографический обзор

Сергей Михайлович Жаровцев

Московский государственный областной университет, Москва, Россия, garsmih@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8554-1759>

Аннотация. Городская ремесленная промышленность России второй половины XIX в. вообще и ее трансформация в ходе модернизации отечественной промышленности до настоящего времени остаются мало изученными и потому заслуживают пристального внимания современных историков. В статье проводится обзор трудов по историографии отечественного городского ремесла во второй половине XIX в., который убеждает, что в истории изучения учеными проблемы ремесленничества отчетливо выделяются три периода, каждый из которых связан с ведением научной дискуссии по различным аспектам проблемы развития и модернизации мелкой промышленности вообще и городского ремесла в частности. Однако, несмотря на разногласия, все авторы рассмотренных нами работ свидетельствуют об активном росте российской экономики в пореформенный период, что в свою очередь позволяет определить место и значение мелкого промышленного производства в условиях становления индустриальной экономической системы дореволюционной России.

Ключевые слова: городское ремесло, капитализация экономики, ремесленное население, национальный рынок, городская промышленность

Для цитирования: Жаровцев С.М. Городское ремесло в пореформенной России (вторая половина XIX в.): историографический обзор // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 118–123. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.20>

Original article

Urban handicrafts in post-reform Russia (second half of the XIX century): a historiographical overview

Sergey M. Zharovtsev

Moscow State Regional University, Moscow, Russia, garsmih@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8554-1759>

Abstract. Russia's urban handicraft industry of the second half of the XIX century overall and its transformation in the course of domestic industrial modernization remains poorly-studied to date and therefore deserves the close attention of modern historians. The paper provides an overview of works on the historiography of domestic handicrafts in the second half of the XIX century. It proves that there are three distinct periods in the history of scientists' study of the problem of craftsmanship, each of them associated with the scientific discussion of various aspects of the development and modernization of small-scale industry in general and urban handicrafts in particular. Despite disagreements, however, all the authors of the works we have reviewed testify to the active growth of the Russian economy in the post-reform period, which in turn allows us to determine the place and importance of small-scale industrial production in the conditions of the formation of the industrial economic system of pre-revolutionary Russia.

Keywords: urban handicraft, economic capitalization, artisan population, national market, urban industry

For citation: Zharovtsev S.M. Urban handicrafts in post-reform Russia (second half of the XIX century): a historiographical overview // Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 118–123. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.20>

Изучение истории городского ремесла во второй половине XIX в. занимает особое место в историографии науки. Значимость исследования именно этого периода развития отечественного городского ремесленного производства обусловлена включенностью проблемы мелкой промышленности вообще и городского ремесла в частности в сложный контекст модернизационных преобразований, охвативших все стороны российского социально-экономического процесса. Являясь феноменом традиционного общества, городская мелкая промышленность испытывала на себе все «веяния» эпохи.

Переломный характер качественных изменений всех традиционных социально-экономических сущностей нашел отражение в общественной и академической дискуссии относительно их места и роли в современном обществе. Следует заметить, что возникший во второй половине

XIX в. спор имеет, хотя и в значительной степени актуализированное, но логическое продолжение в наши дни. Ни в науке, ни в общественной практике окончательно не решен вопрос о соотношении крупных и мелких форм производства, границ их функциональности и адекватности потребностям социального процесса. Именно поэтому исторический опыт, связанный с модернизацией одного из социально-экономических институтов – городского ремесла, заслуживал и заслуживает внимания историков.

Академическая значимость изучения этого сюжета отечественной истории важна еще и потому, что в отличие от западноевропейского, российское городское ремесло не сыграло системообразующей роли в становлении экономического порядка модерна. В этой связи исследование темы было и остается весьма востребованным.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования материалов статьи для формирования вузовских лекционных курсов по экономической истории России.

Новизна работы определяется авторским ракурсом исследования проблемы, мало изученной в отечественной историографии. Городская ремесленная промышленность России второй половины XIX в. вообще и ее трансформация в ходе модернизации отечественной промышленности до настоящего момента оставались вне поля зрения историков.

Историография российской городской ремесленной промышленности второй половины XIX в. имеет вполне отчетливо проявляющиеся три периода.

Первый (дореволюционный) период был тесно интегрирован в содержание общественной дискуссии, ангажированной порой непримиримыми политическими предпочтениями.

Споры относительно общественной перспективы городской ремесленной промышленности были инициированы публикацией 14 июня 1863 г. в «Биржевых ведомостях» проекта нового «Устава о промышленности», в котором предполагалось универсализировать все формы промышленного производства (в том числе фабричного и ремесленного).

В отличие от сторонников точки зрения о рудиментарности городского ремесла, например, А.М. Тюфилин видел в таковом самостоятельную, не исключаемую индустриализацией форму промышленного производства. В опубликованной «Записке о состоянии ремесленности» он писал: «Значение этих разделов слишком разное: фабрично-заводской раздел имеет общегосударственное значение и богат капиталами, ремесленный – городское значение, удовлетворяет личную необходимость горожан и богат не капиталами, но личным знанием специальности.. Назначение ремесленной городской промышленности – увеличение богатства, правда, не вообще государства, а городов... и ремесленная промышленность не уничтожает личности как в фабрично-заводском, а наоборот, оно-то и развивается и движется только на личном знании ремесла» [1, с. 2].

Схожую с А.М. Тюфилиным позицию относительно городского ремесла ранее высказал профессор М. Киттара. Выступая в Казанском университете в 1857 г. с публичной лекцией, он подчеркнул самобытность мелкой городской промышленности и «совершенную противоположность» ее «ремесленности сельской» [2].

Значительная заслуга в разработке конкретно-исторических сюжетов, связанных с городской ремесленной промышленностью, принадлежит представителям марксистской мысли и прежде всего В.И. Ленину. Однако, несмотря на большой вклад марксистов в понимание проблем отечественного мелкого промышленного производства, их позиция имела существенный изъян. Так, при оперировании емкими понятиями классов и классовых противоречий они игнорировали тонкую, но существенную грань, отделяющую сельских кустарей от городских ремесленников [3, с. 22].

Историкам начала XX в. удалось продвинуться в изучении последствий капитализации экономики, проявившихся, в том числе, в социально-экономическом строе городского ремесла. Так, Е.А. Олюнина, исследуя московскую портняжную промышленность, писала о проникновении капитала в эту отрасль мелкого производства: «Типичными формами портновского производства в Москве являются работа на заказ, конфекцион и тесно связанная с последним домашняя система крупного производства. При работе на заказ предприниматель имеет дело с определенным лицом – заказчиком, на которого вещь и изготавливается; в конфекционе же вещи вырабатываются по определенным меркам на неизвестного потребителя». По подсчетам автора, только 25 % портных сохраняли прежние традиционные черты [4].

Воодушевленный идеями социальной справедливости, С.С. Зак предложил ряд мер, способных облегчить положение городских ремесленников. Центральное место среди них наряду со льготным кредитом и распространением передовых технологий, по мнению автора, должна была занять кооперация [5]. Надежды, связанные с кооперативной организацией для улучшения положения ремесленничества, присущие прежде всего исследователям, разделявшим народнические взгляды, не отражали реального потенциала социальной мобильности консервативной формы мелкой городской промышленности. Особые природные характеристики ремесла не способствовали его перестройке на кооперативной основе. Создаваемые в годы Первой мировой

войны ремесленные артели являлись особым явлением в экономике. Функционирование таких объединений было исключительно следствием предпринятых мер государства, в частности, размещения выгодных заказов и предоставления условий льготного кредитования. Уже наблюдавший такое кооперирование мелких промышленников М. Слобожанин попытался увидеть в таком зачатке безрыночного (основанного на прямом продуктообмене) хозяйства. Имея в виду опыт организации снабжения армии ремесленными изделиями, он писал: «Созданная в переживаемую войну организация по закупке для армии продовольствия и снабжения, конечно, должна рассматриваться как один из первых опытов, еще весьма далеких от идеала. Но в ней заложена верная мысль, а потому в основной идее своей она подлежит разработке и широкому развитию в целях скорейшего преобразования в постоянную организацию нашего рынка мелкой добывающей и обрабатывающей промышленности в целях регулирования не только сбыта, но и производства и наибольшего сближения производителя и потребителя. Опыт организационной в экономической области работы за последнее время, определенно сказавшийся на чрезвычайном росте кооперативного движения, – самая сущность этого последнего, устраняющая вредные формы современного капитализма» [6, с. 52].

В советском историографическом периоде ремесленники в основном рассматривались как объект коллективизации [7] или источник регенерации капитализма [8].

Городское ремесленное производство стало объектом внимания для историков экономики, рассматривающих его в контексте истории индустриализации и капитализации общественного хозяйства страны [9, с. 173]. В логику ленинского положения о вытеснении мелкой промышленности было заложено представление о том, что «с развитием крупной капиталистической промышленности в 90-х годах (XIX века – авт.) мелкое городское ремесло стало окончательно вытесняться из всех сколько-нибудь самостоятельных отраслей производства» [10, с. 173]. Конкретно-исторической аргументации ленинских положений о капитализации мелкой промышленности России были посвящены работы значительной части советских историков [11].

Специалистам удалось значительно продвинуться в изучении цеховой организации отечественного ремесла: выявить особенности ее генезиса, функций адекватности потребностям развития мелкой городской промышленности. Наиболее значимым трудом этой тематики стала монография К.А. Пажитнова [12]. Раскрывая сущность процесса правового оформления цеховой организации с петровских времен, автор показал назревшую к середине XIX в. необходимость совершенствования законодательных актов, регламентирующих городское ремесло [13, с. 128].

Несмотря на широкую дискуссию в среде ученых и практиков хозяйственного строительства, разворачивающуюся вокруг проблемы целесообразности сохранения цехов, таковые просуществовали вплоть до конца 20-х гг. XX столетия. Причем количество ремесленников, объединенных цехами, за два десятилетия удвоилось [14, с. 173].

Устойчивость цеховой организации объяснялась, по мнению К.А. Пажитнова, «экономической отсталостью России и наличием феодальных пережитков», во-первых. Во-вторых, тем, что отечественная цеховая система «сложилась в отличном от типичной (европейской) формы цехового устройства виде» [15, с. 171]. В-третьих, «возникнув с большим опозданием и получив статус от государственной власти», отечественные цеха «не препятствовали (как это было в Европе) развитию предприятий капиталистического типа». Критикуя авторов, разделявших убеждение, что «русские ремесленники как в эпоху Петра I, так и после нее, не испытывали потребности в цеховой организации и чуждались ее, и что она была им навязана правительством». К.А. Пажитнов отмечал, что «такая точка зрения страдает узостью кругозора, происходящей от ограниченности материала, привлеченного для освещения вопроса» [16, с. 172]. Однако аргументация, приведенная автором, не убеждала в обратном. Цитируемая в книге статья В. Иордана содержала большой фактический материал, но скорее свидетельствовала в пользу оппонентов цехового устройства, нежели в защиту позиции К.А. Пажитнова и других сторонников цеховой ремесленной организации [17, с. 133].

Таким образом, и после выхода в свет книги К.А. Пажитнова дискуссионные вопросы в истории цеховой организации отечественного ремесла не были решены. Это в полной мере отразилось в вышедшей спустя пять лет статье П.Г. Рындзюнского. По мнению историка, «в городах со стороны администрации и частью местной буржуазии предпринимались меры к тому, чтобы расширить и упрочить цеховые организации. Вместе с тем в среде самих мелких промышленников все явственнее обозначалось противодействующее этому течение...» Переводя проблему общественной целесообразности цехов в плоскость классовых противоречий, П.Г. Рындзюнский утверждал, что причина неприятия ремесленниками цеховой организации лежала в «процессе их социально-экономического расслоения» и попытке использования ремесленных объединений «в монополистических и эксплуататорских целях буржуазной верхушки цехов» [18].

Тематика, связанная с городским ремеслом, несколько актуализировалась в связи с начавшимся в 1961–1962 гг. на страницах журнала «История СССР» обсуждением проблемы многоукладности и мелкотоварного уклада в отечественном социально-экономическом процессе. В 1964 г. были опубликованы работы по истории мелкой промышленности Киргизии, Бессарабии и Урала [19]. Основным сюжетом изданных статей стала попытка изучения влияния капиталистических отношений на традиционные формы промышленного производства.

Недостаточный уровень разработанности проблемы сказался даже на понятийно-категориальном аппарате первых статей. Например, С.А. Аттокуров считал понятие мелкой промышленности тождественным простой кооперации [20]; И.Г. Будак утверждал, что не существует научных критериев отделения мелкотоварного производства от мануфактуры [21]; Л.В. Ольховая отнесла к мелкотоварному укладу всю нецензовую промышленность [22].

Малопродуктивным подходом в советской историографии явилась социальная идентификация городских ремесленников, мелких торговцев и зажиточных крестьян как представителей мелкой буржуазии. Такая унификация разнородных социальных общностей не продуцировала релевантного основания для конкретно-исторических исследований различных по своим существенным качествам социальных феноменов. Такой подход был оправдан только ленинским посылом о том, что «классов в капиталистическом и полукapиталистическом обществе мы знаем только три: буржуазию, мелкую буржуазию (крестьянство как его главный представитель) и пролетариат» [23].

В качестве единой социальной общности рассматривал городских ремесленников сельских кустарей и мелких предпринимателей И.Л. Клейн. В частности, он писал: «В мелкой промышленности Поволжья в начале XX в. могут быть выделены мелкое товарное производство докапиталистического типа (к нему относилось большинство крестьянских промыслов и отчасти городское ремесло) и мелкое капиталистическое производство в мастерских и на предприятиях с наемным трудом» [24].

Утверждения многих советских историков о том, что городские ремесленники под давлением капиталистической эксплуатации, разоряясь, активно пополняли ряды пролетариата [25], не подтверждались исследованиями других ученых [26].

Начало современного историографического периода разработки проблемы городского ремесленного производства России было ознаменовано выходом в свет книги К.Н. Тарновского, посвященной историко-географическому аспекту отечественной мелкой промышленности рубежа XIX и XX столетий [27]. Наряду с общими положениями относительно мелкой промышленности в целом книга содержит ряд ценных замечаний, прямо касающихся городского ремесла. Например, заслуживает внимания указание историка на то, что в отличие от центрально-промышленных губерний, где доминирующее положение в мелком промышленном производстве занимали кустарные промыслы села, «в западных и юго-западных губерниях, благодаря широкому развитию городской и местечковой жизни, преобладала городская мелкая промышленность. Она находилась, по преимуществу, в руках еврейских ремесленников и не только удовлетворяла городской спрос на соответствующие изделия, но и теснила крестьянские поделки на сельских базарах» [28, с. 29].

Важными представляются выводы К.Н. Тарновского относительно характера потребления товаров мелкого промышленного производства в Москве и Нижнем Новгороде. Если в столице таковой, в основном, «формировал городской спрос», то в Нижнем – «деревенский» [29, с. 33].

Особенности городского ремесленного населения К.Н. Тарновский отметил и в северных районах страны, где его состав в основном наполнялся за счет крестьян-промысловиков [30, с. 53].

Важной новеллой, не прошедшей мимо внимания историка, явилась общая тенденция в эволюции российских городов рубежа веков, многие из которых действительно стали центрами хозяйственной жизни регионов [31, с. 60].

Подводя итог сказанному, заметим, что книга К.Н. Тарновского явилась далеко не ординарным историографическим событием.

На современном этапе разработка проблемы городской ремесленной промышленности шла по нескольким направлениям. Во-первых, в рамках создания свободных от партийной догматики трудов по социальной истории [32]. Во-вторых, в формате конкретно-исторического наполнения теоретических концептов модернизации [33]. В-третьих, в контексте истории российской урбанизации [34].

С точки зрения дальнейшего продвижения в создании исторической картины развития городского ремесла во второй половине XIX в. труды по социальной истории, например, двухтомное исследование Б.Н. Миронова [35], позволяют представить этот феномен в общем контексте социально-экономического и политического процесса российских городов и страны в целом.

Конструктивную попытку адаптации феномена городского ремесленника к сословно-классовой структуре России конца XIX – начала XX столетий представляет собой монография

Н.А. Ивановой и В.П. Желтовой. Однако незавершенность классообразования в условиях абсолютистского порядка России и даже процесса формирования сословий обусловила сложности с освоением некоторых аспектов объекта предпринятого авторами исследования. В книге, в частности, по поводу ремесленников авторы пишут: «По мнению Е. Блуменбаха, как Свод законов, так и местные законы ставили мещан или посадских выше цеховых ремесленников, людей “служительского оклада”, рабочих и вольных людей. Мещане занимали более высокую ступень общественного положения, чем лица перечисленных категорий, “они составляли сравнительно высший разряд городских обывателей”. Вопрос о соотношении мещан и цеховых ремесленников является спорным, поскольку по своим личным правам ремесленники не отличались от мещан, а ряд специфических прав ставил ремесленников даже выше» [36].

Как свидетельствуют факты, мещане являлись самой массовой социальной стратой ремесленных цехов, а в составе цеховых встречались даже дворяне.

Авторы отметили, что вопреки чаяниям государства существование цеховой организации не привело к формированию самостоятельного ремесленного сословия России. Ремесленное население страны, как «лоскутное одеяло», состояло из представителей разных сословий и не имело сколько-нибудь оформившейся социальной идентичности. На рубеже XIX и XX столетий только 22 города России сообщили, «что в них имелось полное цеховое устройство, и ремесленники составляли отдельно от мещан сословие, т.е. принадлежали к категории вечно-цеховых» [37, с. 101]. В 1888 г. ремесленное управление было ликвидировано в большинстве городов Юго-Западного края, в 1891 г. – в Виленской, Гродненской, Ковенской губерниях, а в 1902–1903 гг. еще в 107 городских поселениях России [38, с. 100].

В формате дискуссии, связанной с проблемой отечественной модернизации, рассмотрены вопросы эволюции российских городов второй половины XIX века. Сделана попытка уточнить этап их трансформации из административных или аграрных поселений «в центры промышленного типа» за счет введения в научный оборот понятия «торгово-ремесленного города», непосредственно предшествующего его современному облику [39].

В целом в российской историографии преодолен упрощенный взгляд на городское ремесло как явление, уходящее в процессе промышленного переворота, описание которого возможно в формате советской идеологии «мелкобуржуазного уклада».

Социально-экономический феномен городского ремесла второй половины XIX века представляется, во-первых, как сложное явление, сочетающее в себе как черты традиции, так и характеристики модерна; во-вторых, большинство историков склонны видеть в городском ремесле России не «рудимент», отрицаемый модернизацией, а конструктивный элемент созидания современности [40].

В трудах, освещающих общественный строй российских городов второй половины XIX столетия, ремесло как часть городской жизни представлено в части цеховой организации, в системе городского самоуправления и фрагментарно – в описании городского быта [41].

В текущем историографическом периоде появились первые защищенные диссертационные исследования, освещающие историю городского ремесла России второй половины XIX в. Так, в контексте более широкой проблемы социальной истории мещанского сословия отдельные сюжеты развития ремесла рассмотрены в диссертации В.В. Захаровой [42].

Формирование и развитие цеховой организации, ремесленное самоуправление, особенности участия в мелком промышленном производстве иностранцев рассмотрены на примере г. Санкт-Петербурга в диссертации А.В. Келлера [43]. Автор этого исследования определяет концептуализацию петербургского и российского ремесла как важную область производства, имеющую в отличие от крупной промышленности свои специфические цели и задачи.

Таким образом, обзор трудов по историографии отечественного городского ремесла во второй половине XIX в. убеждает, что в истории изучения учеными проблемы ремесленничества отчетливо выделяются три периода, каждый из которых связан с ведением научной дискуссии по различным аспектам проблемы развития и модернизации мелкой промышленности вообще и городского ремесла в частности. Однако, несмотря на разногласия, все авторы рассмотренных нами работ свидетельствуют об активном росте российской экономики в пореформенный период, что в свою очередь позволяет определить место и значение мелкого промышленного производства в условиях становления индустриальной экономической системы дореволюционной России.

Список источников:

1. Тюфилин А.А. Записка о состоянии ремесленности. Казань, 1906. 23 с.
2. Киттара М. Очерк современного положения и нужд русской мануфактурной промышленности. Казань, 1857. 66 с.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. М., 1958. Т. 2. 677 с.
4. Олюнина Е.А. Портновский промысел в Москве и в деревнях Московской и Рязанской губ. М., 1914. 369 с.

5. Зак С.С. Промышленный капитализм в России. СПб., 1908. 172 с.
6. Слобожанин М. Новое строительство мелкой промышленности и всемирная война. М., 1915. 79 с.
7. Лебакова Э.Р. Опыт КПСС по приобретению мелкой буржуазии города к строительству социализма. М., 1970. 24 с. ; Степин А.П. Социалистическое преобразование общественных отношений городских средних слоев. М., 1975. 239 с.
8. Мингулин И. Пути развития частного капитализма. М., 1927. 164 с.
9. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР : в 2 т. М., 1948. Т. 2: Капитализм. 738 с.
10. Там же. С. 173.
11. Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России. 1850–1880 гг. М., 1978. 295 с.
12. Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М., 1952. 207 с.
13. Там же. С. 128.
14. Там же. С. 173.
15. Там же. С. 171.
16. Там же. С. 172.
17. Там же. С. 133.
18. Рындзюнский П.Г. Мелкая промышленность (ремесло и мелкотоварное производство) // Очерки экономической истории России первой половины XIX века. М., 1959. 403 с.
19. Аттокуров С.А. К истории мелкой промышленности Киргизии // Ученые записки Киргизского университета. Серия историческая. 1964. Вып. 8. С. 218–220 ; Будак И.Г. К вопросу о мелком товарном производстве и капиталистической мануфактуре Бессарабии // Ученые записки Кишиневского университета. 1964. Т. 73. С. 59–73 ; Ольховая Л.В. К истории развития мелкой промышленности Урала в конце XIX – начале XX вв. (до Первой мировой войны) // Вопросы экономической истории и экономической географии. Свердловск, 1964. С. 38–50.
20. Аттокуров С.А. Указ. соч.
21. Будак И.Г. Указ. соч.
22. Ольховая Л.В. Указ. соч.
23. Ленин В.И. Указ. соч. М., 1962. Т. 34. 534 с.
24. Клейн И.Л. Мелкая промышленность Среднего Поволжья в конце XIX – начале XX вв. (к вопросу о мелкотоварном укладе в экономике России) // Вопросы истории капиталистической России. Проблемы многоукладности. Свердловск, 1972. С. 346–363.
25. Востриков Н.И. Борьба за массы (городские средние слои накануне Октября). М., 1970. 200 с.
26. Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1989. 751 с. ; Рашин А.Г. Формирование промышленного пролетариата в России. Статистико-экономический очерк. М., 1940. 326 с.
27. Тарновский К.Н. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX вв. М., 1995. 267 с.
28. Там же. С. 29.
29. Там же. С. 33.
30. Там же. С. 53.
31. Там же. С. 60.
32. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX вв. М., 2004. 572 с. ; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.) : в 2 т. СПб., 2003. Т. 1: Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. 548 с.
33. Индустриальное наследие : материалы Международной научной конференции г. Гусь-Хрустальный, 26–27 июня 2006 г. Саранск, 2006. 248 с.
34. Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М., 2008. 323 с. ; Писарькова А.Ф. Городские реформы в России и Московская дума. М., 2010. 298 с.
35. Миронов Б.Н. Указ. соч.
36. Иванова Н.А., Желтова В.П. Указ. соч.
37. Там же. С. 101.
38. Там же. С. 100.
39. Соза Л.Н. От города торгово-ремесленного к городу промышленного типа // Индустриальное наследие : материалы Международной научной конференции. Саранск, 2005. С. 165–174.
40. Братченко Т.М. Модернизация российской промышленности: исторический опыт конца XIX – начала XX вв. // Индустриальное наследие: модернизация российской промышленности : исторический опыт конца XIX – начала XX в. Саранск, 2006. С. 243–249 ; Бурыкина Л.В. Развитие промыслово-ремесленного производства на северо-западном Кавказе в первой половине XIX в. // Индустриальное наследие : материалы Международной научной конференции. Саранск. 2005. С. 144–147.
41. Бокова В.М. Повседневная жизнь Москвы в XIX веке. М., 2009. 538 с. ; Кошман Л.В. Указ. соч. ; Писарькова А.Ф. Указ. соч.
42. Захарова В.В. Мещанское сословие пореформенной России : дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 238 с.
43. Келлер А.В. Ремесло Санкт-Петербурга XVIII – начала XX вв. : дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2018. 658 с.

Информация об авторе

С.М. Жаровцев – соискатель, Московский государственный областной университет, Москва, Россия.

Information about the author

S.M. Zharovtsev – External PhD student, Moscow State Regional University, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 22.04.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 24.05.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 10.06.2021.

Культура

Научная статья

УДК 78

<https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.21>

**Музыкально-исполнительская терминология в ракурсе диалога культур
 (на примере обучения иностранных студентов из Китая в российском вузе)**

Ирина Борисовна Горбунова¹, Светлана Владимировна Мезенцева²

^{1,2}Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
 Санкт-Петербург, Россия

²Хабаровский государственный институт культуры, Хабаровск, Россия

¹gorbunovaib@ Herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4389-6719>

²mezenceva-sv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4258-5436>

Аннотация. В работе актуализируется проблема музыкально-исполнительских терминов и понятий с точки зрения возможности более глубокого понимания менталитета и культуры иностранных студентов из Китайской Народной Республики. Предлагаемый авторами ракурс рассмотрения и понимания музыкально-исполнительской терминологии, ее содержательного наполнения, особенностей смыслового восприятия и характеристики ее значения в различных исторически обусловленных культурно-образовательных сферах функционирования, позволяет найти оптимальные пути к раскрытию и более глубокому пониманию иноязычной культуры. Также авторы статьи акцентируют внимание на определенных результатах проведенного анализа, которые направлены на формирование активного диалога культур между народами двух стран, способствующих как творческому взаимодействию, так и обмену педагогическими концепциями, лежащими в основе музыкально-образовательной системы России и Китая. Исследование проводится на базе Хабаровского государственного института культуры и Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Ключевые слова: иностранные студенты, Китай, российский вуз, музыкальное образование, музыкально-исполнительская терминология, диалог культур

Для цитирования: Горбунова И.Б., Мезенцева С.В. Музыкально-исполнительская терминология в ракурсе диалога культур (на примере обучения иностранных студентов из Китая в российском вузе) // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 124–128. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.21>

Original article

**Musical and performing terminology in the perspective of the dialogue of cultures
 (on the example of teaching foreign students from China at Russian universities)**

Irina B. Gorbunova¹, Svetlana V. Mezentseva²

^{1,2}Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

²Khabarovsk State Institute of Culture, Khabarovsk, Russia

¹gorbunovaib@ Herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4389-6719>

²mezenceva-sv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4258-5436>

Abstract. The paper actualizes the problem of musical and performing terms and concepts from the point of view of the possibility of a deeper understanding of the mentality and culture of foreign students from the People's Republic of China. The authors' perspective of consideration and understanding of musical and performing terminology, its content and features of semantic perception and characteristics of its meaning in various historically determined cultural and educational spheres of functioning, allows to find optimal ways to reveal and better understand foreign language culture. The authors of the paper also focus on certain results of the analysis, which are aimed at forming an active dialogue of cultures between the peoples of the two countries, promoting both creative interaction and the exchange of pedagogical concepts that underlie the music and educational system of Russia and China. The research is conducted on the basis of the Khabarovsk State Institute of Culture and the Herzen State Pedagogical University of Russia.

Keywords: international students, China, Russian university, musical education, music and performance terminology, dialogue of cultures

For citation: Gorbunova I.B., Mezentseva S.V. Musical and performing terminology in the perspective of the dialogue of cultures (on the example of teaching foreign students from China at Russian universities) // Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 124–128. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.21>

Освоение профессиональных музыкальных дисциплин в российском вузе иностранными обучающимися – одна из актуальных проблем современной музыкальной педагогики, тесно связанная с вопросами культурного взаимодействия народов разных стран. В настоящей работе предлагается аспект рассмотрения музыкально-исполнительских терминов [1] и понятий [2] с точки зрения возможности более глубокого понимания менталитета и культуры иностранных студентов из Китайской Народной Республики (КНР), число которых возрастает в российских творческих вузах ежегодно.

В данной статье в качестве образца приводится результат работы, проведенной в Хабаровском государственном институте культуры и представляющей краткий словарь итальянских, французских, немецких, обозначений с переводом на китайский и русский языки [3]. Материал по терминологии, обозначающей характер исполнения музыкальных произведений, подготовлен на кафедре искусствоведения, музыкально-инструментального и вокального искусства Хабаровского государственного института культуры одним из авторов статьи С.В. Мезенцевой и иностранным (китайским) студентом 4-го курса Чжоу Хунжу, обучающимся по программе подготовки бакалавров (направление подготовки «Музыкально-инструментальное искусство», профиль «Фортепиано»). Уникальность работы состоит в приведении к единому списку часто встречающихся терминов и обозначений, необходимых иностранным обучающимся для работы по специальным и музыкально-теоретическим дисциплинам в вузе, на пяти языках. Ценность работы также определяет первый совместный труд педагога и иностранного обучающегося в Хабаровском государственном институте культуры*.

Словарь состоит из трех разделов, содержащих темповые и метро-ритмические обозначения, термины, обозначающие характер исполнения и прочие музыкальные термины, не вошедшие в предыдущие разделы. В первой колонке содержатся итальянские, немецкие и французские музыкальные термины (рядом со словом в скобках указан язык: ит. – итальянский, фр. – французский, нем. – немецкий). Во второй колонке термин переведен на китайский язык, в третьей – на русский. Термины и понятия расположены по алфавиту итальянского языка. Словарь не претендует на всеохватность и содержит, на взгляд составителей, необходимый для музыкантов минимум терминов и понятий, который может и должен быть в дальнейшем расширен. Словарь может быть полезен и интересен иностранным обучающимся и их педагогам по немзыкальным направлениям подготовки, образовательный процесс которых тесно связан с музыкальным искусством (например, хореографы, а также различные направления подготовки студентов в области художественного образования, музыкально-компьютерных технологий, звукорежиссуры, звукотембрального программирования [4], обучения искусству исполнительского мастерства на электронных музыкальных инструментах [5], методики преподавания музыкальных дисциплин с использованием музыкально-компьютерных технологий, информационных технологий в музыке и др.).

Для достижения поставленной цели написания подобного словаря потребовалось решение следующих исследовательских задач: провести классификацию музыкальной исполнительской терминологии и составить список наиболее употребительных на современном этапе итальянских, французских, немецких музыкально-исполнительских терминов и обозначений; выполнить их перевод на китайский и русский языки.

Музыкальное исполнительское искусство имеет свою специфическую музыкальную терминологию, которая является одной из важнейших составляющих музыкальной культуры. Музыкальная терминология – неотъемлемая часть деятельности музыкантов любого профиля. О.С. Петровская в своей работе «Формирование и развитие музыкальной терминологии исполнительского искусства: на материале русского, итальянского, английского, французского языков» [6] отмечает, что терминам музыкальной терминосистемы исполнительского искусства, с одной стороны, присущи традиционные качества, такие как краткость, однозначность, нейтральность. С другой стороны, музыкально-исполнительский термин обладает своей спецификой:

- 1) наличие составных форм (ит.: *tempo rubato*, *tempo primo*, *prima volta*, *sotto voce*; динамический акцент, полифоническая фактура и др.);
- 2) наличие терминов-глаголов (арпеджировать, динамизировать, педализировать, артикулировать, тактировать, синкопировать, интерпретировать, интонировать);

* В последующих наших статьях также будет приведен опыт терминологического исследования, проведенного в данном направлении в Российском государственном педагогическом университете им А.И. Герцена со студентами из КНР, обучающимися на различных музыкально-образовательных направлениях подготовки в области музыкального искусства и музыкального образования, включая музыкально-компьютерные технологии в современном творческом процессе и художественном образовании в Школе цифрового века.

3) неоднозначность (*arpedgiato, attacca, da capo al fine* и др.). Например, термин *risoluto*, согласно словарю Пансерона, указывает одновременно на характер музыки, манеру артикулирования и темп; термин *morendo* означает одновременно динамический оттенок и темп. Таким образом, в терминологии музыкального исполнительства наблюдается явление полисемии (многозначности). Один и тот же термин может иметь различные значения;

4) экспрессивность (*con fuoco, agitato, dolce, victorieux, with feeling, vigoroso, capriccioso, maestoso* и др.). Термины, обозначающие характер исполнения, раскрывают эмоциональное состояние музыкального образа.

Музыкальный термин может использоваться в переносном значении (*allegro, largo* – как названия частей, а не в качестве обозначения темпа исполнения). В музыкально-исполнительской терминологии развита графическая система обозначений (' - , CV5, ^ ^ и др.). Графические знаки и изображения разной формы имеют очень важное значение в профессиональной деятельности композитора и исполнителя.

Современное состояние лексики музыкального исполнительства требует глубокого изучения. «Музыкальное искусство, как и любая другая отрасль профессиональной деятельности, обладает специальным языком, главными функциями которого являются передача информации и обеспечение профессионального общения. Этот язык, именуемый в науке терминологией или специальной лексикой, является, с одной стороны, неотъемлемой частью деятельности людей, так или иначе связанных с музыкой, с другой – более или менее самостоятельным сегментом литературного языка, подчиняющимся общим законам и нормам последнего и потому представляющим определенный интерес не только для музыкантов, но и для специалистов в области языка» [7, с. 185].

Для более детального изучения особенностей современного состояния лексики музыкального исполнительства и более глубокого погружения в изучаемую область в ракурсе рассмотрения и понимания музыкально-исполнительской терминологии, ее содержательного наполнения, особенностей смыслового восприятия и характеристик ее значения в различных исторически обусловленных культурно-образовательных сферах функционирования терминологического аппарата, нами были проанализированы работы китайских авторов, среди которых отметим учебные пособия [8], словари музыкальных терминов, изданные в Китае [9], репертуарные сборники с нотным текстом [10]. Проведенный анализ позволяет найти оптимальные пути к раскрытию и более глубокому пониманию иноязычной (китайской) музыкальной культуры. Также с использованием уже достигнутых в исследовании результатов нами подготовлены учебно-методические работы [11], в которых учтены особенности восприятия музыкальных терминов студентами из КНР.

Приведем пример из «Словаря иностранных музыкальных терминов» (табл. 1) [12].

Таблица 1 – Термины, обозначающие характер исполнения 该规定指定的方式的执行情况

术语	意义	俄语
A		
abandon (фр.)	【法】 温爱（原意：委身于所爱之人而不抗拒）；无力。	непринужденно
acuto (ит.)	尖的；尖锐的；高音的。	пронзительно, остро
addolcendo (ит.)	变柔和地。	смягчая, все более нежно
addolorato (ит.)	悲伤的。	скорбно
adirato (ит.)	激怒了的。	гневно
affettuoso (ит.)	热情, 冲动的	нежно
affannato (ит.)	不安的。	тревожно
affektvoll (нем.)	【德】 柔情的。	чувство
affettuosamente (ит.)	柔情地。	чувство
affettuoso (ит.)	柔情的。	с чувством
afflitto (ит.)	受痛苦折磨的；苦恼的。	уныло, печально
afflizione (ит.)	痛苦。	уныние, печаль
agitato (ит.)	激动, 不安的	возбужденно
allamarcia (ит.)	进行曲风格	как марш
allegramente (фр.) allegrement (фр.)	【法】 高兴地。	весело, радостно, быстро
allzu (нем.)	【德】 太；过分。	слишком, чересчур
alternamente (ит.) alternatamente (ит.)	轮流地。	горделиво
alzando (ит.)	提高。	подъем, экзальтация

Продолжение таблицы 1

1	2	3
amabile (ит.)	愉快	ласково, с любовью
amarevole (ит.)	辛酸的。	с горечью
amarezza (ит.)	苦楚；辛酸。	с горечью
amoroso (ит.)	可爱的	любовно
amorevole (ит.)	温爱的。	нежно, страстно
amorevolmente (ит.)	温爱地。	нежно, страстно
amorosamente (ит.)	充满了爱情地。	нежно, страстно
angenehm (нем.)	【德】惬意的；使人悦意的。	приятно
angore (ит.)	焦虑。	тревожно, беспокойно
angosciosamente (ит.)	焦虑不安地。	тревожно, беспокойно
angoscioso (ит.)	焦虑不安的。	тревожно, беспокойно
animato (ит.)	生动, 活泼的	оживленно
appassionato (ит.)	热情的	страстно, т. е. быстро и весьма выразительно
appenato (ит.)	1.艰巨的。2.刻苦的。	страда
ardement (фр.)	【法】热情（如燃）地。	пылко, пламенно
artig (нем.)	【德】美好的。	грациозно
artigkeit (нем.)	【德】美好。	грациозно
aspramente (ит.)	粗糙的。	сурово, жестко, резко
audace (ит.)	大胆的；有力量的。	смело
aufgeweckt (нем.)	【德】机警的；有精神的。	пробуждаясь, бодро, свежо
aufsteigend (нем.)	【德】上升；渐强。	воздушно
mit ausdruck (ит.)	有表情地。	выразительно
ausdrucksvoll (нем.)	【德】富有表情的。	выразительно
avec gout (ит.)	有风韵地。	с грацией, изящно
В		
badinage (фр.)	【法】嬉戏。	шутка, шалость
bedrohlich (нем.)	【德】威吓地。	угрожа
begeisterung (нем.)	【德】（有）精神。	вдохновение, восторг
behaglich (нем.)	【德】自在的；安静的。	покойно, умиротворенно
behendigkeit (нем.)	【德】敏捷。	чувство
beherzt (нем.)	【德】决心的；果断的。	решительно
bel bello (ит.)	不急的；缓缓地。	медлительно, сдержанно
belebt (нем.)	【德】活泼的；快乐的；（稍快的）。	оживленно, одушевленно
belebter (нем.)	【德】更belebt。	оживленно, одушевленно
bellicosamente (ит.)	战斗性地	воинственно
bellicoso (ит.)	战斗的。	воинственно
beruhigend (нем.)	【德】安静下来的。	успокаиваясь
bittend (нем.)	【德】恳求的。	с горечью
betruht (нем.)	【德】忧郁的。	грузно
bizzarramente (ит.)	古怪地。	странно, причудливо
bizzarria (ит.)	古怪。	странно, причудливо
bizarro (ит.)	古怪的。	странно, причудливо
bizzarramente (ит.)	古怪地。	странно, причудливо
bizzarria (ит.)	古怪。	странно, причудливо
bravura (ит.)	辉煌炫耀的；以惊人的技巧和演奏（唱）效果来吸引的。	бравурность
brillante (ит.)	辉煌的	блестяще
brio (ит.)	活力；热力。	живость, веселость, возбуждение
brioso (ит.)	有活力的。	живо, весело, возбужденно
buffo (ит.)	滑稽的	комически
burlando (ит.)	嬉戏的。	шутливо, шаловливо
burlesco (ит.)	滑稽的；逗笑的。	пьеса в шутливом духе

Полученные в работе обобщения и подходы к пониманию музыкально-исполнительской терминологии, ее значения и усвоения иностранными студентами на разных языках (на примере обучения студентов-музыкантов из Китая в российских вузах) раскрывают пути к более глубокому пониманию иноязычной культуры и способствуют активному диалогу культур. Отметим также, что определенные результаты проведенного исследования, которые направлены на формирование активного диалога культур между народами России и Китая, способствующие как творческому взаимодействию, так и обмену педагогическими концепциями, лежащими в основе музыкально-образовательной системы наших стран в целом, определяют особенности формирования «специального языка, главными функциями которого являются передача информации и обеспечение профессионального общения» [13].

Список источников:

1. Корыхалова Н.П. Музыкально-исполнительские термины: возникновение, развитие значений и их оттенки, использование в разных стилях. СПб., 2002. 272 с.; Петровская О.С. Формирование и развитие музыкальной терминологии исполнительского искусства: на материале русского, итальянского, английского, французского языков: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 150 с.
2. Вахромеев В.А. Элементарная теория музыки. М., 2007. 254 с.; Холопова В.Н. Теория музыки: мелодика, ритмика, фактура, тематизм. СПб, 2002. 368 с.
3. Словарь иностранных музыкальных терминов / авт.-сост. С.В. Мезенцева, перевод Чжоу Хунжу. Хабаровск, 2017. 67 с.
4. Горбунова И.Б., Чибирёв С.В. Музыкально-компьютерные технологии: к проблеме моделирования процесса музыкального творчества. Санкт-Петербург, 2012. 159 с.
5. Горбунова И.Б. Музыкальный звук: методические аспекты толкования // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 4. С. 95–100; Горбунова И.Б. Электронные музыкальные инструменты: к проблеме становления исполнительского мастерства // Теория и практика общественного развития. 2015. № 22. С. 233–239.
6. Петровская О.С. Указ. соч. С. 22.
7. Надольская О.Н. Музыкально-исполнительская терминология: введение в проблему // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-1. С. 184–188.
8. Двухголосное сольфеджио: учебное пособие. Шанхай, 2015. 106 с. (на кит. яз.); Ли Чунгуан. Теория музыки. Пекин, 2012. 253 с. (на кит. яз.); Основы теории музыки / под ред. Сунь Пэна, Лю Кэ, Ван Сяона. Харбин, 2011. 247 с. (на кит. яз.); Сольфеджио. Для студентов бакалавриата / под ред. Сюй Цзинсин, Сунь Хун, 2011. Пекин. 263 с. (на кит. яз.); Сольфеджио: чтение с листа / сост.: Ч. Гуйронг, Г. Лемуан, Дж. Карулли. Пекин, 2017. 75 с. (на кит. яз.); Сольфеджио (с упрощенной (нумерованной) системой нотации) / под ред. Чжао Фангпин. Пекин, 2015. 180 с. (на кит. яз.); Сюй Цзин, Сунь Хун. Сольфеджио. Пекин, 2011. 363 с. (на кит. яз.).
9. Словарь иностранных музыкальных терминов. Пекин, 2015. 313 с. (на кит. яз.); Словарь музыкальных терминов / Под ред. Чжан Нинхэ и Ло Цзилань. Пекин, 2015. 118 с. (на кит. яз.); Чжан, Нинхэ, Ло, Зилан. Словарь иностранных музыкальных терминов. Пекин, 2015. 118 с. (на кит. яз.).
10. Песенник (с упрощенной (нумерованной) системой нотации) / под ред. Лу Чжунци. Пекин, 2017. 162 с. (на кит. яз.).
11. Мезенцева С.В. Проблемы учебно-методического обеспечения музыкально-теоретических дисциплин для иностранных студентов в российском вузе [Электронный ресурс] // Педагогика искусства. 2017. № 4. URL: <http://www.art-education.ru/pedagogika-iskusstva-4-2017> (дата обращения 03.06.2021); Мезенцева С.В. Теория музыки: учебное пособие для иностранных студентов. Часть I: Звук. Нотное письмо. Ритм и метр. Интервалы. Лад и тональность / пер. А.В. Сон. Хабаровск, 2015. 52 с.
12. Словарь иностранных музыкальных терминов / авт.-сост. С.В. Мезенцева. С. 18–21.
13. Надольская О.Н. Указ. соч. С. 185.

Информация об авторах

И.Б. Горбунова – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник учебно-методической лаборатории «Музыкально-компьютерные технологии» Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

С.В. Мезенцева – кандидат искусствоведения, доцент, заведующая кафедрой искусствоведения, музыкально-инструментального и вокального искусства Хабаровского государственного института культуры, Хабаровск, Россия; докторант Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

Information about the authors

I.B. Gorbunova – D.Phil. in Education Science, Professor, Chief Researcher, Academic Methodological Laboratory “Music Computer Technologies”, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

S.V. Mezentseva – PhD in Art History, Head, Department of Art History, Musical-Instrumental and Singing Arts, Khabarovsk State Institute of Culture, Khabarovsk, Russia; D.Phil. student, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 21.05.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 31.05.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 10.06.2021.

Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 129–133.
Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 129–133.

Научная статья

УДК 130.2

<https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.22>

Генезис права и морали в философско-культурологическом контексте

Марет Мусламовна Бетильмерзаева¹, Елизавета Магомедовна Чемурзиева²

¹Чеченский государственный педагогический университет, Чеченская Республика, Грозный, Россия

^{1,2}Чеченский государственный университет, Чеченская Республика, Грозный, Россия

¹maret_fil@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8324-7153>

²elizabeth.liz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5093-1266>

Аннотация. В статье на основе существующих подходов к трактовке сущности и смыслов права и морали проведен историко-философский обзор генезиса исследуемых понятий с целью выяснения логики их многовариативного толкования. Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи: провести анализ понятий «право» и «мораль» в их соотношении с понятием «закон»; рассмотреть историю становления и развития данных понятий. Общелогические методы исследования помогли очертить смысловые границы понятий в исторической ретроспективе. Системный подход позволил увидеть эпохальную обусловленность трансформации смыслов соотношения права, морали и закона. Новизна выводов заключается в том, что авторы трактуют существующее многообразие интерпретаций соотношения права и морали в контексте эпохального единства социальных групп (больших и малых). Данный подход позволяет объяснить калейдоскопичность социального бытия, претерпевающего алогичные трансформации, воспринимаемые определенной частью как норма, другими как патология, а третьи удачно минуют с ними встречи.

Ключевые слова: право, мораль, закон, естественное право, позитивное право, философия права, эпоха

Для цитирования: Бетильмерзаева М.М., Чемурзиева Е.М. Генезис права и морали в философско-культурологическом контексте // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 129–133. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.22>

Original article

The genesis of law and morality in a philosophical and cultural context

Maret M. Betilmerzaeva¹, Elizaveta M. Chemurzieva²

¹Chechen State Pedagogical University, Chechen Republic, Grozny, Russia

^{1,2}Chechen State University, Chechen Republic, Grozny, Russia

¹maret_fil@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8324-7153>

²elizabeth.liz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5093-1266>

Abstract. Based on the existing approaches to the interpretation of the essence and meanings of law and morality, the paper provides a historical and philosophical review of the genesis of the concepts under study in order to clarify the logic of their multivariate interpretation. To achieve this goal, the following tasks have been set: to analyze the concepts of law and morality in their relationship with the concept of the law; to consider the history of the formation and development of these concepts. General logical research methods helped to outline the semantic boundaries of concepts in historical retrospect. The systematic approach made it possible to see the epoch-making conditionality of the transformation of the meanings of the correlation between law, morality and the law. The novelty of the conclusions lies in the fact that the authors examine the existing variety of interpretations of the relationship between law and morality in the context of the epochal unity of social groups (large and small). This approach makes it possible to explain the kaleidoscopic nature of social life, undergoing illogical transformations, perceived by a certain part as a norm, by others as pathology, and still others successfully avoid encounters with them.

Keywords: law, morality, the law, natural law, positive law, philosophy of law, epoch

For citation: Betilmerzaeva M.M., Chemurzieva E.M. The genesis of law and morality in a philosophical and cultural context // Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 129–133. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.22>

Понятия «право» и «мораль» («нравственность») исторически оформились в качестве социокультурных установлений человеческого сообщества, в которых находят отражение фундаментальные смыслы человеческого и социального. В философии права сложились различные подходы к определению проблемных границ права и морали, трактуемых не только как нравственно-этические и юридические понятия, но и как автономные формы духовного постижения

человеком собственной сущности. Право и мораль есть продукт эволюции человеческого мышления, которое изначально настроено на различение добра и зла, исходя из повседневного опыта социального взаимодействия, в рефлексии над повседневными задачами и необходимостью принятия решений, приобретает способность рационализировать свою реальность. Исследуя генезис рассматриваемых понятий, представляется, что логика формирования и различных преломлений содержания понятий права и морали обусловлена гносеологической установкой рационализирующей мысли той или иной исторической эпохи.

Экскурс в историю становления предмета нашего исследования показывает, что очень часто понятия «право» и «мораль» в философских и научных текстах, в обыденной практике используются со словом «закон» или в одном словосочетании: правовой закон, моральный закон, моральное право, правовая мораль и т. д. Слово «закон» имеет несколько значений, но нас интересует его изначальный смысл, продуцирующий все остальные варианты применения. Законом вообще принято определять взаимозависимость явлений объективной действительности, т. е. о законе мы можем говорить в случае системной взаимообусловленности явлений объективной реальности. Закон фиксирует некоторую импликацию отношений, в структуре которых выделяются два основных элемента: если А, то В (посылка и следствие). Следовательно, обзор генезиса понятий права и морали будет неполным, если не включить в наш дискурс понятие «закон».

В античной философской мысли были конституированы основные идеи гносеологии, положившие начало поиску истины как фундаментального принципа познающего субъекта. В сознании античного жителя была укоренена мысль о единстве мироздания и равновеликости человека миру, сущностью которого является всеобщая идея блага. Согласно Аристотелю, «государство создается не ради того только, чтобы жить, но преимущественно для того, чтобы жить счастливо» [1, с. 460]. Счастье человека трактовалось как феномен предельно социальный, достижимый посредством политических преобразований. Стагирит размышлял над соотношением политики и этики и видел «необходимость заботиться о добродетели граждан тому государству, которое называется государством по истине, а не только на словах» [2]. Если государственное устройство не базируется на идее общего блага, то закон превращается в гарантию личных прав, но «сделать же граждан добрыми и справедливыми он не в силах» [3]. «Государство не есть общность местожительства, оно не создается в целях предотвращения взаимных обид или ради удобств обмена. Конечно, все эти условия должны быть налицо для существования государства, – писал Аристотель, – но даже и при наличии их всех, вместе взятых, еще не будет государства; оно появляется лишь тогда, когда образуется общение между семьями и родами ради благой жизни, в целях совершенного и самодовлеющего существования» [4]. Цель государства заключается в благой жизни для всех [5]. Государство, закон и право базируются на нравственных нормах, основанных на приоритете всеобщего блага.

Как отмечает А.А. Гусейнов, «для Аристотеля мораль есть прежде всего и по преимуществу моральная (добродетельная) личность, которая формируется и реализуется в добродетельных поступках» [6, с. 5]. Понятие «мораль» входит в античную культуру позже. Аристотель вводит слово «этический» как производное от «этос», которое в греческом языке означает «характер, нрав», для определения качеств добродетельной личности (например, мужество, умеренность). Тем самым акцент делается на том, что этос как характеристика человеческой индивидуальности, в отличие от особенностей психики или ума, представляет собой добродетель, обусловленную не столько природными задатками, сколько социальной средой. Уже в римской традиции Цицероном вводится термин «мораль» как латинский аналог греческого термина «этика».

В связи со сменой социокультурного контекста в средневековой Европе конституируется новый тип гносеологической установки, ограничивающий возможности человеческого познания и апеллирующий к вере как конечной инстанции, способной приблизить человека к истине. Истина отождествляется с верой, в рамках которой античная идея всеобщего блага модифицируется в идею высшего блага, лежащую по ту сторону земной жизни. Происходит переосмысление содержания понятий «право» и «мораль» в рамках Священного Писания и сложившихся под его влиянием богословских концепций. В трактовке античных мыслителей природа права дуалистична, речь идет о праве естественном и праве условном, которое тождественно законам. Соответственно, мораль как высшее благо, продуцируемое культурой, должна питать всякое право. Право и мораль в средневековой религиозной культуре исходят от Бога и функционируют в рамках его законной воли. Большой интерес представляет соотношение морали и закона в осмыслении апологетов веры.

А.В. Оболенский [7] в историческом экскурсе по трактовке права и морали со ссылкой на протоиерея А. Борисова [8] предлагает фрагмент анализа Послания апостола Павла к римлянам. А. Борисов описывает закон как необходимую, но лишь первую стадию на пути человека к внут-

ренному совершенствованию, поскольку закон сам по себе не может изменить греховные склонности человека, «не обладает властью освободить человека от диктатуры греха» [9]. Здесь речь идет о законе Бога, о законе свыше. Следующий шаг – постижение «закона внутреннего человека, который соглашается с Богом, который меня любит» [10]. В этих двух шагах принятия закона прослеживается формула права человека, обладающего свободой выбора. Закон как нечто свыше содержит в себе духовные границы для материальной плоти, которая жаждет следовать своим законам. А. Борисов приводит фрагмент Послания, в котором апостол Павел пишет о том, что его тело испытывается другим – греховным – законом.

Но греховный закон в этом случае имеет двойное выражение. Апостол Павел, как пишет А. Борисов, «увлекаясь действием закона», говорит о сосуществовании в человеке трех видов законов: закон греха как внешняя сила; закон греха, живущий в теле; закон внутреннего человека, который соглашается с Богом [11]. Закон греха как внешняя сила раскрывается в стихах: «...Но я не иначе узнал грех, как посредством закона» (Рим. 7:7); «Я жил некогда без закона; но когда пришла заповедь, то грех ожил» (Рим. 7:9) [12]. Другими словами, заповеди Бога стали демаркацией между добром и злом, праведностью и грехом, языческими обычаями и религиозными традициями, языческой и религиозной картинами мира. И люди со словом Божиим вдруг открыли для себя греховность своих прежних допущений: то, что ранее было нормой, стало грехом. Закон Писания уличает греховность человеческой природы. «Закон свят, но он не может помочь уйти от греха. Закон – лишь великое приготовление, и когда пришло то, к чему закон готовил человека, то закон уступает свое место» [13]. Тем самым право выбора остается за индивидом, который ответственен за свои поступки.

Средневековый актор социального взаимодействия оказывается в тисках стереотипов языческих традиций, человеческой природы и слова Бога. Право, мораль и закон в конечном итоге восходят к закону Божьему как первой и последней инстанции истины. Так, Августин Блаженный однозначно трактует право и мораль (моральное) в духе древних греков: «где нет истинной справедливости, там не может быть и права. Ибо что бывает по праву, то непременно бывает и справедливо» [14]. «Истинная справедливость существует» только в граде Божьем, следовательно, только в нем человек обладает правом. Говоря о морали, Августин трактует ее как речь о нравах и «о конечном благе, к которому следует стремиться, и о зле, которого нужно избегать» [15].

Интересный подход к определению сущности закона и права мы обнаруживаем у Фомы Аквинского, который, рассматривая виды права, пишет, что право делится на естественное и положительное [16]. Естественное право – «это право, основанное на природе вещей», с которым соотносится естественный закон. Позитивное право базируется на «соглашении индивидов, народа или по поручению народа, сформулированное в виде письменного правила его представителей или главой государства» [17].

Позже – в период кризиса религиозного догматизма и формирования модернистских концепций свободы, равенства и братства – происходит трансформация социальных отношений. Под влиянием новых социокультурных трендов меняется тип гносеологической установки, в рамках которого формируются различные трактовки места и роли человека в исторических процессах. Важный вклад в осмысление права и закона вносит Т. Гоббс, заявляя, что «там, где нет общей власти, нет закона, а там, где нет закона, нет несправедливости» [18, с. 88]. Таким образом, получается, что справедливость и несправедливость – это «качества людей, живущих в обществе» [19], т. е. социальные способности людей, воспитывающиеся в контексте социального взаимодействия. Английский философ видит различие между правом и законом в том, что «право состоит в свободе» совершать или не совершать то или иное действие, «между тем как закон определяет и обязывает» подчинению [20].

В философской трактовке права и закона Т. Гоббса прослеживается четкое разграничение смыслов, где их традиционное единение в устремленности ко всеобщему благу нивелируется. Мораль предстает «как наука о том, что такое добро и зло в поступках и в человеческом обществе» [21]. Моральными добродетелями философом признаются «пути и средства к миру», «справедливость, признательность, скромность, беспристрастие, прощение и все остальные естественные законы» [22]. Под естественным законом понимается «общее правило, согласно которому человеку запрещается делать то, что пагубно для его жизни или что лишает его средств к ее сохранению» [23]. По мнению Т. Гоббса, мораль и естественный закон тождественны друг другу. Но существует также закон об установлении. Государство устанавливается, по Т. Гоббсу, с целью обеспечения безопасности людей друг от друга [24]. Таким образом, естественный закон тождественен трактовке права и требованиям морали; законы об установлении, или государственные законы, имеют независимый характер и должны гарантировать безопасность гражданам.

И. Кант связывает право и мораль со свободой и задается вопросом, «почему учение о нравственности (мораль) обычно называется учением об обязанностях, а не учением также и о

правах», хотя они и связаны. И отвечает, что причиной служит то, что «мы знаем свою собственную свободу только через моральный императив», который предписывает должное и позволяет «объяснить способность обязывать других, т. е. понятие права» [25, с. 32]. Мораль предстает как доминанта человеческих поступков.

В последующем формируются различные трактовки права и морали, которые в пределах уже сложившейся традиции естественного и позитивного понимания права акцентируют внимание на ценности того или иного аспекта.

Одним из первых свою типологию моральности права предложил И.В. Михайловский [26], согласно которому можно говорить о четырех типах отношений между правом и моралью: «1-й тип – право и нравственность – это два круга совпадающие; 2-й тип – два круга, стоящие рядом; 3-й тип – два круга концентрических и, наконец, 4-й тип – два пересекающихся круга: часть пространства общая для обоих кругов» [27]. Границы предлагаемых подходов очерчивают все многообразие трактовок соотношения права и морали. А.А. Гусейнов отмечает, что И.В. Михайловский «придерживался последнего типа теорий», подчеркивая, что «некоторая часть норм юридических и нравственных имеет общее содержание» и потому «оказывается невозможным провести между ними... границ раз и навсегда» [28]. Руководящие начала И.В. Михайловского содержат принципы, характерные для правового государства: «1) право не должно предписывать действий, безусловно запрещаемых нравственностью; 2) право может запрещать некоторые безнравственные поступки, но лишь тогда, если ими нарушаются чужие права, и 3) право должно весьма и весьма остерегаться предписывать совершение нравственных поступков» [29].

Согласно С.С. Алексееву, «право и мораль – два своеобразных, самостоятельных института социального регулирования» [30, с. 136], каждый из которых выполняет свои функции. Как одну из важных граней проблемы соотношения права и морали С.С. Алексеев отмечает, «что мораль далеко не всегда может быть оценена только положительно, она имеет и значительные негативные характеристики» [31], как следствие многообразия человеческих культур: архаичные, примитивные, реакционные моральные принципы, существующие наравне с общечеловеческими моральными требованиями.

Таким образом, на основе проведенного обзора источников по проблеме права и морали мы можем сделать вывод о том, что многообразие трактовок предмета исследования обусловлено социокультурными факторами – историческим опытом, традициями, обычаями, событиями, пережитыми представителями той или иной эпохи. Естественно, что исторический процесс социокультурных трансформаций в контексте смены гносеологических установок имеет далеко не однозначный характер в своем свершении. Эпоха в этом контексте не совпадает с физической хронологией. Эпоха представляет собой культурный факт со своим культурным пространством и культурным временем. В одних и тех же пределах физического пространства сосуществуют «разновременные эпохи» и, соответственно, характерное для них понимание соотношения права и морали. Гносеологические установки мышления субъекта, детерминированные тем или иным социокультурным контекстом, влияют на процесс формирования смыслов права и морали.

Список источников:

1. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М., 1983. С. 376–644.
2. Там же. С. 461.
3. Там же.
4. Там же. С. 462.
5. Там же.
6. Гусейнов А.А. Понятие морали // Этическая мысль. 2003. № 4. С. 3–13.
7. Оболенский А.В. Мораль и право в политике и управлении // Общественные науки и современность. 2007. № 1. С. 66–72.
8. Борисов А. Добро и зло в нашей жизни. М., 2004. 304 с.
9. Оболенский А.В. Указ. соч. С. 67.
10. Там же.
11. Борисов А. Указ. соч.
12. Послание к римлянам святого апостола Павла [Электронный ресурс] // Моя Библия онлайн. URL: http://www.my-bible.info/biblio/biblija/posl_riml.html#g7 (дата обращения: 02.06.2021).
13. Оболенский А.В. Указ. соч. С. 67.
14. Августин Блаженный. О граде Божием [Электронный ресурс] // Электронная библиотека RoyalLib.com. URL: https://royallib.com/book/blagenniy_avgustin/o_grade_bogiem.html (дата обращения: 02.06.2021).
15. Там же.
16. Батиев Л.В. Закон и право в философии Фомы Аквинского // Философия права. 2012. № 1 (50). С. 116–121.
17. Там же.
18. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского [Электронный ресурс] // Гражданское общество в России: научная электронная библиотека. URL: https://www.civ-isbook.ru/files/File/Gobbs_Leviafan.pdf (дата обращения: 02.06.2021).
19. Там же. С. 88.

20. Там же. С. 89–90.
21. Там же. С. 113.
22. Там же. С. 114.
23. Там же. С. 89.
24. Там же. С. 119.
25. Кант И. Метафизика нравов. Введение в метафизику нравов [Электронный ресурс] // Гражданское общество в России: научная электронная библиотека. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Kant_Metaphisika_1.pdf (дата обращения: 02.06.2021).
26. Цит. по: Гусейнов А.А. Мораль и право: линия разграничения // Lex Russica. 2018. № 8 (141). С. 7–22. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.141.8.007-022>.
27. Там же. С. 9.
28. Там же.
29. Там же.
30. Алексеев С.С. Теория права. М., 1995. 320 с.
31. Там же. С. 138.

Информация об авторах

М.М. Бетильмерзаева – доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии, политологии и социологии Чеченского государственного педагогического университета; профессор кафедры философии Чеченского государственного университета, Чеченская Республика, Грозный, Россия.

Е.М. Чемурзиева – аспирант кафедры философии Чеченского государственного университета, Чеченская Республика, Грозный, Россия.

Information about the authors

M.M. Betilmerzaeva – D.Phil., Head, Philosophy, Political Science and Sociology Department, Chechen State Pedagogical University; Professor, Philosophy Department, Chechen State University, Chechen Republic, Grozny, Russia.

E.M. Chemurzieva – PhD student, Philosophy Department, Chechen State University, Chechen Republic, Grozny, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 13.04.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 29.04.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 10.06.2021.

Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 134–139.
Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 134–139.

Научная статья

УДК 747

<https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.23>

Методы организации современного столичного кафе как социально значимого пространства

Татьяна Евгеньевна Белякова¹, Анастасия Сергеевна Кондюкова²

^{1,2}Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского, Москва, Россия

¹evatar@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7252-4247>

²nauka@mgut.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8206-2525>

Аннотация. Статья посвящена изучению возможных методов трансформации современного столичного кафе в формат идеального «третьего места». Рассмотрены основные исторические предпосылки возникновения различных типов заведений общественного питания в России. Выделены главные этапы их развития, кратко описано регулирование их деятельности общественной властью, влияющее на социальную функцию заведений. Изучены современные тенденции в развитии кафе как досугового и рабочего пространства. Сделан акцент на внедрение коммуникационных технологий и элементов виртуального мира в пространство общепита. Кроме того, проведен анализ американской теории «третьего места» и отечественных особенностей ее воплощения. На основе результатов исследования охарактеризованы основные направления возможной трансформации обычного кафе в уникальное общественное пространство, грамотно выполняющее социально важные функции.

Ключевые слова: третье место, кафе, дизайн интерьера, общепит, городское пространство, общественные места

Для цитирования: Белякова Т.Е., Кондюкова А.С. Методы организации современного столичного кафе как социально значимого пространства // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 134–139. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.23>

Original article

Methods of organizing a modern metropolitan cafe as a socially significant “third place”

Tatiana Ye. Belyakova¹, Anastasia S. Kondyukova²

^{1,2}K. G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management, Moscow, Russia

¹evatar@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7252-4247>

²nauka@mgut.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8206-2525>

Abstract. The paper explores possible methods of transforming a modern metropolitan café into the format of an ideal “third place”. The main historical prerequisites for the formation of various formats of public catering establishments in Russia are considered. The main stages of their development are highlighted, and the regulation of their activities by the public authorities, which affects the social function of the institutions, is briefly described. Modern trends in the development of cafes as a leisure and working space are studied. The emphasis is placed on the introduction of communication technologies and the virtual world in the catering space. In addition, the synthesis of the American theory of the “third place” and domestic features, as well as the historical and modern conditions of its existence in the capital, is carried out. Based on the results of the study, the main directions of the possible transformation of an ordinary cafe into a real public space that competently performs socially important functions are derived.

Keywords: third place, cafe, interior design, catering, urban space, public spaces

For citation: Belyakova T.Ye., Kondyukova A.S. Methods of organizing a modern metropolitan cafe as a socially significant “third place” // Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 134–139. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.23>

Введение. Р. Ольденбург стал первым социологом, подробно рассмотревшим феномен общественных заведений и их влияние на жизнь населения. Понятие «третьего места» в его теории означает пространство, отличное от дома и работы, в котором происходит ситуационное неформальное общение с элементами творчества и отдыха [1].

В социальном смысле такое пространство несет в себе важные функции. Оно служит местом, где каждый может поделиться своим мнением и обсудить его с другими людьми. Беседа превращается в действие, в трансляцию идей и планов. Люди социально адаптируются, развиваются, обучаются, узнают новости, начинают разбираться в политике [2].

Кофейни и кафе являются основными заведениями свободного времяпровождения в нашей стране: «В России “третьими местами” стали кофейни, ежегодные темпы роста рынка которых составляют 15–20 %. По статистике, 77 % людей пьют кофе ежедневно. На каждого из них приходится в среднем 3,1 чашки ароматного напитка» [3].

Целью настоящего исследования было определение способов организации современного столичного кафе как социально значимого пространства на основе дизайн-проектирования его интерьера и анализа закономерностей исторического развития.

В качестве методов исследования нами использовались следующие: изучение теоретических источников информации по теме социальной теории «третьего места» в современном обществе, исторический анализ этапов развития сферы общественного питания в русских городах, синтез полученных данных и их сопоставление.

Исторические этапы формирования заведений общепита. Анализ истории развития сферы отечественного общественного питания позволяет говорить о существовании 4 этапов в процессе ее становления. Каждый из них характеризуется особым способом организации заведений такого рода и спецификой регулирования их деятельности государственным аппаратом [4].

Первым этапом можно назвать период Древней Руси, когда в жизни граждан появилось такое место, как корчма. Она считалась «вольной», и основная ее ценность состояла не в еде и выпивке, а в возможности обсуждения важных для жизни местного населения вопросов, проведения собраний и высказывания мнений [5]. Корчма, по Р. Ольденбургу, как раз и являлась истинным форматом третьего места [6].

Второй этап – это время реформ Ивана Грозного, когда отношение власти к питейным заведениям изменилось. Монополия государства на алкоголь выражалась в подчинении ему всех такого рода торгующих напитками заведений и поддержании с ними определенных денежных и юридических отношений [7]. Взяв продажу алкоголя под свой контроль, власть стремилась пресечь пьянство среди населения. Возникает разделение заведений на те, где можно выпить, и те, где можно поесть [8]. Получают распространение кабаки и харчевни [9].

Третий этап – петровские реформы, европеизация сферы общественного питания. Новые веяния, обусловленные сменой культурно-политического курса страны, проникли и в систему организации отечественного общепита [10]. По аналогии со странами Центральной и Северной Европы Петр I ввел на территории России новые форматы такого рода заведений.

В течение двух последующих веков – с XVIII по XX – система отечественного общественного питания, все еще жестко регламентированная государственными указами аппарата, быстро развивалась и постепенно приобрела особое значение в жизни общества [11]. Именно в это время зародился формат социально свободного общественного питания.

Один из аспектов этой трансформации обозначен в научном труде Ю.Б. Демиденко. Она пишет: «Практически с первых лет существования города петербургские трактиры, аустерии и гербеги предназначались не только для утоления голода. Столичные заведения общественного питания на протяжении всей своей истории старательно реализовывали петровскую программу бытовых реформ, не только предлагая гостям дополнительные возможности питания, но и знакомя их с самыми разнообразными иноземными новинками. Так, уже при Анне Иоанновне в петербургских аустериях получила распространение игра на бильярде. Немецкий трактир на Крестовском острове был знаменит воскресными выступлениями оркестра, а открывшийся в том же районе в 1788 г. Русский трактир предлагал гостям уже не только музыку, но и цирковые выступления» [12]. Таким образом, заведения общепита в петровский период развития российского общества создавали все условия для свободной социальной коммуникации и отвлечения граждан от дома и работы.

Однако, несмотря на расширение возможностей использования заведений общепита, для реализации желаний посетителей все еще продолжает существовать множество ограничений. Например, по гендеру, по социальному положению, по поведению в заведениях и способах развлечения [13].

Начало четвертого этапа, предшествующего современности, связано с ключевыми событиями XX в.: Первой мировой войной, русской социалистической революцией, изменениями в социально-политическом укладе страны [14]. В данный период истории популярными заведениями общепита становятся народные столовые и кухмистерские, через сеть которых происходило освоение продуктов сельского хозяйства, в том числе коллективного. Они открывались рядом с заводами, учебными заведениями на базе производственных цехов и были ориентированы на определенную клиентскую аудиторию [15]. И хотя подобные заведения формально могли выполнять функции третьего пространства, их государственная, а не частная форма не позволяла им этого делать в полной мере [16].

В конце прошлого века формат заведений общепита начал преобразовываться и приобрел вид современного. На этот процесс повлияло изменение политико-экономического уклада

страны, возвращение частной собственности и открытие границ для иностранных предпринимателей [17]. В таких условиях появилось больше возможностей для приобретения заведениями общественного питания статуса социально важного места, однако в первоначальном значении оно все равно не нашло своего настоящего воплощения на российской почве [18]. Отечественные заведения были вынуждены ориентироваться на экономическую составляющую бизнеса, а не на социальные потребности своих клиентов и местного населения [19].

Современный мир имеет совершенно новый формат социально-политической организации, поэтому многие ограничения, характерные для общепита в прошлом, сегодня не играют в его развитии особой роли, хотя и находят свое отражение в нем. Например, предыдущий этап максимально уравнивал разные слои населения, мужчин и женщин. Следствием этого стало появление смешанной аудитории в том или ином формате общепита. Хотя и сегодня есть градация заведений по среднему чеку на гостя, все равно большинство из них ориентировано на клиента стандартного заработка [20].

Регламентация поведения посетителей общепита также продолжает существовать и прежде всего – из-за высокой ориентации владельцев на экономическую выгоду, описанную выше. Правила позволяют ограничивать время пребывания человека в заведении, тем самым гарантируя места для следующих клиентов [21]; определяют стиль его поведения, что создает комфортные условия для приема пищи посетителями. Контакт между отдельными гостями практически исключен, т. к. все ограничено своей зоной, едой и не имеет поводов для противостояния [22].

Сегодня, в отличие от второго исторического этапа развития, в заведениях общепита можно и покушать, и выпить алкогольные напитки, если у посетителя есть такая цель. Проблема пьянства уже не так актуальна, как в прошлом.

В настоящие дни государство, хотя и занимается регламентацией и систематизацией заведений общественного питания, настолько расширяет границы их возможных форматов, что его контроль уже сложно сравнить с тем, который осуществлялся в предыдущие этапы исторического развития. Это хорошо видно на примере таких необычных форматов заведений общественного питания, как антикафе, коворкинг-кафе, кафе с животными и другие [23].

Современные тенденции в развитии общественных заведений. Социологи, изучающие современные столичные заведения общепита, отмечают следующие тенденции в их развитии.

«Информационная революция», начавшаяся в России в 1990-е годы, постепенно перешла в революцию, которую Запад определил как «революцию рабочего и досугового пространства» [24]. Сегодня у представителей многих профессий появилась возможность работать вне офиса и даже из любой точки мира, где есть подключение к интернету. Люди становятся более мобильными, открытыми для коммуникации и постоянно нуждаются в новых впечатлениях.

В современном мегаполисе социально значимое «третье место» в формате кафе заменяется на его сетевые аналоги, не выполняющие никаких важных для общества функций. Гаджеты с их доступом к интернету создают для пользователя более насыщенную и многофункциональную среду, чем отдельные реальные заведения общественного питания для своих посетителей. «Появляется множество работ, посвященных аспатиальности современного города, то есть ослаблению роли физического городского пространства по сравнению с виртуальным», – пишут современные исследователи [25].

Однако возникновение виртуального пространства не означает замещения им реального. Многие ученые отмечают именно процесс их гибридизации, объединения и накладывания друг на друга [26]. Виртуальное пространство должно быть выстроено, как инфраструктура города, а социальная система реального пространства – комфортна и открыта для коммуникации, как виртуальная сеть. Еще одной особенностью этого процесса, значимой для кафе, является то, что Wi-Fi становится средообразующим фактором [27].

Влияние информационной и технологической революции нельзя отнести к позитивным или негативным факторам развития сферы общественного питания. С одной стороны, появление интернета изолировало людей, перевело их внимание в виртуальный мир. С другой стороны, – открыло возможности для человеческой мобильности, суперскоростной коммуникации и работы из кафе, коворкинга, что делает социальность еще более динамичной и эффективной [28]. Можно сделать вывод, что мы наблюдаем не деградацию заведений общественного питания, а смену условий и формата их существования.

Другие исследователи отмечают, что интернет и его ячейки сами являются видоизмененным третьим местом. Отметим, что этот термин употребляется в данном контексте, скорее, как аналогия. Ведь Р. Ольденбург, в своей теории имел в виду живое, реальное пространство с настоящей человеческой коммуникацией [29].

Социальная теория «третьего места». Коммуникация – это основная цель и последствие существования общественного места. «Без коммуникативного акта “третье место” существовать

не может. В случае подмены данного акта чем-либо иным оно разрушается. Так, своеобразным субститутотом общения может стать электронная техника, например, компьютер или телевизор» [30]. Таким образом, любое опосредованное технологиями взаимодействие людей уже сложно назвать чистым третьим местом.

По Р. Ольденбургу, критериями идеального социального пространства являются [31]:

1. Комфортная атмосфера заведения, располагающая к отдыху, отвлечению от бытовых дел и приятному общению даже незнакомых людей.
2. Доступность, расположение заведения недалеко от дома или работы потенциальных участников коммуникации, что способствует созданию круга местных завсегдатаев.
3. Приемлемые цены и открытая политика скидок, специальные предложения для частых посетителей, то есть ориентированность не на максимальную экономическую прибыль, а на служение человеку и обществу.
4. Возможность регулярного посещения заведения, свободного времяпрепровождения в нем.
5. Предоставление бесплатных или платных еды и напитков, поддерживающих атмосферу и удовлетворяющих потребности человека.

В своей книге, посвященной вопросу функционирования общественных заведений, Р. Ольденбург также разобрал основные проблемы, которые мешают гармоничному развитию социальных пространств [32]. Многие из них существуют и в нашей столичной жизни:

1. Исчезновение индивидуальности каждого клиента: «В “неместах” характер не имеет значения, а человек – это только посетитель или покупатель, клиент или пациент; тело, требующее размещения; адрес, по которому вышлют счет; машина, которую нужно припарковать».
2. Ограничение действий и возможностей проявления индивидуальности любого человека, обусловленное «монофункциональностью» заведения общественного питания.
3. Превращение городской коммуникации в пространство для машин, а не для людей, где человек не уверен, сможет ли он, не нарушая ПДД добраться до того или иного места пешком.
4. Смена ориентира проведения досуга с публичного пространства на домашнее. Экономика сегодня подразумевает, что человек должен все, что ему необходимо, иметь дома. Вследствие этого общественное пространство теряет свою уникальность в выполнении многих функций. Яркий пример – тенденция приглашать домой различных специалистов для оказания востребованных услуг (парикмахера, врача, косметолога и т. д.), а также заказывать доставку еды и товаров. Таким образом, у человека отпадает необходимость в посещении общественных мест.
5. Перемещение «третьих мест» на территорию торговых центров, что ведет к приобретению ими сетевого формата и утрате социальных функций.
6. Противоречивая экономическая ситуация, сложности ведения малого бизнеса, высокая конкуренция ставят владельца частного кафе в условия поиска выгоды и постоянного поднятия цен, что также препятствует частому посещению заведений такого рода населением.

7. Еще одна проблема, возникающая в условиях меняющейся городской среды, связана с последствиями отсутствия качественных заведений общепита: «Городские власти не только отказывались предоставлять место и условия для удовлетворения потребности горожан в отдыхе, но они также не могли обеспечить достаточный контроль над теми, кто извлекал выгоду из отсутствия полезных публичных заведений». Таким образом, возникают определенные «уличные» сообщества, не всегда соответствующие социальным нормам, в том числе для детей и подростков.

Результаты работы. В ходе исследования было проанализировано понятие современного «третьего места», определен потенциал данного феномена для российского общества, изучены данные об исторических этапах развития столичных заведений общепита, социальные теории современного общепита, а также теория, выведенная Р. Ольденбургом.

Синтез полученной информации позволил сделать несколько выводов, касающихся методов оптимизации работы кафе и подобных им форм общепита для выполнения социально важных функций:

1. Современные технологии и средства коммуникации формируют новую среду существования кафе, не имеющую аналогов в истории. Владельцам заведений общепита необходимо адаптироваться к новым требованиям времени и максимально благоприятно для социальной среды попытаться использовать виртуальное пространство.
2. Одним из самых важных факторов выбора помещения для точки общественного питания является ее легкодоступность для целевой аудитории, близкая расположенность к работе или дому потенциальных посетителей, а также реальность создания удобной для постоянного посещения среды.
3. Большая ответственность за соответствие кафе или другого заведения общественного питания критериям идеального социального места, по нашему мнению, лежит на дизайнере. Его задачами становятся:

- создание уютной атмосферы, располагающей к коммуникации, средствами дизайна интерьера;
- обеспечение комфорта гостей за счет удобной мебели и рациональной организации пространства;
- оформление зоны для развлечений;
- рассадка гостей и определение маршрута их движения по заведению, при котором они неизбежно будут контактировать с персоналом и другими посетителями.

4. Стоит также отметить, что современное общественное место должно предоставлять человеку возможность выполнения функций, которые он не способен реализовать дома. И здесь в стратегии развития заведения общественного питания должна преобладать работа над созданием в его стенах пространства свободной социальной коммуникации.

Заключение. Можно отметить, что позиция властных структур нашей страны в целом ориентирована на развитие «третьих мест», а не на их ограничение – один из важнейших факторов, без которого будут существовать только «не-места», как выразился Р. Ольденбург в своем фундаментальном исследовании.

Выводы статьи могут быть использованы владельцами предприятий общественного питания, дизайнерами, менеджерами и самими посетителями кафе и ресторанов для совершенствования работы общественного заведения и его популяризации среди населения.

Список источников:

1. Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М., 2014. 456 с.
2. Гафарова Ю.Ю. «Третье пространство» как место коммуникации // Социальные коммуникации в современном мире : сборник научных статей по материалам работы Первого белорусского философского конгресса. Минск, 2018. С. 319–320 ; Пестова А.В. «Третьи места» третьего тысячелетия: революция рабочего и досугового пространства // Человек в мире культуры. 2017. № 2-3. С. 183–185.
3. Петрова Е.С. Кофейни формата lounge как «третьи места» в городском пространстве // Города и местные сообщества : в 2 т. Пермь, 2017. Т. 1. С. 22–30.
4. Малышкина Е.А. Эволюционный путь развития индустрии общественного питания в дореволюционной России // Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 2 (60). С. 72–78.
5. Там же.
6. Ольденбург Р. Указ. соч.
7. Малышкина Е.А. Указ. соч.
8. Долгих Е.В. К истории повседневности: развитие общественного питания в России в XVI–XX вв. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2019. № 2. С. 17–63.
9. Малышкина Е.А. Указ. соч.
10. Там же.
11. Демиденко Ю.Б. Рестораны, трактиры, чайные... Из истории общественного питания в Петербурге XVIII – начала XX века. М., 2011. 155 с.
12. Там же.
13. Долгих Е.В. Указ. соч.
14. Демиденко Ю.Б. Указ. соч. ; Долгих Е.В. Указ. соч.
15. Долгих Е.В. Указ. соч.
16. Ольденбург Р. Указ. соч.
17. Долгих Е.В. Указ. соч.
18. Хусенова С.Х. Ресторанный бизнес в России // Экономика и бизнес: теория и практика. 2015. № 8. С. 132–134.
19. Там же.
20. Там же.
21. Там же.
22. Ольденбург Р. Указ. соч.
23. Квят А.Г. Кафе без еды, фастфуд как медиа, временный парк: поствиртуальность и город 3.0 в России // Logos et Praxis. 2014. № 3 (23). С. 126–136.
24. Пестова А.В. Указ. соч.
25. Квят А.Г. Указ. соч.
26. Там же.
27. Там же.
28. Там же.
29. Ольденбург Р. Указ. соч.
30. Мисонжников Б.Я. Понятие «третьего места» как элемента системы коммунитаристских ценностей // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. 2011. № 2 (42). С. 177–182.
31. Ольденбург Р. Указ. соч.
32. Там же.

Информация об авторах

Т.Е. Белякова – кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Дизайн и прикладное искусство», Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского, Москва, Россия.

А.С. Кондюкова – магистрант, Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского, Москва, Россия.

Information about the authors

T.Ye. Belyakova – PhD in Education Science, Associate Professor of the Department of Design and Applied Arts, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management, Moscow, Russia.

A.S. Kondyukova – Master's Degree Student, K. G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.05.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 01.06.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 10.06.2021.

Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 140–143.
Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 140–143.

Научная статья

УДК 316.72(571.56)

<https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.24>

**Почитание коня и праздничные традиции северных якутов (саха):
по полевым материалам этнографа А.А. Саввина,
собранных в 1939 г. в Верхоянском улусе Якутии**

Галина Николаевна Варавина

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия, varavina1982@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-5906-3979>

Аннотация. В статье рассматривается традиционный весенний обрядовый праздник Конный Ысыах северных якутов (верхоянских – Дьааһы сахалара). Главным источником при написании работы послужили полевые экспедиционные материалы этнографа Андрея Андреевича Саввина, собранные им в 1939 г. в Верхоянском улусе Якутии. При описании устройства этого праздника он уделил особое внимание так называемым благопожеланиям (алгысам). Эти рукописные сведения ранее не были изучены или опубликованы, т. е. в целом не были введены в научный оборот, что обеспечивает новизну исследования. Уникальные полевые записи северной фольклорно-этнографической экспедиции А.А. Саввина хранятся в Рукописном фонде Архива Якутского научного центра СО РАН (ЯНЦ СО РАН). Современная гуманитарная наука сегодня должна по достоинству оценить представленное наследие этого ученого и начать планомерное изучение и публикацию его научных собраний.

Ключевые слова: Арктическая Якутия, северные якуты, саха, А.А. Саввин, Верхоянье, наследие, традиционная культура, обрядовый праздник, Конный Ысыах, ритуально-мифологический практикум, шаманский алгыс

Для цитирования: Варавина Г.Н. Почитание коня и праздничные традиции северных якутов (саха): по полевым материалам этнографа А.А. Саввина, собранных в 1939 г. в Верхоянском улусе Якутии // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 140–143. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.24>

Финансирование: исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 19-012-00170 «Якутские фольклористы: биобиблиографический словарь».

Original article

**Horse veneration and festive traditions of the Northern Yakuts (Sakhalar):
Based on the fieldwork of ethnographer A.A. Savvin,
collected in 1939 in the Verkhoyanskiy ulus of Yakutia**

Galina N. Varavina

Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the RAS, Yakutsk, Russia, varavina1982@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5906-3979>

Abstract. The paper discusses the traditional spring ritual celebration of the Yhyakh horse festival of the Northern Yakuts (Verkhoyansk - Daahy Sahalar). The main source was the fieldwork of ethnographer Andrei Andreevich Savvin, collected by him in 1939 in the Verkhoyanskiy ulus of Yakutia. Describing the arrangement of the festival, he paid particular attention to the so-called benedictions (Algyses). These manuscripts have not previously been researched or published, i.e. in general they have not been introduced into science, which ensures the novelty of the study. The unique field records of A.A. Savvin's northern folk-ethnographical expedition are preserved in the Manuscript Collection of the RAS Yakutsk Research Centre Archive (YaRC SB RAS). Modern scholarship in the humanities should now appreciate the legacy of this scholar and begin systematic study and publication of his scholarly collections.

Keywords: Arctic Yakutia, Northern Yakuts, Sakhalar, A.A. Savvin, Verkhoyanye (Yehee-Daahy), heritage, traditional culture, ritual celebration, Yhyakh horse festival, ritual-mythological workshop, shaman Algys

For citation: Varavina G.N. Horse veneration and festive traditions of the Northern Yakuts (Sakhalar): Based on the fieldwork of ethnographer A.A. Savvin, collected in 1939 in the Verkhoyanskiy ulus of Yakutia // Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 140–143 (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.24>

Funding: The study was carried out within the framework of RFBR grant No. 19-012-00170 "Yakut folklorists: a bibliographical dictionary".

Основным источником при изучении традиционного весеннего обрядового праздника *Конный Ысыах* северных якутов, в частности верхоянских (Дьааны сахалара), послужили полевые экспедиционные материалы этнографа Андрея Андреевича Саввина, которые он собирал в 1939 г. в Верхоянском улусе Якутии.

Северная фольклорно-этнографическая экспедиция проходила в 1939–1940 гг. Ее маршрут включал следующие улусы (районы): Аллаиховский – Верхоянский – Абыйский – Усть-Янский. В результате А.А. Саввин был собран колоссальный по объему и богатый по содержанию этнографический материал, касающийся особенностей духовной и материальной культуры, традиционных религиозных верований северных якутов. Кроме того, зафиксированы несколько текстов северных олонхо, множество исторических преданий, обрядовых песен, алгысов, сказок, загадок, пословиц и скороговорок. В рамках этих исследований А.А. Саввин собрал значительный корпус шаманских текстов и дал детальное описание шаманских ритуалов. Исследователь обратил внимание на диалектные языковые явления у северных якутов, русских старожилов, аллаиховских юкагиров. Все это нашло отражение в его рукописях и составленном им толковом словаре, который содержит более 1 900 слов. Именно А.А. Саввин впервые в научных работах выделил диалектную речь как особую культурную (мифологическую, ритуальную и др.) терминологию [1].

Как считали якуты, хозяйство верхнего мира основано на разведении коней, поэтому они посвящали этих животных небесным божествам. Конь у якутов божественного происхождения. В народе до недавнего времени жила легенда, что лошадь некогда была прародительницей людей [2, с. 30]. В связи с этим можно выявить ряд признаков, связанных с сакральной, священной значимостью лошадей, которых приносили в жертву. Среди них следует выделить, например, лошадь-тотем, имеющую небесное происхождение, и отдельные части ее тела, особенно волос, наделенный магическими свойствами, обеспечивающими охрану и благоденствие.

Интересно отметить материалы И.А. Худякова, касающиеся обычаев верхоянских якутов. Он приводит предание, которое существовало в Верхоянском округе. В соответствии с ним, один из якутских родов (юсальцы) вымирал от голода, тогда один из них ушел в лес, заблудился и утонул бы, если бы не помощь «сивожелезого» жеребца, который перевез его через реку: «Один из них ушел куда-то в лес, блудил там и утонул бы, как вдруг прибежал к нему сивожелезый жеребец. Якут сел на него, и жеребец перевез его через реку. За рекой оказались люди и скот; таким образом, он спасся от голодной смерти, и т. к. он был родоначальником, то сивожелезый жеребец и сделался богом четырех юсальских наслегов (Дулгалахского, Бустахского, Сартанского и Чинекинского)» [3, с. 272].

Чествование «сивожелезого» жеребца с «яблочными бедрами» (*толбонноох курбаһахтаах күөх борон атыыр*) состояло в следующем: 1) не убивать; 2) если постареет и пропадет, то не ломать его костей; 3) не давать его мяса женщинам и детям; 4) невестка не должна была быть при нем обнаженной или даже с открытой головой; 5) когда пропадет, то его шкуру и голову с шаманским напутствием вешать на лесину; 6) мозг костей можно было доставать не иначе как стесывая кости с одной стороны [4, с. 273].

В якутском пантеоне божеств покровителем коня выступал *Дьөһөгөй Айыы Тойон*. Считалось, что он живет на северо-восточном небе и оттуда наделяет людей лошадьми. В честь него устраивали праздники *Тунах Ыһыах* и *Кулун Ыһыах*, на которых пробовали ранний «жеребячий» кумыс. Торжества проводились в начале лета при переезде на летники, когда в хозяйстве было изобилие этого напитка. Название месяца *тунах* (июнь) переводится как «изобилие молочной пищи». Ритуальное распитие кумыса осуществлялось в доме, украшенном зеленой травой и березовыми ветками. После пиршества на свежем воздухе проводились игры и круговой танец *оһуохай* [5, с. 119].

Возвращаясь к основному вопросу – изучению традиций, связанных с днем Конного Ысыаха, – важно отметить, что А.А. Саввин получил сведения об этом обрядовом празднике от шамана I Эмисского наслега Верхоянского улуса – Дмитрия Софроновича Слепцова, которому на тот момент был 71 год. Обозначенный рукописный материал, собранный ученым, содержит небольшой рассказ этого шамана. По его словам, Конный Ысыах проводился верхоянскими якутами весной – в мае – и был в основном посвящен почитаемому среди саха животному – якутской лошади (*Дьөһөгөй оһото* – дитю божества *Дьөһөгөй*). Отдельно следует отметить, что главный календарный обрядовый праздник якутов Ысыах ежегодно проводится по настоящее время в середине июня (праздник нового года, праздник солнца, кумысный праздник).

Данный небольшой рассказ начинается тем, что Конный Ысыах устраивал человек, который имел лошадей в хозяйстве, например богатый якут с большим табуном. Обрядовый праздник обязательно проводил шаман *Айыы (Айыы ойууна)* – белый шаман. Указывалось, что шаман, который «съел» людей или домашний скот, не должен при этом присутствовать («*Киһини-сүөһүнү сизбит, куһабан абааһы ойууна ыһыах ыспат*»). Также Д.С. Слепцов отмечал, что «в старину

<Конный Ысыах> справлялся <проводился, посвящался> жеребцу и кобыле красивой масти» («*Былыргыта Кэрэ дьүһүннээх атыырга, бизэс ыһыллыахтаах*») [6].

К Ысыаху заранее готовили одного жеребца и двух кобыл из табуна, им специально соорудили три новые конюшни. Во время праздника возле шамана стояли три мальчика с сакральными сосудами якутов (*чороонами*), в которых находился кумыс (священный напиток якутов). Из этих емкостей шаман жертвенной ложкой брызгал кумысом на этих животных: сначала на жеребца, а затем на кобыл. В это время исполнялся обряд благословения *алгыс*, проводимый только на данном торжестве. Далее шаманом осуществлялись обряд кормления огня и исполнение алгыса. В кумыс обязательно добавляли масло.

По материалам И.А. Худякова, во время Ысыаха окропление коня кумысом сопровождалось следующими словами: «Вместо нашего святого ставший святым, вместо нашего бога сделавшийся богом, мы не обделяем тебя мелким брызганьем, поэтому всегда подавай большое богатство, широкую благодать!» [7, с. 273].

Алгыс – заклинание-благопожелание шамана на Конном Ысыахе – был значительным по объему (состоял приблизительно из 600 слов) и имел очень богатый язык. В нем главным образом восхвалялось верховное божество *Дьөһөгөй Тойон* и излагались просьбы о том, чтобы он оберегал, охранял, защищал табун [8].

Важно отметить, что конь считался хранителем домашнего очага и семьи от всевозможных злых духов, несчастия [9, с. 178]. Через огонь жертвенного костра подносились дары миру божеств и духов: «Огонь и конь как первоэлементы культуры якутов маркируют весь отведенный им "сценарий жизни", т. е. присутствуют во всех обрядах жизненного цикла (рождение, свадьба, праздник, смерть)» [10, с. 35].

При трактовке составляющих этого обряда Г.В. Ксенофонов «усматривал в образе *айыы* шамана не что иное, как самого коня, а присутствие коней, кобыл, жеребят и жеребцов на Ысыахе объяснял тем, что в них живет само божество. В древности божества угощались через коней. Им подносили кумыс. Действительно, у якутов белый конь был связан с небесным сводом, возможно, с самим Солнцем» [11, с. 31].

Примечательно, что у верхоянских якутов также устраивался Ысыах домашнего рогатого скота (*Ылах-сүөһү Ыһыаҕа*). Этот праздник проводился в середине июня и также предусматривал исполнение специальных алгысов. Об этом обряде А.А. Саввину рассказали информаторы в возрасте 80 и 98 лет.

Итак, мы рассмотрели один из календарно-обрядовых праздников северных якутов – Конный Ысыах, который был посвящен почитанию коня. Конь, кумыс и огонь на этом торжестве являлись главными сакральными символами. Основное ритуальное действие состояло в обряде предложения кумыса высшим божествам, а именно *Дьөһөгөй Айыы* – покровителю конного скота. Это символическое действие и исполнение алгыса выступали в качестве обращения к божествам Айыы с молитвой о благополучии всего рода и домашних животных. Данный Ысыах носил семейно-родовой характер. В целом в культовой и ритуальной практике якутов большое место отводилось почитанию коня.

Таким образом, у якутов в обрядовой части традиционных праздников отчетливо выражена связь с их хозяйственно-культурными особенностями. У якутов-скотоводов, как и у других скотоводческих народов, на первом месте находились ритуалы, касающиеся почитания коня, содержащие просьбы о богатом приплоде скота.

Список источников:

1. Романова Е.Н. Мифология и ритуал в якутской традиции : дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999. 388 с.
2. Романова Е.Н. Якутский праздник Ысыах: истоки и представления. Новосибирск, 1994. 159 с.
3. Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. Л., 1969. 439 с.
4. Там же. С. 273.
5. Романова Е.Н. Якутский праздник ... С. 119.
6. Саввин А.А. Сылгы Ыһыаҕа = Конный Ысыах // Архив ЯНЦ СО РАН. Рукописный фонд. Ф. 5. Оп. 3. Д. 467. Л. 16. На якут. яз.
7. Худяков И.А. Указ. соч. С. 273.
8. Саввин А.А. Сылгы Ыһыаҕар ойуун алгыһа = Шаманский алгыс на Конном Ысыахе // Архив ЯНЦ СО РАН. Рукописный фонд. Ф. 5. Оп. 3. Д. 467. Л. 18. На якут. яз.
9. Борисова А.А., Ларионова А.С. Образно-символические средства выражения прекрасного в культуре саха // Культура и цивилизация. 2016. № 3. С. 176–186.
10. Романова Е.Н. Якутский праздник ... С. 35.
11. Там же. С. 31.

Информация об авторе

Г.Н. Варавина – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии и этнографии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия.

Information about the author

G.N. Varavina – PhD in History, Research Fellow, Department of Archaeology and Ethnography, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the RAS, Yakutsk, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 22.05.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 03.06.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 10.06.2021.

Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 144–153.
Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 144–153.

Научная статья
УДК 008:[902.2:355]
<https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.25>

Находки поисковых отрядов как часть культурного наследия

Александр Владимирович Пянкевич

Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Санкт-Петербург, Россия,
pyankevich.alexander@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1730-0822>

Аннотация. В статье рассмотрены культурные особенности предметов, обнаруживаемых поисковыми отрядами на полях сражений Великой Отечественной войны. Информационный потенциал этих артефактов проанализирован с точки зрения взглядов философов, историков, культурологов и музееведов. Прослежен процесс трансформации вещей, брошенных на поле боя, из военного мусора в предметы музейного значения. Находки поисковиков оцениваются через призму понятий «культурное наследие» и «военно-историческое наследие». Границы этих категорий и их применение к реликвиям Великой Отечественной войны изучаются на основе взглядов российских и зарубежных ученых. Предметы, найденные на местах сражений, исследуются с позиции развивающейся вспомогательной исторической науки – военной археологии индустриальной эпохи. Автором предложено определение понятия «предмет военной археологии Великой Отечественной войны». Раскрыта значимость обнаруживаемых артефактов, показана важность каждой находки времен войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Вторая мировая война, военная археология, культурное наследие, военно-историческое наследие, предметы музейного значения, вещь в культуре, история повседневности, общественные поисковые организации, поисковое движение, поисковые отряды

Для цитирования: Пянкевич А.В. Находки поисковых отрядов как часть культурного наследия // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 144–153. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.25>

Original article

Great Patriotic War archeology artifacts as part of cultural heritage

Alexander V. Pyankevich

Saint-Petersburg State University of Culture and Arts, Saint Petersburg, Russia,
pyankevich.alexander@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1730-0822>

Abstract. The paper examines the cultural characteristics of objects discovered by search parties on the Great Patriotic War battlefields. The informative capacity of these artefacts has been analyzed from the viewpoint of philosophers, historians, cultural historians and museologists. The transformation process of things abandoned on a battlefield from military debris into objects of museum value was traced. The finds of the searchers are evaluated through the prism of “cultural heritage” and “military-historical heritage”. The boundaries of these concepts and their application to relics of the Great Patriotic War were analyzed on the basis of the views of Russian and scholars abroad. Objects found at battlefields are investigated from the perspective of the emerging auxiliary historical science of industrial-age military archaeology. A definition of “The subject of military archaeology of the Great Patriotic War” has been proffered by the author. The significance of the artefacts exposed is revealed, showing the importance of each war-time finds.

Keywords: Great Patriotic War, Second World War, military archaeology, cultural heritage, military-historical heritage, objects of museum value, cultural objects, history of everyday life, public search organizations, , search movement, search parties

For citation: Pyankevich A.V. Great Patriotic War archeology artifacts as part of cultural heritage // Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 144–153. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.25>

Великая Отечественная война – один из ключевых этапов истории XX в. Масштабы этого события сложно переоценить, оно коснулось каждой семьи в нашей стране. Постепенно война все дальше уходит в историю. Время неумолимо – уходят и ее участники. Современная молодежь имеет немного возможностей личного общения с ветеранами полей сражений, а вскоре потеряет их вовсе. Основными источниками формирования памяти о военных событиях становятся школьные учебники, художественные произведения кино и литературы, а также средства массовой информации [1, с. 149]. По мнению Н.В. Проказиной, «от того, что и как транслируется, что выступает доминантами в системе передаваемых информационных, аксиологических и эмоциональных элементов, во многом зависит содержание исторической памяти о Великой Отечественной войне» [2, с. 203]. В этой ситуации все большее значение приобретают материальные

свидетельства боевых действий, позволяющие контактировать с реальностью прошлого, формировать представление о нем на основе личного опыта человека.

Согласно проведенному в 2015 г. социологическому опросу [3], более половины респондентов возраста 18–39 лет не имеют в семье реликвий военных лет. Опрошенные, в чьих семьях военные реликвии сохранились, в большинстве своем называют награды, погоны и фотографии. Реликвии другого характера – личные и бытовые вещи (котелки, кружки, портсигары, каски, плащ-палатки, ремни) – сохранились не у многих [4].

Государственные музеи начали собирать реликвии Великой Отечественной войны еще до ее завершения [5]. Это были письма и почетные грамоты, пробитые пулями комсомольские билеты, захваченное оружие и снаряжение врага. За прошедшие 75 лет создано множество государственных военных музеев, в которых представлены разнообразные реликвии войны, они составляют часть музейного фонда Российской Федерации и являются признанным культурным наследием.

Однако, на наш взгляд, существует пласт артефактов, не вошедших в государственный музейный фонд, но тем не менее доступных обществу и являющихся ценнейшими свидетельствами Великой Отечественной войны и частью культурного наследия. Это предметы, оставшиеся после боев на местах сражений и обнаруживаемые участниками поисковых отрядов.

Поисковое движение, цель которого – поиск погибших и захороненных воинов Красной армии и солдат других стран, существует в нашей стране уже многие десятилетия. Начинаясь как деятельность разрозненных групп энтузиастов дело поиска и захоронения погибших солдат в конце 1980-х гг. было признано государством и по сей день продолжает развиваться [6]. Сделано очень много: созданы мемориалы, погребены десятки тысяч солдат, не имевших могил. За годы работы поисковиками на полях сражений обнаружено великое множество разнообразных предметов, использовавшихся бойцами или несущих на себе следы войны. На основе таких находок нередко создаются общественные военные музеи. Это важный предметный мир, который необходимо изучать в том числе с научной точки зрения.

Для того чтобы дать научное определение находкам поисковиков как предметам музейного значения, следует рассмотреть их с позиций философии, аксиологии, музеологии, культурологии и археологии. Предметы, которые находят поисковики, – это вещи, по разным причинам оставшиеся на полях сражений, поэтому логично оценивать их потенциал через призму концепции «философии вещи в культуре». В науке существует множество взглядов на место вещи в пространстве культуры, данным вопросом занимаются философы, историки, культурологи, музейные деятели и представители других гуманитарных наук.

Вещи часто рассматриваются как материальное отражение духовной культуры, как одна из систем координат общества. Советский историк Г.С. Кнабе писал: «Предметы бытового обихода всегда обладали знаковым содержанием и потому характеризовали социокультурную принадлежность человека, ими пользовавшегося. Тога так же представляла комплекс духовных и социально-правовых характеристик римского гражданина, как зипун – мир и положение русского крестьянина XIX в.» [7, с. 30].

Рассматривая вещь с позиции философии культуры, А.А. Селиверстова приходит к выводу, что она, помимо тела (формы, оболочки), имеет и внутреннее содержание – телесность – соединение в ней двух начал: материального и духовного. Материя, проходя через человеческую деятельность, в зависимости от степени важности вложенных в нее идей, символов, ценностного начала приобретает статус культурной вещи, вещи значимой, ценной. Вещь может помочь понять как отдельную личность, так и целую историческую и культурную эпоху [8]. Значит, любая вещь в момент создания или бытования так или иначе вбирает в себя характеристики своей эпохи, своего культурного мира. Вместе с тем А.А. Селиверстова уточняет, что «телесность», или одухотворенность, вещи всегда носит субъективный характер. Можно сделать вывод, что способность вещи представлять культурные и духовные явления зависит от того, какие вопросы этой вещи задает общество.

По мнению Л.М. Шляхтиной, «музей как социокультурный институт документирует прежде всего общественные процессы и явления в их историческом развитии и поэтому призван собирать, хранить и использовать “свидетельства этих процессов и явлений”. Именно значимость предмета, существующего в сфере бытования, определяет его ценность для музея, и такой предмет называется предметом музейного значения» [9, с. 16].

Однако что определяет значимость предмета? Его древность, редкость и исключительность или, наоборот, типичность – способность представлять род или класс подобных вещей, а также мемориальность, т. е. принадлежность к какому-либо выдающемуся деятелю истории. Философ М.Н. Эпштейн считает, что вещи могут обладать и «лирической ценностью, зависящей от степени пережитости и осмысленности вещи, от того, насколько освоена она в духовном опыте

владельца» [10, с. 305]. А если владельцем вещи был не известный человек, но духовный опыт его неординарен и интересен для сегодняшнего дня?

Развивая идею «культурной биографии вещей», американский исследователь И. Копытофф приходит к выводу, что биография вещи напрямую отражает социокультурную специфику общества, в котором проходит ее бытование [11]. Иногда установить культурную биографию предмета целиком невозможно, но можно выявить четкую связь с историческими событиями. Такая связь обуславливает мемориальное значение предмета. Это можно отнести и к предметам, обнаруживаемым на местах сражений, чья связь с военными событиями безусловна. Например, пробитая осколком кружка, обнаруженная в полосе наступления Красной армии в районе Мги, своей культурной биографией выделяется из категории эмалированной посуды второй четверти XX в. и становится предметом с мемориальным значением. В этом повседневном уничтоженном осколком снаряда предмете отражается кусочек судьбы человека – неизвестного солдата РККА, защищавшего Ленинград.

Французский философ Ж. Бодрийяр в работе «Система вещей» выразил идею, что в расположении мебели точно проявляются семейные и социальные структуры эпохи [12, с. 290]. Однако так же, как и бытовая домашняя обстановка, историческую реальность может отражать и совокупность вещей, брошенных на поле сражения в результате боя. В качестве примера можно привести обнаруженную в Синявино позицию советской противотанковой пушки, уничтоженной, вероятно, немецким реактивным минометом. Бои происходили в начале зимы 1943 г. (операция «Искра»). Артиллерийская позиция находилась на льду торфяного карьера. Когда бои прошли и лед растаял, все, оставленное на нем, ушло под воду и оказалось законсервированным в торфе. Под водой были обнаружены многочисленные гильзы от советского противотанкового орудия, разбитые осколками каски и оторванная взрывом станина советской пушки. Довершали картину осколки и детали от двигателей немецких реактивных снарядов. Все эти обнаруженные вместе предметы, на наш взгляд, также составляют «систему вещей», красноречиво отражающую драматические события, развернувшиеся в Синявино в январе 1943 г.

Не менее важной представляется вещь и в контексте повседневности. Французский историк Ф. Бродель в масштабной работе «Структуры повседневности» утверждал: «Материальная жизнь – это люди и вещи, вещи и люди» [13, с. 41]. Рассматривая точки зрения ученых на роль предметов и вещей в повседневной жизни общества, отечественный исследователь Н.В. Чиркова приходит к выводу, что «повседневная жизнь человека теснейшим образом связана с различными вещами и предметами, которые воздействуют на наше сознание, влияют на принятие решений, определяют наше поведение, а также формируют ход большой социальной истории» [14]. Соглашаясь с таким выводом, заметим, что здесь можно найти и обратную последовательность – повседневные предметы могут быть отражением принимаемых людьми решений, их поведения, являться свидетельством большой социальной истории. Разумеется, такой подход применим и к повседневным предметам, окружавшим человека Великой Отечественной войны, в большом количестве оставшимися на полях сражений.

Как уже отмечалось, отбор и выделение предметов, важных для сохранения памяти о войне, начался еще до ее завершения. Музеи стремились увековечить память отгремевших событий, но тогда их в первую очередь интересовали вещи, выделяющиеся из общего ряда, – свидетельства подвигов, самопожертвования, вещи, принадлежавшие героям. Например, личные вещи Зои Космодемьянской, Лизы Чайкиной [15, с. 5] или, наоборот, красноречивые свидетельства зверств врага [16, с. 2].

Подготовленное Народным комиссариатом просвещения РСФСР в 1942 г. Руководство по собиранию материалов по истории Великой Отечественной войны выделяет следующие категории подлежащих музейному собиранию вещественных документов: «трофейные вещи и техника противника; оружие и орудия, применявшиеся врагом для казней и пыток; художественные и культурные ценности, поврежденные захватчиками; памятные вещи из вооружения и обмундирования героев нашей армии и партизанского движения; образцы вооружения и предметы быта партизан; вещи и части одежды жертв немецкого террора» [17, с. 9]. Таким образом, можно отметить, что современники военных событий, безусловно осознавая необходимость сбора вещественных свидетельств войны, отбирали только значимые предметы, отражавшие скорее экстраординарные моменты, чем повседневность. Историк О.Г. Жукова называет своеобразным парадоксом времени то, что только по прошествии лет становится очевидным: самое великое и героическое заключалось в том, что в годы войны казалось простым, обыденным, естественным, само собой разумеющимся и не заслуживающим внимания [18].

В то же время не подлежит сомнению, что подавляющее большинство связанных с войной предметов после завершения боев надолго утратили актуальность для общества. Это неудивительно, война была недавней повседневностью для подавляющего большинства советских людей.

Вещи, составлявшие ее предметный мир, рассматривались с утилитарно-функциональной точки зрения, и с окончанием войны эта функциональность для них была утрачена. Особенно это касалось предметов, потерянных на обширных полях сражений. Оставшиеся на поле боя техника, оружие, снаряжение были неинтересны армии. Развитие вооружения и техники шло семимильными шагами, военные образцы морально устаревали, к тому же пролежавшее несколько лет в неблагоприятных условиях оружие уже не могло отвечать стандартам хранившегося на военных складах. Пробитые осколками фляжки и котелки стали военным мусором. Личные вещи погибших солдат, оставшиеся лежать с хозяевами в траншеях и воронках, не были для современников чем-то из ряда вон выходящим. Жители мест, где прошла война, настолько привыкли к соседству с ее следами, что относились к ним как к части загородного пейзажа. Поисковики, детьми попавшие на территории Волховского фронта в начале 1960-х гг., вспоминают, что местные жители и дачники в большинстве своем безразлично относились к раскиданным в округе погибшим солдатам и их личным вещам, зачастую содержащим информацию о владельцах [19, с. 85; 20, с. 150]. Тем не менее чем дальше в историю уходили военные события, тем больший круг их вещественных свидетельств начинал интересовать общество. Как мы отмечали в предыдущем исследовании, с середины 1960-х гг. в СССР широкое распространение получила практика походов по местам сражений и создания общественных военных музеев, в том числе на основе собранных в походах реликвий [21]. С распадом СССР, однако, эта музейная сеть почти целиком канула в Лету.

Сейчас мировое музейное сообщество все чаще обращается к теме повседневности на войне. Отечественный музеолог И.А. Гринько, анализируя экспозиции отечественных и зарубежных военных музеев, замечает, что представление войны через историю сражений, подвигов и парадов превалирует в музейном пространстве над страшной и тяжелой военной повседневностью, из которой на 99 % состоит любая война. Однако, как замечает автор, «в последнее время на волне развития истории повседневности музейные экспозиции начали уделять больше внимания этому аспекту военной жизни. Это повлекло за собой изменение тематики экспозиций и выставок. Наряду с оружием и наградами в витринах появляются котелки, расчески, полевые библии и даже косметические принадлежности» [22, с. 23]. По мнению исследователя, важным в раскрытии темы войны выступает смещение акцента в сторону изучения человеческих судеб.

Таким образом, можно заключить, что интерес общества все больше фокусируется на повседневных, рутинных вещах войны, которые ранее интересовали его в значительно меньшей степени, чем экстраординарные объекты. Английский социолог М. Томпсон указывает на социальные причины трансформации статуса вещей на протяжении их жизненного цикла. Он утверждает, что предметы проходят три жизненных этапа: практическое использование, девальвация, антикваризация. Каждый из них представляет собой социально санкционированный способ восприятия и оценивания [23, р. 6–33].

На примере предметов антиквариата рассматривает концепцию жизненных циклов вещи Л.Л. Шпаковская. Анализируя биографию предметов быта конца XIX – начала XX в., социолог также выделяет период девальвации, когда старые вещи, некогда функциональные или эстетичные, теряют популярность и превращаются в немодные, нефункциональные, некрасивые. Чтобы они вновь обрели ценность, должны появиться высокостатусные группы, заинтересованные в использовании их «по-новому». При новом употреблении прежние функции трансформируются. Утилитарные функции, которые ранее были основными, отходят на второй план, а иногда вовсе теряют значение, уступая перед эстетикой. В то же время эстетическая функция трансформируется. Те же самые предметы начинают обозначать принадлежность к иным группам и социальным слоям, отражать время через исторические или биографические события, к которым они были причастны, и благодаря этому становятся новыми символами [24, с. 74].

На наш взгляд, выделенные этапы бытования, девальвации и антикваризации можно применить и к предметам истории Великой Отечественной войны, проходившим через эти трансформации во второй половине XX в., превращавшимся из валяющегося под ногами мусора в ценные свидетельства важнейших событий.

Отечественный музеолог А.Н. Балаш, рассматривая взгляды философов на смысл вещи как культурного явления, приходит к выводу, что «процесс переосмысления и ценностной реабилитации вещи как предмета музейного значения не столько зависит от воли узкой группы, сколько обусловлен объективными закономерностями культуры, механизмами преемственности и памяти» [25, с. 22]. Соглашаясь с приведенной точкой зрения, можно отметить, что артефакты, обнаруженные на местах сражений, следует отнести к предметам музейного значения как имеющие непосредственное отношение к важным историческим событиям Великой Отечественной войны.

С точки зрения культурологии и музеологии предметы музейного значения можно рассматривать как часть культурного наследия. Само по себе понятие «культурное наследие», несмотря

на широкое применение, нельзя назвать однозначным. Сейчас среди большинства исследователей принята дефиниция, данная в 1972 г. в Конвенции ЮНЕСКО по защите всемирного культурного наследия. В соответствии со ст. 1 этого документа к культурному наследию относятся памятники, здания и объекты, созданные природой и человеком и имеющие ценность с точки зрения искусства или науки. Е.Н. Мастеница считает это толкование «справедливым для определения внутреннего состава наследия и применимым в утилитарных целях, но не отражающим его роль и место в современном мире» [26, с. 252].

Российская музейная энциклопедия дает культурному и природному наследию следующую трактовку: «совокупность объектов культуры и природы, отражающих этапы развития общества и природы и осознаваемых социумом как ценности, подлежащие сохранению и актуализации» [27].

В энциклопедическом словаре культурологии К.М. Хоруженко культурно-историческое наследие характеризуется как «одна из форм закрепления и передачи совокупного духовного опыта человечества. К культурному наследию исследователь относит язык, идеалы, традиции, обряды, обычаи, праздники, памятные даты, фольклор, народные промыслы и ремесла; произведения искусства, музейные, архивные и библиотечные фонды, коллекции, рукописи, письма, личные архивы; памятники архитектуры, науки и искусства, памятные знаки, сооружения, ансамбли, достопримечательные места и другие свидетельства исторического прошлого» [28, с. 65].

Отечественные ученые продолжают широкую разработку понятия «культурное наследие», приводя свои варианты его трактовки. Для выбора наиболее подходящего определения проанализируем некоторые из них. Исследователь А.А. Копсергенова рассматривает культурное наследие как совокупность всех культурных достижений общества, его исторический опыт, сохраненный в арсенале социальной памяти. «Сущность культурного наследия составляют те ценности, которые созданы предыдущими поколениями, представляют исключительную важность для сохранения культурного генофонда и способствуют дальнейшему культурному прогрессу» [29, с. 9]. П.В. Боярский также формулирует дефиницию анализируемой категории: «совокупность материальных объектов и памятных мест, составляющих условно непрерывный ряд, отражающий все стороны исторического развития человеческого общества в системе биосферы» [30, с. 41]. Изучая существующие в науке точки зрения, Д.С. Добрынин приходит к выводу, что «культурное наследие – термин, употребляемый в истории культуры и культурологии для обозначения совокупности всех культурных достижений (материальных и духовных) данного общества, его исторический опыт, сохраняющийся в арсенале общественной памяти. Культурное наследие обладает непреходящей ценностью, поскольку к нему относятся достижения различной давности, переходящие к новым поколениям в новые эпохи» [31, с. 237].

Другой подход к определению сущности культурного наследия основывается на заключенной в нем информации. Академик Д.С. Лихачев обращал внимание на информационно-временную составляющую в качестве базового компонента наследия [32]. С точки зрения Л.А. Климова, важнейшим свойством любого объекта наследия выступает информативность: «Объект, являющийся частью наследия, является хранителем информации, которая путем ряда процедур может быть из него извлечена». При этом отмечается, что «акт сохранения обеспечивает не столько сохранность самого предмета, сколько сохранение стабильности той системы, в рамках которой этот акт осуществляется» [33, с. 43]. М.Е. Кулешова также отмечает, что «наследие можно рассматривать как информационный потенциал, запечатленный в явлениях, событиях, материальных объектах, и необходимый человечеству для своего развития, а также сохраняемый для передачи будущим поколениям» [34, с. 41].

Интересен и юридический подход к рассматриваемому понятию. А.Н. Панфилов разграничивает культурные ценности и культурное наследие. К основным признакам последнего исследователь относит антропогенность, обладание определенной культурной значимостью (исторической, художественной, научной и др.) и аутентичность [35, с. 301].

Новые подходы к понятию «культурное наследие» выделяет О.В. Галкова. Среди них: генетический, при котором наследие выступает как носитель исторической памяти, обеспечивающей сохранение самобытности национальной или региональной культуры; экологический, когда наследие служит основой устойчивого развития общества и биосферы; географический, при котором наследие представляет собой базу сохранения культурного и природного разнообразия мира, страны, регионов, этносов, групп населения [36, с. 113].

А.Б. Гулова приходит к выводу, что «при всей вариативности определений понятия “культурное наследие” общим признается его ценностно-смысловой характер наполнения жизни человека в истории (через объекты, события, личности и т. д.)». Исследователь также выделяет основные критерии функционирования культурного наследия в обществе: утилитарные, прагматические, эстетические, этические и познавательные [37].

Проанализировав точки зрения отечественных ученых, можно согласиться с мнением Е.Н. Мастеницы, что «культурное наследие – это нечто ценностное, обладающее информационным потенциалом, необходимым для развития и передачи будущим поколениям, это то, что может рассматриваться как один из важнейших ресурсов, влияющих на дальнейшее развитие общества, страны, региона» [38, с. 338].

На наш взгляд, предметы, оставшиеся на полях сражений, можно отнести к культурному наследию как обладающие информационным потенциалом для раскрытия военной истории. В связи с этим необходимо рассмотреть еще одно, более узкое, культурное понятие «военно-историческое наследие». Если культурное наследие, при всей неоднозначности, является широко изучаемой категорией, то термин «военно-историческое наследие» лишен такого интереса исследователей. Казалось бы, война – постоянный спутник истории человечества, бесчисленные военные конфликты и подготовка к ним породили пласты объектов наследия, существует великое множество музеев, занимающихся сбором, хранением и презентацией военных объектов, однако при этом в литературе термин «военно-историческое наследие» встречается редко.

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (Институт наследия) имеет в составе сектор военно-исторического наследия [39]. Его сотрудник С.А. Рябов формулирует свое определение военно-исторического наследия – «совокупность произведенных в результате материальной и духовной деятельности людей объектов и явлений, свидетельствующих о военных событиях прошлого, а также о развитии военного дела» [40]. С.А. Рябов классифицирует объекты такого наследия: «памятники истории – здания, сооружения, памятные места и предметы, связанные с важнейшими историческими событиями – войнами, а также развитием военной науки, техники и вооружения, бытом военнослужащих, с жизнью выдающихся военных деятелей, народных героев, создателей образцов вооружения и боевой техники.

Памятники археологии – укрепленные городища, курганы – места захоронения воинов, укрепления, военные рокадные и фронтовые и др.

Памятники градостроительства и архитектуры – сооружения военной архитектуры, городские крепости (форты), природные ландшафты.

Памятники искусства – произведения литературы, живописи и других видов искусства, повествующие о героизме и мужестве защитников Отечества, жизни армии и флота в различные периоды истории Вооруженных сил России.

Документальные памятники – акты органов государственной власти и органов государственного управления, касающиеся организации обороны страны, ведения боевых действий; письменные и графические документы по управлению войсками и фортификации; кинофотодокументы и звукозаписи; рукописи и военные архивы» [41].

Военный исследователь Е.В. Анфалов видит военно-историческое наследие как «передаваемые будущим поколениям наиболее ценные и почитаемые объекты материальной и духовной культуры» [42, с. 245]. Однако эта дефиниция не определяет военную составляющую понятия и ее можно отнести к культурному наследию в целом.

Созданное указом президента Российской Федерации в 2012 г. Российское Военно-историческое общество в уставе рассматривает военно-историческое наследие России как часть культурного наследия и относит к нему архивные, музейные и библиотечные фонды, касающиеся военно-исторической тематики [43]. Также среди задач по сохранению военно-исторического наследия в уставе выделены военно-археологическая и поисковая деятельность, восстановление и реставрация артефактов [44].

Доктор исторических наук Т.Ю. Юренева применяет понятие «военно-историческое наследие» к военной униформе, мемориальным предметам, вооружению и артиллерии, представленным в музеях города Плевна [45, с. 102]. Используя такой подход на примере Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., автор отмечает коллекции предметов и реликвий, найденных на полях сражений и в братских могилах: фрагменты сапог и униформ, пули, гильзы, гранаты, пробитые пулями котелки, литые иконы, нательные кресты и другие личные вещи русских воинов. Т.Ю. Юренева соглашается с болгарскими исследователями Н. Аспаруховой и Т. Дичевой в том, что «значимость этой коллекции не в художественных достоинствах составляющих ее предметов и тем более не в их уникальности, ведь подобного рода изделия хранятся в музеях и частных коллекциях многих стран. Ценность этих крестов, икон и алтарей... в том, что контекст их открытия и сохранения в Болгарии уникален. Реликвии представляют культурно-историческое наследие Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и поддерживают живой историческую память поколений о драматических событиях, которые принесли свободу Болгарии после пятивекового турецкого ига» [46, с. 104].

Тему военного наследия как комплекса объектов, хранящих память о событиях военной истории и их участниках, поднимает историк В.А. Рубин. Однако он ограничивает данную проблематику архитектурными и скульптурными сооружениями с прахом военнослужащих или без него,

установленными в целях сохранения памяти о событиях и участниках военной истории. При этом исследователь также относит военно-мемориальное наследие к части культурного наследия страны [47, с. 86].

Н.Н. Смолин определяет сохранение наследия военного прошлого как ведущую цель деятельности военно-исторических музеев, что подразумевает экспонирование предметов военного быта, которые помогают составить наглядное представление о минувшей эпохе [48, с. 134].

Как и в российской науке, в Европе термин «военно-историческое наследие» (Military Heritage) проистекает из понятия культурного наследия (Cultural Heritage) и неразрывно связан с ним. Так, например, шведский историк П. Стормберг, изучая сохранившиеся объекты холодной войны, объясняет их ценность исходя из категории «культурное наследие», которую он распространяет на брошенные военные объекты – бункеры, казармы и ракетные шахты. Говоря о необходимости исследования и сохранения этого наследия, а также организации к нему доступа туристов, он акцентирует внимание в первую очередь на общеисторическом значении этих объектов [49]. Польский исследователь Л. Клупс также определяет военно-историческое наследие как часть культурного наследия, связанную с событиями военной истории. Среди объектов Military Heritage она выделяет «места наследия»: фортификационные сооружения, военные заводы, арсеналы, гавани, казармы, военные и военно-морские базы, испытательные полигоны и другие постройки, созданные или использованные в военных целях, ландшафты, включая поле боя, оборонительные сооружения, военные памятники, трофеи, кладбища, кенотафы, а также нематериальное военное наследие – музыку, солдатские песни и военные традиции [50]. Другой польский ученый – археолог Д. Кобылка – напрямую называет предметы, оставшиеся на полях сражений, военно-историческим наследием [51].

Проанализировав точки зрения отечественных и зарубежных ученых, можно заключить, что военно-историческое наследие является составной частью культурного наследия, так или иначе отражающей военную историю человечества, региона или территории. Таким образом, к военно-историческому наследию можно отнести материальные объекты – архитектурные и инженерные сооружения, военную униформу, вооружение, технику, документы, предметы военного быта, археологические памятники военной истории; ландшафты – поля сражений, линии оборонительных сооружений, места расположения войск, воинские захоронения; памятники – военные мемориалы, кладбища, военные музеи и воинские традиции.

Если брать за основу данное определение военно-исторического наследия, то предметы, оставшиеся на полях сражений Второй мировой войны, безусловно, можно охарактеризовать этим понятием как отражающие военную историю. Они относятся ко многим из указанных категорий военно-исторического наследия и обладают важным информационным потенциалом.

Еще одним значимым термином, требующим определения для научного исследования предметов, оставшихся на полях сражений Великой Отечественной войны, является «военная археология». События, а соответственно, и сохранившиеся следы этой войны относятся к XX в. Российская археологическая наука характеризует данный культурный слой как современный, который не рассматривается как сфера интересов археологов [52, с. 12]. Однако анализ ископаемых материальных следов войн XX в. за пределами классической археологии – объективно существующее явление. В последние годы для обозначения деятельности по изучению полей сражений войн XX в., к которым, безусловно, относится и Вторая мировая, широко используется понятие «военная археология», но в российской науке оно почти не конкретизировано. В России с 2009 г. издается журнал «Военная археология», посвященный широкому кругу вопросов, связанных с поисковой деятельностью. В самом первом номере этого издания историк Е.Н. Боле выражала сожаление по поводу того, что «термин “военная археология” пока лишен какого то ни было научного значения» [53, с. 13]. Сейчас, спустя более чем 10 лет, это утверждение по-прежнему актуально.

Советская военная энциклопедия трактует военную археологию как «часть общей археологии, изучающую по вещественным источникам деятельность людей в области военного дела в прошлом» [54, с. 261]. Однако в нашем случае данное определение слишком широко и его нельзя назвать подходящим. С этой точки зрения о понятиях «поисковое движение» и «военная археология» размышляет В.Н. Бубличенко. Он указывает, что «существует устоявшаяся точка зрения на поисковое движение как часть военной археологии» [55, с. 12]. При этом исследователь говорит о различии методик, применяемых в данных областях, и предлагает рассматривать поисковое движение как «одну из вспомогательных исторических дисциплин с узким предметом исследования» [56, с. 11]. А.В. Гафуров и Т.С. Кутявин считают, что «военная археология еще не оформилась в виде полноценной науки из-за не до конца сформированной методологии. Но отмечают, что у нее есть свои методы и она приносит весьма полезные для истории сведения и материалы» [57, с. 158]. П.И. Тихонов среди основных аспектов военной археологии, помимо

практических задач по поиску погибших, выделяет консервацию и реставрацию найденных военных реликвий и анализ обнаруженного археологического материала с последующей попыткой исторической реконструкции [58]. Одно из немногих определений военной археологии дает Д.В. Садовников. По его мнению, военная археология – это «специальная научная дисциплина, призванная исследовать военное наследие, материальные следы вооруженных конфликтов индустриальной эпохи» [59, с. 52].

Как и в России, за рубежом существует понятие «военная археология» применительно к раскопкам на местах военных конфликтов XX в. Однако у исследователей также нет единого мнения относительно методов и задач военной археологии. В англоязычной литературе одновременно применяются три термина, которые можно ассоциировать с военной археологией: *Military Archaeology* – военная археология, *Conflict Archaeology* – археология конфликта и *Battlefield Archaeology* – археология поля боя. С 2005 г. в Великобритании выходит журнал *Journal of Conflict Archaeology*, посвященный военной археологии. В передовой статье первого номера издателя Т. Поллард и И. Бэнкс приводят варианты термина *Battlefield Archaeology* и *Military Archaeology*, но сетуют на то, что этим областям знания тяжело добиваться признания у официальной археологии [60]. На тему сочетания обозначенных англоязычных категорий размышляет голландский ученый Й. Вийнен, который приходит к выводу, что именно археология поля боя (*Battlefield Archaeology*) относится к непосредственной работе по анализу и накоплению военно-исторического наследия [61]. Английский исследователь Н. Сандерс определяет военную археологию современных конфликтов не только как раскопки на местах сражений, но и комплексное изучение предметного мира войны в целях выяснения его внутренних связей и антропологического значения [62, р. 2].

Понимая, что применение термина «археология» в данной коннотации может вызвать оправданную критику со стороны археологического сообщества, считаем необходимым оговориться, что «военная археология» – это отдельная дисциплина, не являющаяся частью археологической науки. При некоторых сходствах методы военной археологии, безусловно, отличаются от методики классического археологического исследования. Однако ввиду широкого, как показано ранее, применения этого понятия по отношению к работе поисковиков военную археологию можно рассматривать как формирующуюся узкоспециализированную научную дисциплину, анализирующую материальные следы конфликтов XX в. и тесно связанную с деятельностью поискового движения.

В литературе отмечается большое значение предметов, найденных поисковиками, но какой-либо единый термин, обозначающий эти ценные с военно-исторической точки зрения предметы, нам обнаружить не удалось. Для обозначения найденных в ходе поисковых экспедиций предметов используются понятия «артефакты», «военные реликвии», «предметы военного времени» [63]. В зарубежной литературе также выделяется категория объектов военной археологии. Например, голландский исследователь Дж. ван дер Шрик относит к материальным свидетельствам войны (*Material Remains of the War*) находящиеся в земле оружие, амуницию, инструменты, личные вещи, обломки авиационной и наземной техники, а также элементы измененного человеком ландшафта – траншеи, бетонные бункеры, воронки и противотанковые рвы [64, р. 229].

Основываясь на анализе отечественной и зарубежной литературы, а также личном опыте поисковой деятельности предлагаем следующее определение предмета военной археологии (индустриальной эпохи): к предметам военной археологии относятся вооружение, снаряжения, амуниция, документы, предметы быта, окопного творчества, личные вещи солдат, военная техника и ее детали, фронтовые укрытия и их детали, объекты природного мира, несущие на себе следы боевых действий, по тем или иным причинам оставленные на полях сражений XX в. и находившиеся там до момента обнаружения поисковиками.

Артефакты, обнаруживаемые на полях сражений, или предметы военной археологии, являются прямыми свидетельствами важнейших исторических событий и представляют предметный мир человека войны. Эти вещи позволяют с новой для современников стороны взглянуть на военную реальность и увидеть за предметами человека и его опыт переживания событий крупнейшей войны в мировой истории, оставившей в земле так много свидетельств. Изучение, сохранение и интерпретация таких предметов как значимой составляющей историко-культурного и военно-исторического наследия важны для государства и народа Российской Федерации – страны с богатым военным прошлым.

Список источников:

1. Старых Н.П. Средства массовой информации как источник формирования исторической памяти о Великой Отечественной войне // Вестник государственного и муниципального управления. 2015. № 2 (17). С. 148–152.
2. Проказина Н.В. Социологический подход к изучению исторической памяти о Великой Отечественной войне // Казанская наука. 2014. № 7. С. 201–204.

3. Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Историческая память россиян о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // *CredoNew*. 2015. № 4. С. 13.
4. Там же.
5. Врочинская К.А., Комарова М.Ф. Работа музеев РСФСР в условиях военного времени. М., 1942. 24 с.; Кантор Ю.З. Отражение событий Великой Отечественной войны в музеях РСФСР в 1941–1945 гг. // *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2015. Т. 17, № 3 (142). С. 8–22; Шишкин А.А., Добротворский Н.П. Государственный мемориальный музей обороны и блокады // *История Петербурга*. 2004. № 1 (17). С. 72–78.
6. Боле Е.Н. Историческое значение поискового движения России // *Военная археология*. 2009. № 1 (1). С. 12–21.
7. Кнабе Г.С. Диалектика повседневности // *Вопросы философии*. 1989. № 5. С. 30–53.
8. Селиверстова А.А. Вещь как объект культуры: взаимосвязь понятий «вещь» и «телесность» в философии культуры // *Манускрипт*. 2017. № 6-1 (80). С. 148–149.
9. Шляхтина Л.М., Фокин С.В. Основы музейного дела. СПб., 2000. 158 с.
10. Эпштейн М.Н. Вещь и слово. О лирическом музее // *Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX–XX вв.* М., 1988. С. 304–333.
11. Копытофф И. Культурная биография вещей: товаризация как процесс // *Социология вещей: сборник статей / под ред. В. Вахштайна*. М., 2006. С. 134–169.
12. Филияев С.Е. Дискурс Ж. Бодрийяра о функциональности вещи в культуре // *Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова*. 2009. Т. 15, № 3. С. 288–292.
13. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. В 3 т. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. 622 с.
14. Чиркова Н.В. Вещи и предметы быта в контексте культуры повседневности // *Концепт*. 2016. № S14. С. 46–50.
15. Комарова М.Ф. О работе музеев в дни Великой Отечественной войны. М., 1943. 36 с.
16. Там же. С. 2.
17. Коробков Н.М. Руководство к собиранию материалов по истории Великой Отечественной войны (для музеев и краеведческих организаций). М., 1942. 28 с.
18. Жукова О.Г. Великая Отечественная война: парадоксы повседневности // *Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение»*. 2014. № 2. С. 2.
19. Алексеев О.Б. Пока не будет захоронен последний солдат // *Простите нас солдаты...: сборник очерков о работе молодежных поисковых отрядов Санкт-Петербурга*. СПб., 2012. С. 85–88.
20. Чупров А.В. В тиши синявинских болот // *Там же*. С. 151–171.
21. Пянкевич А.В. Развитие поискового движения в России (вторая половина XX – начало XXI в.) // *Молодежный вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств*. 2012. № 1. С. 169–173.
22. Гринько И.А. «Нам необходимо услышать этих солдат...» // *Музей*. 2014. № 8. С. 22–28.
23. Thompson M. *Rubbish Theory: The Creation and Destruction of Value*. Oxford; N. Y., 1979. 228 p.
24. Шпаковская Л.Л. Общественная ценность антиквариата // *Социологический журнал*. 2000. № 1–2. С. 70–84.
25. Балаш А.Н. Вещь в музее: размышления о судьбе «предмета музейного значения» // *Вопросы музеологии*. 2013. № 1. С. 19–24.
26. Мастеница Е.Н. Культурное наследие в современном мире: концептуализация понятия и проблематики // *Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств*. 2008. Т. 180. С. 252–262.
27. Культурное и природное наследие [Электронный ресурс] // *Российская музейная энциклопедия*. 2002. URL: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp?85> (дата обращения: 28.05.2021).
28. Хоруженко К.М. *Музеология: энциклопедический словарь*. Ростов н/Д., 1997. 639 с.
29. Копсергенова А.А. *Культурное наследие: философские аспекты анализа: автореф. дис. ... канд. филос. наук*. Ставрополь, 2008. 22 с.
30. Боярский П.В. *Введение в памятниковедение*. М., 1990. 218 с.
31. Добрынин Д.С. Понятие «культурное наследие» в гуманитарной науке // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2012. № 6-1. С. 236–239.
32. Лихачев Д.С. Декларация прав культуры [Электронный ресурс] // *Площадь Лихачева: научный сайт*. 2006–2021. URL: <http://www.lihachev.ru/lihachev/deklaratsiya/123> (дата обращения: 28.05.2021).
33. Климов Л.А. Культурное наследие как система // *Вопросы музеологии*. 2011. № 1. С. 42–46.
34. Кулешова М.Е. Понятийно-терминологическая система «природное культурное наследие»: содержание и основные понятия // *Уникальные территории в культурном и природном наследии: сборник научных трудов*. М., 1994. С. 7–50.
35. Панфилов А.Н. Культурные ценности и объекты культурного наследия: проблема унификации понятий. Ч. 1 // *Право и политика*. 2011. № 2. С. 293–305.
36. Галкова О.В. Теоретические основы культурного наследия // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Сер. 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2011. № 3 (15). С. 110–114.
37. Гулова А.Б., Сидорова Н.В. Проблема актуализации культурного наследия // *Opav-Online*. 2016. № 11 (76). С. 2.
38. Мастеница Е.Н. Деятельность по сохранению и использованию культурного наследия: основания и смыслы // *Основы музеологии: учебное пособие / под ред. И.М. Быховской*. М., 2005. С. 337–361.
39. Мозговой С.А. Изучение военно-исторического и морского наследия в Институте наследия // *Журнал Института наследия*. 2017. № 3. С. 2.
40. Рябов С.А. Некоторые подходы к выявлению объектов военно-исторического наследия [Электронный ресурс] // *Энциклопедия Козельска: народный проект*. 2011. URL: <http://www.kozelskycyclopedia.ru/2011-04-26-08-17-54/125-18> (дата обращения: 28.05.2021).
41. Там же.
42. Анфалов Е.В. Необходимость изучения военно-исторического наследия Российской армии как условие формирования рефлексивно-прогностической готовности курсанта военного вуза // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2017. Т. 6, № 4 (21). С. 244–247.
43. О создании Общероссийской общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество» [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 29 дек. 2012 г. № 1710 // *Официальный сайт Президента России*. 2012. 29 дек. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36611> (дата обращения: 28.05.2021).
44. Устав Российского военно-исторического общества [Электронный ресурс]: в ред. от 1 февр. 2018 г. // *Официальный сайт Российского военно-исторического общества*. 2021. URL: <https://rvio.histrf.ru/officially/ustav-rvio> (дата обращения: 28.05.2021).
45. Юренева Т.Ю. Военно-историческое наследие России в музеях Плевена // *Культурное наследие России*. 2017. № 3. С. 100–105.

46. Там же. С. 104.
47. Рубин В.А., Спиридонова Е.В. Феномен военно-мемориального наследия в отечественной культуре: основные этапы эволюции понятийно-терминологического аппарата // *Философская мысль*. 2018. № 3. С. 84–97.
48. Смолин Н.Н. Коллекция предметов военной форменной одежды первой четверти XIX в. в собрании Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника // *Бородинское поле: музей и памятник: к 165-летию основания Бородинского музея-заповедника* : сборник. М., 2005. С. 134–157.
49. Strömberg P. Swedish Military Bases of the Cold War: The Making of a New Cultural Heritage // *Culture Unbound*. 2010. Vol. 2. P. 635–663. <https://doi.org/10.3384/cu.2000.1525.10236635>.
50. Klupsz L. The Spirit of the Military Heritage Places [Электронный ресурс] // ICOMOS Open Archive. 2008. URL: <http://open-archive.icomos.org/id/eprint/136/1/77-WhFG-13.pdf> (дата обращения: 28.05.2021).
51. Kobialka D. Military Heritage in the Trenches Woodlands and Trash Called Trench Art in the Shadow of the Great War [Электронный ресурс] // *PopAnth – Hot Buttered Humanity*. 2017. June 29. URL: <https://popanth.com/article/military-heritage-in-the-trenches-woodlands-and-trash-called-trench-art-in-the-shadow-of-the-great-war> (дата обращения: 28.05.2021).
52. Мартынов А.И. Археология : учебник. 5-е изд., перераб. М., 2005. 447 с.
53. Боле Е.Н. Указ. соч. С. 13.
54. Советская военная энциклопедия. В 8 т. Т. 1. М., 1976. 637 с.
55. Бубличенко В.Н. К вопросу о научной обоснованности поискового движения // *Государство и общество в увековечении памяти защитников Отечества: опыт, проблемы, перспективы* : материалы Межрегионального научно-практического семинара-совещания. Сыктывкар, 2007. С. 10–15.
56. Там же. С. 11.
57. Гафуров А.В., Кутявин Т.С. Поисковое движение в изучении быта солдат Красной армии // *Поисковое движение как форма изучения событий Великой Отечественной войны* : материалы всероссийской научно-практической конференции. Курск, 2005. С. 157–160.
58. Тихонов П.И. Поиск как военная археология // *Методические рекомендации по военной археологии (по поисковой работе на местах боев Великой Отечественной войны)*. М., 2009. С. 35–36.
59. Садовников Д.В. Поисковая работа и проблемы формирования военной археологии индустриальной эпохи // *Материалы Международного семинара по вопросам увековечения памяти защитников Отечества. 1812, 1941–1945 гг. : доклады, сообщения, методические разработки*. Тула, 2014. С. 41–66.
60. Pollard T., Banks I. Why a Journal of Conflict Archaeology and Why Now? // *Journal of Conflict Archaeology*. 2005. No. 1. P. III–VIII. <https://doi.org/10.1163/157407705774929024>.
61. Wijnen J.A.T. Conflictarcheologie versus Slagveldarcheologie // *Archeobrief*. 2015. Vol. 19, nr 2. P. 2–6.
62. Saunders N.J. Killing Time. Archaeology and the First World War. Cheltenham, 2010. 288 p.
63. Варшавский Д.И. Использование результатов военной археологии в качестве источника при исследовании быта военнослужащих Красной армии // *Вестник Московского государственного областного университета*. 2015. № 3. С. 99–108 ; Гафуров А.В., Кутявин Т.С. Указ. соч. С. 158 ; Тихонов П.И. Указ. соч.
64. Schriek J., Schriek M. Metal Detecting: Friend or Foe of Conflict Archaeology? Investigation, Preservation and Destruction on WWII sites in The Netherlands // *Journal of Community Archaeology and Heritage*. 2014. Vol. 1. P. 228–244. <https://doi.org/10.1179/2051819614Z.00000000020>.

Информация об авторе

А.В. Пянкевич – старший преподаватель кафедры истории и петербурговедения Санкт-Петербургского государственного института культуры, Санкт-Петербург, Россия.

Information about the author

A.V. Pyankevich – Senior Lecturer, History Department, Saint-Petersburg State University of Culture and Arts, Saint Petersburg, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 27.04.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.05.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 10.06.2021.

Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 154–159.
Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 154–159.

Научная статья
УДК 351.85(519.5)
<https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.26>

Корейская волна в культурной политике Республики Корея (1963–2013 гг.)

Елена Олеговна Курепина

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, elena-torn@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4949-0867>

Аннотация. В статье анализируется взаимодействие Корейской волны и культурной политики президентов Республики Корея Пак Чон Хи (1963–1979 гг.), Чон Ду Хвана (1980–1988 гг.), Ро Дэ У (1988–1993 гг.), Ким Ён Сама (1993–1998 гг.), Ким Дэ Чжун (1998–2003 гг.), Но Му Хёна (2003–2008 гг.), Ли Мён Бака (2008–2013 гг.). Делается вывод о том, что развитие культурной политики Южной Кореи в период с 1963 по 2013 гг. можно разделить на три этапа: использование индустрии культуры для легитимизации власти военных правительств; переход к демократическому стилю управления и начало интеграции культурной политики с экономикой; развитие и поддержка Корейской волны правительством с целью улучшения имиджа Республики Корея и развития экономики.

Ключевые слова: массовая культура, экономика, культурная политика, индустрия культуры, Корейская волна, Халлю, Республика Корея, Южная Корея

Для цитирования: Курепина Е.О. Корейская волна в культурной политике Республики Корея (1963–2013 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 154–159. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.26>

Original article

The Korean Wave in the cultural policy of the Republic of Korea (1963–2013)

Elena O. Kurepina

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, elena-torn@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4949-0867>

Abstract. The paper analyzes the interaction of the Korean Wave and the cultural policies of the presidents of the Republic of Korea Park Chung Hee (1963–1979), Chun Doo Hwan (1980–1988), Roh Tae Woo (1988–1993), Kim Young Sam (1993–1998), Kim Dae Jung (1998–2003), Roh Moo Hyun (2003–2008), Lee Myung Bak (2008–2013). It is concluded that the development of South Korea's cultural policy in the period from 1963 to 2013 can be divided into three stages: using the cultural industry to legitimize the power of military governments; transition to a democratic style of government and the beginning of integration of cultural policy with the economy; development and support of the Korean Wave by the government in order to improve the image of the Republic of Korea and the development of the economy.

Keywords: mass culture, economy, cultural policy, cultural industry, Korean Wave, Hallyu, Republic of Korea, South Korea

For citation: Kurepina E.O. The Korean Wave in the cultural policy of the Republic of Korea (1963–2013) // Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 6. P. 154–159. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.26>

За последние двадцать лет южнокорейская массовая культура стала очень популярна за пределами страны. С 2017 г. мир стал свидетелем того, как группа BTS (방탄소년단) бьет рекорды популярности и получает награды по всему миру. Фильм «Паразиты» (기생충, 2019 г.) проложил дорогу для корейского кино в мировом прокате, получив в 2020 г. четыре премии «Оскар». Распространение культурного влияния Южной Кореи способствует улучшению имиджа страны и развитию национальной экономики. По этой причине Республика Корея является одной из немногих стран, ставящих перед собой цель стать ведущим мировым экспортером культуры.

Феномен популярности южнокорейской массовой культуры за рубежом получил название Корейская волна, или Халлю. Впервые этот термин был употреблен в 1997 г. в средствах массовой информации (СМИ) Тайваня для обозначения наплыва товаров южнокорейского производства. Для обозначения популярности массовой южнокорейской культуры термин используется с 1999 г., начало чему положила статья «Временами и восточный ветер дует на восток» в «Пекинской молодежной газете» [1, с. 148].

Зарождение Халлю началось в июне 1997 г. с трансляции на Центральном телевидении Китая (CCTV) дорамы «Что такое любовь?» («사랑이 뭐길래», 1991–1992 гг.). Корейская волна сна-

чала распространилась в Китае и Японии, затем в Юго-Восточной Азии. СМИ приписывали происхождение Халлю нескольким дорамам, выпущенным в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Первый корейский блокбастер «Свири» (쉬리, 1999 г.) стал очень успешным в странах Юго-Восточной Азии. За ним последовали «Осень в моем сердце» (가을동화, 2000 г.), «Моя собственная девочка» (엽기적인 그녀, 2001 г.) и «Зимняя соната» (겨울연가, 2002 г.). Успех этих фильмов за пределами Южной Кореи вызвал широкий общественный резонанс [2].

Наряду с появлением и распространением Корейской волны в конце 1990-х гг. в политике Республики Корея наметился сдвиг в сторону индустрии культуры как фактора экономического развития. Индустрия культуры больше не рассматривалась как идеологический инструмент для сохранения национальной самобытности, а стала восприниматься как перспективная и экономически выгодная отрасль.

Политику Республики Корея в сфере культуры, ее влияние на экономику и Корейскую волну как проявление «мягкой силы» рассматривали в своих работах Е.В. Лачина [3], Д.И. Бураев, М.Ц. Гармаханов [4], А.Д. Кожевникова [5], В.И. Ким [6], Е.У. Ким и Е.С. Постникова [7], И.В. Цой и П.И. Зайнуллина [8]. В данной статье мы проанализируем основные направления культурной политики президентов Республики Корея в период с 1963 по 2013 гг. и ее взаимодействие с Корейской волной.

До 1990-х гг. целью президентов **Пак Чон Хи** (1963–1979 гг.), **Чон Ду Хвана** (1980–1988 гг.) и **Ро Дэ У** (1988–1993 гг.) было достижение высокого уровня экономического развития для обеспечения легитимности авторитарных военных правительств. Социальные и культурные сферы мобилизовывались для достижения политических и экономических целей.

Несмотря на то, что военное правительство **Пак Чон Хи** уделяло приоритетное внимание быстрому экономическому росту, оно начало культурную политику, создавая законы, учреждения, организации и общественные фонды, связанные с культурным сектором. Большинство законов, касающихся сферы культуры, были приняты в 1960-е гг. Управление общественной информации, созданное в 1948 г. при президенте Ли Сын Мане (1948–1960 гг.), было преобразовано в Департамент общественной информации 20 мая 1961 г. и расширено до Министерства культуры и общественной информации в 1968 г. [9, p. 80]. В 1973 г. правительство опубликовало «Первый пятилетний генеральный план культурного развития», ставший первым долгосрочным планом культурной политики. Его цель заключалась в создании новой национальной культуры, основанной на ценностях и самобытности корейского народа. По этой причине в 1974–1978 гг. 70 % общих государственных расходов в секторе культуры приходилось на народное искусство и традиционную культуру [10, p. 40].

При президенте **Чон Ду Хване** субсидии государства в сфере культуры больше не ограничивались культурным наследием и традиционным искусством. Было объявлено о двух культурных планах: «Новый план культурного развития» (1981 г.) и «Культурный план в шестом пятилетнем плане экономического и социального развития» (1986 г.). В соответствии с этими документами правительство стремилось создать национальную культурную самобытность, способствовать развитию искусства, улучшать культурное благосостояние, продвигать региональную культуру и культурный обмен с другими странами [11].

Несмотря на то, что президент **Ро Дэ У** также был военным, его правительство считалось переходным на пути к демократии. Правительство постепенно ослабляло контроль над СМИ. Был издан «Основной закон о прессе» (1987 г.), в котором не содержалось положений об общественной ответственности за прессу, что указывает на попытки правительства «деавторитаризовать» существующие ограничительные правовые механизмы. После вступления в силу закона появились либеральные газеты: *The Hankyoreh* (1988 г.), *Kukmin Ilbo* (1988 г.), *Segye Ilbo* (1989 г.), *Munhwa Ilbo* (1991 г.) [12].

В 1990 г. был разработан «Десятилетний генеральный план культурного развития». Основные цели документа: установление культурной самобытности; содействие развитию искусства; повышение культурного благосостояния; продвижение региональной культуры; содействие международному культурному обмену; развитие СМИ. Культурные планы предыдущих президентов, как правило, были сосредоточены на контроле и регулировании, а не на поддержке и продвижении [13].

Корейское правительство поставило индустрию культуры в центр стратегий экономического развития и заложило основу для ее роста после азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. В политическом плане авторитарному правлению военного правительства пришел конец после серии крупномасштабных демократических протестов 1980-х гг. В социокультурном плане рост численности более образованного среднего класса после индустриализации означал, что потребители требовали более сложных и качественных продуктов культуры. В ответ на эти изменения правительство попыталось разработать новый набор отраслей для роста национальной

экономики, и индустриям культуры стало уделяться повышенное внимание. Кинематограф и музыкальная индустрия стали рассматриваться как обладающие потенциалом для ускорения экономического роста и стимулирования других отраслей, таких как индустрия электронных и информационно-коммуникационных технологий [14, p. 425–426].

Избрание на пост президента **Ким Ён Сама** (1993–1998 гг.) ознаменовало начало демократического управления. Он инициировал политику «создания Новой Кореи», ориентированной на глобализацию, поскольку с 1990-х гг. в новой политической среде, включая демократизацию СМИ и либерализацию рынка, Южная Корея стала экономически более конкурентоспособной. Повышение конкурентоспособности национальной промышленности должно сопровождаться улучшением ее национального имиджа и открытием страны для внешнего рынка. В этих обстоятельствах правительство объявило о трех планах культурной политики: «Новый пятилетний план содействия культурному развитию» (1993 г.), «Генеральный план культурного благополучия» (1996 г.), «Культурное видение 2000» (1997 г.) [15].

Важным элементом культурной политики Ким Ён Сама было развитие экономического потенциала аудиовизуальной индустрии. СМИ и культурная среда Кореи претерпели значительные изменения: были запущены кабельное телевидение и первый спутник связи и вещания. Государственная цензура фильмов и музыки отменена в 1996 г. Были сняты ограничения на участие чешболей (крупные семейные конгломераты) в индустрии культуры. Фильмы *Mr. Momma* (1992 г.), *Two Cops* (1994 г.) и *To Top My Wife* (1995 г.) режиссера Кан У Сока были профинансированы *Daewoo*. Свой бизнес в культурном секторе с начала 1990-х гг. расширила и *Samsung*, запустив в 1995 г. *Samsung Entertainment* [16]. Ким Ён Сам положил начало новому стилю государственного развития через культурную политику, особенно в секторе массовой культуры.

О Корейской волне на государственном уровне впервые заговорил в 2001 г. президент **Ким Дэ Чжун** (1998–2003 гг.), выступая с речью на третьей конференции по продвижению туризма. Президент отметил, что растущая популярность Халлю может быть использована для развития индустрии туризма. Ким Дэ Чжун в основном рассматривал Корейскую волну как способ стимулировать развитие индустрии культуры. Во время его пребывания на посту правительство увеличило бюджет культурного сектора, выделив примерно 0,9 млрд долл., что составляло более 1 % национального бюджета в 2000 г., и увеличило его до 1 млрд долл. в 2001 г. Увеличенная часть бюджета в основном была инвестирована в поддержку индустрии [17, p. 5522].

При президенте Ким Дэ Чжуне корейская экономика стала опираться на более передовые технологически ориентированные отрасли, такие как информационно-коммуникационные технологии (ИКТ). В конце 1990-х гг. рынок культурной продукции быстро расширился внутри страны за счет использования инфраструктуры индустрии ИКТ и технологий электронной промышленности. Это создало взаимовыгодный цикл роста между данными секторами. Правительство способствовало росту цифровизации и распространению корейского культурного контента. Министерство культуры и туризма сформировало Департамент игр и музыкальных записей, что совпало с правительственной программой содействия информатизации в конце 1990-х гг. и повлияло на быстрое распространение персональных компьютеров и высокоскоростного доступа в Интернет. Тем самым Министерство культуры и туризма способствовало росту секторов культуры, одновременно поддерживая расширение технологической инфраструктуры Южной Кореи. Правительство стимулировало увеличение притока капитала в индустрию культуры и делегировало бывшие регулирующие функции правительства специализированным организациям, таким как Корейское агентство культурного контента, Корейский институт радиовещания, Корейский совет по кинематографии, которые имели большую автономию и свободу от государственного контроля [18].

С 1999 по 2003 гг. компаниям, работающим в сфере культуры, было предоставлено кредитов на сумму около 50 млрд корейских вон. Правительство создало инвестиционные фонды для обеспечения прямых финансовых инвестиций в эту отрасль. В результате сотрудничества между Корейским советом по кинематографии и Управлением малого и среднего бизнеса в 1999 г. был создан Фонд продвижения фильмов для финансирования киноиндустрии. В период с 1999 по 2003 гг. было создано более 60 инвестиционных компаний для финансирования киноиндустрии. Правительство также помогало компаниям сферы культуры распространять продукцию на внутреннем, региональном и глобальном рынках [19]. Ким Дэ Чжун успешно начал использовать культуру (дорамы, фильмы, музыку) для стимулирования экспорта, после бума корейских дорам в конце 1990-х гг.

Одной из целей президента **Но Му Хёна** (2003–2008 гг.) было вывести корейские культурные продукты на мировые рынки. Президент подчеркивал важность увеличения экспорта и создания межкультурных связей с такими странами, как Китай и Япония, поскольку популярность корейских дорам и поп-музыки положительно сказывалась на национальном имидже Южной Кореи. Успех корейской массовой культуры за рубежом способствовал не только развитию индустрии развлечений и туризма, но и увеличивал экспорт корейских товаров.

В 2003 г. правительство преобразовало Корейский фонд азиатского культурного обмена (KOFACE) в Корейский фонд международного культурного обмена (KOFICE), спонсируемый Министерством культуры и туризма. KOFICE стремится развивать индустрию культуры в таких областях, как опросы, исследования, ежегодное проведение международных форумов и семинаров, а также организация мероприятий по обмену с другими странами. С 2004 г. KOFICE проводит Глобальный форум индустрии культуры и Форум Халлю. Основная цель фонда – поддерживать и повышать популярность корейской культуры за рубежом [20].

Правительство продолжало стимулировать рост ключевых стратегических отраслей, в том числе индустрии культуры. Отрасли ИКТ стали основной опорой корейской экономики и помогли повысить ее конкурентоспособность с начала 2000-х гг. Вклад отраслей ИКТ в национальный ВВП увеличился с 7,1 % в 2003 г. до 12,1 % в 2011 г.

Финансируемое государством Корейское агентство культурного контента (KOCCA) в 2003 г. построило продюсерский центр *High Digital* (HD). Центр включает студии звукозаписи и дубляжа, производственные, монтажные и постпродакшн объекты для цифрового кинопроизводства, а также цифровые информационные архивы. Правительство субсидировало строительство промышленного парка *Digital Magic Space* (DMS), крупномасштабного объекта для цифрового производства радиовещательных программ [21].

Администрация Но Му Хёна существенно расширила структуру Министерства культуры и туризма. В 2007 г. Министерство создало Группу игровой индустрии – независимое подразделение, предназначенное для продвижения игровой индустрии как внутри страны, так и за рубежом. Создание Команды новых СМИ и Рабочей группы культурных технологий подчеркивает важность обучения квалифицированных кадров. Создание Группы по защите авторских прав совпало с открытием зарубежных офисов Корейской комиссии по авторскому праву, что продемонстрировало заинтересованность правительства в защите прав отечественного бизнеса на зарубежных рынках. При президенте Но Министерство культуры и туризма создало образовательные институты, такие как Академия кибернетического вещания, Аудио- и Видеоакадемия, Корейская академия контента, которые предлагали программы повышения квалификации сотрудников в сфере производства телевидения и разработки игр [22].

Но Му Хён в основном продолжил культурную политику своего предшественника, основанную на принципе государственного развития. Прежде всего, его культурная политика была основана на признании важности технологического развития корейской экономики.

Президент **Ли Мён Бак** (2008–2013 гг.) во время пребывания на посту ставил перед собой цель вывести Южную Корею на более продвинутый экономический уровень. Президент подчеркивал важность развития культурной индустрии и распространил понятие Халлю на традиционную культуру и наследие национальной истории. Правительство планировало поддерживать и развивать Корейскую волну для улучшения имиджа страны в дополнение к росту национальной экономики. Ли Мён Бак сместил риторику в сторону национального брендинга в связи с популярностью Халлю [23]. С целью продвижения бренд-имиджа Республики Корея и поддержки корейского бизнеса за рубежом с помощью правительственных стратегий и политики 22 января 2009 г. был учрежден Президентский совет по национальному брендингу [24]. Совет был призван реализовать политику «глобальной Кореи», целью которой было подчеркнуть важность страны на мировой арене. Правительство проводило активную региональную и международную политику, подчеркивая способность адаптироваться к новым глобальным тенденциям. Правительством был организован ряд международных мероприятий, среди которых Саммит G-20 в Сеуле (11–12 ноября 2010 г.), Четвертый форум высокого уровня по повышению эффективности внешней помощи в Пусане (29 ноября – 1 декабря 2011 г.) и Саммит по ядерной безопасности (Сеул, 26 марта 2012 г.) [25, р. 52–53].

В этот период Корейская волна стала восприниматься президентом Ли Мён Баком как часть государственной политики. Данная стратегия была обусловлена стремлением сделать Южную Корею экономически развитой страной с положительным имиджем на мировой арене. Культурные аспекты рассматриваются как один из инструментов для достижения этой цели, учитывая богатую национальную культуру [26].

Президент Ли стал рассматривать Халлю как элемент «мягкой силы». Термин «мягкая сила» был введен в научный дискурс американским политологом Дж. Найем-младшим во второй половине 1990-х гг. Он определял ее как «умение получать желаемое за счет привлекательности, а не принуждения или вознаграждения» [27]. Ли Мён Бак подчеркивал, что популярность Корейской волны положительно сказывается на национальном бренде и уделял особое внимание глобализации корейской культуры. Независимо от акцента на национальный имидж, общая цель правительства заключалась в развитии национальной экономики за счет институционализации «мягкой силы» [28].

Таким образом, развитие культурной политики Республики Корея в период с 1963 по 2013 гг. можно разделить на три этапа:

1) во время президентских сроков Пак Чон Хи и Чон Ду Хвана правительство использовало культуру для легитимизации политической власти, укрепления государственности и национального единства. Главной целью культурной политики было создание национальной культурной самобытности. В этот период экономическое развитие было приоритетным;

2) период президентства Ро Дэ У считается переходным на пути к демократии, поскольку правительство ослабило контроль над СМИ и начало участвовать в поддержке и продвижении сектора культуры. Президент Ким Ён Сам объявил о политике «создания Новой Кореи», ориентированной на глобализацию. Политика в сфере культуры этого периода была направлена на развитие экономического потенциала индустрии культуры;

3) о Халлю заговорил на государственном уровне. Президенты Ким Дэ Чжун и Но Му Хён увеличили приток капитала в индустрию культуры, поддерживали экспорт корейской культуры и создание межкультурных связей. Во время президентского срока Ли Мён Бака Корейская волна стала рассматриваться как элемент «мягкой силы». Культурная политика в этот период была направлена на развитие, поддержку и популяризацию Халлю с целью улучшения имиджа Республики Корея и развития национальной экономики.

Список источников:

1. Лачина Е.В. «Корейская волна» как проявление «мягкой силы» // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 2. С. 147–155.
2. Korean Wave (Hallyu) – The Rise of Korea's Cultural Economy & Pop Culture [Электронный ресурс] // Martin Roll: Business, Strategy & Brand Marketing Consulting. URL: <https://martinroll.com/resources/articles/asia/korean-wave-hallyu-the-rise-of-koreas-cultural-economy-pop-culture/> (дата обращения: 02.06.2021).
3. Лачина Е.В. Указ. соч.
4. Бураев Д.И., Гармаханов М.Ц. Корейская волна и мягкая сила. Стратегия развития и распространения // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 8. С. 115–119.
5. Кожевникова А.Д. Политика Республики Корея в Северо-Восточной Азии // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2016. № 8. С. 47–53.
6. Ким В.И. Феномен 한류 (1) как политический фактор «мягкой силы» Республики Корея // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2017. Т. 19, № 4. С. 421–424. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2017-19-4-421-424>.
7. Ким Е.У., Постникова Е.С. Роль культурной дипломатии в «мягкой силе» Республики Корея [Электронный ресурс] // Институт Дальнего Востока РАН. URL: <http://www.ifes-ras.ru/publications/online/2347-2018-07-23-09-55-35> (дата обращения: 02.06.2021).
8. Цой И.В., Зайнуллина П.И. Культура как направление реализации стратегий «мягкой силы» Южной Кореи на примере форума «Диалог Россия – Республика Корея» // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2020. Т. 34. С. 36–45. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2020.34.36>.
9. Park Mi Sook. South Korea Cultural History between 1960s and 2012 // International Journal of Korean Humanities and Social Sciences. 2015. Vol. 1. P. 71–118. <https://doi.org/10.14746/kr.2015.01.05>.
10. Yim Haksoo. Cultural Identity and Cultural Policy in South Korea // The International Journal of Cultural Policy. 2002. Vol. 8, iss. 1. P. 37–48. <https://doi.org/10.1080/10286630290032422>.
11. Park Mi Sook. Op. cit. P. 87.
12. Ibid. P. 92.
13. Yim Haksoo. Op. cit. P. 41.
14. Kwon Seung Ho, Kim Joseph. The Cultural Industry Policies of the Korean Government and the Korean Wave // International Journal of Cultural Policy. 2014. Vol. 20, iss. 4. P. 422–439. <https://doi.org/10.1080/10286632.2013.829052>.
15. Yim Haksoo. Op. cit. P. 41.
16. Park Mi Sook. Op. cit. P. 99.
17. Kim Tae Young, Jin Dal Yong. Cultural Policy in the Korean Wave: An Analysis of Cultural Diplomacy Embedded in Presidential Speeches // International Journal of Communication. 2016. Vol. 10. P. 5514–5534.
18. Kwon Seung Ho, Kim Joseph. Op. cit. P. 430.
19. Ibid. P. 433.
20. Park Mi Sook. Op. cit. P. 112–113.
21. Kwon Seung Ho, Kim Joseph. Op. cit. P. 432.
22. Ibid. P. 430.
23. Kim Tae Young, Jin Dal Yong. Op. cit. P. 5524.
24. Presidential Council on Nation Branding, Republic of Korea [Электронный ресурс]. URL: <http://17koreabrand.pa.go.kr/gokr/en/cms/selectKbrdCmsPageTbl.do?cd=0116&m1=1&m2=1> (дата обращения: 02.06.2021).
25. Lincan C.-A., Voicila E.-A. Revisiting Global Korea. South Korea's Soft Power Assets and the Role of Development Cooperation // The Romanian Journal of Sociological Studies. New Series. 2015. Vol. 1. P. 49–63.
26. Kim Tae Young, Jin Dal Yong. Op. cit. P. 5525.
27. Цит. по: Лачина Е.В. Указ. соч. С. 147.
28. Kim Tae Young, Jin Dal Yong. Op. cit. P. 5526.

Информация об авторе

Е.О. Курепина – аспирант департамента искусств и дизайна Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия.

Information about the author

E.O. Kurepina – PhD student, Department of Arts and Design, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 27.04.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.05.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 10.06.2021.

Этические и правовые основы редакционной политики ООО Издательский дом «ХОРС»

Обязанности редакции

Решение о публикации

Редактор и сотрудники ООО Издательский дом «ХОРС» опираются в своей деятельности на общепринятые этические принципы публикации научных материалов, зафиксированные в Декларации «Этические принципы научных публикаций», утвержденной на Общем собрании Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) в рамках 5-й Международной научно-практической конференции «Научное издание международного уровня – 2016: решение проблем издательской этики, рецензирования и подготовки публикаций», которая прошла в Москве 20 мая 2016 г. [1]. Публикационная этика ООО Издательский дом «ХОРС» также базируется на соблюдении норм и правил международного Комитета по публикационной этике – Committee on Publication Ethics (COPE) [2] и Кодекса поведения и наилучшей практики для редакторов журналов [3].

При организации работы редактор и сотрудники редакции руководствуются общепризнанными принципами научности, объективности, профессионализма и беспристрастности. Полученные материалы оцениваются безотносительно к расе, полу, сексуальной ориентации, религиозным убеждениям, этнической принадлежности, гражданству и политическим взглядам авторов. Решение о публикации основывается на научной значимости статьи, ее оригинальности, ясности изложения, новизне, соответствии профилю журнала, а также с учетом действующего законодательства в области клеветы, авторского права и плагиата [4]. Сотрудники редакции ориентируют всех участников публикационного процесса (авторов, рецензентов, членов редакционного совета, работников издательства, читателей) на соблюдение общепризнанных стандартов публикационной этики.

Представленная рукопись может быть отклонена редактором на этапе, предшествующем рецензированию, если для этого имеется веская причина: несоответствие тематики статьи тематике журнала, низкое научное качество статьи, представление ранее опубликованной в другом издании статьи, нарушение в статье этических принципов, которыми руководствуются в своей деятельности редактор и сотрудники редакции, несоблюдение (игнорирование) автором требований оформления статьи.

Редакция оставляет за собой право производить сокращение и редакционные изменения рукописи, которые не влияют на суть и содержательную сторону представленного материала, сохраняя при этом целостность публикации. При работе с текстом статьи редакторы придерживаются соответствующих стандартов научной и публикационной этики.

Все поступающие в редакцию статьи, не отклоненные по тем или иным причинам на первом этапе рассмотрения, передаются экспертам на рецензирование. Они подбираются из числа наиболее компетентных специалистов в области представленного исследования. Имена рецензентов сохраняются в тайне от авторов рукописи, равно как и имена авторов неизвестны рецензентам.

Редакция в своей деятельности придерживается принципа высокого качества публикуемых материалов и их содержательной составляющей, а также осуществляет публикацию исправлений, дополнений, пояснений, извинений в тех случаях, когда в этом возникает необходимость. Размещенные в журнале материалы отражают личную точку зрения авторов, которая может отличаться от точки зрения редакции. Ответственность за приводимые в статьях фактические материалы и данные несут авторы.

Конфиденциальность

Редактор и сотрудники редакции не имеют права разглашать информацию о представленной рукописи никому, кроме ее автора, рецензентов, потенциальных рецензентов, других редакционных консультантов и в случае необходимости издателя. Они собирают только те сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, ученое звание, ученая степень, название аффилированной организации, адрес организации, контактные данные для связи с автором), которые необходимы для осуществления публикации. Эти сведения становятся доступными для неопределенного круга лиц, на что авторы дают свое согласие, подписывая соответствующие сопроводительные документы с указанием полных сведений о себе, требуемых для индексирования российских журналов в библиометрической базе данных Российской системы индексации научного цитирования (РИНЦ).

Разглашение указанных сведений осуществляется в интересах автора с целью полного и корректного учета его публикаций, их цитирования соответствующими библиометрическими базами данных организаций и обеспечения широкого научного контакта автора с отечественным и мировым сообществом. Предоставляемая авторами личная информация будет использоваться исключительно для контактов с ними в процессе подготовки статьи к публикации. Редактор и сотрудники редакции обязуются не передавать данную личную информацию третьим лицам, которые могут использовать ее в иных целях, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

Неопубликованные материалы и конфликт интересов

Потенциальный конфликт интересов может возникнуть тогда, когда существуют особые финансовые, личные или профессиональные условия, которые могут повлиять на научное суждение редактора, сотрудников редакции или рецензента относительно публикации представленной статьи. Для предотвращения подобной ситуации в тексте статьи должны быть указаны все источники финансирования исследования, отстоять коммерческие, финансовые, личные или профессиональные факторы, которые могли бы создать конфликт интересов в отношении поданной на рассмотрение статьи.

Редактор и сотрудники редакции принимают все доступные им меры для предотвращения конфликта интересов. В процессе работы отношения между автором и рецензентами строятся по принципу double-blind peer review: рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента. При подозрении о возможном конфликте интересов автор может попросить исключить из рассмотрения присланной им статьи какого-либо конкретного известного ему редактора и/или рецензента. В таком случае статья будет направлена другому редактору и/или рецензенту. При возникновении конфликта интересов оценка статьи носит непредвзятый характер, не происходит автоматического отказа от ее публикации, поскольку для редакции определяющим критерием является научная составляющая рукописи. При

необходимости редактор и сотрудники редакции могут проинформировать авторов, что по причине возможных конфликтов интересов их работы не могут быть опубликованы в определенных разделах журнала (например, в написанных по заказу статьях или обзорах).

Неопубликованные материалы, содержащиеся в переданной рукописи, не могут быть использованы редактором, сотрудниками редакции или рецензентами в собственных исследованиях без письменного согласия автора. Конфиденциальная информация или идеи, полученные в процессе рецензирования, не будут разглашаться и использоваться в целях получения собственной выгоды. В некоторых обстоятельствах допускается привлечение широкого круга экспертов для анализа текста рукописи, но при сохранении конфиденциальности полученных сведений.

Снятие статьи с публикации

В ряде случаев редактор и сотрудники редакции могут принять решение об отзыве статьи (ретракции). Причинами таких действий могут быть: обнаружение плагиата в статье, в том числе заимствований изображений, рисунков, графиков, таблиц и т. п., если факт плагиата стал очевидным уже после публикации статьи; появление претензий в части авторских прав на статью или отдельные ее части со стороны третьих лиц; обнаружение сотрудниками редакции или рецензентами факта публикации представленной рукописи в другом издании до даты ее выхода в журнале; наличие в опубликованной статье серьезных ошибок, ставящих под сомнение ее научную ценность. При возникновении подобных обстоятельств сотрудники редакции инициируют проверку, по результатам которой статья может быть отозвана с публикации (ретрагирована). После окончания произведенных действий составляется отчет о проверке статьи и протокол об отзыве статьи с публикации, последний подписывается директором ООО Издательский дом «ХОРС». Копии отчета и протокола направляются автору статьи. Статья физически не изымается из опубликованного тиража. Редакция публикует заявление об отзыве статьи с размещением его на соответствующей странице содержания выпуска на своем официальном сайте. Сотрудники редакции внимательно и ответственно рассматривают все обоснованные обращения по поводу обнаруженных нарушений в опубликованных материалах и принимают все допустимые меры для исправления ситуации.

Политика в отношении плагиата

Все поступившие в редакцию статьи в обязательном порядке на начальной стадии приема проверяются на оригинальность и корректность заимствований. В случае обоснованных подозрений о плагиате или обнаружения технических приемов, позволяющих скрыть его наличие или понизить процент заимствований, статьи не принимаются к дальнейшему рассмотрению. Авторам направляется сообщение об отказе в рассмотрении в связи с наличием подозрения о плагиате. Если плагиат обнаружен в уже опубликованной статье, такая статья снимается с публикации без возможности восстановления. При наличии в поступившей статье некорректного заимствования все случаи такого заимствования рассматриваются индивидуально.

Редакция относит к формам плагиата: использование (дословное цитирование) любых материалов в любом объеме без указания источника; использование изображений, рисунков, фотографий, таблиц, графиков, схем и любых других форм графического представления информации без указания источника; использование изображений, рисунков, фотографий, таблиц, графиков, схем и любых других форм графического представления информации, опубликованных в научных и популярных изданиях без согласования с правообладателем; использование без письменного разрешения материалов, авторы или правообладатели которых запрещают использование своих материалов без специального согласования.

К формам некорректного заимствования редакция относит: ссылку не на первый источник заимствованного текста без явного указания на этот факт (ошибка в определении первоисточника); отсутствие ссылок из текста на источники, приведенные в приставном списке; избыточное цитирование (при наличии ссылок на источники), объем которого не обоснован жанром и целями статьи.

Допустимый объем цитирований (корректного заимствования) – не более 20 % от общего объема статьи. Требование не распространяется на обзоры и другие статьи, по объективным причинам требующие наличия большего количества цитирований. Такие материалы рассматриваются редакцией в индивидуальном порядке. Статьи, содержание которых соответствует другим научным материалам автора (диссертация, автореферат, монография, предыдущие публикации в журналах и сборниках), к публикации не принимаются.

Обязанности рецензентов

Вклад в редакционные решения

Рецензирование научных статей экспертами играет огромную роль в обеспечении объективного и научного оценивания представленного материала. Этот процесс основан на взаимном доверии и требует, чтобы все его участники вели себя ответственно и этично [5]. Рецензирование помогает редактору и сотрудникам редакции определить ценность статьи и принять верное решение относительно дальнейшей судьбы рукописи. Деятельность рецензента играет важную роль и в улучшении содержания статьи автора путем дополнения или редукции представленного в ней материала. В конечном счете объективное мнение эксперта о рукописи определяет решение редактора и сотрудников редакции о ее публикации.

Исполнительность

Рецензент должен достаточно оперативно отвечать на предложение написать рецензию, особенно если он не собирается ее готовить по объективным или субъективным причинам. Эксперт, который считает свою квалификацию недостаточной для рассмотрения статьи или поверхностно знает предмет исследования для написания рецензии, должен уведомить об этом редактора, описав границы области, в которой он имеет достаточные познания, или полностью отказаться от рецензирования представленной статьи. Большое значение при подготовке публикации имеет оперативность рассмотрения статьи, поэтому рецензент должен заведомо проинформировать редакцию о возможных затруднениях со сроками рецензирования рукописи.

Конфиденциальность

Эксперты не должны предавать огласке тексты рукописи и подготовленные рецензии, а также информацию или идеи, содержащиеся в них. Они не должны обсуждать рецензируемые статьи с другими экспертами

или посторонними лицами без предварительного разрешения редакции. Рецензенты не должны привлекать посторонних лиц к составлению рецензии, включая своих помощников, без получения на то согласия со стороны редактора или сотрудников редакции; имена всех лиц, помогавших экспертам в написании рецензий, должны быть включены в текст итогового заключения по публикации, чтобы факт их участия был учтен [6].

Стандарты объективности

Для качественного рецензирования эксперты должны предоставлять журналам точную и правдивую информацию о своих личных и профессиональных знаниях и опыте. Экспертная оценка статьи должна быть научной и объективной. Рецензенты не могут позволить, чтобы на содержание их рецензии влияли происхождение рукописи, принадлежность к расе, пол, сексуальная ориентация, религиозные убеждения, этническое происхождение, гражданство, политические взгляды или иные взгляды ее автора (авторов), а также коммерческие соображения. Рецензенты должны высказать свое мнение относительно содержания рукописи четко и аргументированно. Личная критика автора недопустима, поэтому в тексте рецензии эксперту необходимо воздерживаться от враждебных или подстрекательских заявлений, а также от клеветнических или унижительных комментариев [7].

Признание первоисточников

В рамках рецензирования эксперты должны выявлять случаи, когда в публикуемой работе используются материалы, не указанные в библиографии. Любые наблюдения, выводы или аргументы, взятые из других публикаций, должны быть соответствующим образом оформлены как цитаты с приведением библиографической ссылки. Во всех возможных случаях должна быть указана ссылка на первоисточник [8]. Рецензенты также должны информировать редактора о любом существенном сходстве или частичном совпадении рассматриваемой рукописи с любым другим опубликованным исследованием, знакомым эксперту.

Раскрытие информации и конфликт интересов

Эксперты должны уважать конфиденциальность информации и идеи, содержащиеся в представленной на рецензирование рукописи. Не допускать в своей деятельности разглашения и использования каких-либо материалов статьи с целью получения личной выгоды или выгоды других лиц или организаций, а также для причинения вреда другим лицам или дискредитирования других лиц. Рецензенты не должны участвовать в рассмотрении статей при наличии конфликта интересов вследствие конкурентных отношений, сотрудничества, различного рода взаимодействий или отношений с авторами, компаниями или учреждениями, как-либо связанными с представленными рукописями. Рецензенты должны обращаться за советом к редактору и сотрудникам редакции, если они не уверены в том, может или нет представленная статья вызвать конфликт интересов.

Обязанности авторов

Требования к предоставляемой информации

Авторы оригинального исследования предоставляют достоверные результаты проделанной ими работы, а также объективно обсуждают ее научную значимость. Лежащие в основе рукописи данные излагаются предельно четко. Текст статьи должен быть проработан и содержать соответствующие ссылки, демонстрирующие признание вклада других лиц в разработку темы исследования. Все внешние источники информации, используемые в рукописи, должны быть подкреплены библиографическими ссылками. Они должны давать возможность рецензентам и всем заинтересованным лицам перепроверить или повторить результаты исследования. В тексте статьи не допускаются личные, критические или пренебрежительные замечания и обвинения в адрес других исследователей. Рукопись не должна содержать обманные или заведомо ошибочные утверждения автора. В противном случае этот факт будет рассматриваться редактором и сотрудниками редакции как неэтичное и неприемлемое поведение автора в научной сфере.

Доступ к данным и их хранение

Авторы могут попросить предоставить исходные данные их исследования для редакционного рассмотрения. Авторы должны быть готовы предоставить открытый доступ к подобной информации, если это выполнимо. В любом случае авторы должны обеспечить доступ к исходным данным для любых компетентных специалистов в течение как минимум десяти лет после публикации (предпочтительно через институциональную или специализированную базу данных или центр обработки и хранения данных) при условии, что сохраняется конфиденциальность информации и законные права относительно запатентованных разработок не препятствуют их обнародованию.

Оригинальность, плагиат и признание источников

Авторы должны подавать на рассмотрение редакции и экспертов только полностью оригинальные работы. Цитирование и ссылки на работы и/или утверждения других ученых должны быть оформлены соответствующим образом. Публикации, повлиявшие на характер представленной для рецензирования работы, также должны быть указаны. Использование заимствованных материалов (в том числе иллюстраций, таблиц, изображений) допускается только с обязательным указанием автора этих материалов и/или владельца авторских прав на материалы заимствования и разрешением от правообладателей.

Множественные, дублирующие или одновременные публикации

Предоставление автором одной и той же рукописи в более чем один журнал рассматривается как неэтичное поведение автора и является неприемлемым. Статьи, опубликованные ранее как охраняемый авторским правом материал, не подлежат рассмотрению. Также рецензируемые журналом рукописи не должны быть повторно представлены для публикации в других изданиях до принятия редакцией решения об отклонении статьи. Нарушение авторских прав на использование переданных для публикации и обработанных редакцией материалов преследуется по закону. Однако, представляя работу на рассмотрение, автор(ы) сохраняет(ют) за собой права на публикуемый материал.

Авторство и авторские права

Авторские права на представленные рукописи принадлежат их авторам. Под автором понимаются все лица (соавторы), принявшие участие в создании рукописи и несущие ответственность за ее содержание. Авторство распространяется только на тех лиц, которые внесли значительный вклад в разработку концепции, модели,

проектирования, обработали и интерпретировали материалы представленного исследования. Все лица, которые внесли существенный вклад в разработку материала, должны быть перечислены как соавторы. Автор статьи должен гарантировать, что список соавторов не включает тех, кто не участвовал в работе над текстом рукописи. Ответственность за полноту представления состава авторского коллектива и согласование с ними всех изменений, вносимых в текст рукописи по результатам ее рецензирования и редактирования, лежит на лице (авторе), представившем рукопись в редакцию. Он должен удостовериться, что все соавторы одобрили окончательный вариант статьи и согласились с представлением ее к публикации. Автор, направляющий статью в редакцию ООО Издательский дом «ХОРС», выражает тем самым свое согласие на ее опубликование в журнале и передает издателю права на использование статьи, в том числе ее перевод, размещение в открытом доступе на сайте журнала в сети Интернет, на передачу текста статьи (в том числе ссылок, библиографической информации и т. д.) лицам, предоставление которым данных сведений носит обязательный характер, либо иным лицам в целях обеспечения возможности цитирования публикации и повышения индекса цитируемости автора и журнала. Для перепечатки любых авторских материалов, опубликованных в журналах ООО Издательский дом «ХОРС», обязательны согласование с редакцией, ссылка на журнал, автора и название статьи. Нарушение авторских прав на использование переданных для публикации и обработанных редакцией материалов преследуется по закону.

Раскрытие информации и конфликт интересов

Все авторы статей должны заявлять о любых финансовых, личных, профессиональных или других условиях, имеющих значение в конфликтах интересов, которые могут быть истолкованы как оказавшие влияние на результаты исследования или интерпретацию работы. Все источники финансовой поддержки рукописи должны быть названы. При наличии конфликта интересов автор может попросить исключить из рассмотрения присланной им статьи какого-либо конкретного редактора или рецензента. Редакция оставляет за собой право отклонить публикацию статьи в случае нарушения этических норм и правил, а в случаях возможного ущерба провести соответствующие проверочные и публичные мероприятия, не противоречащие законодательству РФ.

Существенные ошибки в опубликованных работах

В случае обнаружения автором существенной ошибки или неточности в его/ее опубликованной работе обязанностью автора является своевременно сообщить об этом редактору журнала или сотрудникам редакции и содействовать в исправлении статьи или ее изъятии (ретрагировании публикации).

Порядок отзыва (ретрагирования) статьи от публикации

1. Порядок подготовлен на основе «Редакционной этики» [9], договора-оферты ООО Издательский дом «ХОРС», «Правил отзыва (ретрагирования) статьи от публикации» АНРИ [10].

2. Ретрагирование (ретракция, отзыв текста от публикации) – комплекс действий по исправлению опубликованной в научной статье информации в связи с обнаружением в публикации плагиата, недобросовестных заимствований, ошибочных данных, фальсификации и фабрикации, цитирований без указаний авторства, а также дублирующих или множественных публикаций, в том числе и с разным составом авторов. При ретрагировании не происходит полного физического изъятия статьи из сети Интернет в сетевом издании журнала, электронных библиотечных баз данных и тиража журнала в печатном издании журнала.

3. При обнаружении одного или нескольких оснований, перечисленных в п. 2, директором ООО Издательский дом «ХОРС» выносится решение о рассмотрении вопроса о ретрагировании статьи. С этой целью проводится заседание редакции. Решение принимается открытым голосованием. Предварительно назначается внутренняя экспертиза с целью установить/опровергнуть причину ретракции.

4. Редакция рассматривает вопрос о ретрагировании статьи при самостоятельном обнаружении причин ретракции, по обращению автора или третьих лиц. При этом редакция направляет автору соответствующее письмо о целях, причинах ретракции и принятом решении.

5. В случае обнаружения незначительных нарушений, таких как отсутствие некоторых ссылок на заимствованные данные, допущенные ошибки в расчетах и приведенных данных, указание не всех источников цитирования, опечатки, в статью вносятся соответствующие изменения. Авторам запрещается подавать новые статьи для публикации во все журналы ООО Издательский дом «ХОРС» в течение 2 лет.

При внесении изменений в статью в содержании журнала в сети Интернет напротив статьи добавляется пометка «Статья исправлена», рядом с первоначальным текстом размещается исправленный вариант, в ближайшем номере печатного выпуска журнала публикуется соответствующее объявление, статья вносится в список ретрагированных и исправленных статей. Статья продолжает считаться опубликованной. Информация об исправленной статье передается в РИНЦ, Совет АНРИ, EBSCO, Вольное сообщество «Диссернет».

6. В случае обнаружения значительных нарушений, таких как плагиат, множественные недобросовестные цитирования, фальсификации и фабрикация, дублирующие или множественные публикации, в том числе и с разным составом авторов, статья ретрагируется. Авторам запрещается подавать новые статьи для публикации во все журналы ООО Издательский дом «ХОРС» в течение 3 лет.

При ретрагировании статьи (см. п. 6) в содержании журнала в сети Интернет напротив статьи добавляется пометка «Статья ретрагирована», в тексте статьи ставится водяной знак «RETRACTED», в ближайшем номере печатного выпуска журнала публикуется соответствующее объявление, статья вносится в список ретрагированных и исправленных статей. Статья более не считается опубликованной. Информация о ретрагированной статье передается в НЭБ, Совет АНРИ, EBSCO, вольное сетевое сообщество «Диссернет», КиберЛенинку.

7. В соответствии с договором-офертой плата за публикацию ретрагированных статей не возвращается.

Ссылки:

1. Декларация Ассоциации научных редакторов и издателей «Этические принципы научных публикаций» [Электронный ресурс]. URL: <https://rasep.ru/sovet-po-etike/deklaratsiya> (дата обращения: 20.06.2018).

2. Подготовка и издание научного журнала. Международная практика по этике редактирования, рецензирования, издания и авторства научных публикаций [Электронный ресурс]. URL: https://academy.rasep.ru/files/documents/____3_1.pdf (дата обращения: 20.06.2018).
3. Кодекс поведения и наилучшая практика для редакторов журналов [Электронный ресурс]. URL: <https://rasep.ru/soveto-etike/kodeksy-i-knigi/134-kodeks-povedeniya-i-nailuchshaya-praktika-dlya-redaktorov-zhurnalov> (дата обращения: 20.06.2018).
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ : ред. от 23 мая 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/0b318126c43879a845405f1fb1f4342f473a1eda/ (дата обращения: 20.06.2018) ; Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : ред. от 27 июня 2018 г. Статья 146. Нарушение авторских и смежных прав [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/b683408102681707f2702cff05f0a3025daab7ab/ (дата обращения: 20.06.2018) ; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ : ред. от 23 мая 2018 г. Статья 1252. Защита исключительных прав [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/a68c2e03d7967da86ff598906972cd025196845e/ (дата обращения: 20.06.2018) ; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ : ред. от 23 мая 2018 г. Статья 1301. Ответственность за нарушение исключительного права на произведение [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/c2f79b53ce582e92680379e2ebd23eeb9fb7855a/ (дата обращения: 20.06.2018).
5. Хэймс И. Руководство для редакторов: определение качества исследований, аудита и услуг // Подготовка и издание научного журнала. Международная практика по этике редактирования, рецензирования, издания и авторства научных публикаций : сборник переводов / сост. О.В. Кириллова. М., 2013. С. 66.
6. Там же. С. 69.
7. Там же. С. 67.
8. Уэйджер Э., Кляйнерт С. Ответственный подход к публикации научно-исследовательских работ: международные стандарты для авторов // Подготовка и издание научного журнала ... С. 81.
9. Редакционная этика [Электронный ресурс] // Издательский дом «ХОРС»: международное научное издательство. URL: <http://dom-hors.ru/redakcionnaya-etika/> (дата обращения: 20.06.2018) ; Редакционная этика [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития: международный научный журнал. URL: <http://teoria-practica.ru/redakcionnaya-etika/> (дата обращения: 20.06.2018).
10. Правила отзыва (ретрагирования) статьи от публикации [Электронный ресурс] // Официальный сайт профессионального сообщества Ассоциация научных редакторов и издателей. URL: <https://rasep.ru/soveto-etike/pravilo-otzyva-retragirovaniya-statii-ot-publikatsii> (дата обращения: 20.06.2018).

Автор Шаповалов Сергей Николаевич, член редакционного совета научного журнала «Общество: философия, история, культура», кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Кубанского государственного университета.

Материал опубликован в научном журнале «Общество: философия, история, культура». 2018. № 7.
Редакция от 30.04.2019.

Тип лицензии

Журнал публикует статьи в открытом доступе в соответствии с лицензией Attribution cc by Creative Commons (лицензия «С указанием авторства»).

Данная лицензия позволяет людям распространять, редактировать, поправлять и брать произведение за основу для производных даже на коммерческой основе с указанием авторства.

Ознакомиться с условиями лицензирования: <https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/deed.ru>.

Ознакомиться с текстом лицензии: <https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/legalcode>.

Полнотекстовые файлы всех архивных и текущих выпусков журналов находятся в открытом доступе на сайте <http://dom-hors.ru>. Электронная версия журнала является изданием открытого доступа для читателей. При использовании материалов ссылка на журнал и авторов статей обязательна.

Для архивирования и сохранения материалов журнал использует собственный онлайн-архив, архив ООО Научная электронная библиотека, архив EBSCOHost.

Порядок и условия публикации

1. К рассмотрению принимаются только оригинальные, ранее нигде не публиковавшиеся статьи на русском языке через онлайн-заявку - <http://www.dom-hors.ru/onlayn-zayavka/>.

2. Содержание статьи должно соответствовать тематике журналов ООО Издательский дом «ХОРС», которые включены в Перечень рецензируемых научных изданий Министерства науки и высшего образования России по следующим отраслям наук и научным специальностям:

Журнал «Теория и практика общественного развития»:

экономические науки – 08.00.01, 08.00.05, 08.00.10, 08.00.12, 08.00.13, 08.00.14

юридические науки – 12.00.01, 12.00.04, 12.00.08, 12.00.09, 12.00.10, 12.00.11, 12.00.14

социологические науки – 22.00.01, 22.00.03, 22.00.04, 22.00.05, 22.00.06, 22.00.08

Журнал «Общество: философия, история, культура»:

исторические науки – 07.00.02, 07.00.03, 07.00.09, 07.00.10, 07.00.15

философские науки – 09.00.01, 09.00.03, 09.00.04, 09.00.05, 09.00.07, 09.00.08, 09.00.11, 09.00.14

культурология – 24.00.01 (философские науки), 24.00.01 (культурология), 24.00.03 (культурология)

Журнал «Общество: политика, экономика, право»:

экономические науки – 08.00.05, 08.00.14

юридические науки – 12.00.01, 12.00.08, 12.00.12, 12.00.14

политические науки – 23.00.01, 23.00.02, 23.00.03, 23.00.04, 23.00.05, 23.00.06

Журнал «Общество: социология, психология, педагогика»:

педагогические науки – 13.00.02, 13.00.08

психологические науки – 19.00.01, 19.00.02, 19.00.07

социологические науки – 22.00.01, 22.00.03, 22.00.04, 22.00.05, 22.00.06, 22.00.08.

3. Все поступающие в редакцию статьи проходят проверку на заимствования и внутреннее научное рецензирование в соответствии с Порядком рецензирования - <http://www.dom-hors.ru/poryadok-recenzirovaniya-publikacii/>, <http://teoria-practica.ru/poryadok-recenzirovaniya-publikacii/>.

4. Редакция оказывает услуги по публикации авторских статей на возмездной основе согласно прайс-листа: <http://www.dom-hors.ru/rus/files/prajs-list-ooo-izdatelskij-dom-hors---s-15012021-g.pdf>.

Оформление публикации

1. Объем статьи должен составлять не менее 8 страниц от одного автора, 10 страниц – от двух авторов, 12 страниц – от трех.

В каждой научной статье журнала должны быть указаны следующие данные:

код УДК;

фамилия, имя, отчество автора (полностью) – на русском и английском языках;

ученая степень, ученое звание – на русском и английском языках;

должность, место работы (если таковое имеется). Важно четко, не допуская иной трактовки, указать

место работы и должность без каких-либо сокращений – на русском и английском языках;

открытый идентификатор ученого (Open Researcher and Contributor ID – ORCID) (при наличии);

контактная информация (почтовый адрес, по которому можно выслать экземпляр журнала; e-mail, телефон – для оперативной связи с автором);

название статьи – на русском и английском языках;

аннотация объемом 100–150 слов с краткой характеристикой содержания работы, изложением основных выводов и результатов – на русском и английском языках;

ключевые слова по содержанию статьи (8–10 слов или словосочетаний). Каждое ключевое слово отделяется от другого запятой (точкой с запятой, если в перечне содержатся словосочетания, уже имеющие в своем составе запятую) – на русском и английском языках;

ссылки (статьи без ссылок на используемые источники и литературу не принимаются).

2. Текст публикации должен быть набран в текстовом редакторе Word, шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25 см, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой.

3. Таблицы представляются в формате Word. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы. Заголовок следует помещать над таблицей без точки в конце. Таблицу необходимо располагать после текста, в котором она упоминается впервые, или на следующей странице. Ссылка на таблицу в тексте обязательна – она должна находиться до момента представления самой таблицы. Ссылка должна органически входить в текст, а не выделяться в самостоятельную фразу, повторяющую тематический заголовок таблицы. Заголовок (таблица 1) располагается слева без абзацного отступа. Заголовки и подзаголовки граф должны быть подписаны.

4. Пристатейный список цитирований должен быть представлен авторами. Включенные в пристатейный список библиографические описания цитируемых, рассматриваемых или упоминаемых в тексте статьи других документов связывают отсылками с конкретным фрагментом текста. При отсылке к произведению, описание которого включено в библиографический список, в тексте статьи после упоминания о нем (после цитаты из него) проставляют в квадратных скобках номер, под которым оно значится в библиографическом списке, и страницы, а в необходимых случаях – том (выпуск, часть и т. д.), например: [1, т. 2, с. 25]. Несколько подряд идущих ссылок отбиваются знаком «;», например: [1; 2; 3], или объединяются в комплексную ссылку.

Примечания указываются в затекстовом списке источников. Пристатейный библиографический список литературы размещается после текста статьи, предваряется заголовком «Ссылки» или «Ссылки и примечания», оформляется в порядке упоминания или цитирования в тексте статьи (не в алфавитном порядке), нумеруется. При ссылке на данные, полученные из сети Интернет, указываются электронный адрес первоисточника информации и дата обращения в круглых скобках, например: URL: <http://www.teoria-practica.ru/> (дата обращения: 22.01.2011). При записи подряд нескольких библиографических ссылок на один документ в повторной ссылке приводят слова «Там же.» или «Ibid.» (для документов, применяющих латинскую графику). В повторных ссылках только на одну работу данного автора (авторов) основное заглавие и следующие за ним повторяющиеся элементы опускают или заменяют словами «Указ. соч.» или «Op. cit.» (для документов, применяющих латинскую графику). При этом указывается страница цитирования, например: «Там же. С. 250.» или «Иванов Г.П. Указ. соч. С. 13.».

5. Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования».

6. Каждый случай повторного использования текста (самоплагиата) в исследовательской статье рассматривается редакцией индивидуально с целью определения оправданности текстового повтора. Большое внимание обращается на то, какая именно часть статьи содержит самоплагиат. Как правило, определенная степень самоплагиата допускается во введении работы, содержащем описание проблемы, в описании использованных методов; небольшая доля самоплагиата может присутствовать в представлении и обсуждении результатов исследования, если предполагается связь с предыдущим этапом авторского исследования. В этих случаях самоцитирование должно быть прозрачным, следует указывать первоисточник. Самоплагиат категорически недопустим в выводах статьи. Крайне редко разрешается воспроизведение ранее опубликованных рисунков и таблиц, если только автором не обоснован самоплагиат в отношении этих элементов публикации.

Допускаются случаи самоупоминания, представляющие собой ссылки на предыдущие работы автора без цитирования. Редакция рассматривает самоупоминание как важный академический прием, позволяющий автору сделать отсылку к рассмотренным им ранее вопросам, являющимся значимыми для новой публикации, без дословного цитирования изданных работ.

Не допускается наличие в тексте статей объемных дословных заимствований из уже защищенных диссертационных исследований.

Работа редакции с повторным использованием текста осуществляется согласно положениям «Руководства по работе с повторным использованием текста (автоплагиатом)» (Text Recycling Guidelines. BioMed Central. The Open Access Publisher. URL: https://publicationethics.org/files/Web_A29298_COPE_Text_Recycling.pdf; перевод на русский язык представлен в «Научный редактор и издатель. 2017. № 2 (2-4). С. 113–115»).

7. Рекомендуются цитирование (1 и более ссылок) иностранных авторов – специалистов по теме исследования. Цитируемый текст приводится на языке научной работы (на русском), библиографическое описание источника – на языке оригинала. Желательно привлекать статьи из иностранных журналов.

8. Рекомендуются цитирование литературы, изданной в течение последних 5 лет.

9. Не рекомендуется цитирование ненаучных и научно-популярных источников (энциклопедий, словарей, учебных пособий), а также новостных лент и блогов, если это не оправдано логикой исследования. При необходимости можно сохранять отсылки в самом тексте.

10. Авторы должны указывать информацию о финансовой поддержке исследования.

Примеры библиографических ссылок

1. Barber J., Harrison M. The Soviet Home Front, 1941–1945: A Social and Economic History of the USSR in World War II. L., 1991. 272 p. ; Barth F. Ethnic Groups and Boundaries // Theories of Ethnicity: A Classical Reader / ed. by W. Sollors. N. Y., 1996. P. 294–323 ; Son Zh.G. Problems of Transformation of the Korean Language in the Russian Korean Society // The Contemporary Relevance of Document Culture: Knowledge, Media, Power / comp. H.H. Lee. Seoul, 2015. P. 185–221.

2. Кассу Ж. Энциклопедия символизма. Живопись, графика и скульптура. Литература. Музыка / пер. с фр. Н.В. Кисловой, Н.Т. Пасхарьян. М., 1998. 428 с. ; Пайман А. История русского символизма / пер. с англ. В.В. Исакович. М., 2000. 413 с.

3. Kagarlitsky B. The Crimean War and the World System // Kagarlitsky B. Empire of the Periphery: Russia and the World System / trans. by R. Clarke. L. ; Ann Arbor, MI, 2008. P. 192–199. <https://doi.org/10.2307/j.ctt18fs32g.13>.

4. См.: Неклюдова М.Г. Традиции и новаторство в русском искусстве конца XIX – начала XX в. М., 1991. 395 с. ; Стернин Г.Ю. Художественная жизнь России 1900–1910-х гг. М., 1988. 285 с. ; Его же. Художественная жизнь России начала XX в. М., 1976. 221 с.

5. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 6. Д. 305. Л. 32–35.

6. См.: Власов В.Г. Стили в искусстве : словарь : в 3 т. СПб., 1995 ; Культурология. XX век : словарь / гл. ред., сост. С.Я. Левит. СПб., 1997. 640 с. ; Руднев В.П. Словарь культуры XX в. М., 1997. 384 с. ; The Cambridge History of Russian Literature. Cambridge (Mass.), 1992. 709 p. ; и др.

7. Цит. по: Милюков П.Н. Живой Пушкин: историко-биографический очерк. М., 1997. 413 с.

8. Багаутдинов А.М. Амбивалентность духовности в информационном обществе : дис. ... д-ра филос. наук. Уфа, 2016. 321 с.

9. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. Психология межкультурной коммуникации и этнокультурная гетерогенность общества: перспективы развития с позиций отечественной гуманитарной науки // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии : материалы V Международной научной конференции : в 2 т. Т. 1 / под ред. В.В. Гриценко. Смоленск, 2016. С. 42–45.

10. Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства РФ от 2 февр. 2015 г. № 151-р // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/16757/> (дата обращения: 26.03.2019).

11. Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по профилактике суицидов и иных форм аутоагрессивного поведения [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства Республики Башкортостан от 13 марта 2018г. № 184-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б.: 1) Социально-психологическое пространство самоопределяющегося субъекта: понимание, характеристики, виды // Вестник практической психологии образования. 2007. № 2 (11). С. 7–13 ; 2) Структура и личностные детерминанты экономического самоопределения субъекта // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 2. С. 5–15.

13. Сидоров К.Р. Тревожность как психологический феномен // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Социология. Психология. Педагогика. 2013. № 2. С. 42–52.

14. Рязанцев С.В. Интеграция мигрантов в контексте внешней миграционной политики России // Социологические исследования. 2018. № 1 (405). С. 105–111. <https://doi.org/10.7868/s0132162518010117>.

Пример оформления статьи

УДК 000.00

Фамилия Имя Отчество

соискатель кафедры экономики Государственного университета

тел.: (000) 000-00-00

1234567@mail.ru

350000, г. Краснодар, ул. Молодежная, 139

Название статьи

Аннотация: Текст объемом 100–150 слов об актуальности и новизне темы, главных содержательных аспектах.

Ключевые слова: 8–10 слов или словосочетаний по выбранной теме.

Surname Name Patronymic

PhD applicant of the Economic Department, State University

tel.: (000) 000-00-00

1234567@mail.ru

The title of the article

Summary: The text of 100–150 words on the relevance and novelty of the topic, the main substantive aspects.

Keywords: 8–10 words or phrases on a selected topic.

Текст статьи [1, с. 111]. Текст статьи [2].

Ссылки и примечания:

1. Фамилия И.О. Название работы. М., 2000.

2. Примечание к тексту статьи.

Таблица 1 – Название таблицы

Текст	Текст	Текст	Текст
Текст	Текст	Текст	Текст

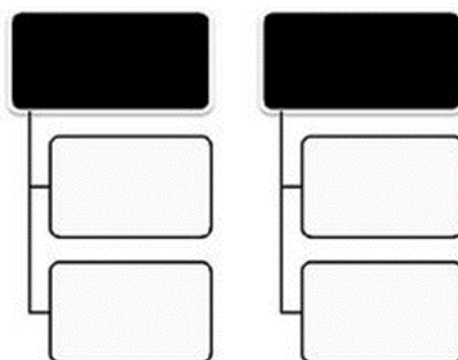

Рисунок 1 – Название рисунка

Порядок рецензирования публикации:

1. Все поступающие в редакцию соответствующие тематике издания материалы направляются на внутреннее научное рецензирование для экспертной оценки. Внутреннее рецензирование проводится по принципу инкогнито (double-blind peer review): рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента.

2. Рецензирование проводится специалистами по тематике рецензируемых журналов – докторами или кандидатами наук с ученой степенью и/или ученым званием в соответствующей Номенклатуре специальностей отрасли науки и/или группе специальностей научных работников. Все утвержденные редакцией рецензенты являются признанными российскими и зарубежными специалистами в рецензируемой области и имеют публикации по тематике рецензируемого научного материала в течение последних трех лет. Все рецензии соответствуют общепризнанным в научной среде критериям и оформляются в установленном редакцией порядке. Рецензенты проводят рецензирование, опираясь на Редакционную этику (<http://dom-hors.ru/redakcionnaya-etika/>). При подозрении на конфликт интересов рецензенты сообщают об этом в редакцию.

3. Каждая статья направляется на рецензирование двум внутренним рецензентам.

4. Результат рецензирования должен содержать одну из рекомендаций:

- статья принимается без доработок;
- статья рекомендуется к публикации с незначительными доработками; автору дается 3 дня на устранение замечаний;
- статья рекомендуется к публикации после внесения значительных изменений; автору дается 5 дней на устранение замечаний, после чего рукопись направляется на повторное рецензирование;
- статья не рекомендуется к публикации.

5. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала на основании рецензий от специалистов в соответствующей отрасли науки с учетом соответствия представленных материалов тематической направленности журнала, их научной значимости и актуальности. При несогласии с рецензентом автор должен кратко и четко обосновать свою позицию. Рукопись, получившая два отрицательных отзыва, снимается с публикации.

6. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет.

7. При поступлении соответствующего запроса редакция направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации.

График выхода журналов

2021

«Теория и практика общественного развития»	выход журнала
№ 7	2 июля
№ 8	6 августа
№ 9	3 сентября
№ 10	1 октября
№ 11	3 ноября
№ 12	3 декабря

«Общество: философия, история, культура»	выход журнала
№ 7	9 июля
№ 8	13 августа
№ 9	10 сентября
№ 10	8 октября
№ 11	12 ноября
№ 12	10 декабря

«Общество: социология, психология, педагогика»	выход журнала
№ 7	23 июля
№ 8	27 августа
№ 9	24 сентября
№ 10	22 октября
№ 11	26 ноября
№ 12	24 декабря

«Общество: политика, экономика, право»	выход журнала
№ 7	16 июля
№ 8	20 августа
№ 9	17 сентября
№ 10	15 октября
№ 11	19 ноября
№ 12	17 декабря

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ОБЩЕСТВО: ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА

Оригинал-макет: М.П. Дюжева
К.Г. Угулава

Сдано в набор 10.06.2021
Подписано в печать 11.06.2021
Формат 60х84 1/8. Бумага офсетная
Печать трафаретная. Тираж 550 экз.

Отпечатано в ООО «ПринтТерра»
Заказ №

г. Краснодар, ул. Садовая 161/2, литер 2, оф. 511
тел./факс: 8 (861) 217-75-17
e-mail: mail@printterra.biz